А. В. Казаков

Одинокая лампада деревни

Братск 2017 г.

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6 **16+**
К-14

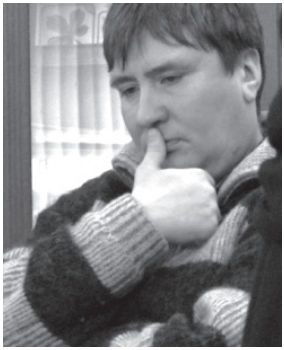
Казаков А. Одинокая лампада деревни / Анатолий Владимирович Казаков – Братск : Полиграф, 2017. – 392 с.

Выражаю искреннюю благодарность народному артисту РСФСР Михайлову Александру Яковлевичу за помощь в издании книги.

© А. В. Казаков

© Оформление «Полиграф», 2017

Об авторе



Родился в городе Братске 29 января 1966 года.

Долгое время работал на заводе отопительного оборудования «Сибтепломаш».

Его рассказы и сказки публиковались в журнале «Сибирячок», в городских газетах, а также выходили в отдельных брошюрах, изданных в братских типографиях.

Из статьи В. Корнилова «Плоды взросли на благодатной ниве (Размышления о творчестве А.В. Казакова)»:

Проза Анатолия Казакова пронизана светом добра и любви к русскому православному человеку, не совсем утратившему еще своих нравственных и духовных понятий, таких как совесть, честь, сострадание, долг перед Отечеством и других, не менее важных качеств, воспитанных веками в душах наших замечательных сородичей.

Ему присущи простота изложения мысли и доступность восприятия сюжета, идущие не от интеллектуального убожества автора, а от той изящной простоты, именуемой талантом, который тщательно отбирает для создания того или иного художественного образа необходимые средства выражения: ибо Анатолий Казаков – сам прекрасный знаток исконного русского языка, сохранивший в себе от своих старших сородичей его богатство и поэтичность в первородном деревенском звучании.

Анатолий – человек глубоко верующий, почитающий законы Русской церкви. Потому и плоды его творчества взросли на благодатной духовной ниве, именуемой Русским Православием.

Печатался: Журнал «Сибирь» г. Иркутск, журнал «Истоки» г. Красноярск, «Северо-Муйские огни» Бурятия, «Сибирячок» г. Иркутск, журнал «Доля» г. Крым, журнал «Великоросс» г. Москва, энциклопедия журнала «Истоки» г. Красноярск, православный журнал «Врата», «Братск творческий», во многих братских литературных сборниках... Автор многочисленных статей газеты «Сибирский характер». Литературных сайтах: Литературная губерния (г. Самара), «Живое слово» Василия Ирзабекова (г. Москва), Имена Братска, Великоросс (г. Москва), Сетевой журнал «Клаузура» (г. Москва), Ольга Несмеянова «Авторы об авторах» (г. Санкт-Петербург), МСПС Международное сообщество писательских союзов (г. Москва)... За рассказ «Евдокеюшка» в рамках национального конкурса «Золотое перо Руси 2014 г.» был награждён грамотой в номинации «Духовность», грамота была вручена профессором богословия Осиповым Алексеем Ильичём.

Автор на протяжение почти 20 лет является участником и солистом народного хора «Русское поле». Автор книг: «Никифор», «Зависть и доброта», «Защитник земли русской», «Святодавнишняя Русь», «Аналой». Автор сборника стихов «Совесть есть смысл бытия»...

Размышления по поводу точки зрения автора

1. Об экологии и технократии.

Есть книги, которые читать легко и просто. Глаза скользят по строкам, пальцами едва успеваешь переворачивать страницы… И оглянуться не успеешь, а уже доехал до нужной остановки!.. Сунешь книжку в портфель, утром в транспорте опять её открываешь, и не всегда можешь вспомнить, на чём остановился.

А есть книги и другие. Которые читаешь с трудом, потому что едва не каждая страница будит мысль, и эта мысль отвлекает внимание на себя, и ты уже не читаешь написанное автором, а думаешь о чём-то своём, разбуженном книгой.

И не скажешь, что какая-то из этих книг хуже или лучше. Просто они разные! Одна для времяпрепровождения, другая – для мысли. Или для души.

Впрочем, человек, который любит читать, тут же меня и укорит: не две разновидности чтения бывает, их больше! А никто и не спорит – конечно больше. Это я только для затравки так высказался. И вот почему.

Книгу «Аналой» сибирского писателя и публициста Анатолия Казакова читать непросто. Скажу даже больше: в какие-то моменты я автоматически пролистывал сразу по несколько страниц. Нет, не потому что плохо написано. Дело в другом.

Книга «Аналой» – это публицистический сборник. Анатолий Казаков рассказывает в нём о многом: о своих земляках, как известных стране, так и простых людях; о событиях, которые в разные времена происходили на его «малой родине»; о путях-дорогах, о городах и весях… Это совершенно замечательная книга о родном крае, причём, крае неохватном – о всей Центральной Сибири…

Как и любой краеведческий труд, книга получилась неровная. Какие-то очерки лично мне интереснее, какие-то менее. Ну так ведь тут – сколько читателей, столько и предпочтений!

Кому-то интереснее история, кому-то география, а кому-то встречи (очные или заочные) с известными земляками. Оно, конечно, самое интересное – это судьбы людские. Однако ведь и в этом вопросе каждому – своё: кто-то прочитает с интересом о Василии Шукшине или Михаиле Евдокимове, а кто-то о бабе Анне или старике, потерявшем на войне семерых сыновей…

…Я уже ушёл в написании публикации дальше, но потом вернулся к данному фрагменту. Потому что будет неправильно, если я не представлю список, хотя бы неполный, известных людей, о которых рассказывает Анатолий Казаков, а также об их творчестве или иной деятельности. Это писатели Василий Шукшин, Василий Белов и его вдова Ольга Сергеевна, Геннадий Михасенко, Владимир Солоухин, Виктор Сербский, Василий Скробот, архимандрит Тихон (Шевкунов), а также певец Александр Барыкин, кинорежиссёр Сергей Мирошниченко и многие другие.

Но всё же самое интересное в книге «Аналой», во всяком случае, на мой взгляд, – это рассуждения автора по самым разным вопросам. Скажу более: с некоторыми из утверждений Анатолия я бы и поспорил. Но с другой стороны: раз возникло желание возразить, значит, у автора есть позиция, есть точка зрения, есть предмет разногласия. И вот как раз об этом я и хочу поговорить. Правда, оговорюсь сразу: если начну обсуждать каждый пункт, по которому хочется высказаться, не хватит никакого интернет-пространства! Потому остановлюсь только на нескольких.

В ряде помещённых в книжке публикаций автор поднимает вопрос о соотношении пользы от строящихся гидроэлектростанций и вреда, который они наносят природе – как среде обитания, так и природе самого человека. Право, сколько себя помню, столько слышу споры этих «физиков» и «лириков» от экологии. «Была гора высокая – стала яма глубокая», «Течёт вода Кубань-реки, куда велят большевики»… А с другой стороны – Матёра…

И всякий раз, когда становишься свидетелем такого спора, чувствуешь, что и у самого нет какой-то однозначной позиции по данному вопросу.

В самом деле: зачем человек выкопал исполинский карьер под Белгородом или под Норильском, если они отравляют атмосферу на сотни километров вокруг? Зачем превратил реку Волгу в каскад водохранилищ? Зачем нанёс смертельный удар Аральскому морю, разобрав главные его притоки, Амударью и Сырдарью, на полив пустынных и засушливых земель?..

Ну, право, я очень люблю природу. Настоящую, девственную, непорченую человеком. Леса, зверушек всяких, рыб воот такущих… Сидишь этак в тёплом доме, а на улице мороз и вьюга, смотришь телевизор, и любуешься природой!

Ну, братцы мои, ведь вся среда, в которой мы проживаем, основывается на том, что мы берём от природы. Ну, никуда от этого не денешься!.. Мне очень жаль (и это не пустые слова, а вполне искреннее чувство), очень жаль затопленные сёла, сельскохозяйственные угодья, церкви и кладбища. И если бы сейчас учёные открыли какие-то источники энергии, чтобы не наносить ущерб природе, я бы первый поднял руку за них, и радовался бы этому открытию. Однако даже в этом случае я бы порекомендовал очень крепко подумать и тщательно рассчитать, следует ли сносить те же плотины.

В городе Мышкине в музее есть фотография, как сто лет назад в засушливый год Волгу переходят вброд в том самом месте, где сегодня теплоходы проходят свободно. Наводнения в низовьях Амура оказались бы куда более страшными, если бы паводковые воды не сдерживали плотины. Москва умерла бы от жажды, если бы закрылся канал, по которому ежесекундно в столицу не вливались сотни тонн живительной влаги.

Промышленность и экология – понятия несовместимые. Мы хотим хорошо жить, чтобы у нас имелись все блага цивилизации, но чтобы при этом природа оставалась незагаженной, воды незамутнёнными, а из туч не струился кислотный

дождь. Нет-нет, не старайтесь подловить меня на фарисействе: я и сам хочу жить в комфорте, а где природа будет отравляться – лишь бы не в моём районе.

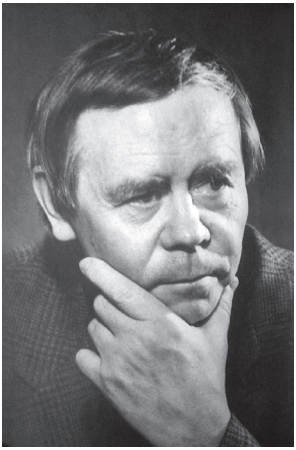
Каждый из нас такой! И приходится это признавать. И в этих условиях стенания защитников природы мне лично близки и понятны. Только где же выход?.. Как совместить стремление к привычному комфорту с нетронутой природой?.. Когда автор пишет о нерациональности, бесхозяйственности, о непросчитанности вмешательства в природу – тут я совершенно с ним солидарен. Как показала практика, Цимлянское или, скажем, Нижнекамское водохранилища не оправдали ожиданий, которые на них возлагали, и нанесённый ими урон оказался больше принесённой пользы. Во всяком случае, такая версия существует. Допустим, это так, наши инженеры просчитались, и тут сетования экологов в значительной степени оправданны. Это я стоял на позиции технократов.

Но ведь и боль автора понять можно! Он рассказывает о загубленных реликтовых лесах, об угробленных охотничьих угодьях, о том, что пропадают целые виды ценной рыбы, о том, что с затоплением сёл рвутся нити исторической памяти… И ведь правда это, правда!..

Наверное, если бы автор отстаивал технократическую позицию, я бы ему возражал с точки зрения эколога. Ну а так… Сложный вопрос поднимает автор, сложный и спорный.

Николай Стародымов,
член Союза писателей России (г. Москва)

Светлой памяти Валентина Распутина



Я пришёл к пониманию прозы Валентина Григорьевича Распутина тогда, когда самому было уже за тридцать. Ведь у всех читающих людей это происходит по-разному. Разве мог я хоть на миг представить, что жизнь, данная мне Богом, подарит мне переписку с великим русским писателем Василием Ивановичем Беловым и его замечательной женой. А переписка с Ольгой Сергеевной продолжается и поныне. В письме, пришедшем совсем недавно, она пишет, что в Вологде будет открыт музей, посвящённый памяти Василия Ивановича Белова. И вот ведь – нашла строки, чтобы порадовать и меня: поздравила с выходом моей книги «Аналой», где на первых страницах помещены статьи о наших писателях-деревенщиках Василии Ивановиче Белове и Валентине Григорьевиче Распутине. И вот сегодня, 19 марта 2015 года, в Знаменском соборе Иркутска состоится прощание с Валентином Распутиным...

Комок к горлу подходил много раз, когда вчера по православному телеканалу «Союз» смотрел я прямую трансляцию из храма Христа Спасителя, где шло отпевание нашего великого земляка, которое возглавил патриарх Московский и всея Руси Кирилл. И многие люди нашей Отчизны в это время молились и плакали... В Иркутской области губернатором Сергеем Ерощенко был объявлен траур, и по радио все эти дни шли передачи замечательного нашего журналиста Татьяны Сазоновой, а я записывал их на диктофон, понимая, что другие то края и области нашего Отечества их никак не услышат, потому что вижу, как уничтожается, к великому сожалению, наше до боли родное проводное радио.

Вспомнилось (да и как об этом не вспомнить), как писатель и поэт Василий Скробот рассказывал мне: «Полгода назад это было. Зашёл я в одну из иркутских больниц, тоже ведь давно хвораю, смотрю: в живой очереди на приём к врачу сидит Валентин Григорьевич. Увидел он меня: «Здравствуй, Вася». Так он меня всегда и звал, присел я с ним рядом, поговорили, как всегда, о жизни. Мне рассказывали, что однажды в гостинице не оказалось места, и Валентин Григорьевич ночевал на лавочке. Я помню, после шёл домой и совершенно искренне восхищался этим человеком. Ведь ему стоило бы только позвонить, и приехали бы, и обслужили бы по высшему разряду. Но нет же, именно так, как все, и никак иначе. Вот она – скромность великого писателя.

Милое и родное проводное радио. Два дня назад редакция устроила встречу Татьяны Сазоновой с поэтом Василием Козловым, который вспоминает: «Познакомились мы с Валентином Григорьевичем в детском саду, ибо дети наши ходили в один детский садик. Так бывало, когда придёт, а в это время как раз шло широкое обсуждение журнала «Сибирь». Он же сидит и молчит, потом же очень обстоятельно и толково выскажет свою точку зрения. Высказал ли кто боль за Сибирь сильнее, чем Распутин? Думаю, таковых очень мало. Первое, что я прочёл, это была повесть «Деньги для Марии». Сам писатель, и я это слышал, считал это произведение лучшим из того, что он написал.

Русский язык живой, как жизнь. Именно за его чистоту и боролся всю жизнь наш великий земляк. Как-то мы были в поездке в Сростках, я задержался и пришёл в гостиницу позже всех, вахтёр и говорит: «Вас просил зайти Валентин Распутин». Захожу, а он покушать для меня собрал - такое всерьёз трогает и остаётся на всю жизнь. Он и приезжающих в Иркутск писателей постоянно приглашал переночевать к себе домой. А когда шло время поста, то жена его угощала нас пшённой кашей с тыквой, очень, кстати сказать, вкусно. Однажды на рыбалке, после того как все отведали ухи, Валентин

Григорьевич собрал все чашки и кружки, спустился к воде и начал их мыть. Такой вот человек».

Заканчивалось время передачи, и Татьяна Сазонова объявила, что накануне появилась видео-книга «Прощание с Матёрой», запись идёт девять часов, и с заметной горечью в голосе добавила, что готовили это к его дню рождения. Готовится к изданию новая книга о путешествии по Ангаре с записями Валентина Распутина и Валентина Курбатова. Действо происходило во время съёмок документального фильма «Река жизни» московского режиссёра Сергея Мирошниченко.

До сих пор стоит перед моими глазами, как два великих писателя плывут по Ангаре, причаливают к деревням, общаются с жителями сибирских срубных деревень и записывают в блокноты свои мысли. Был с ними в поездке и издатель Геннадий Сапронов – человек, переиздавший все произведения Валентина Григорьевича Распутина и Виктора Петровича Астафьева. Горестная картина предстала перед ними: действительно, забытые государством и местными властями сибирские деревни выживают, как могут. Иркутская, Братская, Усть-Илимская гидроэлектростанции, получающие громаднейшие прибыли, процветают, а жители окрестных деревень живут наибеднейшим образом. Теперь уже затоплено ложе новой Богучанской ГЭС. А те деревни с погостами, что затоплены, всё же нет-нет – и напоминают о себе.

Приехала моя знакомая Клавдия Николаевна Петрова на моторной лодке – проведать место, где была её деревня Антоново, располагавшаяся когда-то на острове. Остров то остался, а вокруг вымытые водой из могил, лежат черепа да кости предков. Всё это можно увидеть в фильме «Река жизни», его можно легко найти в интернете. После этой поездки сердце Геннадия Сапронова не выдержало. Не стало ещё одного истинного патриота нашей Отчизны.

Вчера позвонил филологу Зое Александровне Ян-Фа, нашему знаменитому братскому библиотекарю, и вот что она мне сказала: «В 1971 году я поехала в командировку в Ир-

кутск. Марк Сергеев познакомил меня с молодым писателем Валентином Распутиным. До этого в журнале «Сибирь» была опубликована его повесть «Деньги для Марии». Написав рецензию на это произведение, я отнесла её в редакцию газеты «Огни Ангары», где она и была опубликована. Рассказала об этом Валентину Григорьевичу, и он был действительно очень удивлён. Братск он считал родным, приезжал сюда много раз, хорошо отзывался о творчестве наших братских литераторов: Иннокентии Захаровиче Черемных, Геннадии Павловиче Михасенко, Юрии Черных, Владимире Васильевиче Корнилове, Василии Александровиче Скроботе и о многих других талантливых братчанах. Посещал с Геннадием Сапроновым знаменитую на весь мир библиотеку Виктора Соломоновича Сербского».

Включаю радио – в эфире Татьяна Сазонова. Бегу за диктофоном, записываю речь Владимира Крупина: «Главное, Распутин завещал нам любить свою Родину. Может быть, своим уходом Валентин Григорьевич повернёт власти к изданию действительно глубоко нравственных книг. Во всяком случае, у нас появилась такая надежда, ведь раньше распространение книг было воистину государственным делом. Когда Валентина Григорьевича спрашивали: «Что будет с литературой?», он отвечал: «Ничего не будет: как читали, так и будут читать. Пока будут читать, будет литература».

Запись была некачественной, напоследок Владимир Крупин произнёс: «Ведь книга помогала сохранять нравственность народа». Замечательный иркутский журналист Татьяна Сазонова, поговорив по телефону с Владимиром Крупиным, переключается на пришедших в студию гостей, и один из пришедших, Константин Петрович Романенко, говорит: «Вы знаете, сейчас очень много людей говорят о завещании Распутина, они обращаются к «Живи и помни», а вот для меня лично завещание в его последней повести «Дочь Ивана, мать Ивана», и я приведу несколько строк из этой великой повести: «Но когда звучит в тебе русское слово, издалека-далеко

доносящее родство всех, кто творил его и им говорил... Когда плачет оно, это слово, горькими слезами уводимых в полон... молодых русских женщин; когда торжественной медью гремит во дни побед и стольных праздников; когда безошибочно знает оно, в какие минуты говорить страстно, и в какие нежно, приготовляя такие речи, лучше которых нигде не сыскать; и как напитать душу ребёнка добром, и как утешить старость в усталости и печали – когда есть в тебе это всемогущее родное слово рядом с сердцем и душой, напитанным родовой кровью, – вот тогда ошибиться нельзя. Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы и обета. С древнейших времён оно само по себе непорушимая клятва и присяга».

Передача продолжалась и, выслушав очередного выступающего, Татьяна Сазонова вдруг включила запись встречи Валентина Григорьевича с молодёжью иркутского вуза 1988 года. Писателю задали вопрос: «Какая сейчас молодёжь?» Он ответил просто: «Вкусы молодёжи должны отличаться от вкусов взрослых, молодёжь берёт своё. Но Дюма предостерегал молодёжь: «Сам по себе этот мир вам нравится, и разумеется, вы хотите изменить его к лучшему». Но всё пройдёт, мир останется миром, дай Бог, чтобы и добра в мире прибавилось. Но я предостерегаю от пресмыкательства перед молодёжью. Но это пресмыкательство продолжается и сейчас, и вы слышите эти же самые слова и сейчас. И когда спрашивают, какая у нас молодёжь: хорошая или плохая, да не хорошая и не плохая, а ровно такая, какая и должна быть».

В этом же выступлении писатель предостерегал от повального увлечения роком, пришедшим к нам с Запада, с их революционными идеями, воспевающими дьявола». На передаче заговорил уже молодой человек, Александр Качалов: «Действительно, сейчас идёт повальное увлечение роком, но беда в том, что многие даже не знают, что поют, какие там слова. Ну, о чём тут можно говорить». Слово передали молодой девушке, Маше Кузнецовой: «Я играла роль по произведению Валентина Григорьевича «Последний срок». До сих пор стоит

в глазах, как был тронут любимый сибирский писатель нашей игрой. В адрес меня он говорил, что Нинка получилась очень живая, прямо как в книге. Именно от Распутина пришло в мою душу это волшебное отношение к бабушкам. В 2009 году мы ездили в Москву, выступали на Таганке, спектакль произвёл огромное впечатление на москвичей, и Валентин Григорьевич был на этом спектакле, после подошёл к нам и тепло, словно отец родной, поговорил с нами, а он и есть отец наших русских душ. После прочтения любого произведения нашего великого земляка ощущаешь ответственность перед своей страной, матушкой Русью».

Пока Маша Кузнецова говорила, Татьяна Сазонова связалась с другом Валентина Григорьевича, писателем Альбертом Семёновичем Гурулёвым: «Сам себя спрашиваю, я не верю ещё, не ощутил... Осознание, кого мы потеряли, придёт только потом. Мы ведь с ним в одном общежитии жили, жизнь так распорядилась, что всё время были вместе. Работали в одной редакции, ездили по деревням всегда вместе. На моём семидесятипятилетии вдвоём с ним сидели, просто пили чай, говорили о жизни. Из всего того, что написал мой друг, мне дорого всё. И когда бывали в деревнях, он мне показывал живых героев своих повестей, просто говорил: «Вон, видишь – мужик пошёл, вот он тот-то и тот-то».

У него был мельчайший бисерный почерк, и никто никогда не видел, когда он писал. Видели лишь рукописи. Всякому писателю важно уединение, и ему это было крайне необходимо, но всегда на столе у него лежал остро наточенный карандаш. Был он всё-таки человеком неразговорчивым, но нашей иркутской писательской организации при таком писателе нужно было, конечно, держать высокую планку, ни о какой пакости не могло быть и речи. Последнюю встречу помню так: лежал он в областной больнице, позвонил и сказал: «Вот у меня ещё одна забота – новая болезнь». Через несколько дней пришёл ко мне домой, сказал, что собирается лететь в Москву. О болезни мы даже не говорили, он не любил эти вещи. Он же му-

жик сибирский, без внешнего проявления чувств, а тут вдруг подошёл, обнял, и я уже тогда почувствовал неладное».

Пока шла запись, приходилось по признанию Татьяны Сазоновой, несколько раз останавливаться: Альберт Семёнович горько плакал.

Поставили запись молодого сибирского писателя, живущего на Лене, Андрея Антипина: «Больше всего я люблю рассказы «Уроки французского, «В ту же землю», особенно последний из названных. На мой взгляд, с девяностых годов очень трудно найти в русской литературе рассказ, по степени боли за русских людей сильнее этого. Боль и борьба Распутина за гибель реки Ангары по-прежнему актуальна, ведь Богучанскую ГЭС ввели в эксплуатацию. Распутинский крик о Сибири, которую уничтожают, его слово, которое он нёс, несёт и будет нести до всех нас, живее всех живых. Жаль, что молодёжь мало читает вообще, и очень тревожно за нашу будущность».

Далее Маша Кузнецова читала эпизод про коня Игреню, и от распутинской прозы, думается мне, у многих, кто слушал в этот момент наше иркутское проводное радио, навернулись на глаза слёзы. Молодая девушка до боли трогательно читала: «Игреня, – приговаривала она. – Ты это чё удумал, Игреня? От дурной, от дурной. Он уж трава полезла, а ты пропадать собрался. Осталось дотерпеть то неделю, не больше, и жить будешь, любая кочка на жвачку подаст. Ты погоди, Игреня, не поддавайся. Раз уж зиму перезимовал, тепери сам Бог велел потерпеть. Осталось-то уж... Господи... раз плюнуть осталось-то. Чё там зиму – войну мы с тобой пережили. Всю войну ты, бедовый, на лесозаготовках маялся, бревны таскал, а такая ли это работа? И таскал, дюжил. А тут уж на характере можно продержаться, я давно уж на характере держусь». Плачу, плачу, плачу...

Два года назад состоялась встреча Валентина Григорьевича в Качугской школе, и мы, благодаря Татьяне Сазоновой, слушаем слова учителя русского языка и литературы Инги Вале-

рьевны Зуевой: «Чувствовал он себя уже плохо, но приехал к нам на Лену. Рассказывал ребятам много о дружбе, о том, как писал рассказ «Уроки французского». После встречи ребята как к родному дедушке подходили к нему за советом, а кто и с просьбой, даже приобнимали его, и это всё в их сознании прекрасно совмещалось. Жукова Лена написала после встречи сочинение, там были такие слова: «Распутинская проза всегда открытие, перечитываешь, и каждый раз узнаёшь что-то новое. Приходит понимание, что всю жизнь тебя носит кто-то на крыльях, но и ты несёшь перед кем-то ответственность, и вновь, и вновь задумываешься о том, как ты живёшь».

И вот уже одиннадцатиклассник Александр Качалов вспоминал свою встречу с писателем: «Присутствовал там и Виктор Кожемяко. Я читал тогда стихотворение иркутского поэта Ростислава Филиппова «Матерятся женщины в трамвае», было это шесть лет назад, теперь оно осталось на всю мою жизнь. Ведь русский патриотизм идёт из глубины души, именно глубинный патриотизм, к чему всю свою жизнь призывал нас Валентин Григорьевич Распутин». Известно, что на Иркутский дом литераторов были нападки коммерческих структур, и спасло его тогда имя Распутина. Но опасаюсь, как бы барыги не возобновили свою бесовскую борьбу, и помоги нашим воистину замечательным иркутским литераторам Господь продолжать и преумножать во веки веков дело жизни нашего великого земляка.

Напомню и строки журналиста Ирины Лагуновой из фотоальбома «Валентин Распутин. Дорога домой»: «Желание помогать людям у писателя всегда было очень острым. Наверное, прошло уже с десяток лет с тех пор, как в Усть-Уде решено было строить церковь. Валентин Григорьевич во всём этом принимал самое деятельное участие. В те года, рассказывает Изольда Александровна Алымова, все свои гонорары за книги он переводил в фонд строительства. Когда бюджет на стройке совсем оскудевал, Валентин Григорьевич отправлялся на приёмы, и его имя оказывало магическое действие

на всех, кто был в силах хоть как-то материально помочь в возведении церкви. Богоявленский храм уже давно принимает прихожан, пять лет назад в нём начал службу протоиерей отец Владимир. Усть-удинцы хорошо понимают, чьими стараниями был воздвигнут храм, и благодарят писателя».

Много лет Валентин Распутин навещал свою родину, затерявшуюся в усть-удинской тайге, привозил сюда знаменитых писателей, предупреждая их, чтобы брали с собой резиновые сапоги, ибо в деревне без них – беда. Позапрошлым летом писатель принял для себя серьёзное решение. Собрал тома «Всемирной литературы» из личной библиотеки и отправил их в усть–удинскую районную библиотеку, сказал: «Пусть читают». В родной Аталанке его хлопотами была построена новая кирпичная школа, поговаривают о том, чтобы сделать родовой дом писателя музеем.

Местные жители уверены в том, что если бы не их знаменитый земляк, влачить бы Аталанке жалкое существование, как и большинству леспромхозовских посёлков, которые закрывают или расселяют по соседним сёлам. Снова привожу строки Ирины Лагуновой из редкостного фотоальбома: «Однажды, в очередной свой приезд в усть-удинские родные края, сам того не ожидая, писатель получил приятный подарок от депутата областного законодательного собрания Андрея Чернышева – целый автомобильный кузов книг писателя для сельских библиотек. Пока переплывали на пароме залив от балаганского причала, разбирали стопки книг, а Валентин Григорьевич подписывал их. В этой поездке был и Владимир Ильич Толстой. Позже он признавался, что побывать на родине великого русского писателя – для него большая честь, и он давно мечтал об этом».

Хочу добавить, что депутат Андрей Чернышев стал одним из главных помощников писателя по возведению храма, много добрых дел за этим меценатом, помогавщим Валентину Григорьевичу все последние годы его жизни. Приведу и строки из письма Валентина Григорьевича Изольде Алексан-

дровне Алымовой, ибо сейчас каждая крупица о великом писателе чрезвычайно важна, и прежде всего, нам, ныне живущим: «Дорогая-предорогая Изольда Александровна! Спасибо за письмо, тёплое, живое, доброе и обстоятельное. Только из глубинок могут приходить такие письма, в которых ничего не забывается и всё к месту. Читал его и невольно улыбался, представляя Вас и хорошо слыша Ваш голос. Особенно меня поразила Ваша столетняя мама с прекрасным языком и неиссякаемым интересом к жизни.

И двух месяцев ещё не прошло, как мы в Москве, а кажется – год прошёл. В Москве теперь и здоровым-то не позавидуешь. Такая здесь тьма и осенью, и зимой, и даже летом. И так Москва забита людьми, что я стараюсь лишний раз не передвигаться по ней».

Сейчас в Аталанке, полное отсутствие сотовой связи, нерегулярное транспортное сообщение, низкая рождаемость, из цивилизации остался лишь теплоход. Ровно такая картина почти во всех сёлах и деревнях Иркутской области. Именно это и ускорило смерть Валентина Григорьевича. Но велики наши русские писатели ещё и тем, что каждый воздвиг на своей малой родине храм. Словно завещая всем нам, что Русь матушка выстоит и будет вновь и вновь вторить: «Вы, дети, хранители тех берегов. Россия одна, берегите сынов. И так же, как деды, любите страну. Завет стариков не забыть никому».

Все эти дни, записывая передачи на диктофон, держу на столе лист бумаги, и хотя, разумеется, поэзией это не назовёшь, но когда умирает любимый писатель, каждый волен выражать своё мнение так, как подсказывает нутро: «Распутин, Астафьев, Белов. Деревни славянская лира. Прозрение русских умов. Словесность кондового мира»...

В Вологде открылся музей Василия Ивановича Белова

«Хочется надеяться, что музей всё же будет»! – писала мне в апреле Ольга Сергеевна Белова, вдова известного писателя. Ольга Сергеевна сообщала, что мои книги оставит в библиотеке квартиры-музея, и писать пока больше не будет. На большие хлопоты и усталость Ольга Сергеевна не сетовала, но я чуял нутром, что ей, сердешной, неспокойно и предстоит много работы.

Прошло лето. Слава Богу, съездил к тёте Дуне в деревню, переложили ей подтопок, и хоть уезжал с грустью в душе, ибо на деревне оставалось в живых всего три человека, всё же знал, что родной мой человек будет жить зимой в тепле. Двадцать пять лет зовём Евдокию Андреевну в город жить, но твердит одно, что помирать будет на своей земле. Как это по-беловски…

Первого ноября, вернувшись с работы, пошёл в Храм на воскресную службу. Зная моё трепетное отношение к Беловым, учитель русского языка и литературы Светлана Борисовна Рудых вручила мне газету со статьёй под названием «Сердце Белова». Именно из неё я и узнал об открытии музея знаменитого мастера деревенской прозы. Статью написал Дмитрий Шеваров. До самой земли-матушки поклон тебе, добрый человек, за такую долгожданную весть.

Деревня – это святыня нашей Отчизны, и вездесущим скептикам этого никогда не понять. Пишут, что деревни давно поспивались, что деревни – это прошлое. И приходится то и дело напоминать, что во все времена именно деревня спасала

нашу Русь-матушку, что деревенские люди с такой жизненной выносливостью, которой и во всём мире не сыскать. И доказательством тому – праведные труды писателей-деревенщиков, среди которых и Василий Иванович Белов. Вспомните еще Виктора Петровича Астафьева, Валентина Григорьевича Распутина – и всё станет ясно.

Почему же, когда думаешь о таких писателях, пробуждается в душе совесть? Дмитрий Шеваров пишет: «Коридор, гостиная, кухня и кабинет окнами во двор. Папки с рукописями в коридоре. Книги до потолка. На стенах – этюды старых русских художников. И иконы не напоказ, а в самом заветном углу, над рабочим столом». Даже эти крохотные строки, уже тревожат по-хорошему душу: как скромно и соборно со своим сердобольным народом жил писатель. Беловское заступничество за русское крестьянство тронуло души не только на родной стороне. Его произведения опубликованы на тридцати двух языках мира, ибо что праведно, то и понятно всему миру…

Деревни и сёла по-прежнему гибнут, закрываются школы, детские сады, почты, магазины. И этим давно никого не удивишь. Но писатели-деревенщики, показывая весь трагизм происходящего, верили в возрождение деревни, а, стало быть, и всей России. Подтверждением тому служат сотни успешных хозяйств и возрождающиеся православные храмы, радующие душу своим убранством и умиротворённостью. Видя это, в очередной раз вспоминаешь, что Россия находится под покровом Божией Матери, а такие писатели, как Василий Иванович Белов, даны ей свыше.

Детскому писателю Михасенко - 80

В этот день мне было больно на душе от резкого контраста. И почему у нас всё так получается?

Накануне в нашем легендарном городе Братске было торжественное открытие библиотеки имени Виктора Соломоновича Сербского. Открытие состоялось в прекрасном, с большими площадями, здании . Вид из окон тоже был замечателен: на нас смотрел огромных размеров памятник с ликом начальника Братскгэсстроя Ивана Ивановича Наймушина – действительно легендарного и действительно героя нашей Отчизны. Ведь под руководством этого человека было построено несколько гидроэлекстростанций в самых наитяжелейших условиях.

Далее хорошо видны жемчужина гидроэнергетики страны – Братская ГЭС и самое большое искуственное водохранилище в мире. Спонсорами Русала и Востокнефтепровода в ремонт здания библиотеки были вложены немалые средства. Открытие библиотеки имени Виктора Соломоновича Сербского, действительно является большим нравственным подвигом…

На следующий день было восемьдесят лет со дня рождения детского писателя Геннадия Павловича Михасенко. Человек он был настолько добрый, что, «прихватив» однажды с дачи муравья, повёз его среди ночи обратно. Я веду переписку с вдовой писателя Галиной Васильевной уже несколько лет. Из письма и телефонных звонков к ней с огорчением узнал, что на юбилей она не приедет, очень плохо себя чувствует. Прислала же мне письмо, состоящее из восьми листов А 4, исписанных мелким почерком. Подивился я и тому, что она кратко дала свою оценку некоторым моим рассказам и сказкам.

До этого весной литераторов и библиотекарей города собрал в зеркальном зале мэр города Братска Сергей Серебренников. За чаем решались многие вопросы, касающиеся литературной жизни города. В частности, были приняты за-

мечательные решения относительно вышеупомянутой замечательной библиотеки Сербского: и главное – воплощены.

Я же, довольно долгое время ухаживающий за могилкой писателя, написал заявление в котором указал, что к восьмидесятилетию Геннадия Павловича надо бы сделать дорожку из плит к самой могиле, ибо она расположена метрах в десяти от дороги, и поставить указатель.

Здесь же, в зеркальном зале, мною было сказано следующее: «Выступая в школах и задавая вопросы детям разных возрастов, заметил, к моему огорчению, что не все знают нашего замечательного детского писателя Геннадия Павловича Михасенко, и даже Великого русского писателя Валентина Григорьевича Распутина. При разговоре с учителями на эту тему, ответ был один: он сильно загружены одними отчётами, и это действительно правда».

Я выразил надежду, что к юбилею писателя это, в принципе малозатратное, дело, описанное мной в заявлении, будет осуществлено. Прошло лето, прошла и осень, всё это время я давил, где можно и где нельзя, на чиновничью братию. И даже получил от администрации благодарственное письмо, но меня смутило то, что в письме было указано, что за могилой убирают те, кому это поручено. Я же знал, что это была неправда, да и свидетелей этому предостаточно.

И вот, уже зимой, за мной на «Волге» приехал Игорь Анатольевич Кравцов, возглавляющий департамент культуры в нашем городе. Он прямо и заявил: «Показывай, где могила Михасенко». По приезду на погост я показал, что надо было сделать, что обращался де ещё весной. Знал и о том, что от мэра ему за это досталось. Игорь Анатольевич назвал меня застрельщиком, но тем не менее продолжил: «Теперь ты понимаешь, что не ты, Казаков, а Кравцов будет это всё делать». Отвечаю: «А, я помолюсь за вас». Весь обратный путь он молчал. Вскоре хлипонький деревянный указатель о месте захоронения Геннадия Павловича был действительно установлен…

Все эти дни я не терял надежды, что, может быть, Галина Васильевна приедет, ибо так бывает в жизни. До этого съездил на могилку, расчистил снег, купил цветов. И вот настал этот день – 16 февраля 2016 года, восьмидесятилетие со дня рождения детского писателя Геннадия Павловича Михасенко. С утра приехал ко мне создатель историко-биографического сайта «Имена Братска» Сергей Кирилов, работавший и учителем в школе, и строителем школ и домов. Сергей, улыбаясь говорил мне: «Знаешь, Толик, приятно, когда тебе пятьдесят пять лет, и ты идёшь по городу, который ты строил своими руками».

Сходили, купили корзину цветов, заказали такси и поехали на погост. В душе всё же надеялся, что кто-нибудь из администрации приедет, но наивность моя глубока, и Сергей быстро даёт ей укорот: «Да брось ты, Анатолий, я вот тут коньячку чекушку взял, давай хлебнём за помин души»... А я отвечаю: «Это, конечно, не по православному так, но Господь наш человеколюбец и простит, прости нас грешных... Геннадий Павлович, мы ж простые люди, а, стало быть, зачастую ошибаемся, не дано нам без извечной суетности жизни прожить на белом свете».

Затем едем сначала в посёлок Гидростроитель, рассчитываемся с таксистом и на автобусе добираемся до посёлка Энергетик. Возле дома, где жил Геннадий Павлович, уже давно была установлена мемориальная плита. Прошло время и старую, несколько лет назад, заменили на новую. Там начинался митинг. Кроме заместителя мэра, выступил и Игорь Анатольевич Кравцов.

Было предоставлено слово и мне Хотелось, ох как хотелось резануть правду-матку, но на митинге присутствовали дети... Помню, прочёл своё стихотворение «Совесть»:

Совесть железной подковою
В дверь постучалась ко мне.
Сердце забилось тревогою:
Что же случилось в судьбе?

Или проснулась, счастливая,
Надо вставать и встречать?
Что принесла величавая?
Может, кого-то спасать?
Вновь поругаю и выскажусь.
Только себя я корю.
Кажется тошно, не выкручусь.
Но об одном я молю.
Чтобы жила, не покинула,
Душу мою сохраня.
А в круговерти бы выжила.
Совесть – есть смысл бытия

Рассказал детям, что по произведениям нашего детского писателя были сняты художественные фильмы «Милый Эп» и «Пятая четверть», эти киноленты особенно важны тем, что сняты для средних и старших классов.

Далее дочь Виктора Соломоновича Сербского, Екатерина Викторовна, любезно предложила свою машину, чтобы добраться до библиотеки имени Геннадия Павловича. Там дети готовили маленькие спектакли из стихов писателя. Оказалось, что к юбилею дети из школы ремёсел сами нарисовали иллюстрации к книге Геннадия Павловича «Фантазёр». Она вышла в издательстве «Полиграф» тиражом в 25 экз, но это пробные выпуски, планируется же выпустить хорошим тиражом.

Дети из школы № 13 читали нам стихи, играли миниспектакли. Светлана Николаевна Сюткина, мудрая женщина, втолковала детям, что читать стихи Геннадия Павловича надо с душой. И когда дети их декламировали, это было трогательно до слёз. О, Боже, никогда не перестану удивляться тому, как талантливы наши дети.

На встрече присутствовали член Союза писателей России поэт Владимир Васильевич Корнилов, вдова создателя музея под открытым небом «Ангарская деревня» Октября Леонова, член журналистов СССР Эмма Петровна Зачиняева, вдова Виктора Соломоновича Сербского Мария Петровна с

дочерью Екатериной Викторовной, начальник департамента культуры города Братска Игорь Анатольевич Кравцов, Сергей Кирилов…

Владимир Васильевич Корнилов поделился своими воспоминаниями:

«Геннадий Павлович был действительно очень интеллигентным и богато одарённым человеком, но вместе с тем – и большой шутник. Например, однажды он купил телевизор и вёз его домой на санках. Встретив меня, сказал: «Пойдём обмывать покупку к тебе». Затем вместе с нашими жёнами мы стряпали пельмени. Но и из запотевшей бутылочки, конечно, пригубили – по русскому обычаю. Он постоянно шутил и веселил нас. Дачи наши были рядом и однажды весной, прополов свой огород от сорняка, пришёл ко мне и говорит: я, мол, салату принёс. Конечно, смеялись над его изумительным чудачеством. Без всякого сомнения, это был наш нравственный ориентир. Все литераторы страны и, конечно же, особенно Братска и Иркутска, гордились, что живёт у нас в Сибири такой самородный детский писатель…»

После праздничного выступления меня отозвал в сторонку Игорь Анатольевич Кравцов: «Не нагнетай, обстановку, что-то же делается... Например книгу «Братск творческий» издали тиражом 1500 экз, будем продолжать издавать».

И вдруг спросил: «Ну, как там, на могилке? Видел, место обозначено».

Отвечаю: «Что ж буду надеяться, что всё-таки обустроите могилку».

До этого в Москве в издательстве «Энас» тиражом десять тысяч экземпляров издали «Милый Эп», о чём мне и сообщила Галина Васильевна в письме. Ей прислали тридцать в толстом переплёте книг от издательства, а она, сердешная, почти все книги отправила в Братск в библиотеку, носящую имя мужа. Подумалось, что это всё-таки чудо, что издали.

Ещё задолго до этого памятного дня артистами Братского драматического театра был поставлен спектакль «Милый

Эп». Замечательная игра нашей молодёжи порадовала души многих, кто пришёл на спектакль. Особенно примечательным явилось то, что «Милый Эп» по-прежнему очень уникален тем, что написан на все времена.

Анатолий Казаков с Галиной Васильевной Михасенко в библиотеке имени Г. П. Михасенко

Мы же с поэтами Юрием Розовским и Анатолием Лисицей были обрадованы ещё и тем, что нам перед спектаклем был вручены диски с нашими сказками и детскими стихами. В диск вошли: Геннадий Михасенко, Юрий Черных, (На лугу пасуться ко…), Анатолий Лисица, Юрий Розовский, Пётр Юдин, Владимир Корнилов, Михаил Ермаченко, Геннадий Обухов, Анатолий Казаков. Очень удивило то, что сами актёры и записали диск по своей инициативе, нашлись и спонсоры в лице ООО «Атлант» (директор Андрей Разуваев). Предполагается распространить его по детским садам и школам города.

Разговаривал я и с заведующей библиотекой имени Геннадия Павловича Михасенко, Викторией Юрьевной Нахман. Вот что она сказала: «В принципе я рада, ведь на детское представление, посвящённое восьмидесятилетию Геннадия Павловича Михасенко, к нам пришло более ста человек, всё, что могли, мы сделали, но на празднование мне было выделено пять тысяч рублей»... И с грустью смутившись продолжила: «Мы же оптимисты и должны верить, что будет всё лучше. Слава Богу, Геннадия Павловича издают, но главнее всего читают». Прошло полмесяца, и по Братскому телевидению объявили, что на благоустройство могилы детского писателя Геннадия Павловича Михасенко выделено 200 тысяч. Тут же мне позвонил поэт Юрий Витальевич Розовский и сказал тёплые слова. Но жизнь есть жизнь, и поэтому буду молиться…

Андрей ВАСИЛЬЕВ (г. Братск)

Эффект бабушки

Писатель Анатолий Казаков – о духовности, экономике и о том, как обустроить Россию.

Охранник телефонной станции в Братске Анатолий Казаков получил за свой рассказ «Евдокеюшка» серебряную грамоту «Духовность» в рамках национальной литературной премии «Золотое перо Руси». «Евдокеюшка» – повествование о двух старушках русской деревни. По стилистике напоминает рассказы Шукшина, только действие происходит в 2010 году.

Анатолий Казаков – писатель-самородок. Он выпустил уже десятки рассказов в литературных журналах и на собственные деньги издал несколько книг. Во всех своих произведениях он пишет о русской деревне.

Сам Казаков всю сознательную жизнь живет в городе и, по сути, рисует деревню, которой нет. Какой она, по его мнению, должна быть, писатель рассказал «Русской планете».

– Почему вы больше пишете про деревню, чем про город?

– В деревне сосредоточена духовность всей России. И это не громкие слова. Деревня – это святое. Просто одно слово: святое. Если есть какая-то святость на земле, то эта святость – в деревне. Вы никогда не задумывались, почему в каждом селе стоял храм? Большой или маленький, но стоял! Белокаменный, кирпичный или деревянный. Об этом мало кто сейчас задумывается. Но стояли они не ради моды. Религия объединяла людей. В эту церковь ходил и бедняк, и богач. Как мне рассказывала бабушка, богач не гнушался помогать бедняку. Не деньги, так кусок пирога даст. И это делали все. Здесь было равенство. Здесь никто не отличался. Все были одинаковы.

– Вы же живете в городе. Откуда вы берете эту деревню?

– Так меня мама каждый год возила в деревнюк моей тетке. В Леметь, это Нижегородская область. Мама меня и на месяц,

и на два, и на три возила. И так с малолетства до армии. А я мог жить в деревне и два, и три, и четыре месяца. Евдокеюшка, например, это реальный персонаж – моя тетка, Евдокия Андреевна Куванова.

– У вас в произведениях фигурирует образ бабушки. Не старуха, не пенсионерка, а бабушка. Кто она?

– Когда идешь по Лемети, а Леметь – большое село было, огромное… Сейчас там моя тетка практически одна осталась. Идешь, и каждая бабушка выйдет из своего дома: «О, так это к Данилиным приехали». При чем тут Данилины, когда у моей тетки фамилия Куванова? А потому что предок был Данила. Пять с лишним веков назад жил в Лемети Данила, он основал дом, и все его помнят. Неспроста. Всегда в церквях в молитвах поминают по имени.

– То-есть бабушки – это такие хранительницы старины? Сама старина?

– Да. Пообщаешься с бабушкой, да даже просто начнешь слушать, о чем она говорит – это ж песня звучит. Это даже не речь. И ты – все: ты уже околдован.

– Сколько сейчас лет вашей Евдокеюшке?

– Под восемьдесят уже. Она говорит, что будет в деревне умирать. Мы ж ее давно в город зовем. У меня двухкомнатная квартира, у матери моей, ее сестры, двухкомнатная квартира. У другой ее сестры тоже двухкомнатная квартира. Но она говорит: «Я на своей земле буду умирать». Ей психологически легче: она знает, где она умрет, и готовится к этому. Православный человек всегда к этому готовится. Но ему, православному, умирать не страшно.

– У всех ваших произведений о деревне – реальная основа?

– «Евдокеюшка» – реальна. «Магазинский хлебушек» вымышленный, но во многом основан на реальных событиях. Это все наблюдения. Что-то мне мужики на заводе порассказали, что-то я сам видел в деревнях… Это ж все накапливается в тебе.

– По вашим произведениям, деревня сейчас переживает не лучшее время: после разрухи села стоят покинутые или в них

живут по три-четыре человека… Хотите ли вы сказать, что сейчас основы духовности подорваны?

– Подорваны очень сильно. Подорваны, к великому сожалению, государственными властями. Государство вело политику по уничтожению деревень. Причем началось это очень давно. С Владимира Ильича Ленина. Церкви при ком стали рушить? И это уже все, пошел процесс. Все стало рушиться, все, во что народ верил. И стало рушиться село. Допустим, в нашей деревне плели лапти, в соседней деревне делали горшки. Раз – товарообмен. У каждой деревни было свое ремесло.

– А может, разрушение деревни – это естественный процесс?

– Очень не хотелось бы, чтобы это было естественным процессом. Хотя сейчас так многие скажут, что это естественный процесс. И об этом многие писатели-деревенщики писали, что мы теряем вместе с деревней. Вот ты живешь в девятиэтажке, вроде бы у тебя все есть. А душа-то все равно не останавливается: чего-то недостает. А это от того, что ты несогласие и недопонимание с собой испытываешь. Начинаешь искать. От этого и в пьянку впадаешь. Потому что не понимаешь, для чего ты живешь! А в деревне ты все с детства знал. Вот ты родился. Ты с детства к чему-то приучен, у тебя есть обязанности в чем-то помогать. И ты с раннего возраста понимаешь, как тяжело достается матери с отцом все, чтобы прокормить семью. Элементарно: пошел с утра с коровой на поле, целый день с ней ходишь, чтобы она нагуляла молоко-то. Походи-ка целый день за коровой, ножки-то устанут. Но опять же через эту усталость приходило, когда семья по кружке молока вечером выпивала: эх, ведь я же полезное дело сделал для своей семьи. Это ж радость.

– Что нужно, чтобы изменить нашу жизнь к лучшему?

– Что нужно…. Нужно было, чтобы руководители наши наконец-то, со времен Владимира Ильича Ленина, повернулись все-таки к деревне лицом. Я думаю, что государству нужно выделять деньги не для того чтобы бананы из Марокко завозить и миллиарды на это тратить, а чтобы выделять

в пустующих селах территорию для молодежи, построить ей хорошие дома, создать инфраструктуру, завезти хороших коров (на Западе существуют хорошие коровы), закупить комбайны. И молодежь будет сама выращивать хлеб, подсолнухи, кукурузу. Нужно, чтобы государство выделяло на это деньги. И человек, который своими руками возьмет выращенное им зерно, сразу поймет, как оно достается. И люди, сами того не замечая, будут становиться нравственнее, потому что будут ближе к земле.

– Вы говорите о создании экопоселений?

– О возрождении деревни. И чтобы государство было заинтересовано направлять туда молодежь.

– И вы полагаете, изменится молодежь?

– Она будет совершенно другая, если будет жить в тех условиях. Но, самое главное, представьте, как шагнет вверх наша экономика. Все свое будет. Это экономическая независимость.

– А не сопьется такая деревня?

– Нет, если будет достойная зарплата. От хорошей жизни не спиваются. Это же идиллия: молодой парень, допустим, комбайнер, его поддерживает государство. Он получает зарплату хорошую, держит у себя дома козу, которая тоже молоко дает, а его ребенок выгуливает эту козу.

– Достойная зарплата – это сколько?

– Допустим, для комбайнера достойная зарплата – 100 тысяч рублей. Для начала. Любой нормальный мужик скажет жене: поехали. Они и поедут. Я вот такую для себя картину нарисовал. В общем.

– А в этой картине место для веры остается?

– Он автоматически будет верить. Вырастит хлеб, душа будет лежать к земле. И к земле, и к Богу. Это перелом медленный, но он обязательно произойдет. По-другому произойти не может. К православию человек сам приходит. Это очень важно. Никто за рукав не тянет.

Сергей МАСЛАКОВ

Писатели в СИЗО

Посёлок Карахун

На протяжении многих лет настоятель храма Всех святых, в земле Российской просиявших, Андрей Огородников ездит по братским тюрьмам и читает молебны. Едет, как правило, с гостинцем и в компании с интересными людьми – художниками, музыкантами. Вот и в это воскресение, памятуя о том, что на дворе год литературы, пригласил с собой поэта Юрия Розовского и прозаика Анатолия Казакова, предварительно купив два больших торта. На этот раз его путь лежал в следственный изолятор (СИЗО) в поселке Анзеби.

Сначала отец Андрей провел молебен, а затем пригласил подследственных и гостей в столовую, чтобы, как он выразился, все почувствовали себя хоть немного раскованней. И уже за столом рассказал, что с отчаянием, если ему суждено прийти, необходимо бороться, и в качестве примера такой борьбы привел историю инвалида-колясочника Юрия Розовского: «Вот человек, хоть и ноги отказали, а стал членом союза писателей России. Имеет множество литературных наград, не

сломался, а продолжил жить». Заключенных, конечно, этот рассказ заинтересовал, но подлинный интерес к Юрию они проявили лишь после того, как тот начал читать свои стихи. Нужно было видеть лица слушателей. Юрий позже признался, что такого внимания не замечал даже в общении с более просвещённой аудиторией. Присутствующая при этом учительница и библиотекарь СИЗО согласилась: «Раньше я работала в школе и никогда не замечала такого интереса к своему предмету, как здесь, в изоляторе». Видимо, религия и литература становится человеку более понятны и необходимы, когда он находится в беде.

Затем свои рассказы читал Анатолий Казаков – про медведя, который выпил у летчиков полфляги браги, про богомолицу Анну – и тоже был тепло принят. В завершение встречи он исполнил песню «На горе на горушке», способную вышибить слезу даже у бывалого преступника. «Все мы люди, – прощаясь, говорил отец Андрей, – и такие встречи нужны, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Здесь тюрьма, но существует другой мир, свет которого дает силы жить и надеяться на лучшее».

По деревням с батюшкой Андреем Огородниковым и поэтом Юрием Розовским

На праздник Рождества Пресвятой Богородицы мне позвонил поэт Юра Розовский. Оказалось у него был в гостях его друг настоятель Храма всех Святых, в земле Российской просиявших, отец Андрей Огородников. Поздравив друг друга с великим праздником, Юра вдруг предложил: «Толик, поехали в следующую пятницу по деревням Братского района. Это батюшка нас с тобой приглашает».

Поездка должна была составить три дня, и слава Богу, на работе как раз эти дни у меня были выходные. Неделя, словно самолёт «МИГ», пролетела молниеносно, и сразу после смены, взяв такси, чтобы не опоздать на паром, уже стою возле Юриного подъезда. Юрий Витальевич, инвалид – колясочник. А водитель отца Андрея Огородникова Сергей Николаевич Губарь, как всегда взвалив Юру на свой воистину трёхжильный хребёт, выносит его с четвёртого этажа пятиэтажки.

Ростом Сергей ниже среднего, является отцом двенадцати детей, и я всегда в таких вот случаях дивлюсь его силе. Я, конечно же, предлагаю нести Юру вдвоём. Сергей Николаевич на это, скромно улыбнувшись, говорит: « Так для Юры будет удобнее». Стаскиваю вниз коляску, жена поэта Лида несёт вещи, ведь дорога предстояла совсем не близкая. Внизу нас радостно встречает и благословляет в дорогу наш дорогой батюшка Андрей Огородников.

Что заставляет таких действительно очень занятых неисчислимыми делами людей совершать такие поездки? Несомненно, это совесть отца Андрея, его глубоко нравственный внутренний мир. Понимание того, что в ставшие давно глухими местами, в братских посёлках и деревнях по - прежнему живут дети. Каждый год с карты всей России исчезает множество сёл и деревень - это известно всем, и это всё есть

несоизмеримая ни с чем огромная боль для каждого неравнодушного человека. Пока есть эти леспромхозовские посёлки, сёла, деревни, где живут дети, батюшка и привозит туда поэтов, писателей, и не только туда. Ведь были поездки и по тюрьмам. Православная церковь не отворачивается и от преступника, в отличие от Запада. Ведь если ещё и церковь отвернётся от преступившего светский закон, то человек придёт в совершеннейшее отчаяние. Об этом, описывая слова старца Зосимы, писал Фёдор Михайлович Достоевский...

И вот мы уже в пути. Теперь нас пятеро: кроме перечисленных мной, ехала с нами в посёлок Озёрный староста храма Николая Чудотворца Татьяна Александровна. Видя мой уставший вид, отец Андрей предложил поспать в дороге. Сон меня, многогрешного, почему-то не брал и все, сидящие в машине, внимали молитвам, читаемым батюшкой. Конечно, переживал за Юру, за то, как он, сердешный, перенесёт поездку.

Проехав от Братска более ста километров, миновав Большеокинск, подъехали к реке Оке, где совсем вскорости на пароме, миновав по водной глади два километра, мы причалили к острову. Любуясь окрест всегдашней об эту пору осенью, рекой Окой, подумал: как всё же угадала наша матушка-природа. Ведь каждый год осенью собирает человек дары с огорода, из леса, а она, эта самая осень, не дремлет, и светорыжим листопадом глаза порадует, и белым грибом, и ягодой наипользительной. Словно приготовляет нас, сибиряков, к долгой, с трескучими морозами, красавице зимушке-зиме. Нашёптывает всем нам: «Бери яства, ешь, радуйся, детей на Божий свет рожай, свадьбы венчаные играй»...

Дорога до Озёрного была более-менее нормальной: глина, песок, огромные, глубокие лужи, конечно, же не удивляли. Въехав в посёлок, добрались до нового Храма Николая Угодника.

Помолившись с батюшкой в Храме, отметил про себя, что внутри святилища всё очень уютно и, я бы сказал, красиво: ведь все наши Святые, глядевшие на нас с икон, действи-

тельно удивительным образом радуют душу. Призывают её, многогрешную, к покаянию. Бывая часто в разных храмах нашей страны, наблюдая, как бережно, но вместе с тем и ловко выполняют наши женщины свою повседневную работу в церкви, уже от одного только этого становится на душе благолепно...

Озёрнинская школа насчитывает сейчас семьдесят два ученика. На школьные обеды выделяется районом и городом двадцать рублей на ребёнка. Грустно вздыхают учителя, говоря о том, что в былые годы учеников было значительно больше, да и жизнь людей была веселей и обеспеченней. Молодёжь, отучившись в школе, уезжает в города. Но что ждёт их там? Город нынче очень жесток. А дома, в Озёрном, их родители, бабушки и дедушки, дожидаясь детей и внуков, будут заготовливать для них домашнюю снедь.

Сажаем с Сергеем Юру в коляску, заходим в школу. Все ученики, едва завидев нас, здороваются, это очень приятно и всерьёз трогает душу. Выступая в городских школах, к моему глубокому сожалению, давно заметил, что там этого нет. Конечно, когда соберут отдельно в кабинете и тебя представят, то поздороваются, а чтобы так, как здесь...

В Озёрном собрали на встречу детей всех классов, и вот член Союза Писателей России Юрий Витальевич Розовский читает своё стихотворение «Тузик»:

«Вдоль по улице шёл карапузик
Юрка – маленький мальчик такой,
И конфету с названием «Тузик»
Он по фантику гладил рукой.
Голубиная стая слетелась
И смотрела на мир свысока.
Юрке очень конфету хотелось,
Но сильнее хотелось щенка.
Только мама сказала, что «рано»,
Папа тоже «не надо» сказал.
А по фантику, прыгая рьяно,

Тузик мальчику палец лизал.
Он носился и весело лаял,
Вверх по фантику бегал и вниз.
От дыханья собачьего таял
Под обёрткой конфетный ирис.
Фантик стал темноватым по цвету,
И, вообще, был немного помят.
Только Юрка не кушал конфету,
Потому что друзей не едят»!

Юра так прочитал стихотворение, что ученики Озёрнинской школы очень долго и радостно аплодировали. Вдруг в школе погас свет, и ученики, даже этого не заметив, но видя наши лица, говорили нам, чтобы мы не удивлялись, что это у них случается очень часто. Памятуя о том, что нынче не только год литературы, а главное семидесятилетие Великой Победы, Юрий Витальевич прочитал стихотворение «Графиня». Наверно, это запрещено литературными правилами, но приведу стихотворение полностью:

Мороз застыл на балюстраде,
Метель по улицам мела.
В седом блокадном Ленинграде
Дворянка старая жила.
Осьмушку хлеба половиня,
В буржуйку бросив горсть трухи,
Полузамёрзшая графиня
Листала Байрона стихи.
В окно стучались взрывов звуки,
Метались блики по стене.
Но ей не страшно. Что там, внуки
Уже погибли на войне,
Их смерть не пережили дети,
А ей вот Бог отмерил дней.
Она одна на этом свете,
Лишь Байрон что-то шепчет ей.

Слова его – бальзам для слуха.
Без них – Господь не приведи!
И томик маленький старуха
Рукою жмёт к своей груди.
На шали, словно на корсаже,
Биеньем сердце ожило.
Сейчас она ему расскажет,
Как ей ужасно тяжело,
Как часто обращалась к небу:
«Возьми старуху, не томи».
Как слёзы катятся по хлебу.
Хлеб вкусен с солью, топ аті.
Как будто ешь тоску и муку,
А здесь её никто не ждёт.
И Байрон, взяв худую руку,
С собой графиню уведёт.
А утром, у буржуйки сидя,
Надев из инея тулуп,
Держа стихи и строк не видя,
Блокаду встретит новый труп

В зале воцарилась тишина, именно та, которую каждый автор в душе ждёт порой бесконечно долго, а если присовокупить к этому Юрину болезнь, то слушая теперь восторженные крики детей, Юрино лицо озарилось долгожданной улыбкой. Затем поэт спросил: « Скажите честно: «Кто из вас пишет стихи»? И когда в этом признались две девочки, он подарил им по сборнику своих стихов. Юра же, вручая книги, произнёс: «Это вам за честность». На лицах педагогов и учащихся ясно читалась ярко выраженная радость и удивление. Мне же почему-то захотелось спеть детям песню Александра Барыкина «Молись дитя».

Общее фото, всеобщая радость, улыбка батюшки – такое не забывается...

После мы были приглашены на обед к Татьяне Сергеевне

Домрачёвой. Когда я спросил, откуда пошла такая фамилия, она с улыбкой ответила: «Может, предки на домре играли». Сердешная эта женщина дала мне сушёных белых грибов – порадовать домашних.

Дорога до посёлка Карахун оказалась намного хуже, чем до Озёрного: весь путь нас вела ужасно разбухшая глиняная колея, узкие бревенчатые мосты, только и гляди как бы не вылететь с дороги. Нашему водителю Сергею приходилось туго , словом, здравствуй, русская дорога. По такой дороге не разогнаться, и поэтому только часов через пять мы попали в Карахун.

Я всё никак не мог запомнить название посёлка, путался в буквах, Юра пошутил: «Ну помнишь в прошлом знаменитую песню: «Это Каракум», группа «Круг» её пела, солистом был Игорь Саруханов. Так вот, поменяй две буквы. И этот совет действительно мне помог. Карахун, говорят, название якутское. Раньше сюда ходили два метеора и летали самолёты. Теперь же ничего этого нет, остался один паром, до которого пилить и пилить...

Приехали мы вечером, и нас покормила ужином Людмила Павловна Дерябина. На столе стояла горячая рассыпчатая картошка, солёные рыжики, паштет из маслят, жареная щука. Съел я полюбившихся мне маслят пожалуй лишку, подумал, что живот разболится, но всё с этим делом было в порядке. Поев и поблагодарив хозяйку, мы отправились в пустующий дом. Оказалось, что хозяева этого дома были выходцами из западной Украины, звали их Василий и Мария Якуб. Будучи прихожанами здешнего Храма Петра и Павла, завещали после их смерти отдать дом батюшке.

Нас встретила уже натопленная прихожанами печь и принесённые ими же продукты. Начался прохладный осенний дождь, а мы сидим в просторном доме в Карахуне. Батюшка, Юра и я ведём разговор о вечной суетности жизни. Водитель Сергей сразу же лёг спать, ибо дорога утомила его больше, чем нас. Рано утром я услышал, как ко мне подошёл отец Ан-

дрей и воскликнул: «Господи, да ты же замёрз». И заботливо накинул на меня ещё одно тёплое одеяло.

Пробуждаемся все окончательно, и снова вопрос батюшки: «Анатолий! А как вы относитесь к «Дошираку»? Говорю, что нормально, если туда не класть специи из этого пакета, а заварить одну лапшу. Так и сделали, добавив в наш рацион рыбные консервы, ибо в дороге священнику разрешается вкушать и рыбу.

В Карахунской школе насчитывалось шестьдесят с лишним учащихся. И снова заворожённые взгляды детей от Юриного выступления, вдобавок ко всему – звучащие с ноутбука, написанные и спетые самим автором патриотические песни. Воодушевлённый действом, спел и я русскую народную песню «Ах ты, душечка». Одна ученица искренне спросила: «Как же вы, бедные писатели, по такой дороге к нам добрались»? И мы, как и в Озёрном, снова дарили детям свои книги, сами радуясь происходящему. Подходя к храму «Петра и Павла» и увидев тянущийся вверх дымок из печной трубы, радостно отметил про себя, что жизнь в храме идёт. Зайдя с батюшкой в храм, увидел прихожанку Нину, занимающуюся

его отоплением. Она призналась мне, что пишет стихи. Глядя на поленницу дров и на то, как ловко она топит печь, снова посещает мой организм радость.

Перед отъездом мы снова в гостях у Людмилы Павловны Дерябиной, которая сразу же и спросила меня: «Ну как, после маслят, рыжиков моих не болел живот»? «Нет», – говорю. А она уже заметно повеселевшим голосом: «А чо с них будет, чистые они. Ходила я недавно в лес, увидела медведя, но, слава Богу, он меня не тронул. Пришлось добирать груздей в другом месте».

В дорогу Людмила Павловна дала мне баночку с солёными рыжиками. А отцу Андрею кто-то из прихожан принёс две выловленные утром щуки. Пока отец Андрей освящал два дома в Карахуне, Сергей отвёз нас на берег, где благословенно несла свои воды широченная, величавая Ангара. Остров один, а омывают его с обеих сторон разные реки: Ока и Ангара.

Мы снова едем по сильно размытой дождём дороге на небольшой скорости. Видим большой участок леса, напрочь выгоревший от человеческой беспечности. Становится грустно. Вдруг отец Андрей велит Сергею остановиться. Выйдя из машины, батюшка срезает большущий белый гриб и дарит его мне со словами, чтобы я порадовал свою семью царём грибов. Зная, что настоятель храма сильно страдает от болезни ног и видя, как они распухли, снова загрустилось.

Проехав ещё полпути, мы поняли, что бензина хватит только на то, чтобы добраться до Братска. Поездку в Наратай пришлось отложить. Но мечты не отпускают наши души, ибо батюшка звал, через две недели выступить в сёлах Покосное, и Тангуй.

Снова переправляемся на пароме, приезжаем в Братск. Батюшка отдаёт водителю Сергею и мне по щуке. Сергей привычно несёт на горбу Юру, и Лида радостно нас встречает. На следующий день был большой православный праздник Крестовоздвижения...

На молитвенную память о Егоровне

Утром иду привычным маршрутом на работу. Останавливаюсь возле храма Преображения Господня и, осенив себя летучим крестом, продолжаю свой путь. Вдруг слышу окрик, поворачиваюсь и вижу через дорогу отца Георгия. «Анатолий, – говорит он, – наша Егоровна вчера вечером умерла...»

На отпевании рабы божьей Александры Егоровны Сухоруковой в храме Преображения Господня (Братск, правый берег Ангары, посёлок Гидростроитель), которое состоялось в десять часов 31 марта 2016 года, были: архимандрит Серафим из посёлка Березняки, иеромонах Иннокентий из Красноярского края, протоиерей Филипп из посёлка Рудногорск, протоиерей Георгий из посёлка Семигорск, протоиерей Александр из посёлка Новая Игирма, настоятель храма «Рождества Христова» в городе Братске, протоиерей Андрей Чесноков, настоятель храма Преображения Господня иерей Георгий, иерей Александр, настоятель храма Сергия Радонежского, иерей Михаил. А также более ста прихожан нашего родного правобережного храма.

Каждый прихожанин нашего прихода мог бы поведать об Александре Егоровне Сухоруковой многое - у неё был дар общения с людьми. Я всегда это чувствовал в душе, а теперь со слезами на глазах говорю: «Она объединяла нас между собою, тем самым сполна успев выполнить проповедь Патриарха всея Руси Кирилла, который твердит всем нам православным Христианам, что каждый приход ценен именно добрым общением прихожан друг с другом, их помощью в беде и ра-

дости». Я уже писал об этом замечательном человеке, и когда газета «Сибирский характер» опубликовала мой текст под названием «Здравствуй, Егоровна», то после воскресной службы она робко подошла ко мне и сказала: «Анатолий! Зачем ты про меня написал, я – грешница». На её добром лице ясно читалось явное смущение, робость. Помню, ответил ей тогда: «Вот ты, Егоровна, и исполнила божию заповедь… Одно из главных таинств православия – покаяние, а ты, дорогой мой человек, только когда сильно болеешь, в храм не ходишь, а уж когда полегчает тебе, мигом в храме нашем родном, на исповеди да на причащении».

Улыбнулась тогда мне Александра Егоровна и пошла в церковную библиотеку, которой заведовала уже более восемнадцати лет. Любила она меня, как сына, и всегда говорила это при моей маме Анастасии Андреевне Казаковой. Мы же с мамой очень жалели её, сердешную, похоронившую мужа и сына. Увидев однажды в храме улыбающуюся маму, подошёл спросил, что случилось. Оказалось, Егоровна снова давала свои добрые наставления, кто и когда из прихожан читает кафизму. Это она проделывала регулярно, ибо молитва не должна прерываться ни на секунду. Не забыть мне никогда, пока жив буду, как радовалась Александра Егоровна выходу моей книги «Аналой», говорила: «Толя! У тебя получается писать о нас, стариках. Пиши, не бросай».

На протяжении восемнадцати лет в нашем храме существует воскресная школа для детей. О, Боже! Как же любили Александру Егоровну дети за весёлые народные прибаутки, которых знала она великое множество, и многие эти дети, ставши взрослыми людьми, часто с огромной радостью в душе заходили к ней в библиотеку, показывали уже своих новокрещённых детей. Ведомо мне и то, что были среди детей и такие, которые впоследствии становились священниками, и наша любимая библиотекарша напутствовала их словами: «Будете батюшками, не забывайте обо мне, многогрешной». Из-за потери близких развился у Егоровны сахарный диабет.

Добираться до храма с годами становилось уже невмочь. Заказывала такси и вместо ста рублей платила за поездку пятьдесят, ибо таксисты за постоянную её езду смилостивились и сделали скидку.

Строительство нашего нового храма из кирпича шло не так быстро, как хотелось бы, и многие пожилые наши прихожанки, чувствуя, что не доживут до конца строительства, после молебна в строящемся храме всегда подолгу молились и вели спасительные для их душ беседы, и так случилось, что опять же Егоровна утешала их. Воистину Божиим чудом явилось и то, что благодаря стараниям Александры Егоровны появился фильм об истории нашего храма. Как же она хлопотала, переживала по этому поводу, о каждой фотографии я выслушивал целую историю нашего храма. И волнение Егоровны вполне объяснимо, ведь многих прихожан уже не было в живых, и все они, сердешные, столько сделали для того, чтобы наше святилище было богато, прежде всего, духовно. Помню, когда на семидесятипятилетие Егоровны приехала из Донбасса её дочь Елена Александровна, я тут же позвонил моему другу журналисту Сергею Максимовичу Маслакову, и попросил его написать, как выживают наши православные под бомбёжками. Вскоре в газете «Сибирский характер» вышла до боли пронзительная статья «Гром небесный и гром земной». Каково это так жить и знать, что твоя родная дочь, внук и зять под бомбёжками, что фашизм на Украине – жестокая реальность, а она, Елена, жила и, на удивление, находила силы, чтобы обогреть своей любовью всех нас. Был случай, что к ней обратилась со слезами одна женщина, у которой выявили рак. Наша милая Егоровна сказала примерно следующее: «Подумаешь – рак, я это сама пережила». Потом она её

слегка поругала да тут же и добрым словом исцелила. Вскоре эта женщина прошла повторные анализы, и у неё ничего не обнаружили. Эта прихожанка называет Егоровну в шутку «грелкой во всё тело»…

В конце прошлого лета зашёл к ней в библиотеку, испил, как всегда, предложенной ею святой водицы. Сказал, что собираюсь к тёте Евдокии Андреевне на Нижегородчину, а, стало быть, и в Дивеево непременно буду. В ответ на это Александра Егоровна вручает мне сто свечей со словами: «Толя! Когда будешь у батюшки Серафима Саровского, заходи в каждый храм и ставь эти свечи за строительство нашего храма». Всё исполнил, как и велела моя дорогая Егоровна. Когда в Дивеево дарил благочинной Екатерине свою книгу «Аналой» и сообщал ей, что в село Леметь, где родилась моя мама, на погребение помещика Соловцова со своим учителем, старцем Пахомием, приходил Светильник земли русской Серафим Саровский, она улыбнулась и спросила, когда я уезжаю. Я ответил, что в час дня, и благочинная пригласила меня подойти к ней в кабинет ровно без десяти час, сказав, что даст мне сухариков от батюшки Серафима. За оставшееся в моём распоряжении время возле храма купил я большую Дивеевскую икону с ликом батюшки Серафима и четыре иконки с тем же ликом поменьше. Затем, пока прикладывался к мощам Великого праведника, отдал иконы монахине, которая приложила их ко гробу Святого Старца. С умилением наблюдал, как она это делает. Бережно взяв с рук монахини иконы, выхожу на улицу и иду с ними по святому мостику. Все приехавшие и идущие по этому воистину удивительному мостику вдоль канавки, рыть которую начинал еще батюшка Серафим, читали Богородицу. Множество яблонь со спелыми яблоками радовали взгляды приехавших поклониться мощам Великого Праведника земли русской.

Ровно без десяти час подхожу к кабинету благочинной Екатерины. Народу к ней было много, и я уж было отчаялся, сказав людям, что мне только сухариков взять, зашёл в кабинет.

Благочинная встретила меня улыбкой, сказав: «А я уж вашу книгу читаю. Да, действительно батюшка Серафим был в Лемети, очень интересны ваши исследования. Вот – возьмите сухариков». Затем я поведал благочинной, что у нас строится храм Преображения Господня. Она же, глядя на большую икону батюшки Серафима, которую я держал в руках, преподнесла мне иконку Божией Матери, освящённых сухариков, железную баночку ладана с Афона и несколько православных журналов. Глядя на это действо, помню, сильно расчувствовавшись, сказал: «Слава Богу, жива Православная Русь». А в ответ от благочинной Екатерины услышал: «Жива и будет жить, приезжайте к нам ещё». Сколько буду жить, не забыть мне её удивительной улыбки и замечательного отношения к людям, приезжающим в святую обитель со всей, Богом хранимой нашей, России.

По приезду в родной Братск с радостью в душе увидел, что за то время, что меня не было, строящийся храм заметно подрос. Конечно же, спешу в наш родненький храм, обнимаю Егоровну, говорю, что послушание выполнил, все сто свечей затеплены. Принёс и большую икону батюшки Серафима, говорю рабе Божией Александре, что это мой подарок нашему храму. Никогда в жизни не забыть мне её радостного лица в ту минуту. А она, сердешная, тут же принялась раздавать прихожанам сухарики от батюшки Серафима. Отец Георгий с радостью принял ладан с Афона и журналы, указал также место, где должна висеть Дивеевская икона с образом батюшки Серафима. Наша замечательная прихожанка Лидия Дмитриевна Каськова, поглядев на эту икону, произнесла: «Именно этот образ батюшки Серафима приходил ко мне во сне, и святой говорил мне, что храм у нас будет построен кирпичный». Подарил по иконке Егоровне с Лидией, и радости на их лицах мне во век не забыть...

Дарила и мне иконы дорогая моя незабвенная Егоровна, всего набралось их четыре, и везде она подписывала так: «На молитвенную память о рабе Божией Александре Егоровне».

На всех подаренных мне иконах был изображён лик Пресвятой Богородицы. Я же ей подарил иконку с ликом батюшки Серафима Саровского, а ведь известно, как Пресвятая Богородица любила этого святого, и как он её любил. Чудны дела твои Господи, ибо всё так очевидно и мило духу и сердцу…

Когда отошла ко Господу прихожанка нашего храма Анна Ивановна Чусова, мы с Александрой Егоровной оформляли стенд её памяти, где были размещены фотографии нашей замечательной трудницы и статья о ней в газете « Сибирский характер» под названием «Богомолица Анна». Всю свою жизнь она жила в старенькой времяночке, отказавшись в пользу молодых медсестёр от трёх квартир, предложенных ей. Аналой рабы Божией Анны теперь находится в храме Сергия Радонежского (посёлок Осиновка)…

Помню, при оформлении стенда не хватило канцелярии и кусочка материи, и Егоровна тут же всё разыскала. Когда настоятелем нашего храма был назначен протоиерей Андрей Чесноков, то именно Александра Егоровна разместила семью батюшки в своей квартире, много позже она всегда с огромной радостью вспоминала об этом. Верю, что и сейчас бы её доброе лицо озарилось улыбкой, узнай она, что дочь отца Андрея Чеснокова, Елизавета, делает замечательные шаги в православную литературу.

Всем, кто прибыл по зову души на отпевание рабы Божией Александры Егоровны, она при жизни тем или иным способом помогала. И неслучайно в ночь, когда гроб с телом усопшей стоял в храме, приехал из Красноярского края иеромонах Иннокентий. Он подошёл ко гробу, развязал руки Егоровны, стал целовать их и плакать, говоря при этом: «Ты

хотела, Александра Егоровна, чтобы я приехал. Видишь, я здесь». Прихожане нашего храма, не скрывая своих слёз, читали молитвы. Оставшуюся половину ночи, взяв кадило, иеромонах Иннокентий до утра творил молитвы. От общения с усопшей озарялись лица улыбкой у иереев отца Георгия, отца Александра, отца Михаила… Нечасто увидишь столько духовенства на отпевании простой прихожанки. Стоя со свечами, мы вслушивались в молитвенный голос каждого священника, читающего молитвы пред гробом рабы Божией Александры, и думалось в те минуты не иначе как о смысле человеческой жизни. Егоровна жила со смыслом. Я смотрел на рядом стоящего Африкана Филипповича Осипова, предлагал ему присесть на лавочку, но он держался на своих больных ногах и плакал. Глядя на этого замечательного человека всерьёз думалось, что держит его на ногах в эту минуту сам Господь.

...Когда приехали на правобережный погост, и тело усопшей было предано земле, священники пели Пасху…

Написав статью, несу её в храм, ибо об этом меня попросили прихожане, чтобы опубликовать в газете нашего храма «Фаворский свет». Осенив себя летучим крестом, замечаю, что дверь библиотеки со стороны улицы открыта. Подумалось, уж не Егоровна ли приглашает меня зайти. Подхожу и вижу дочь Александры Егоровны, Елену Александровну. Обнялись, и она тут же угощает меня чаем на травах: «Вот, Толик, мама ушла, а здесь, в библиотеке, надо порядок блюсти. Как делала это мама, у меня конечно не получится, но делать это надо». Немного погодя, эта добрая женщина расспросила меня о Сергее Максимовиче Маслакове и велела передать ему поклон.

Пока разговаривали с Еленой, к нам в библиотеку пришла прихожанка Наташа, женщина с очень сложной и трагичной судьбой, и вдруг говорит: «Когда я узнала, что Александра Егоровна умерла, то как живой ей сказала, чтобы передавала моим усопшим дедушке и бабушке поклон от меня».

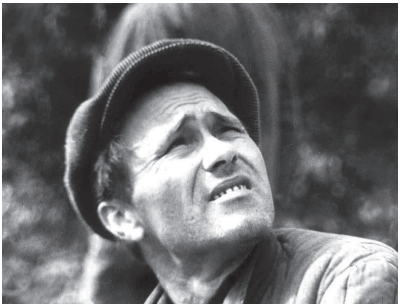
В очередной раз дивлюсь тому, как любили и доверяли со-

кровенное трудники и трудницы нашего храма Егоровне, и эта её ответственность перед ними, несмотря на тяжёлые недуги, наверное, и помогала ей жить. Елена Александровна преподнесла мне две иконки, и они с прихожанкой Наташей уговорили меня отобедать в трапезной. Глядя на лица прихожан, я слушал их тёплые воспоминания о Егоровне. Вглядываясь в их родные лица, захотелось сказать что-то ободряющее: «В Америке у людей нет отчества, и это, наверное неправильно. У нас, когда называют человека по отчеству, тем самым поминают и его родителя. Мы говорим «наша Егоровна», и на душе становится теплее».

Когда мы вышли из трапезной, Елена Александровна подарила мне камушек из Иерусалимской стены, сказав: «Я хочу, чтобы у тебя было всё хорошо». Покуда жив, буду удивляться духовной нравственности нашего народа. Каково ей сейчас, потерявшей дорогую маму, а она обо мне думает…

Духовное наставление батюшки Николая Гурьянова, написанное его собственной рукой, было таковым: «Не забывай никогда, даже в самые тёмные дни твоей жизни, благодарить Бога за всё. Он ждёт этого и пошлёт тебе новые блага и дары. Человек с благодарным сердцем никогда ни в чём не нуждается». Иконку со словами батюшки Николая Гурьянова я получил в подарок от священника, встреченного мной в пути, когда возвращался из Дивеева в Братск. Слова эти сказаны словно о нашей Егоровне, которая всегда была и будет для нас духовно-нравственным ориентиром. Один священнослужитель написал: «Россия! Ты уже себя спасла, имея столько праведных у Бога». В нашем храме Преображения Господня таковой праведницей была Егоровна…

Сказочный остров Варгалик



Когда-то читал я книгу иркутского писателя Альберта Гурулева «Осенний светлый день», и был в ней рассказ, который заворожил, околдовал меня своей поэтичностью: «Ходили среди местных рыбаков туманные и прекрасные слухи о далёком острове Варгалике, этаком рыбном Эльдорадо, до которого плыть за три голубых многокилометровых плёса, за два скалистых сужения. Там не щуки, а голодные крокодилы, там вода кипит от рыбьих стай, там… Там так хорошо, что лучше и не бывает. Но – далеко. Так далеко, что на слабом моторе нечего и помышлять об этом сказочном острове».

Шли годы, иногда я вспоминал о Варгалике, как о чём-то сказочном, но вот на днях побывал в Братской школе № 39 и познакомился с человеком, который жил на этом острове.

Библиотекарь

В школе угодил я на урок, посвященный творчеству Геннадия Павловича Михасенко, который вела библиотекарь Мария Николаевна Жоголь. Рассказывала она увлечённо, с любовью, но потом выяснилось, что никто из ребят не знает ни Михасенко, ни Распутина. «Боже мой, не читают», – только и молвила Мария Николаевна.

Закончился урок. Сидим с Марией Николаевной и рассуждаем: нужно немедленно взять на вооружение наработки советской школы, где проводились внеклассные чтения книг местных писателей. Преступно открещиваться от хорошего, что было в наших школах…

И долго мы, наверное, ещё хватались бы за головы, но тут выяснилось, что у Марии Николаевны день рождения, и речь пошла несколько в ином русле. Она достала какую-то коробочку с подарками и вытащила оттуда миниатюрные книжки: «Вот это – «Азбука Фёдорова» – факсимильное издание, точная копия, а это его же книга «Апостол». А потом я увидел маленькую, размером со спичечный коробок, книгу «Бухтины Вологодские» любимого мною Василия Белова, и речь пошла о писателях-деревенщиках.

– А вы знаете, – сказала доверительно Мария Николаевна, – я ведь Шукшина в детстве видела – вот прям как вас сейчас…

И рассказала историю, среди действующих лиц которой был не только Шукшин, но и другие писатели, она сама, её папа-фронтовик и сказочный остров Варгалик, на котором они жили долго и счастливо... А потом люди ушли, и остров осиротел.

Папа

Родилась Мария Николаевна в Куватке Братского района. Деревню свою не помнит, потому, как только появилась на свет, семья перебралась в Варгалик в том же районе.

– Жили мы на берегу, второй дом, – рассказывала Мария Николаевна, – и все, кому надо купаться и полоскать бельё, шли мимо нашего дома. Ночью молодёжь гуляла - и снова шли мимо. С песнями под гармонь…

Поселению на Варгалике было 300 лет. И по соседству стояли такие же старые и небольшие деревушки. Одна из них - Паберега, куда после учёбы приехала работать экономистом моя мама – Александра Васильевна Сергиенко. Когда вышла в свет книга писателя-фронтовика Иннокентия Черемных «Моя деревня Паберега», она читала и узнавала деревенских…

В роду у нас было много интересных людей. Мой дед, плотник из Твери, видел Ленина и даже строил трибуну к его

приезду. Когда Ленин уехал, дед сказал: «Если бы знал, что он такой болтун, не стал бы строить». Приезжала, помню, из Твери в гости к нам бабушка Марфа Яковлевна. Была она человеком набожным, служила старостой при храме, и когда храм разоряли, успела спасти много икон, сложив их в огромный чемодан.

– Как же ты этот чемодан подняла? – спрашивали её.

– Бог помог…

– Мой папа, Николай Павлович Сергиенко, воевал с 1943 года, имел медали за взятие Кенигсберга, Варшаву, Будапешт, штурм Берлина, взятие Вены. При переправе через Днестр в подразделении осталось в живых всего четыре человека. «Никогда не слышал, чтобы кто-то кричал: «За Родину», «За Сталина», как в кино, – говорил отец. – Мужики, что постарше, при атаке матерились отчаянно, а мы, молодняк, то и дело вспоминали маму и Господа. Не верю тем, кто говорит, что не страшно было. Не встречал таких».

Николай Павлович был хорошим гармонистом, и в конце войны командир полка подарил ему аккордеон. Выдали документы к нему, но по дороге домой пограничники изъяли инструмент – не положено, мол. Солдат на фронте не плакал, а тут при всех полились слёзы. Пройдёт много лет и эти слёзы осушат. В девяностых, на мемориале воинской славы в Братске, три раза будет повторено: «Присутствует ли здесь Сергиенко Николай Павлович». Старый солдат не сразу поймет, что это его зовут, а когда откликнется и выйдет вперёд, ему вручат орден Отечественной войны.

Мария Николаевна волнуется: «Был тятя мой здоровяк, но к старости случился у него сахарный диабет. Люди пьют таблетки и живут. А он фронтовик, отчаянный был, таблеток не признавал. Приближалось 55-летие Великой победы, но тятя до неё не дожил, уйдя под покровительство Пресвятой Богородицы.

Шукшин

После Варгалика семья Сергиенко перебралась в Харанжино. Шли годы. Мария Николаевна вышла замуж, появился сынишка Алёша. Как-то в село приехал писатель Виктор Голявкин и на встрече спросил: «Помнит ли кто-нибудь, как в Варгалик приезжал Василий Макарович Шукшин?» Все ответили, что не было такого, а Мария Николаевна с сестрой Татьяной заволновались: обе, хоть и малы были, но хорошо помнили этого странного человека, которого приняли за волшебника.

– А было это так, – вспоминает Мария Николаевна. – В 1964 году на Варгалик приехала группа артистов кино. Каким ветром занесло их в наше захолустье, можно только догадываться. Варгалик с воды смотрелся очень красиво - это, наверное, и привлекло внимание Шукшина. Мама рассказывала, что другие артисты уговаривали Василия Макаровича плыть дальше, в большой посёлок, но он ответил: в большие и без нас приедут. Среди артистов были Станислав Любшин, Нина Дорошина, которая позже сыграет Надю в фильме «Любовь и голуби», – всего человек семь. Но я запомнила только Василия Макаровича. Помню, как сидел он на берегу Братского водохранилища – задумчивый, босой – точно в такой же позе, как памятник на горе Пикет.

Едва появившись в поселке, Шукшин занялся нами, детьми, стал показывать фокусы. Делал он это так: брал свою кепку, кидал через зал, и она, словно бумеранг, возвращалась к нему. Затем ставил обувь на лестницу, и она сама шла. Нашему восторгу не было предела: к нам приехал волшебник! А вот взрослые не разделяли наших восторгов. Поселковые женщины и мужики, глядя на Станислава Любшина, говорили: «Вот это настоящий артист», а, глянув, на Василия Макаровича, который был одет в кирзовые сапоги и поношенное пальтишко, усмехались: «Ну, какой это артист». Он ничем не отличался от наших леспромхозовских мужиков. В точно та-

ком же пальто ходил мой папа. Но спустя годы, когда в посёлок пришла весть о смерти Шукшина, плакали все...

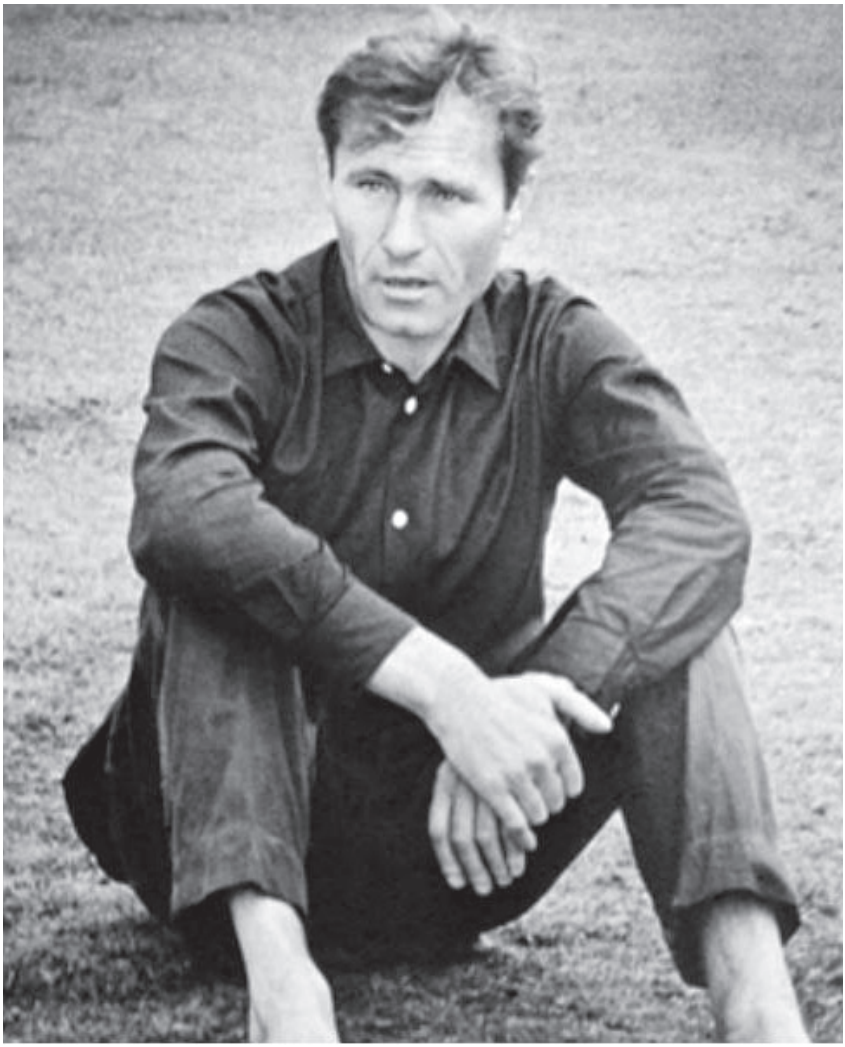
Посёлок-призрак

В 1974 году жителей Варгалика, ввиду его неперспективности и подтопления, решили переселить в другие села. Вот тогда-то остров и стал мечтой рыбаков. «По курсу лодки во всём великолепии вырастала мечта последних лет – остров Варгалик, – писал Гурулёв. – Мы дали вокруг острова круг почёта, осмотрели его со всех сторон, и лишь потом с душевным замиранием приблизились к берегу. А остров был действительно прекрасным. Когда-то вокруг него росли березовые рощи, и теперь, оказавшись в воде, березы во многих местах образовали труднопроходимые завалы – утайные и кормные места для окуней и щук. Около острова – тёплое мелководье с травяными зарослями, крошечными островками, а где-то в сотне метров от берега начинались тёмные глубины. Разве можно придумать что-нибудь лучшее»?

Люди покидали поселок, оставляя свои дома прибранными и ухоженными, точь-в-точь как у Распутина в «Прощании с Матёрой». Спустя много лет, Мария Николаевна приедет посмотреть на родные места, без труда найдет свой дом, будто неподвластный времени, войдёт внутрь и увидит фотографию с какой-то девушкой. «Так это же я», – удивится Мария Николаевна и со страхом подумает, что все эти годы она смотрела с фотографии на пустой дом, в пустом посёлке, где хоть закричись, никто не услышит.

Ходили слухи, что какие-то люди, не то бродяги, не то наркоманы, устроили здесь однажды пожар. Но уцелела даже баня и, глядя на неё, Мария Николаевна улыбнулась, вспомнив, как мама ворчала на отца, что он плохо строит. Под водой оказались клубничные поля и заросли лесной черёмухи, но местность была узнаваема. Вон там, на берегу, вспомнила Мария Николаевна, сидел Шукшин с босыми ногами, а там,

в клубе, он кидал кепку, и она возвращалась к нему. Вот если бы время вот так же, как кепка, вернулось назад... Но, увы, так не бывает, и только книги и память возвращают нас к прошлому.



Сохорово Клавдии Огородниковой

Старожилы помнят, и память их будет жива, покуда сами они живы. Кто они, эти старожилы? Это наши с вами земляки, жители Братских деревень. Сколько бы мне ни приходилось разговаривать с ними, все, кто жил поблизости от речки Вихоревки, в один голос твердят, какая чистая и рыбная была эта сибирская кладовая, до боли родная Вихоревка.

Шли годы, вырос город Братск, и промышленными предприятиями речка была загажена. Что ж, это участь всех городов России, ибо человеческая деятельность зачастую безжалостна к природе. Почему сделал такое предисловие – не знаю, но когда вышла моя книга «Аналой», в нашем храме Преображения Господня стали её читать. А повествуется в ней о старшем нашем поколении. После одной из служб подошла прихожанка нашего храма Галина Григорьевна и сказала, что прочитала мою книгу, и робко проговорила, что маме её много лет, и она хочет мне поведать о своей жизни. Стало быть, приспело время вспомнить и ещё об одной деревеньке нашей Братской вотчины...

Родилась Клавдия Алексеевна Огородникова в 1922 году в деревне Сохорово, расположенной вдоль речки Вихоревки, в восьми километрах от Кобляково. Родители Клавдии Алексеевны, Алексей Фёдорович и Евдокия Георгиевна Огородниковы, были родом из деревни Антоново, а войдя во взрослую жизнь, перебрались в Сохорово. Отец, по словам дочери, и бранного слова за всю свою жизнь не сказал, а когда Клавдия появилась на Божий свет, у них уже стоял крепкий дом, в ко-

тором и вырастили их, шестерых братьев и сестёр. В их маленькой деревушечке было всего-то шестнадцать домов, текла на ту пору чистейшая, богатая рыбой Вихоревка, а земля, с избытком политая крестьянским потом, одаривала, и тоже с избытком, жителей деревеньки святым зерном.

До второго класса Клавдия училась у себя в деревне, потому как к ним приехала из Алма-Аты учительница. Денег особо не было, но Клавдия запомнила, как приезжую учительницу деревенские жители подкармливали деревенским ёдовом, но вскоре она уехала, и учить детей стало некому. Приходилось ходить на учёбу в Кобляково, за восемь километров. Бывало, что и отец подвозил туда на лошади. Видя моё удивление, Клавдия Алексеевна улыбнулась: «А чего нам было этих восемь километров – пробежим и не заметим! Но зиму, понятное дело, я жила у тётки. Бывало, и до старого Братска ходили, только на следующий день ноги сильно болели».

Родители Клавдии Алексей Фёдорович и Евдокия Георгиевна, жили по тем временам зажиточно: имели и корову, и лошадь, но в тридцатом году в Сохорово организовали колхоз, и на каждого колхозника наложили твёрдое задание. Собрали мужиков, и те возили своё зерно в Кобляково, а себе оставлять было нельзя. Клавдии было на ту пору восемь лет, но она хорошо помнит, что и у жителей соседних деревень зерна, а стало быть и хлеба совсем не осталось, и отец Клавдии, каким-то чудом сохранив рожь, делился ею с земляками, приходившими к нему из окрестных деревень. Вернуть же этот долг им, сердешным, было нечем. И вскоре Алексей Фёдорович, жалея и выручая земляков самым дорогим продуктом, сам остался без зерна.

Прибежала тогда к ним соседская бабка Домна: «Чо есть-то будем, Фёдорович? Всё позагребали, заскоблили». И что было ответить ей, сердешной, Алексею Фёдоровичу... Но не все так безропотно подчинялись Советской власти, и Клавдия хорошо помнит, как в их деревню приезжала банда Серышева. Переночевав, они уехали в деревню Анчериково и, по

слухам, убили мужика прямо возле плуга. Отношение к бандитам было у деревенских хорошее: ведь они все были свои, деревенские, родственники. А когда произошла расправа над бандой, многие их жалели, вовсе не считая их бандитами, ведь гибли их родные отцы и сыновья.

Будучи ещё, в сущности, девчушкой, выучилась Клавдия ездить на коне, и под присмотром отца самостоятельно боронила поле. Алексей Фёдорович, наблюдая за дочерью и давая наказы, тут же подготовлял к работе всю деревенскую утварь: рубил деревца, делал грабли, насаживал вилы, изготовлял верезнички. Клавдия же очень любила коней. И по сей день вспоминает она, как умирал у них в сарае молодой конь: бился и бился о стены, смотря на людей таким взглядом, что оторопь захватывала и старого, и малого.

На войну отца не забрали. Причиной тому была болезнь ног, и председатель Яков Егорович Московских прямо сказал ему: «Мужиков нет, ходи в лес, добывай зверя, мы будем тебе за это трудодни писать». И Алексей Фёдорович добывал для всей деревни мясо, и во время войны ему и жене были вручены медали «За доблестный труд». В деревне жили Бурнины, Огородниковы, Серышевы, Московских, Дубынины, Погодаевы, и многие, как это бывает в деревне, были родственниками.

Проучившись до четвёртого класса в Кобляково, родители определили дочь на дальнейшую учёбу в старый Братск. Старший брат Семён уже жил там и снимал у одной бабушки жильё, та бабушка, по причине своей старости, и научила Клавдию печь хлеб. Вот как говорит об этом сама Клавдия: «Брат мой всех друзей, товарищей принимал, зверя они добывали, надо ж было выживать. Хозяйка квартиры, очень старенькая бабушка, всплеснула руками: как, дескать, я успею хлеб на всех испечь? Говорит, учись, девка, пора тебе приспела. Вот и пекла я да всех обстирывала. Это сейчас у людей одёжи полно, а раньше-то одна перемыха – и всё». Не удержался, хоть и догадался, но всё равно спросил: «Что такое – «перемыха»?» В ответ смущённая улыбка: «Ну, это раз одежду переменить,

это я так уж – по-деревенски».

Шло время, Клавдия росла. А когда однажды получила по немецкому языку две двойки, в школу больше не пошла. Брат в то время был в командировке, ругать, что оставила школу, было некому, и она отправилась искать работу. Устроилась в «Заготзерно»: сначала пригласили в бухгалтерию, но страх, что придётся иметь дело с деньгами, остановил её, и она стала секретарём. К тому времени, закончив семь классов, переписывала за начальство все бумаги, недоумевая от того, что у них был такой неразборчивый почерк. Вернувшись с командировки, брат, конечно, поругал сестру, но она так и не бросила работу.

Началась самая страшная за всю историю человечества Великая Отечественная война. Деревня Сохорово была невелика, забрали всего только нескольких мужиков. К тому времени Клавдии шёл семнадцатый год, была она, как сама говорит, не робкого десятка, и это подтверждает то, что, выучившись на клепальщицу, стала с сентября 1941 года, фактически с самого начала войны, работать на Иркутском авиационном заводе. Пугало одно её, сердешную: как бы не прознали, что её родственники были в банде Серышева. Ей наказывали родные, чтобы ни в коем случае ни с кем не вела речи о банде, но, слава Богу, всё обошлось. А до этого она ждала вызова на завод и жила в родном Сохорово.

Когда же пришёл вызов, добраться до Иркутска было действительно очень сложно. На водном транспорте возили солдат, да и те по четыре дня добирались до областного центра. И Клавдия, добравшись до Братска, уже опаздывала: ведь ей, чтобы работать клепальщицей, на которую она проучилась две недели, предстояло ещё сдать экзамены. Договорились ехать на бортовой машине, на которой везли двенадцать заключенных. Так, с заключенными и милиционерами, Клавдия добралась до Куйтуна. Вот как она об этом вспоминает: «Мне в дорогу тятя с мамой куль с мукой дали (куль с мукой на ту пору весил 70 килограммов), да сверху ещё сухарями, пи-

рогами, шаньгами всё обложили. К мешку этому тятя лямки пришил, а его я и с места сдвинуть не могу, к тому же ещё чемодан у меня, а к нему зимнее пальто, подушка, валенки прикручены.

Когда остановились, женщины, что со мной ехали, быстро ушли на постой, а я соскочила и тоже пошла. Останавливает меня шофёр и говорит: «Ты куда, девка, пошла? А вещи?». Я ему отвечаю: «А пусть в машине остаются». Загнал он меня наверх, с надсадой, конечно, спустила я вещи вниз, он помог дотащить мне их до места ночёвки, удивляясь, как же я буду добираться дальше.

Утром заключённых в машине уже не было. Подъезжаем к Тулуну, видим – идёт поезд, а одна женщина, что с нами ехала, сказала, что на нём мы и поедем в Иркутск. Нашлись добрые люди, помогли затащить мне вещи в поезд. Продвинулась кое-как, села, а соседи то и говорят: «Девушка, вы вещи свои рассовывайте, чтобы их не было. Пойдёт ревизор и на первой остановке вас ссадит, а у меня ещё туеса с вареньем да яйцами. Тут мне все взялись помогать, всё с грехом пополам попрятали, и тут же заходит ревизор. «Где, – спрашивает, – ваши вещи?» Но тут за меня мужик вступился: «Какое вам, – говорит, - дело до чужих вещей? Так вот меня люди и спасли».

Добравшись до Иркутска и стаскав с помощью добрых людей свои вещи на перрон, стояла Клавдия под моросящим дождём и размышляла, как ей быть дальше. Подошла одна женщина и сказала, что ей надо брать такси, но не знала та женщина, что Клавдия и слово то такое никогда не слыхивала. Удивлённо посмотрев на дикарку, женщина ушла. Подошёл парень, сказал, что он из Улан-Удэ, вчера подгулял и его обчистили, и что у него нечего даже закурить. Парень предложил свою помощь и, нагрузившись тяжеленным скарбом, они поплелись. Когда переходили мост через Ангару, совсем обессилели. Услышав свисток милиционера, оповещающий о том, что они задерживают движение, они еле-еле всё же одолели преграду. Шли путники по улицам Ленина, Доронина,

отдыхали и дошли до дома с перекошенными воротами, там жил мамин брат. Вот как рассказывает об этом Клавдия Алексеевна:

«Там, чтобы подойти к дому, был двор, до самого-то дома было метров двадцать. Помощник мой и говорит: «Ты иди, а я послежу за вещами». Я ему в ответ: «Ты сам иди, а я покараулю». Подошёл он к дому, у которого уж окна стали в землю врастать, постучал. Выглянула тётка, все обрадовались, удивились, конечно, поклаже: как мол ты, девка, этакое допёрла. Дала я парню этому три рубля, а тётка распорола мешок и дала ему рыбного пирога, тот сказал «спасибо», да и ушёл. Тётка всё попрекала меня, что, де, мало дала денег, а я разве знала цены то городские, ведь у нас в деревне три рубля считалось большими деньгами, я и по сю пору твержу: спасибо тебе, добрый парень».

Выживали в ту лихую годину, как это зачастую бывало на Руси, кто как мог. Поехала дядина жена, у которого теперь жила Клавдия, продавать табак на водном транспорте, да за спекуляцию её и посадили. Наваривала тогда Клава вёдерный чугун хлёбова в русской печи, а после, когда всё остывало, вытаскивала в сени. Придёт с работы, топориком ковырнёт ледышку суповую, и в чашку её разогревать. Так вот им с дядькой на неделю хватало, ибо шибко готовить времени не было, и везде, где бы ни приходилось ей, сердешной, жить в Иркутске, то в обязательном порядке помогала хозяевам, – так было принято у деревенских.

Мы сидели сейчас в квартире её дочери, и когда нам принесли чай, а к нему мочёные яблоки (прям как в старину), Клавдия Алексеевна, лишь немного пригубив напиток, ничего есть не стала, дочь на это лишь вздохнула, сказав, что она всегда вот так. Я же, долгое время наблюдая за стариками, давно заметил в них такое действо жизни. Конечно же, понимаю, что годы берут своё, и конечно же, слушаю нашу сибирскую замечательную клепальщицу:

«Бывало, соберёт начальник нас и говорит, чтобы домой

не ходили. «Спите, - говорит, - девки, у меня на диване». Так вот и бывало, что по три дня дома не бывали, кормили нас по тем временам нормально, выдавали каждому работающему по восемьсот граммов хлеба, но и работали в прямом смысле – «до упаду». Это не для красного словца, пойми, это просто так было, ведь мы выпускали по пять самолётов в день. Как вынесли всё это, не знаю, но думаю, тятина закваска да молодость помогли».

Жила теперь Клавдия у брата в бараке, а у того семья да близкие тут же с ними жили. В бараке этом не было даже крыльца, что немного смущало её, приехавшую из деревни, где уж крыльцо то имелось в каждой избе. И хоть удобствами барачную жизнь даже с огромной натяжкой назвать было нельзя, по деревенской своей самобытности чуяла Клавдия, что стесняет брата, и, конечно же, делилась своим пайком с теми, где жила, а меж тем, кроме хлеба давали ещё и крупы, и макароны. Когда работали в ночь, то дополнительно, помимо пайка, выдавали ещё по сто граммов хлеба. Но ночь заканчивалась, и наступал день, а днём – снова заклёпка и цеховой шум работающих станков.

В 1942 году Клавдию вдруг вызывают к начальству. Оробев, переступила порог кабинета, а ей вдруг: «Огородникова! Вы же грамотная, мы вас с клепальщиц забираем на склад, там все детали перепутали. Порядок можете навести? Там стеллажи большие и надо всё по порядку разложить, чтобы не искать».

В одном только её родном цеху работало девятьсот человек, люди шли к ней, спрашивали те или иные детали. Она же, застудив напрочь руки от этих холодных деталей, терпеливо выискивала нужное и выдавала, и постепенно на многочисленных стеллажах наклеила таблички. Но даже и с ними надо было держать в голове сотни и сотни деталей к самолётам. Однажды пришёл в цех начальник Иван Андреевич Губарев. Как и подобает начальнику и, вдобавок, военному положению, был он суров. Зайдя на склад, увидел Клавдию, читаю-

щую художественную литературу. Она, конечно же, обмерла от страха, он же, поинтересовавшись, что за книга, ушёл.

На следующий день вызывают её к Ивану Андреевичу (вокруг за столом сидел весь начальствующий состав), и начальник сурово спросил: «Огородникова! Ты получала дефицитные детали!» Отвечаю: «Получала». «Где они?» Отвечаю: «У Харитонова, я ему, как и положено, выдала». Начальник попросил Клавдию выйти из кабинета, а едва за ней закрылась дверь, все сидящие в приёмной услышали отборный мат, но Харитонов стал отказываться. И Клавдия на всю жизнь запомнит те слова, что сказал Иван Андреевич: «Что ты врёшь? Я той девчонке верю больше, чем тебе, она никогда не обманет».

Детали нашлись, оказалось, что они уже были в работе, и пять только что собранных самолётов готовили к отправке на фронт. За отличную работу ей вручили медаль «За доблестный труд». Проработав без разгиба три года, Клавдия получила разрешение съездить в родное Сохорово повидаться с родными. Так на авиационном заводе Клавдия Алексеевна Огородникова проработала до 1952 года. Барак, в котором они жили, заселили пленными японцами, и теперь Клавдии пришлось искать новый угол. Она хорошо помнит, что японцы пытались поджечь завод, их уличили в преступлении, но даже не это её удивило: «Господи! Какие грязные они ходили, я и людей то таких не видала, а им ведь выдавалось мыло. Стучали они тогда людям в двери, пытались обменять мыло. Был у нас мальчишка Кешка, выследил как-то мужика одного, где тот прятал рюкзак. Не обробел, пошёл в милицию. Когда проверили содержимое рюкзака, поняли, что на территории завода работал диверсант. Кешке-то, помню, даже благодарность объявили».

Мирная жизнь, которую ждали целую вечность, входила теперь в дома нашей Отчизны, и на авиационном заводе стали изготовлять железные кровати с никелированными шишечками, делали кастрюли, сковородки. И далеко не сразу и

не вдруг приходило людское понимание в каждую душу, что враг, слава Богу, разгромлен, а раз так, то надобно отстраивать огромную нашу страну заново.

Клавдия вышла замуж за Скричевского Григория Павловича, родом он был с Украины, из Херсонской области, деревни Преображенка. Работал будущий муж на том же заводе, что и Клавдия, на шихтовке. Пришёл Григорий уже второй раз к брату сватать его сестру, потому как Клавдию останавливало то, что служит препятствием многим: не было своего угла. Но жизнь есть жизнь, страшная война была позади, и семья Клавдии с Григорием состоялась. В 1947 году это было, а в 48-м родился сын Николай, в 53-м дочь Галя, а в 57-м появился на Божий свет Владимир. Было уже жильё, выданное заводом, жили на втором этаже, срубили возле дома стайку, стали держать свиней, и наконец-то за долгие-долгие, воистину тягостные годы, вырастив поросят, досыта наелись свеженины.

В 1952 году они переезжают на Украину, в деревню Преображенка. С улыбкой вспоминает теперь Клавдия, что уезжая, продали железную кровать и радиолу - всё что на тот момент и нажили с Григорием. Но в 1955 году приехали жить в строящийся Братск, нарезали участки под дома, и их с Григорием дом на 69 квартале в Гидростроителе был построен первым. На ту пору реликтовый лес, в народе называемый бором, стоял везде: тут же валили лес, тут же и ставили дома. Когда шло строительство дома, Клавдия, как это было принято, варила нанятым плотникам еду, покупала папиросы и даже шкурила лес. Один строивший им дом мужик, видя, как трудится Клавдия, не удержался и вымолвил: «Ну, ты завзятая». Плотницкий люд на ту пору, приехавший в Братск, был во многом деревенский, с самого детства приспособленный к работе. Потому-то и дома ставились со знанием дела, качественно. Это подтверждает то, что дома эти до сих пор стоят и радуют человеческий глаз своей долговечностью.

Семейная жизнь есть семейная жизнь, несколько раз переезжали на Украину, а ведь там надобно было тоже всё обу-

строить. За этими переездами и обустроили они с Григорием несколько домов. Но тяга к Братску не отпускала, и они снова возвращались. Приходилось Клавдии Алексеевне работать и в военизированной охране, а перед самой пенсией грузчиком в магазине, вот как говорит об этом сама Клавдия Алексеевна: «Мешки то тяжеленные. Ну, не такие, конечно, как в деревне, но всё одно тяжёлые. Натаскаешься, придёшь домой, икры на ногах все вспухнут, болят невыносимо, а что делать, до пенсии то надобно дорабатывать. Пошла когда на пенсию, уж после только за колхозный стаж стали доплачивать».

В 1955 году деревня Сохорово, как и многие деревни Братского района, прекратила своё существование. Кто-то, разобрав дом, переехал в Кобляково, кто-то в Буслайку, Алексеево, кто ещё куда. Главной же причиной этому явилось строительство Братской ГЭС, потянулись люди на невиданную Великую стройку. Где, кстати сказать, по тем временам хорошо платили и, к тому же, возводили новое жильё, но это другая часть нашей истории. Теперь, по словам Клавдии Алексеевны, место, где была деревня, совсем не узнать: что-то подмыло паводковыми водами да и самой речкой Вихоревкой, но деревенский погост стоит на возвышенности в виде хребта, и лежит на нём мама Клавдии Алексеевны, Евдокия Георгиевна Огородникова, умершая сразу после войны, в 1946-м от дизентерии. Алексей Фёдорович пережил свою жену ненамного. Прежде от непосильной крестьянской работы отказали ноги, и в 1953 году не стало и отца.

Я уже было засобирался уходить, а Клавдия Алексеевна, вдруг оживившись, сказала: «Рушили когда церковь в старом Братске, заболела я желтухой. Народ то наш сердобольный, кто что мог домой из храма несли, жалко ведь святыни то. Так дядя мой на русскую печь церковные ризы и пояса положил. Лежала я вся больная на печи, грелась от пользительных кирпичиков, да на ризы всё эти глядела. Как же чудно, ведь батюшки в них облачаются. Запаривали мне овёс, морковь, даже вина, самогону давали – так лечили, а я всё на ризы гля-

дела, легче мне тогда становилось и выздоровела».

Все три брата этого замечательного человека воевали. Старший, Семён Алексеевич, прошёл всю войну, воевал с бандеровцами, был ранен и вернулся живым; имя среднего брата Николая Алексеевича Огородникова, геройски погибшего под Сталинградом, есть на главном обелиске города Братска; младший брат – Иван Алексеевич – был тяжело ранен под Керчъю, и командование отправило его на учёбу. Он стал военным и дослужился до майора. Деревенская родня, разбредшаяся волею жизни по Братскому району, даже будучи в дальнем колене, навещает знаменитую клёпальщицу. Так уж, слава Богу, устроены деревенские жители. Каждый год дети Клавдии Алексеевны возят её на Сохоровский погост поклониться родителям, и это всё есть веяние нашей Отчизны в отдельно взятом человеке, доброе веяние...

Будешь Фёдором

О жизни своей Эдуард Эдуардович Креминский рассказывал мне довольно часто. Да и в самом деле – интересно послушать самого пожилого участника народного хора «Русское поле». Ему восемьдесят четыре, на каждую репетицию он приходит за полчаса до песенного действа. Садится на свой стульчик и терпеливо ждёт начала репетиции, не забывая при этом раздавать направо и налево шутки.

Женщинам нашего хора уже давно перевалило за шестьдесят, а кому и за семьдесят. Приходят они на репетицию, предварительно выпив по таблетке кто от высокого, а кто и от низкого давления. А тут такой тёплый приём Эдуарда Эдуардовича – посмеёмся и начинаем репетировать.

После одной такой репетиции идём мы с Эдуардом, и вдруг возле самой остановки он поскользнулся и упал. Падаю и я на колени и вижу: дед мой дорогой потерял сознание, но, слава Богу, дышит. Громко кричу: «Помоги, Господи!» Эдуард открыл глаза. К этому времени возле нас останавливается старый служебный автобус. Выскочил молодой парень, и мы с ним завели Эдуарда Эдуардовича в салон. Так доехали до дома нашего старейшины. Спросил имя и фамилию парня, что нам помог, да от волнения их забыл... Дай Бог ему здоровья и доброго везения в жизни!

Поднялись на второй этаж и услышали от жены, что на репетицию она больше его не пустит. Каково же было моё удивление, когда на следующей репетиции Эдуард Эдуардович привычно сидел на своём стульчике и дожидался начала

музыкального действа. Нервы мои разбередились не на шутку, ведь я мог не успеть написать о его жизни. На следующий день я уже сидел дома у этого замечательного человека...

Родился Эдуард Эдуардович Креминский в Краснодарском крае, в Анапском районе, в станице Благовещенская. Эдуард напевно говорит: «У Чёрного моря с одной стороны – море, с другой – лиман, куда хочешь туда и иди. На море обычно большие волны, а лиман он и есть лиман, стоит себе. Отца я не помню, а мама, Надежда Григорьевна, померла уже здесь, в Братске. Работала она в станице в детском саду. Как рассказывала мама, приехал к ним один такой – передавать опыт, дело совершилось, и появился на свет я. Назван был в честь отца, и отчество его соответственно имею. Было это в 1931 году.

Вскоре мама перебралась работать на опытную станцию в посёлок, там был винный и спиртовой заводы. Всё детство моё проходило на берегу Чёрного моря, ведь жили всего-то в километре от него. Самые сортовые виноградники там были. Утром, бывало, уйдёшь, и только поздним вечером домой тащишься. Волны огромные на море, через косу попадают в лиман, так он пополняется водой, он и на карте даже есть.

Однажды этот лиман от засухи высох, а на дне соль образовалась. Люди и выгребали её дощечками, даже на квадраты его делили. Помню, нагребли мы тогда целый мешок, а потом по жаре с маманей его тащили. Однажды обожрался я зелени всякой, даже акацию ел, и живот так скрутило, думал – и не выживу... Такое было детство наше босоногое(смеётся), жизнь ведь всякая-разная бывает. Стал учиться в школе, и вот в 1941 году по радио, чёрной такой тарелке, передают: «Враг вероломно напал на Советский Союз». Пацанёнком слышал это сообщение, и такой холодок пошёл, понимаешь: чё-то не то. А тут они, немцы, вскорости едут, вооружённые автоматами да пулемётами, сам, понимаешь, видел, по шоссейной дороге совсем рядом от нас. Все в касках! Ой, много их было: «гыр, гыр, гыр» – чё-то по-своему лопочут. Одна женщина к ним подбежала, они её посадили к себе на мотоцикл. К Анапе

им надо было, они уже туда направлялись: сперва будет посёлок Темрюк, а дальше и Анапа.

Вскоре немцам надо было расселять своё поганое войско, и нас стали выгонять из домов и бараков. Мама погрузила на бричку свой нехитрый скарб, ничего ведь не было: ну, наволочки, простыни, и поехали мы. Ветер, помню, был холодный, песок в глаза, продрог я до костей. Переночевали в одном хуторе, а дальше доехали до села Витязово. Село это считалось греческим, русских там жило очень мало. Так и стали мы жить с матерью.

Был у меня там кореш Рудик, пошёл я однажды к нему, гляжу: трое немецких солдат заграбастали моего Рудика и лупят, а один фриц и меня хватает, и я понимаю, что тоже бить будет. И откуда у меня силы взялись? От страха, наверное. Как толкнул я немца, да побежал! Там дверь на щеколде была, но мне повезло: шибанул я её, она и открылась. На пути большой и высокий куст колючки был, я от страха его перелетел, ни одна колючка не уколола... Пробежал два дома, и на углу уже слышу – пуля «дзинь!» об угол дома, прямо возле меня, даже мелким камушком от этого меня обсыпало. Дальше сиганул я в виноградники, и Бог миловал, спасся». Рядом сидит жена, до этого момента молчавшая, вдруг говорит: «Да тебя всю жизнь Бог милует».

А Эдуард Эдуардович продолжает свой рассказ: «В следующий раз иду, гляжу – пьяный немец подзывает и чего-то спрашивает. Помню, слово «камарад» он повторил мне несколько раз, а я что: смотрю и ничего не понимаю. А он мне так кулаком звезданул, что у меня, понимаешь, искры из глаз посыпались... Упал я и думаю: да ну его! И опять убежал. Ведь фашисты, когда наш винный завод захватили, перепились, и от этого ещё сильнее взялись бесчинствовать, много насиловали женщин, страшно всё это... Год был голодный, и мы тогда, как скотина, паслись на травке, да и ели её, родимую.

Однажды, помню, утро такое солнечное, прекрасное было, гляжу – самолёт со стороны Анапы летит над самым бере-

гом, а кругом виноградники уже без листьев стояли, голые. Я решил почему-то, что это они меня в бинокль разглядели, слышу пулемётную очередь – «ду-ду-ду». Я поначалу значения не придал: летит да летит… Вдруг пули с шелестом возле меня с правой стороны ложатся. И когда они в землю вонзались, получались хлопки. Тут-то и понял я, что и в правду по мне стреляют, и опять убежал. Всяко бывало!

Однажды просыпаюсь рано утром и чувствую: что-то не то – в воздухе летает необъяснимое… Оказалось, что немцы ночью ушли из села, так скрытно отступили, что я и не видел. Когда наши войска пришли, была огромная радость у людей. Помню, одного фашиста откуда-то привели и расстреляли. Долго валялся, собаки начали растаскивать его по кускам, и кто-то не выдержал, лопатой прикопал.

Ещё шла война, а я уже учился в Новороссийске в ФЗУ. Помню, по той же «чёрной тарелке» сообщили, что наконец пришла долгожданная победа, и в городе был праздничный салют. Прямо из боевого оружия стреляли вверх, необыкновенно празднично было. Пока учились – и плотничали, и печи клали. Помню, отпросился к матери, пришёл в форме, и все удивились: с греками к тому времени мы уже сдружились. Иду по селу, а девчонки кричат: «Мама, моряк идёт! Лей на него воду!». Почему так кричали, не знаю. Мама на ту пору сама еле выживала, и я был рад, что учусь и работаю.

Послали нас работать в рыбколхоз, и до того мне там понравилось! Да и как не понравится, ведь кормили нас до отвала. Наловим мы рыбы, приплывём на берег, а нам за неё люди продукты несут. Так что до армии у меня уже была профессия – рыбак-матрос, и не хотелось мне от такой жизни уходить, да пришлось. Призвали служить в армию в Калугу, а войска мои назывались «через день на ремень, сутки в роте, сутки в карауле». Попал я в пулемётный взвод, было у нас два станковых пулемёта «Максим», тяжёлые! Потаскаешь – враз выдохнешься.

Вот так четыре с лишним года и служил, мы ведь настоя-

щих фронтовиков тогда сменяли. Накачали нас фронтовики, будь здоров, и после такой прокачки сам чёрт не страшен! С закрытыми глазами пулемёт «Максим» разбирали, каждая деталь во сне снилась. Где только потом ни мотало, работы кругом полно... Мама моя на ту пору завербовалась в Братск, написал я ей письмо, да в 58-м году уже работал в Братске. Сначала – на Ангарской лесоперерабатывающей базе, потом – в Братском леспромхозе. Работал и на дне Братского водохранилища, я ведь крановщиком был. Очищали дно. Сейчас там город стоит, а всё ж мы очищали, без крановщика там жизни не было! По улице Обручева, где рынок сейчас расположен, многовековая тайга стояла, морозы бывали страшенные, но сносили мы их стойко. Сейчас, надо сказать, климат совершенно другой, с тем и не сравнится».

На этом месте Эдуард Эдуардович неожиданно прервал свой рассказ, улыбнулся и весело, как-то по-молодецки, говорит: «Ты лучше про мою Зинаиду Моисеевну напиши!»

Познакомились они с Зинаидой Моисеевной (в девичестве Цыганковой) в 1959 году в Братском леспромхозе, в клубе. Видя, что жена стесняется вступить в беседу, Эдуард Эдуардович продолжал: «Я как увидел её в клубе, сразу сгорел, понимаешь (смеётся). Жили с ней поначалу в щитовом бараке, как и многие, свадьба наша была простенькой: бутылка водки да хвост селёдки, сошлись, да и стали жить. Когда начали наводнять Братское водохранилище, по-прежнему моим неизменным другом был гусеничный кран. Посмотрю сейчас на современные-то краны – уют сплошной, а в моём кране и дверей-то не было… Однажды и пневмонию заработал, хоть и крепкий был. Помню, работал на ЦКК, пришло шведское оборудование, разгружали мы его, штабелевали, а начальник всё боялся, что разобью ящики с оборудованием, аж дыхание у него замирало, но я не мог работать медленно. Что ж, в самом деле, резину тянуть, получалось у меня это дело! Я не хвастаюсь, жизнь такая была, все робили, не то, что сейчас!

И надо ж было встретить мне начальника Полякова! По-

ехали, говорит, в Тарму, дом у тебя будет, клуб там есть. Начальство с прежней работы не отпускало, но надо же было обустраиваться. Работал в Тарме, дом построил, даже коровку держали. Наработался я там досыта, всё построил, живи – не хочу. На тот момент начальника Полякова назначают в посёлок Сухой, подходит он ко мне и говорит: «Я специально для тебя полдома держу, приезжай, клуб есть». А я, понимаешь, в шахматишки любил играть. Ну, думаю, зачем ты мне встретился, и не мог я ему отказать. Переселились на Сухой да и прожили там тридцать с лишним лет...»

И я, слушая деда, вдруг вспомнил один случай. Приезжаем мы на Сухой с концертом, вдруг вижу: суховские все с Эдуардом здороваются, да не поверхностно, а с уважением. Конечно же, спросил его об этом, а он лишь чуть заметно улыбнулся, потом вдруг посмотрел вверх и, улыбаясь, говорит: «Дак клуб-то на Сухом мы строили, без крана ведь не обойдёшься».

Глядя на довольно большой дом культуры посёлка Сухой, я действительно, как бы это банально ни звучало, радовался за наше военное поколение, пережившее такое горнило страданий. Так что помни и чти наших дорогих и по праву великих стариков.

Тем временем я всё продолжал слушать рассказ Эдуарда Эдуардовича: «Старшая дочь Ирина моя первушечка, родилась у нас в 59 году, за воина-афганца Бориса Васильевича Гутенёва замуж вышла, двоих внуков нам подарили. Позже сын Сергей родился, тоже порадовал нас двумя внуками, большие уж все. От младшенькой Гали, тоже есть внуки, молодцы они у нас, что ещё скажешь».

Я попросил Зинаиду Моисеевну рассказать о себе, но она лишь сказала, что родилась в Приморском крае, в селе Мутоха и, вдруг смутившись, медленно произнесла: «Бедно, очень бедно мы жили. Я не хочу об этом вспоминать».

Последние годы, будучи уже на пенсии, Эдуард Эдуардович работал на заводе отопительного оборудования сторожем и поведал другую историю: «Охранял я гаражные боксы,

вижу – трое машину ремонтируют, зашёл, посмотрел, гляжу – работают. Машин там было четыре или пять вместе с автокраном. Подошёл я к одному шофёру, поговорил с ним и вышел. Вдруг слышу – мощный гул, словно фугас, вернулся, и вижу: шофёр этот, с кем разговаривал, весь в огне, ору тем троим: «Ребята, срочно сюда!» Те подбежали, кричу: «Ребята! Давай, валяем его!» Свалили, укрыли, сбили с него огонь, оттащили. Пожар перекинулся на другие машины, страшное дело, часть машин спасли, часть сгорела.

Помню, зашёл на коммутатор, сидит этот шофёр, говорит мне: «Сними с меня обгорелую кожу». Я было попробовал, но понял сразу, что парень нежилец. Говорил нам он, сердешный, что спичку зажёг, проверяя, сколько в баке бензина. Парень тот на следующий день помер в больнице. В семьдесят два года надоело мне уже работать, и бросил я якорь дома».

Опять улыбнулся Эдуард Эдуардович и произнёс: «Бог не Яшка». Спрашиваю, что это? Улыбается: «Бог не Яшка – видит, кому тяжко!» А мысли уносили его снова в детство: «Однажды тонул я зимой на этом лимане – греки хотели побить меня – а я всё дальше на лёд от них. А как я ухнул под лёд, они тут же разбежались. Дошёл до дна, оттолкнулся и выплыл, а если бы меня отнесло немного, утонул бы: лёд же кругом. Гляжу – мои греки далеко уже назад ушли. Вот это Бог помог, чтобы я не утонул (смеётся). Так, весь обмороженный, шёл до деревни километра три. А куда деваться: семь лет я жил с греками, мать купила мне балалайку, выучился я играть на ней, по-гречески даже выучился петь.

Грешно сейчас об этом вспоминать, ведь дельфинов очень любят люди, а нас, когда я матросом был, заставляли стрелять по ним из винтовок, рыбий жир нужен был стране. Но всё одно, можно ж было и другую рыбу ловить, её ж тьма была, но нет – приказали дельфинов: они ж к людям сами плывут, не боятся. Что на это сказать? Варвар человек. Однажды, помню, ещё до войны море закипело, ну нам так показалось: рыба сама на берег выпрыгивала, все корзинками её таскать домой

взялись, все досыта наелись, и пропало много, разве столько съешь? Старики говорили, что это Бог перед войной еду посылает, чтобы люди досыта наелись. Он же Бог-то – человеколюбец… Время было военное, голодное. Да и послевоенное – не меньше. Один анекдот тогда ходил: пришла девушка в клуб, в обморок упала, ну подбежали к ней, говорят: «Воды ей, воды!», а она голову подняла: «И хлеба, - говорит, - и хлеба…»

Страшный этот анекдот и правдивый. А здесь, в Братске, мне работы хватило по горло, и на старости лет думаю, что чудеса в жизни бывают. Года четыре назад обвенчались мы с женой, священник перед венчанием спрашивает, как, мол, тебя зовут, говорю – Эдуард. Но меня, когда крестили во младенчестве, священник сказал: «Будешь Фёдором». Вот и при венчании услышал я те же слова: «Будешь Фёдором».

И после этого старейшина народного хора «Русское поле» громко рассмеялся. Весёлый человек...

Троица в Дубынино

Всё как во сне, но сны, как известно, бывают разные... После праздничной службы настоятель храма Преображения Господня отец Георгий пригласил всех прихожан поехать в село Дубынино. Дали нам два больших автобуса, и вот мы сразу после службы в храме уже в пути. Соседкой моей оказалась Елена Ильинична Туликова, несколько лет уж она, сердешная, занимается распространением православной литературы, настолько разнообразной, что прихожане вновь и вновь дивятся талантам Православной Руси, открывая для себя всё новых и новых авторов. Что касается меня, то я всегда удивляюсь, как Елена рассказывает нашим дорогим правобережцам о книгах, и как заворожённо они её слушают. За эти годы стал я крёстным у её внука и, наверное, ещё и поэтому мы просто говорили о жизни.

Оказалось, она в молодости закончила Новосибирский торговый институт. Училась вместе с Михаилом Сергеевичем Евдокимовым:

«Простой он был, весёлый. Многие могут подумать, что на сцене одно, а в жизни другое, говорила Елена Ильинична. – В нём я этого не видела, просто был он настоящий мужик, и, надо сказать, умный человек. Ведь в торговое высшее учебное заведение было действительно трудно поступить.

В нашей группе учился его деревенский друг, так если кто из наших девчонок начинает дружить с парнем, то он разговаривал с каждым и говорил, чтобы не обижал. Теперь, с годами, понимаю, что парень этот защищал нас нравственно, просто он таков и был.

А Михаил уже тогда пробивался, выступал в ансамбле.

Однажды, когда он уже стал известным артистом, приехал с концертом в Братск. Я подошла к нему, поговорили, вспомнили, как учились. Как однажды, нас студентов, повезли в одном вагоне, и он всё время нас всех веселил. А тут, в Братске, обрадовался мне как маленький ребёнок.

Лишь с годами понимаешь, что так могут радоваться только чистые душой люди, а он, как показало время, и был таким. Художественные фильмы с его участием очень любимы нашим сердобольным народом, и Миша смотрит теперь с небес на нас и помогает. Мы ведь, православные, верим в это, и слава Богу».

Прошло немногим более часа. А кругом плыла перед глазами настоящая красота: реликтовый лес, который ещё не вырубили вороватые предприниматели. Много вокруг березняка, а стало быть, когда придёт пора, и ежели дождей Господь пошлёт, то люди здесь без гриба с чудным названием «подберёзовик», не останутся.

И вот уже по главной Дубынинской улице идёт крестный ход, и не сказать, чтобы местные жители тут же вышли на дорогу, но в окна повыглядывали, а дети и подростки села Дубынино тут же и присоединились к нашему крестному ходу. Два батюшки – отец Георгий и отец Александр – читали поочерёдно молебен, а вокруг стояла тишина такая, которую никогда не услышишь в городе, ибо в городе её просто нет.

Молебен отслужен, прихожане, поцеловав крест, на месте которого планируется построить храм Живоначальной Троицы, спускаются вниз, к берегу Усть-Илимского водохранили-

ща. Сколоченные столы год от года увеличиваются, ведь на праздник приезжают и жители затопленных, прекративших своё существование, деревень. Так уж сложилось, что в этот день они отдают долг памяти своим деревням. Отцом Георгием организуется угощение гостей. Ухой из налима и пловом потчевали их нынче на берегу красавицы-Ангары. Из напитков же был замечательный прохладный морс из чёрной смородины, которую сами прихожане и вырастили. К поставленным в тени флягам постоянно подходили люди и ковшиком, по-деревенски, пили смородиновое чудо. Да и сама погода радовала и располагала к душевному разговору. Одна из приезжих на праздник гостей Анна Ивановна Серышева (в девичестве Погодаева) говорит:

– «Родом я из Антоново, мой отец, Погодаев Иван Степанович после войны поднимал колхоз. Сама я с тридцать девятого. Бывало, поработаем на Кодаре, и четырнадцать километров пешком или на лошадях в Дубынино – на танцы. Это, чтобы вы понимали, было старое Дубынино, его затопило. Я хорошо плавала и переплывала Ангару, хотя до затопления река была больше в два раза, чем теперешняя, и главное, вода была тёплой.

Однажды, помню, плыву и песни пою. А старший брат приехал в отпуск, и испугался, подумал, что тону, быстро взял лодку, подплыл, а я песни пою.

Ещё одна бывшая антоновская жительница Валентина Александровна Петрова, всю жизнь отдавшая библиотечной работе, подтверждая слова Анны Ивановны, вторит:

– «Действительно летом вода была тёплой, купались. Когда построили ГЭС, стала почему-то очень холодной».

А меж тем на их родной остров, где располагалось Антоново, высадился десант энтузиастов. Об этом в газете «Знамя» написал мой друг, журналист Сергей Маслаков, и назвал он статью «Экспедиция на пугающий остров». Когда произошло затопление, остров Антоново остался. Погост размыло, и вокруг острова все эти годы валяются черепа и кости лю-

дей. Прошло шестьдесят лет после строительства Братской ГЭС, и об этом много писалось, но именно нынче останки антоновцев были собраны и захоронены, и был установлен на этом месте крест. Цитирую из статьи Сергея Маслакова слова руководителя центра военно-патриотического воспитания «Ладья» Евгения Моисеева: «По моим подсчётам, мы нашли около тридцати черепов и множество костей – всего два ящика, которые с трудом донесли до могилы. Одно захоронение было наполовину размыто и хорошо сохранилось: из прибрежной стены торчали доски гроба, в котором находился женский скелет с головным убором, расшитым медной нитью. Здесь же находился старинный медный крест».

Настоятель храма Рождества Христова отец Андрей Чесноков рассказывает: «Точно такой же крест я видел в одном из музеев Тюменской области – он был обнаружен при раскопках города Мангазея и датируется 17-м веком».

На будущий год эти удивительные люди хотят облагородить могилу, построить лавочки, столики, чтобы можно было привозить сюда бывших жителей деревни. Я просто перечислю имена этих воистину замечательных людей: Сергей Чулков, Евгений Моисеев, Священники Андрей Дорогобид, Андрей Чесноков, атаман Евгений Фоос и ещё несколько человек, имена которых в статье, к сожалению, не указывались. Собрать все человеческие останки чрезвычайно сложно, ведь уровень воды часто меняется, обваливаются берега, но эти люди хотят продолжить работы – по пояс в ледяной воде – и в следующем году. Спаси их всех, Господи!

Снующие повсюду местные собаки уже начали трапезничать на разостланных материях с едой, и мои собеседницы стали спасать свою еду, говоря о собаках, что они их уже покормили. Смотреть на это было интересно, особенно хорошо зная наидобрейшего человека Валентину Александровну. К нам подошли их земляки, которым очень понравились уха и плов, и они благодарили батюшку. Смотря на радующихся людей, на хоровод и многих зная, подхожу к Добрыниной

Галине Никитичне, она несёт послушание в киоске нашего храма: «Батюшка поначалу никак не мог запомнить моё отчество, кто-то подсказал ему: «Добрыня Никитич», и всё разрешилось (смеёмся). Из года в год народу всё больше приезжает, и душа от этого радуется».

К нам подошла ещё одна наша прихожанка – Любовь Ивановна Тарасова, работающая в правобережной пятнадцатой школе учителем, и вспомнила, как в прошлом году собрались здесь на Троицу несколько священников, был епископ Братский и Усть-Илимский Максимилиан, протоиерей Андрей Чесноков, отец Георгий, отец Алексей, отец Михаил, и как они красиво исполняли православные песнопения. После к ним присоединились воодушевлённые прихожане, видеть всё это было величайшей для всех радостью.

Галина Никитична, вдруг вспомнив стихи иеромонаха Романа, стала читать их вслух: «Исчезну я с лица земли, оставлю белый свет. Ликуйте недруги мои, меня уж больше нет». И повеяло от них силой Православия, именно той силой, которую стремятся уничтожить столетиями наши недруги.

Неспешно, с улыбкой подошёл Михаил Алексеевич Тарасов, учитель физики второго лицея (муж Любови Ивановны), и радостно заговорил: «Удивительно, но ведь каждый год, когда мы сюда приезжаем, обещают дожди. И каждый год, напротив, стоит замечательная солнечная погода».

От нахлынувшей душевной теплоты и таящейся в глубине души извечной тревоги Валентина Александровна Петрова воскликнула: «Вот, Толик, сейчас-то всё затоплено, а ведь здесь где-то неподалёку затопленная распутинская Матёра. Это ведь в книге только «Матёра», а в жизни была деревня Матера. Это по сей день остаётся нашей сибирской загадкой».

Мы все разом посмотрели на Ангару, живо представив затопленные дома, где теперь плавают рыбы. Ведь в каждом, особенно те, кто постарше, живёт в душе воистину праведная повесть нашего великого земляка. И тут вдруг встрепенулся Михаил Алексеевич Тарасов: «В 2001 году лежал я в глаз-

ной хирургии. Со мною лежал простейший человек Валентин Григорьевич Распутин, он о себе рассказывал, я – о себе. Тихий, участливый, разговор поддержит, специально в душу не лезет. С виду, особенно на фото, он выглядит маленьким, на самом же деле фотография не отражает его физическую мощь, да и с ростом неправда, – совсем он не маленький, а выше среднего.

Распутин (Иркутская область), Астафьев (Красноярский край), Шукшин (Алтай), Белов (Вологда), везде они, если вдуматься, родники нашей отчей земли. Каждый на своём месте службу нравственную несёт».

И от простых, но таких проникновенных слов простого учителя на глаза навернулись слёзы. Хор из посёлка Энергетик «Братчанка» напевает песню за песней: «Малиновый звон», «Зорька алая», «А где мне взять такую песню», «Белые ставеньки», «Деревня моя», «Посидим по хорошему»... Меня всё время не покидало чувство, что оказавшись здесь, мы словно дети малые радовались, и если в городе при встрече говорили лишь слово «здравствуйте», то на природе действительно разговорились. Вот, вижу, идёт с улыбкой дочь Клавдии Огородниковой Галина и говорит, что деревня Сохорово здесь совсем неподалёку стояла. Навстречу идёт отец Георгий и широко, по-русски, повествует: «Для меня это некое духовное наслаждение, духовный опыт. Каждый раз, сюда приезжая, понимаешь, что это благодатное место. Для всех наших поколений Ангара – великая река, ведь мы нашли то место, где стоял храм Живоначальной Троицы. Смотрите, люди действительно отдыхают – это объединяет наш приход, это нужно видеть и понимать... Для меня всё, что здесь происходит, очень эмоционально, можно много говорить, но скажу одно: нам здесь хорошо. Это святое место, оно вдохновляет людей. У меня в сотовом телефоне стояли дожди, и мы молились, чтобы на Троицу было солнце. Представляете, сесть на катер – и по Ангаре, ведь нет ничего красивее».

Смотря на веселящихся братчан (ведь здесь были люди со

всех уголков Братска) да и сами дубынинские замечательно пели, я радовался, что побывал на Престольном празднике. Валентина Александровна Петрова попросила, чтобы и я поучаствовал, и без песни Михаила Евдокимова «На горе на горушке» тут не обошлось, спел также свою песню про Серафима Саровского.

Подошла после исполнения песни ко мне одна женщина, оказалось, она раньше жила на Нижегородчине, Починковский район, село Шагаево: поделилась воспоминаниями: «Навещали мы один монастырь, было нас человек тридцать паломников, и пред одной иконою я неожиданно для самой себя упала на колени, спросили у монахини, говорит, что так надо было. Приехали в Дивеево, надо было набрать ведро воды у святого источника. Думаю, как я с больными коленями подымусь? А меня будто кто подмышки взял и поднял, в это трудно поверить, особенно неверующему, но это правда. Однажды в одной из паломнических поездок поклонялись мы святым Петру и Февронии, рака была открыта, мне так захотелось их обнять, словно они живые предо мной стоят, словно это мои пращуры. Я всё время молилась за своих детей, чтобы у них было всё хорошо, а один священник мне сказал, чтобы молилась за себя, тогда и у детей будет всё хорошо. Купила я тогда, сама того не осознавая, икону Тихвинской Божией Матери. Оказалось, что ей и молятся за детей. И вдруг совсем неожиданно: «Страшно мне бывает, ведь стоят по всей матушке России одинокие брошенные деревенские дома со сгнившими давно крылечками, а внутри–то иконы стоят, словно ждут своих детей».

И после, когда отошла от меня эта женщина, почему-то вспомнилось, что как только мы сюда приехали, Михаил Алексеевич Тарасов вручил мне крест и сказал, что я пойду во главе крестного хода. Пока нёс крест, перед глазами пролетела вся моя жизнь...

Кто мне Родину вернёт

Жители затопленных деревень... Тема сложная и до боли печальная. «Тот, кого не подтопляли, не поймёт», – говорил великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Но память жива и не отпускает, покуда жив человек. На правом берегу жителей затопленных деревень многие годы собирала заведующая библиотекой № 6 Валентина Александровна Петрова. Сейчас, к моему великому сожалению, она там не работает. И вдруг я получил приглашение на такую встречу от главного библиотекаря Екатерины Васильевны Москвиной.

Ехал я в библиотеку имени Ивана Ивановича Наймушина и знал, что услышу настоящее про старину далёкую, ибо деревня – это святое. Приехал же специально пораньше, чтобы узнать у Екатерины Васильевны, как начинались такие встречи.

Вот её рассказ: «Сама-то я с Илима. В 1974 году Усть-Илимское водохранилище покрыло все наши пашенные земли. Пришлось перебираться в Братск. Илимск был связующим звеном между Ангарой и Леной, было это настоящее воеводство. В 1630 году в Илимске был уже поставлен острог. Он считался городом, там приходилось отбывать ссылку Александру Николаевичу Радищеву. Через Илимск шла дорога на Братск в Якутию. Известно, что в Илимске бывал Витус Беринг. Много связано здесь и с именем казака Хабарова, который построил острог.

А я родилась в самой нижней деревне по Илиму в том месте, где Илим впадает в Ангару. Деревня моя называлась Зятья. Я поначалу думала, что приехали два зятя и основали деревню. Но потом прочитала у Шерстобоева, что наша деревня была основана в 1699 году Григорием Осиповым Великжаниным. А дальше, после нашей деревни, был Симакинский порог, где построена Усть-Илимская гидроэлектростанция.

Мы, конечно, всё время вспоминаем о своих деревнях, вот и стала я собирать жителей затопленных деревень. Душа ж хочет высказаться, вот, например, Нина Жмурова. Она жена

моего земляка Ивана из деревни Туба, а теперь вот книгу написала, основанием для этого послужили рассказы мужа о родной деревеньке. Слободчиков Александр Александрович родился в Сотниково, жил в Зарубино, рядышком со мной. Сейчас придут люди из Ангарских и Усть-Илимских затопленных деревень. Их дети, которым передалась память о деревне, тоже придут. Зинаида Мирских - одна из таких вот. Моя фамилия Москвина, но по фамилии нас никто не называл, говорили – Савватеевские мы. Помню, придёт дедушка с рыбалки, наловит налимов на уду, борода вся в ледышках, словно дед-мороз. И дедушка, и его борода казались такими красивыми. Мы тут же облепим его и радуемся.

В семь лет из Зятьёв меня перевезли в школу в Илимск. Известный братский поэт Иннокентий Медведев родом из деревни Банщиково. Вот на одной из таких встреч выяснили мы с ним, что доводимся друг другу дальними родственниками. В 1972 году мои родители переехали в Братск, купили дом на Индии (так в шутку у местных называются частные застройки), вот с тех пор и живём здесь. Наши земляки были отмечены и в Бородинском сражении: генерал Лихачёв П. Г. там погиб, известный детский поэт Юрий Черных (знаменитое его стихотворение «На лугу пасутся ко»), академик Янгель, герой Советского Союза Пана Прокопьева – все родом из Илимской пашни.

Идея собирать деревенских ко мне пришла давно и, слава Богу, она осуществилась. Пришёл, помню, Дьячков Валентин Васильевич и говорит: «Я написал книгу о своей деревне Чама. Мы все, кого знаем из деревенских, собрались в библиотеке и слушали своего земляка, ведь быт то – он везде одинаков, и поэтому каждому интересно, что-то и своё добавить.

Я, когда прочитала два тома книги «Илимская пашня», которую написал Шерстобоев Вадим Николаевич, многое узнала впервые. Начиная с шестнадцатого века в Сибирь привозили черкесов, русских, словом, крепких мужиков, ссыльных. Местное население – это эвенки, якуты. Так и расселяли по берегам Ангары мужиков. А дальше стали ссылать в Якутию,

и появились среди якутов Васильевы, Андреевы. Стала Якутия православной. Царь поставил задачу – заселить Сибирь русскими людьми. Кто-то не выдерживал и убегал в Даурию, да только легче ли там им было. Только по одному Илиму было затоплено сорок шесть деревень. Нижне-Илимскую библиотеку перенесли в Железногорск, и они сняли документальный фильм «Потерянные берега», сегодня нам его будут показывать, и его можно найти в интернете.

Я пришла в эту библиотеку в 1991 году, она была Братскгэсстроевская и её передали в муниципалитет. Мы сразу же включились в работу, хорошо как-то здесь. Проводили множество встреч с поэтами города: с Сальниковым, Корниловым, Громовым, Юдиным, Орловым и многими другими. Частым гостем у нас был детский писатель Геннадий Павлович Михасенко, а его жена Галина Васильевна вела у нас клуб для женщин. В 1993 году мы проводили одно мероприятие. Наш художник Лена Фабричникова нарисовала Чарли Чаплина, и Геннадий Павлович Михасенко с этим рисунком был запечатлён на фото. Стали собираться приглашённые, и Екатерина Васильевна, как всегда хлебосольно, с улыбкой встречала земляков. Пришёл и автор книги «Чама» Дьячков Валентин Васильевич. До начала встречи оставалось немного, и я отвёл автора книги в сторонку. Книга издана тиражом в пятнадцать экземпляров, но в добротной твёрдой обложке.

Мне в эту минуту почему-то вспомнился Михаил Евдокимов. У него в одном из монологов есть такое высказывание: «Без вопросов, одни ответы». И в самом деле, спросишь вот так деревенского человека, он и начнёт рассказывать, а ты успевай напитывать трепетной теплотой и свою душу, ибо, в сущности, все мы из деревни.

Валентин Васильевич рассказывал: «Родственники да земляки обратились ко мне с просьбой написать книгу о родной деревне. Сохранились старые фотографии, воспоминания дедушки, это же, думаю, для каждого очень глубоко в душе остаётся. Когда переселяли, столько вещей пришлось бросать, а старики без них жизни не мыслили, работали ими, пользова-

лись в своём крестьянском обиходе. Я от природы любопытным был, запоминал что и как называется. На двоюродных не женились, а вот на троюродных женились. Деревня есть деревня, но ведь это необыкновенно по-доброму сплачивало народ. Сам участвовал в изготовлении дёгтя, вспоминаю, как он не горел, а томился и потихонечку сбегал в посудину - надо было спасаться от мошкары. Дед делал дымокуры, работал пастухом и так вот спасал коров. Смольём лодки конопатили. Рыбы же – не высказать, не вышептать, как много было. Тут матушка-природа постаралась, расщедрилась. Думаю если бы её заводами да ГЭС не уничтожали, то пол-России можно было бы только одной Ангарой накормить. Сейчас всё загублено, окуней да сорог ловят, а разве это рыба? Её раньше никто и не брал. Дал информацию о книге в интернет, даже из Москвы земляки звонили».

Усадив всех пришедших гостей за столы, Екатерина Васильевна с немалым волнением начала встречу: «Давно затоплены наши деревни, и сегодня мы вспомним о святыне русской души, наших деревнях. Я много перечитала за эти годы, и мне хочется сказать о книге замечательного краеведа Лилии Викторовны Андреевой, которая написала о наших земляках, книга так и называется «Земляки», а вторая её книга «И воззовёт прошедшее» – о наших православных церквях, что были по Ангаре. Боль автора будет понятна особенно тем, кого подтопляли.

Первой было предоставлено слово Марии Ивановне Чупиной из села Московское: «У нас в селе был активный человек, Московских Иван Михайлович. Он собрал данные о деревне: кто когда умер, сколько людей воевало, сколько полей было, лошадей. Постепенно, благодаря таким людям, я собрала довольно много фотографий и рассказов. Внук помог разместить снимки в интернете. Село наше было дружным, и после подтопления все дружили, при встрече так радовались, словно дети малые. Раньше собирались на правом берегу в библиотеке, сейчас, конечно, многие поумирали, всех очень

жалко. Прозвища были: Гороховы, Савватеевы, Елизаровы, мы были Даниловы».

Второй было предоставлено слово Зинаиде Мирских, у которой родители жили в деревне Филиппово. Зинаида Мирских начала со своего стихотворения:

Доброта – это тоже внешность,
И мне кажется, краше нет.
Моя мама её, как нежность,
Пронесла через много лет.
По рассказам её, как по полю,
По военному полю бегу,
Где малым девчонкам на долю
Выпало по пояс стоять в снегу.
Лес валили и что-то вязали
Для мужчин, что ушли на фронт.
Ангара и тайга выручали.
Всем хватало в то время забот.

Прервавшись от волнения, Зинаида Леонидовна продолжила:

До войны тоже много событий,
Что коснулось моих родных.
И не счесть тех судеб разбитых,
Ссыльных и репрессированных.
Целый век пролетел.
Память вся в нём,
Вся история передо мной.
Там, где бабушка в хоре церковном,
Пела песни совсем молодой.

Пришла же Зинаида на встречу со своим первым сборником стихов «Тепло истории моей». Приведу выдержки из книги: «Почти полтора века назад... Даже представить сложно. Далёкая, глухая Сибирь. Остров на Ангаре, на берегу которого расположилась небольшая деревня Филиппово. По берегам всего острова раскинулись заросли черёмухи. За деревней – красивейший бор. На острове было озеро, по берегам которого росла целебная ягода – лесная смородина. Бывало, выйдешь на крылечко и просто задыхаешься от свежести и

ароматов весенних трав и цветов.

Мой дедушка Николай родился 19 декабря 1878 года – в день святого Николая Чудотворца. Бабушка Елизавета родилась 4 ноября 1888 года – в день Казанской иконы Божьей Матери. И всю жизнь их согревала вера в заступничество святых покровителей. Когда в Филиппово пришла Советская власть, храм закрыли. Многие святыни дедушка перенёс в свой дом. До сих пор старшие сёстры вспоминают, как двухметровый крест стоял в доме, а передний угол весь был в иконах.

Недалеко за рекой раскинулись другие деревни: Романово, Тепляшино, Исаково, Лучиха, Распутино, Красный Яр (так называла их мама). Мама Чупина (Карнаухова) Валентина Николаевна, отец Чупин Леонид Иннокентьевич, родом из деревни Антоново. Мама рассказывала: «Приберегали к Рождеству сало, мясо, копили творог, сметану. Таймень, ленок, осётр – это само собой было. На праздник стол ломился от яств, могли и поросёночка зажарить, водили по старинке хороводы. Сложно описать словами ту боль, которую прочувствовал каждый, потерявший навсегда родные сердцу места. Когда построили Братскую ГЭС, я ещё не осознавала, что это сооружение будет для меня той линией, которая делит историю моего рода на «до» и «после».

Затем выступил автор книги о своей деревне Валентин Васильевич Дьячков: «Предки мои приехали сюда в 1806 году, у меня родственников больше ста человек, все мастеровые, и вот стали они меня докучать написать книгу. Материал накапливался, чё получалось, чё не получалось. Так на свои средства и появилась книга о моей деревне «Чама». Был у нас один старичок, звали его Василием Алексеевичем. Вот идут люди пахать или боронить, спрашивают его: «Ты чё сидишь-то? – в небо смотришь, надо идти заниматься чем-то». А он такой хитрец был, говорит: «Хо-хо-хо, с неба камни ещё не упали». Люди посеют – у них градом побьёт, он же посеет – у него всё вызревает. Это своего рода мудрец такой был.

А ещё один дед был, самый настоящий шолоховский дед Щукарь. Было у нас одно болотистое место. Берёт он, значит,

косу, надевает накомарник и идёт с литовкой на это болото. Соседка спрашивает: «Куда пошёл–то?», а он ей: «Да пойду сена покошу». Словом, зимой это он ходил, но внешне это походит на байки или бухтины, но так было.

Призывают моего дядю в армию, спрашивают: «Ты с какого года рождения?», говорит: «Не знаю, тятя знает». «А тятя что говорит?» «Говорит, с нашей лошадью одного года мы рождения». «Ну, а лошадь-то с какого года рождения?» «Я не знаю, тятя знает». Случаи вот такие пересказывались из поколения в поколение. Приехали четыре брата Дьячковы и основали деревню. Были ещё фамилии Огородниковы».

После такого выступления у многих присутствующих поднялось настроение. Было предоставлено слово поэту Иннокентию Медведеву, вот что он сказал: «Я родом из деревни Банщиково, двери в домах никто не запирал, ни капканов, ни сетей никто не воровал, жили весело и дружно. Я прямо говорю: «Заберите эту свою современную цивилизацию, верните мне тот воздух, ту Ангару, верните мне мою Родину. По десять детей было не редкость в нашей деревне, и мы не знали, что такое голод. Рыбы, зверя пахотных земель полно. Грибы – рыжики солёные и жареные – чего стоят.

Многие думают, особенно из молодых, что Братская ГЭС давно была построена, а меж тем прошло всего шестьдесят лет. А как была убита природа за такой короткий срок! Веками люди жили и не пакостили. Кто сейчас прокормит десять детей? А наши предки кормили, ибо это давала природа, а не «цивилизация».

Однажды поехали мы по деревням, что были рядом с нашими, но их не затопило. Просто захотелось пройти по своим местам, надышаться родиной. Иду по одной такой деревеньке, гляжу: дед сидит. Я и словом не успел обмолвиться, а он вдруг: «Ты случаем не банщиковский?» Оторопел я, ну откуда, думаю, такая хватка, откуда узнал? Это не объяснить словами. Говорю да, Банщиковский... Через несколько минут уже сидели за столом. Шибко дед обрадовался, всё самое лучшее на стол выставил, а у меня слёзы... И поэт прочитал трога-

тельное своё стихотворение «Деревня Банщиково»:

Есть дорога одна к Усть-Илиму
– Пахнет мятой, травой резедой.
Там своротка к деревне родимой,
К той, что скрылась давно под водой.
Наверху только волны гуляют,
А под ними нашла свой приют
Та деревня. О ней уж не знают.
Там в домах только рыбы живут.
Там мой дом. Там мы в прятки играли.
Там поля, моё детство и луг,
И туда птицы к нам прилетали,
И мужик там держался за плуг.
Но кружитесь, кружитесь над морем
Мои ласточки, чайки, стрижи...
Пусть слезами не выплакать горе,
Но хоть память дано освежить.
Как вы гнёзда заботливо вили
И растили под крышей птенцов.
Это, милые, вы не забыли,
Как и я своих дедов, отцов.
Вот и я здесь стою на дороге,
Той дороге, что в воду ведёт.
Волны моют мне босые ноги
И там будто меня что – то ждёт.
Веет холодом прошлое в душу.
Скорбь и боль, и тоска, и печаль.
Мир тебе. Твой покой не нарушу.
Отчей родины, сгинувшей, жаль.

Почти все после прочтения стихотворения плакали. Да, слава Богу, выступил фольклорный ансамбль «Травушка» из посёлка Сухой. И мы все окунулись в старинную песню из села Мамырь «Не велят Маше за реченьку ходить». Этот коллектив собирает старинные песни местных деревень и на высоком профессиональном уровне их исполняет. Доказательством тому служат их многочисленные творческие победы по России.

Далее Нина Фёдоровна Жмурова представила свою книгу «Когда цвела черёмуха». Посвящена она мужу, Жмурову Ивану Алексеевичу. Книга эта о деревне Туба. Сама же Нина Фёдоровна из Киренского района. Но, слушая рассказы мужа, прониклась такой любовью к ним, что на основе рассказов Ивана Алексеевича ею была написана книга, и я, не удержавшись, привожу из неё воистину замечательные выдержки: «Вот сейчас нырну, проплыву пять километров, окажусь в своей деревне, – Иван грустно вздохнул, на глаза навернулись слёзы. Кажется, рукой подать, а не ступишь на крыльцо родного дома, не пройдёшь знакомой улицей: всё утопило Усть-Илимское море. Бывало, летишь на самолёте и, пролетая Качинскую сопку, видишь дорогую моему сердцу деревню Туба. Как будто выбежала она на пригорок и остановилась, заглядевшись на речку. Потемневшие от времени, шоколадно загоревшие на солнышке тёплые бревенчатые домики – избы, как ласточкины гнёздышки, уютно прилепились друг к другу. Подперев небо трубами, поблёскивая стёклами глазастых окон, приветливая, как мать, весело встречает тебя родная деревенька». «Сейчас смешно вспоминать, тогда мы устраивали потасовки, вставали в очередь, чтобы разжечь угли. Вот почему кузнец всегда был прокопчённым и задымлённым. Любили смотреть, когда подковывали лошадей, как подрезали, подстригали шерсть, убирали шерстяные наросты, грязь, примеряли подкову и прибивали её гвоздями к ороговевшему копыту». «Закрою глаза и как наяву вижу мамину тропку на ферму и маму. Встречая чуть проклюнувшуюся зарю, бежит она доить коров. А вон, твёрдо шагая по торной дороге, идёт в мастерские или выезжает в поля на тракторе отец. Сеяли свою пшеницу Тубинка, из её муки выпекали пышный, вкусный, духмяный хлеб».

Приведу несколько названий рассказов из книги: «Кто мне родину вернёт», «Васька не зря ест хлеб», «Хлеб – символ достатка», «Сенокосная пора», «Рассветы над Илимом» и т.д. Во всех подаренных мне книгах я видел старые деревенские фото, а Нина Фёдоровна, меж тем, читала своё стихотворение:

...Под себя вода подмяла
Пашни, избы и луга.
Морю видно места мало:
Злится, бьётся в берега.
Мне не мять хмельные травы,
Не обнять земли родной.
Здравый смысл, рассудок здравый
Омывается слезой.
На висках давно седины,
Моё сердце боль гнетёт.
Что в наследство дам я сыну?
Кто мне родину вернёт?

В этот день приехала на встречу Екатерина Машкина, у неё именно в этот день был день рождения. Екатерина Васильевна радостно её поздравила и предоставила ей слово, сказав, что она её землячка. Родители Екатерины жили в Илимске, отец – Вологжин Владимир Алексеевич, мама – Антонина Михайловна. Екатерина и сама многое помнит из босоногого детства: «История Илимска очень интересна, в интернете есть много интереснейших описаний и фото, впечатления переполняют. Четверо дочерей нас у мамы было», – и Екатерина прочитала своё большое стихотворение, посвящённое малой родине потом продолжила: «Самое историческое место у нас было башня и часовня, очень мы в детстве любили там лазать, как бы окунаясь в глубокую старину. Приезжали к нам и художники, которые рисовали башню и часовню. Жили весело и дружно, столько людей кругом, а мы всё на берегу камешки цветные собирали. Когда был ледоход, на берег выходили и стар и мал, льдины выдавливались на берег, а с ними оставалась на берегу разная рыба: щуки, ельцы. Люди собирали рыбу корзинами.

Однажды петуха на льдине унесло, орёт бедненький, весь такой цветной, красивый, все его жалели. А таймени были чуть ли не с человеческий рост. Тятя, помню, рубил тайменя топором пополам, делился добычей с другом. Гуляли празд-

ники все вместе. В пельмени клали копеечку, и кому попадало, считалось счастливый.

Как-то отец привёз и подарил мне на мой день рождения большущего глухаря. Так мы его с места не могли сдвинуть. Тятя с мамой приносили по полному турсуку черники. И мы подходили к этой горе ягод, была же она чистая, даже без листиков, а мы её без помощи рук ртами ели, чернющие становились. Мама с папой смеялись, глядя на нас. Было много змей. Помню, плыли мы с папой на лодке за груздями, мне лет семь было, да разве забудешь такое: ведь и привезли за раз пол-лодки белых груздей. Солили всё бочками: капусту, грибы, хариусов, щук...

Из Киргизии в наш леспромхоз привозили яблоки, брали их родители ящиками. Зимой отец пилил дрова, и из трухи выпадали замёрзшие мышки».

Потом Екатерина Васильевна угостила всех чаем и сдобой, завсегда так было у деревенских: и напоят, и повеселят, и накормят. Ансамбль «Травушка» всех пригласил в хоровод, и это было ощущение какого-то таинства. В голове крутились рассказы жителей затопленных деревень. И уж совершенно точно, что прошлое приоткрыло нам сегодня свою дверцу. А напоследок приведу цитату из книги Владимира Алексеевича Солоухина «Время собирать камни»: «Человек – явление социальное, национальное, историческое, и как таковой – он трёхмерен. У него есть прошлое, настоящее и будущее. Без одного из этих слагаемых он не то что неполноценен, но его просто нет. Он есть, как понятие физиологическое – жующее, пьющее, спящее. Но его нет как понятия социального и национального, он не историчен и, если хотите, не государственен…»

Берёзкины слёзы

Нынешней холодной весной 2016 года дворники, как всегда, отпиливали у деревьев ветки. Через три дома от моего расположены две полувековые берёзы. Догадаться об их возрасте было несложно, ибо в это время и строился посёлок Гидростроитель.

Именно до этих двух больших берёз я всегда выводил собаку, и пока та радовалась жизни, все прошлые года сверлил внизу маленькие дырочки и брал с берёзок драгоценный берёзовый сок. В этом году ветки у берёз обрезали чуть не до половины деревьев. В тех местах, где ветки были обрублены до краёв, земная вода сливалась по стволу вниз, и в этом месте берёзы окрашивались в яркий, оранжево-красный цвет. Они мешали электрическим проводам, но всё же какой горестной предстала картина: берёзы плакали по всему посёлку… Уж не к дню ли великой Победы готовитесь, сердешные наши? Ведь всё тут, и берёзкины слёзы, и кровь с их таких разных, но воистину прекрасных стволов…

И вот вспомнилось же мне одно моё неумелое стихотворение. История его была такова. Однажды, перед днём Победы, ко мне подошла руководитель фольклорного ансамбля Оксана Пляскина и сказала, что у неё есть придуманный ею песенный спектакль о вдовах войны, и она попросила написать стихотворение к началу действа. В итоге всё получилось и, глядя на берёзкины слёзы я, грешный человек, тихо читаю его:

О, вы русские вдовы – засаднило в груди.
Испытанья не новы, вы детей сберегли.
С верой в Бога стояли, дожидаясь сынов,
И молитвой спасали поседевших отцов.
Русь согбенная плачет, православьем живёт.
Только память не тает, ручей вдовий течёт.
Увлажняет скоромно материнский завет.
Сберегите, сыночки, вы Отечества свет.

Стихотворение это, с точки зрения профессионалов, нику-

да не годится, но тогда Оксану Пляскину оно выручило… Я подходил к обрезанной ветке, которая была толще, подставлял под неё банку и шёл на утреннее богослужение. Службы в последнюю неделю перед Пасхой длились с восьми утра до двух дня. Уставши, я правил путь к любимой берёзе, и видел в банке её слёзы. Нёс банку домой пил наипользительный нектар, угощал домочадцев. Так было три дня, а в четверг капающий сок от мороза замёрз, напоминая маленький застывший водопад. Вернувшись с пустой банкой домой, иду в родной храм Преображения Господня, а после службы одна старенькая бабушка вдруг преподносит мне большое гусиное яйцо и говорит, что держит гусей и хочет, чтобы я на праздник покрасил это яйцо вместе с куриными и угостился.

Перед самой Пасхой в двенадцать часов дня возле храма были установлены большие столы, на которых находилось множество куличей с крашеными яйцами. Стояла среди них и моя корзиночка, сплетённая моей тётей Евдокеюшкой в далёкой Нижегородской деревеньке. Отец Георгий освятил наши припасы. А в двенадцать ночи состоялась праздничная служба, и вот уж и Великая Господня народная светлая Пасха позади, позади и Великий народный праздник - день Великой Победы. Отстояв службу на Радоницу, иду домой, жду звонка от жены. А на улице ураган снежный, да вдруг вмиг и успокоился. Знает Господь, что людям надобно сродников навестить.

Еду с женой Ириной на погост. Там не так давно установили часовенку, я затепливаю свечи, покупаю цветы, и мы отправляемся давно известным маршрутом на могилку детского писателя Геннадия Павловича Михасенко. Затем я уже читал «Христос Воскресе» на могилках наших замечательных прихожанок Анны Ивановны Чусовой, Александры Егоровны Сухоруковой… Жена же Ирина была рада подснежникам, которые росли повсюду.

К вечеру, возвратившись домой и отведав окрошки, сажусь за письменный стол и пишу, опять же неумелое стихотворение:

Берёзкины слёзы в российской глуши,
Меня напоили нектаром души.
И вспомнились вдовы далёкой войны,
Надсада, надсада, труды да труды.
Кругом похоронки, вой бабий не счесть,
В дому ни краюхи, а надобно есть.
Пульсируют мысли, а деться куды?
Надсада, надсада, труды да труды.
В избёнках согбенных всё ж теплится печь,
Для матушек милых картошки испечь.
Детишки, детишки – их руки худы.
Надсада, надсада, труды да труды.
И лошади сдохли от голода враз,
Впряглись наши бабы , в районный приказ.
А вдовьи лица как камень тверды.
Надсада, надсада, труды да труды…
Не ведая хлеба, питаясь грибом,
На фронт отправляли обозы с пшеном.
Мальцы голодали и мёрли деды,
Надсада, надсада, труды да труды.
Прошла та война над родной стороной,
Кто жив там остался, кричали – ЖИВОЙ!
Безногий, безрукий испил той воды,
Надсада, надсада, труды да труды.
Берёзкины слёзы в российской глуши,
Меня напоили нектаром души.
И вспомнились вдовы далёкой войны,
Надсада, надсада, труды да труды.

Написав стихотворение, иду к телевизору, включаю второй канал и вижу идущие по всем городам нашей Отчизны Бессмертные полки. Дети, внуки, правнуки, праправнуки идут в праздничных колоннах и несут портреты участников той страшенной войны… Я сижу на диване, а слёзы, не спрашивая на то моего разрешения, уже давно бегут с моих глаз… Холодная выдалась весна нынче, но в Сибири это не диво. Люди по-

прежнему, как и многие века назад, хотят мира в своих домах, хотят здоровья и общечеловеческого счастья. Пресвятая Дева Богородица, моли Бога о нашей России, о всех православных христианах…

Ольга Афанасьевна

Ольге Афанасьевне Волошиной жилось сейчас нелегко. Да и то сказать, много в России нашей многострадальной за чертой бедности людей оказалось. Мужа схоронила в 1993 году. Как власть в стране поменялась, так сразу три инфаркта – один за другим. Муж её Андрей был коммунистом, простым работягой, верил в партию, а когда всё рухнуло в одночасье – и он рухнул.

Дети – два сына и дочь – разъехались по разным местам, у всех семьи. Писали ей письма, и за это спасибо. Знала от многих людей её возраста, что не пишут многие. Да далеко ходить не надо: соседку Клаву сын совсем забыл, хоть и живёт богато, а вот забыл. Одной в квартире жить особенно скучно бывает, завела собаку овчарку. А почему овчарку – это время и жизнь подсказали. У Ольги Афанасьевны была добротная дача. Когда был жив муж, добирались до нее на машине. Но потом машину продала и стала ездить на автобусе. Приезжает однажды в начале сентября, и видит такую картину: стоит возле её калитки машина «Жигули», а на участке двое мужиков и баба картошку её родимую выкапывают. Ольга Афанасьевна не робкого десятка была женщина, закричала на них: «Что же вы делаете?» А мужики подбежали к ней, затащили в домик, рот тряпкой заткнули и связали. А домик закрыли.

Вечером приехали соседи, заметили беспорядок на поле, зашли в дом и обнаружили её. Вот и решила Ольга Афанасьевна собаку овчарку завести. На будущий год те самые воры опять приехали на «жигулёнке» воровать. Вышли с пустыми мешками, лопатами, а Ольга Афанасьевна на даче была. Увидев обидчиков, без всякого сожаления, спустила она с цепи свою собаку Джека. Потрепала их собака немного, да на зем-

лю положила всю троицу.

Вскоре приехал сосед на КРАЗе, с годами накопленное у него чувство несправедливости тоже прорвало, он дважды переехал на своей машине «жигулёнка». Милицию вызывать не стали, знали, что все равно воров отпустят. Крепко покусанные, без машины, воры уковыляли. А сосед с соседкой даже выпили немного: стресс был жуткий, как не выпить. Поначалу ожидали мести, и потому по очереди стерегли дачи, были готовы ко всему. Но всё обошлось.

Был у Ольги Афанасьевны и гараж за городом, в кооперативе. Вот и ходила она с собакой за картошкой и солениями в качестве прогулки. Привык наш народ к такому питанию, ведь на одну пенсию никак не проживешь, просто гибель без огороду-то! Соседей стареньких она не забывала: и огурчиками солененькими угощала, салатами всякими. Но ворье, к великому сожалению, процветало повсеместно. И на кооператив гаражный тоже обрушились, хоть и дежурили мужики и женщины, да уследить тяжело было. Ведь воровали не только ночью, но и средь бела дня. Вот и открылся поток людских жалоб на председателя кооператива, а тот за голову хватался и в отчаянии говорил: «Не знаю, что делать. Поймали мы трёх наркоманов, позвонили, приехала милиция. Забрали». И эти же наркоманы пришли к председателю и сказали, что, де, спалим твой гараж. Да и желающих занять место председателя не было. Днём люди широко обсуждали, как же спасать гаражи. А ворье тем временем их вскрывало и опустошало.

– Да, – думала Ольга Афанасьевна, – раньше при Советском Союзе такого не было... Ну были, конечно, отдельные случаи, а теперь это стало повсеместно. Утром достала из ящика письмо и обратила внимание на почтовые ящики. Все они были чёрные и помятые как после артобстрела. Писала дочь и обещала с сыном приехать погостить недельку. А у русского человека, особенно без картошки, это не жизнь. Удивительно привык наш народ к картофелю, оно и понятно – вкуснотища...

Взяв своего Джека, санки, Ольга Афанасьевна отправилась

в гараж. По дороге встретила знакомых из кооператива, те сообщили, что этой ночью опять был набег. Подходя к своему гаражу, сразу почувствовала неладное: возле ворот было всё вытоптано. Сами ворота были закрытыми, но был сбит навесной замок. Сразу поняла, что и её гаража очередь настала. На полках раньше лежали инструменты мужа, их не было. Залезла в подвал. Все банки с заготовками на зиму были украдены, наполовину пуст отсек с картошкой, лишь несколько вилков свежей капусты оставили. С сердцем стало плохо. Джек, почуяв неладное, громко залаял.

– Ничего, Джек, успокойся, сейчас отдышусь и поднимусь.

В голову сразу пришло, что ведь они опять придут, картошки ещё достаточно осталось. Прямиком пошла в милицию, написала заявление, но милиционер сказал: «Бабушка, у нас есть дела поважнее».

– Но ведь они опять придут, их поймать можно.

Но милиционеры лишь молча вздыхали.

Ольга Афанасьевна, вернувшись из милиции, покормила Джека, самой есть совсем не хотелось. Легла и уснула. Когда проснулась, был уже вечер. Живёт в человеке что-то, и многие люди об этом часто говорят… как будто чувствуешь, что что-то случится...И она, взяв Джека, одевшись потеплей, пошла проверить гараж. По дороге вспоминала свою жизнь. И мужа любила, хороший он у неё был. Бывало, как в кино получалось: на день рождения всегда цветы, а главное, любовь свою беззаветную оба отдали детям, троих воспитали. Не выдающиеся детки, конечно, но в общем-то ничего, хорошие, а это тоже много значит. И вот не думала, не гадала, что на старости лет будет за свой урожай воевать. А как не воевать, ведь с детства все к этой пище привыкшие. Кто не даёт этим ворам самим трудиться? Земли в России много, сажай, самое простое – картошку-то вырастить, а потом и ешь себе на здоровье. А вот нет, сажать не хотят, а жрать хотят.

В городе были такие, что прямо дома продавали «катанку» (некачественный спирт). А за катанку носили и картошку, и соления всякие. Ни те, ни другие ничем не брезговали.

Как много в советских фильмах говорилось о совести, чести, где это сейчас, в каком месте? Так думала пожилая женщина. Но подстраиваться под новое время она не хотела. Подойдя к гаражному боксу и посмотрев из-за угла в сторону своего гаража, увидела то, что и должна была, наверное, увидеть. Возле гаража стоял синий «жигулёнок», в него загружали оставшийся картофель. И такая обида подкатила к женскому сердцу, что забыв про осторожность, хотя какая тут осторожность, она пошла напрямую, как в бой: «Положите на место, вы её не садили».

Два парня, грузившие мешки, остановились и тупо уставились на женщину. Джек рвался в бой. «Мы тебя потом порвём, если собаку спустишь». «А мне, сынок, не страшно умирать-то, пожила я, а вот вам, небось, хочется пожить». Из гаража появился третий, подросток совсем и задал тон: «Пошла вон, сука, и кобеля своего забери!» Руки, державшие поводок, разжались. Джек быстро повалил на землю первого, остальные бросились убегать. Но на пути у них встали четверо мужчин, дежуривших в эту ночь. Окружили их быстро. Вызвали милицию. «Ну, ты, бабка, даешь, хоть на работу к нам тебя бери», - сказал знакомый милиционер. Ворьё это давно на примете у милиции, вот только с поличным не пойманы. В кооперативе две тысячи гаражей.

Утром весть о подвиге Ольги Афанасьевны разнеслась по всему кооперативу. А героиня в это время тихо спала дома...

Сейчас по телевизору много болтовни, много считающих себя умными телеведущих, много они рассуждают. А простому народу приходится самому спасать свои урожаи, потому как на них большая надежда. Мне невольно вспомнилась народная пословица про коня на скаку и горящую избу. Спи спокойно, Ольга Афанасьевна, и ты, Джек, вы победили в неравном бою в этой, подчас очень сложной, человеческой жизни...

2007 г.

Ещё не так давно...

Ещё не так давно, когда нанимали работников, будь то печь русскую сложить, или крышу перекрыть – да мало ли работ по дому-то – хозяева всегда кормили работников, хоть те и работали за деньги. Ещё раньше собирались деревенские гуртом и дома ставили за день-два, печи клали сообща, но это было, было...

Ныне же люди сплошь и рядом вставляют пластиковые окна, и мне не раз приходилось слышать от работников: «Вот, работаю несколько часов, и чаю не предложат». Затем, о чём-то вспомнив, добавляют: «Разные, конечно, люди бывают, случается и накормят даже». Старинная русская традиция – кормить нанятый люд – в нынешнее меркантильное время зачастую поросла быльём. На мои вопросы об этом я получал такой ответ: «А зачем? Я ведь ему деньги плачу». И здесь трудно спорить, каждый сам решает, как ему поступить.

Господи, Создатель наш небесный и Заступник, как прекрасно, что в моей жизни было деревенское детство. И я вспомнил свою бабушку, Татьяну Ивановну Куванову. Как они с тётей Дуней наняли печника. Как сами, вместе с моей мамой ходили на реку, таскали оттуда песок, глину. Как очень сытно кормили своего дорогого работника. Так было заведено на Руси. И печник тот, конечно же, получал деньги за свои золотые руки. Хорошо помню ту огромную радость моей бабушки: ведь в доме топилась русская печь!

Электромонтёр Валера Евтихов рассказывал мне: «Бывало, ещё работу не закончу, а уж люди зовут отобедать, сала со-

лёного обязательно с собой дадут». Вздыхает: «Сейчас такого нет». И его товарищ вспоминает: «Привёз я доски одному мужику, а тот нагло так командует, чтобы я ближе к дому подъехал, а там заехать почти невозможно, всё барахлом завалено. Наша фирма нам запрещает близко к дому подъезжать, велит возле него вываливать. А он ещё и хамить начал. Вывалил возле дома и уехал.

Опять загружаю доски под новый заказ. Снова та же история, но женщина добрая. И я ей выгрузил там, где никто бы не проехал. И покормила потом. Разные люди…».

Пластиковые окна красуются теперь по всей матушке России. И вставляют их работники ежедневно. Только и осталось мне, глубоко наивному, вымолвить: «Не забывайте, добрые люди, хотя бы напоить работников горячим чаем. Не забывайте исконно русские традиции, негоже эдак-то...»

Женщины русского поля

Вот уже какой год я пою в правобережном хоре «Русское поле» и не перестаю удивляться широте характера своих коллег. В основном это женщины – простые русские женщины, большинству из которых давно уже перевалило за шестьдесят. Кто-то и войну захватил, голод и холод, и сидит всё это в их памяти, спит, дремлет, но нет-нет, да попросится наружу. Иногда на репетициях, в перерывах, после песенного надрыва, кто-нибудь заведет разговор о жизни, другая подхватывает, третья. Так случилось и совсем недавно, во время Олимпийских игр…

Клавдия Петрова

– Зубков-то наш, знаменитый саночник, на Братской санной трассе тренировался, – встрепенулась вдруг Клавдия Николаевна Петрова. – А я с внуком неподалеку в санатории «Ладушки» отдыхала…Гляжу как-то, а внучок мой с ребятами уж и на лёд Братского моря вышел. Заволновалась я и, чтобы скоротать путь, взяла дощечку да с этой знаменитой трассы-то и съехала. Мчалась, наверно, быстрее Зубкова – за внука так испугалась. В ушах ветер свистит, страшно, ничего не вижу, но думаю только о внуке. Скатилась, добежала до моря Братского, обняла внучонка – и ничего боле не надо…

Клавдия Николаевна – старейшина хора, и потому представив, как она мчится по трассе со скоростью олимпийского чемпиона, подруженьки не могут удержаться от улыбки.

– Отчаянная ты у нас, Клава…

– Так жизнь такая была…

Клавдия Николаевна родилась на острове Антоново и, вспоминая о том, что жила в «рыбных местах», непременно поправочку делает:

– Рыба была – у кого мужики были… У меня, например, дед был жив. Вот за счет его и питались, ловил ельцов, песка-

рей (у нас мальчегонами их называли), еще и другим помогали. Мама с работы придет: «Кланя, беги вот – Протасовым отнеси ельчишек. Кланя, беги вот – Михеевым отнеси».

Клавдия Петрова

Мужиков-то на войне покосило. Остались одни бабы с ребятишками. Мы иногда встречаемся с Константиновым, в соседях жил, он и говорит: «Клавдея, почему так было: к вам придешь – всегда поешь»? А у нас, если честно, мама, бабка, я, Миша, и никакой еды. Отвечаю: «А мне казалось, вы богато жили». Хохочем.

Всем досталось. Хлеба, помню, совсем не было. Председатель у нас боялся, чтоб на войну не забрали и всё подчистую сдавал государству. Некоторые, правда, неплохо жили – и булки, и пироги рыбные на столе лежали. У моей подружки отца на войну не взяли из-за «куриной слепота» (как вечер, он ничего не видит, до заката домой бежит), так он, бывало, мимо нас идет и кричит: «Верша, девчонку отправь по сусекам помести». Он кладовщиком был. Я приду, а у них – пироги! Помню, к ним тетки приехали, пряником меня угостили, и бежала я с ним домой, как с великим богатством…

Жизнь на острове была, конечно, по-своему удивительной, но далеко не сказочной. Одна только мошка чего стоила. Островитяне вспоминали:

– Коров из-за мошки днем не пасли, стояли в конных дворах. Они, бедные, от мошки аж падали и давали всего по 2-3 литра молока. Люди спасались сетками из лошадиных хвостов. Ещё и дегтем намазывались. На острове жил Ваня-китаец – гнал деготь. Сейчас, наверно, такого и не найдешь – любую болячку залечивал. Зимой не лучше. Придешь в коровник в пять утра, а там все снегом занесло, солому или сена привезут – в окошечко натолкаешь, а потом ходишь и раздаешь коровам.

Потом почистить надо, потом подоить, напоить. Корова ведра 2-3 выпьет, а их 25 голов, и вода на другом конце двора…

В Братске у многих островитян жизнь не сразу наладилась. Клавдия, к примеру, не чуралась никакой работы – мыла полы, топила печи, нянчилась с детьми, штукатурила, была мотористом-оператором. Одно время подрабатывала даже в доме директора Братскгэсстроя Ивана Ивановича Наймушина. Клавдию, как и большинство островитян, отличала врожденная скромность.

– Жена Наймушина, бывало, посадит меня за стол, чайку нальет: «Ну, ты угощайся». А я ей говорю: «Ой, не хочу, не хочу». Сроду не видела таких угощений, но нам всю жизнь говорили: чужого не бери. Вот и не брала. Полы мою, а под кроватью – коробки с конфетами. Я пыль только протру. Другая бы – в шаровары, а я и за столом боюсь взять. Но, когда ухожу, Клавдия Георгиевна все равно без гостинца не оставит – сунет в карман…

Последние дни своей деревни антоновцы вспоминают с грустью, но каждый по-своему. Клавдии это запомнилось так:

– На острове уже никого не было. Поехали мужики за смородиной – деревня уже догорала, а наш дом только начал тлеть. Брат даже заплакал. У нас баня была, рядом сенник, и как-то, я маленькой еще была, она загорелась. Ветер был с Кодары. Баня горит, а мы бегаем босиком и кричим: «Дедка, дедка, баня горит!», а дед: «Залазьте на печку». Пошел к божничке, взял икону, вышел на улицу, два или три раза обошел баню. Огонь все тише, тише и совсем погас... Дед вернулся и говорит: «Где бы вы, и сколько бы вы ни жили, никогда не сгорите». Сгорели…

Тут и Катя Сизова встрепенулась:

– А у нас до затопления в лесу на речке большой самогонный аппарат стоял – мужики устроили. Охлаждение отменное – речка уж больно холодна была. Так очередь занимали на это дело. Самогон, помню, получался некрепким – градусов двадцать пять. У всех были бутылки – «четверть» называлась. Но,

что характерно, не помню, чтобы пьяницы на деревне были. Только Троицу да Покров праздновали, а в остальные дни всё работали…

Екатерина Сизова

У Екатерины Андреевны голос очень похож на Зыкинский – я даже письмо по этому поводу великой певице писал: простая, мол, женщина, неизвестная, а голос – как речка. Больше сорока лет радует своим божьим даром жителей нашего города. Какая бы на дворе ни стояла погода, спешит в ДК «Транспортный строитель», и участники хора, завидев её, облегчённо вздыхают: третьи голоса только на неё и ориентируются. Да и жизнь у нее – как ориентир.

Родилась Катерина в деревне Кежма Братского района, что находилась в пятидесяти километрах вниз от Братска Острожного.От Заярска – двадцать пять километров вверх по Ангаре.

– Мой земляк, ветеран Великой Отечественной войны Михаил Афанасьевич Рыбкин, живший в деревне Степново, что в трёх с половиной километрах от Кежмы, написал книгу о наших местах, – рассказывала как-то Катерина Андреевна.- Он в Кежме учился. И я многое узнала из его книги. Например, что село Кежемское раньше звалось Волоковое, так как через него шёл водный путь с Ангары на Илим – волоком от речки Кежма до речки Турина. Место было по тем временам бойкое. В уже тогда в Кежме было шесть дворов, а первые упоминания о Кежемском погосте относятся аж к тысяча шестьсот шестьдесят седьмому году. Основателями Кежемской слободы являются братья Брюхановы, Савва и Иван, и Панов Василий с братьями. Исаков Григорий, служилый, в 1723 году основал деревню Исаково – так гласит летопись. В семнадцатом веке в Кежемской слободе была возведена часовня…

Все эти, казалось бы, незначительные детали для Екатерины Андреевны очень важны. Она даже где-то раздобыла ста-

рую карту и с не скрываемым волнением показывала мне на ней уже затопленную родную местность.

– Мой прапрадедушка Андриян пришёл в Кежму в кандалах, – рассказывала она. – По дороге в ссылку жена померла, а сыну их, то бишь деду моему, на ту пору было двенадцать лет. Хоть и были мы Дорофеевы, а звали нас Андрияновы. Мама в девичестве была Усова Вера Ивановна, тятя – Дорофеев Андрей Григорьевич. В тысяча девятьсот сорок седьмом году они поженились, а в 1954-ом мама умирает от заболевания лёгких. Мне было четыре года всего, брату Коле – три, Грише – два, младшенькой Насте – десять месяцев. Отец да бабушка, Варвара Афанасьевна Дорофеева, стали поднимать нас. Отец работал лесником в Кежме. Ох, и сила в нём была, по шестьдесят километров в день по тайге проходил. Дали отцу в лесхозе поляну большую под сенокос – неподалеку от Каймоново. Рядом – Мельничный ручей. Подойдёшь к бережку отдохнуть, посмотришь в речку, а там хариусы плавают – чёрные, большие. Нашу поляну люди до сих пор Дорофеевской зовут…

Земля у нас, помню, плодородной была – огурцы, как поросята. Картошка, брюква, репа, капуста – всё хорошо росло. На горе было кладбище, вокруг пшеница посажена – и стебли мощные. Косили сено и на острове Луково. Папа, помню, давал мне деляну, а другим говорил: «Она у меня всё выкосит». За задами сеяли коноплю, делали с неё тряпки, мочили снопы, делали нити на верёвки, мешки, вожжи, и были у нас, чтобы это всё изготовить, станки. За коноплёй стоял ельник, в нём росла кислица (красная смородина). Снег упадёт осенью, а из-под снега красненькие ягодки виднеются, и никто не собирал – на них сахара много надо. Маслят не признавали – только рыжики и грузди. Из рыбы – таймень, осётр. Бруснику и клюкву заготавливали бочками.

– Помню,тятя не разрешал цветы рвать. Говорил, что потом не вырастут. Очень злился, что ёлки вырубают. Совестливый был и строгий. Всё следил, чтобы пожара в тайге не было.

Придёт, бывало, с тайги, поставит меня на табуретку, сам от усталости с ног валится, а всё одно говорит: «Пой». И я пела: «Сронила колечко со правой руки». Зимой к нам с Наратая на санях через Ангару, приезжали на концерт, песни пели: «Лётчик соколом кружил», про молодого моряка…

– Очень я жалею свою деревню, и все жалеют. Началось затопление. Папа хотел в Калтук, бабушка – в Каймоново, но бабушка не вынесла всего этого умерла, и отец сказал: «Раз мама хотела в Каймоново, туда и поедем». И стали земляки разъезжаться кто в Кежемскую, кто в Кузнецовку, Вихоревку. Вот и живут теперь наши Усовы, Мокровицкие, Пановы, Жидовкины, Дорофеевы,Антоновы, Храмовские, Климовы, Семенюки, Непомнящие по всей округе.

А Кежемская, я думаю,от нашей Кежмы пошла. Некоторые дома, что были поновее, увозили. Наш дом, шестистенок (на ту и на другую сторону окна смотрели) оценили в три тысячи восемьсот рублей (до реформы). Добивался отец, добивался – нас ведь четверо на его шее – а восемьсот рублей так и не выплатили. У тяти слёзы с горошину с глаз катились, когда он свой родимый дом со всех сторон сеном обкладывал. Школу уже разобрали, сидим мы, смотрим, как дом наш горит. Мне десять лет на ту пору было. Помню, котят забрали, кошка по карнизу ходит, ищет их, а всё горит. Увидела нас и спрыгнула. Отец рядышком с нами стоит и плачет. До сих пор эта страшная картина перед глазами стоит.

Когда дом сгорел, поселились мы у Юшковых. Вышла я как-то под вечер к реке, смотрю – тётя Пана на берегу стоит и плачет. Потом вытерла глаза цветастым платком и с надрывом так запела: «Прощайте, кустики талины. Прощай, отцовский дом родной». У меня внутри все перевернулось, и я, чтобы она не слышала, тихонько стала подпевать ей…

В четырнадцать лет на конкурсе в Заярскея пела песню: «В жизни раз бывает восемнадцать лет» и заняла первое место. Подарили мне тогда книгу «Города и годы». Я очень обрадовалась, прибежала домой, а тятя эту книгу к порогу швырнул

и говорит: «Дрова надо пилить, воду носить, ограду прибирать, а ты поёшь». И не стала я ходить в хор. Да и то сказать: в доме нас четверо, и каково отцу с нами... Но как-то приходит к нам начальник леспромхоза Осадчий и говорит отцу: «Что ж не пускаешь-то её? Мы хотим отправить Катю учиться на певицу». (Екатерина Андреевна смущается – авт.). Не стала я на певицу учиться – как без меня отец? И пошла я работать.

Кругом леспромхозы стояли – Таджикский, Киргизский, Кустанайский. В местном леспромхозе платили меньше, и люди шли работать в Киргизский. Там давали продукты, одежду хорошую привозили. В 1966 году переехала в Братск. В семнадцать лет устроилась в УСД (управление строительства дорог) и строила Усть-Илимскую трассу до семьдесят второго километра. Потом был аэропорт, завод отопительного оборудования, БРАЗ, БЛПК – весь город в асфальт закатали. Тридцать шесть лет в одной организации лопатой махала. Теперь вот ноги болят…

Катерина Андреевна ушла на кухню, а я вспомнил: однажды в городе проходил песенный конкурс, и Екатерина Андреевна пела в дуэте с Ниной Колбосовой. На второй тур приехали они с опозданием, и представители жюри решили не допускать их к дальнейшему участию в конкурсе. Женщины, сильно расстроившись, хотели было уже домой уезжать, но тут к ним подошла председатель жюри Е. Кузьмина, народная артистка России, обняла и говорит: «Дорогие мои женщины, вы – святое зерно нашей отчизны». Катя с Ниной исполнили песню «Алёша» и получили Диплом.

Сколько лет поём мы с Ниной Колбосовой в народном хоре «Русское поле», а вот о жизни поговорили совсем недавно. Да это и немудрено: жизнь-то наша – в суете. Всё спешим, несёмся, глядь, а уже и внуки переженились. Помню, заминка какая-то на репетиции вышла, то ли музыкальный руководитель опоздал, то ли ещё что... Словом, сидим с Ниной и о жизни толкуем. Женщина она дородная – словно сошла со страниц сказаний о человечности русской бабы…

– Ой, Толик, дурные-то были чё, – грудным голосом говорит вдруг она. – Я с Тулунского района, село Владимировка. Бывало, всю ночь с парнями гуляешь, а утром – колхозная работа, так мы с подружкой в борозду заляжем и спим. А нас уже ищут, сбились с ног, но мы поспим маленько, встанем, а у самих внутрях – стыдобушка. Но взрослые-то они кто? Свои же земляки, поругают, да отступятся. Совсем ведь молоденькой замуж я вышла, едва восемнадцать исполнилось. Муж мой, хоть и грешно так говорить о покойнике, изверг был настоящий. Переехали мы тогда в строящийся молодой город Братск. Жили в бараках, и вот мой Николай с товарищем притаскивают как-то мне огромного осетра. Я же никогда не видала эдакой рыбины. Распарываю брюхо – мать моя родная! Икра чёрная вываливается, да много её. Мужики на улице стоят, курят, хвастают об улове. А я эту самую икру в помойное ведро и ухнула. Пришли мужики, видят такую картину, так мой меня чуть не убил. А где моя вина, где? Я ж деревенская, сроду не видывала этой чёрной икры. С тех пор, веришь-нет, противна мне эта икра. До сей поры не пробовала, да теперь уж и не попробую…

– Чего ни вспомнишь с мучителем моим, аж дыхание спирает... Однажды из деревни в два часа ночи на бортовой машине он живой скот привёз. У нас на ту пору двое малых детей уже было. Забегает в комнату, вдребезги пьяный, и орёт: «Поднимайся, Нинка, я мясо на продажу привёз». Мать моя честная, выхожу, а там бык годовалый, четыре свиньи и баран. Николай осатанел совсем, чтобы передо мной выхвалиться, открыл борта машины и орёт:«Принимай, Нинка, товар».

Господи, какое тут светопреставление началось: свиньи махом разбежались, баран тоже куда-то исчез, а бык давай вокруг бараков носиться и мычать! Да так громко, что всю округу разбудил! Людям с утра на работу, выскочили из бараков, откостерили Николая, а ему всё трын-трава – пьяный же. Я и спать не ложилась – какой тут сон.

Лишь к утру изловили мы быка. Когда рассвело, пошли

Слева направо: Таисия Чагаева, Нина Колбосова, Анна Московских

искать скот, глядим, а баран на крыльце общаги спит. Две свиньи нашли, а две куда-то запропастились. Мой изверг опять выхваляться стал. Сейчас, говорит, быка прирежу, взял нож и пошёл в сарай. Я трясусь вся (перед соседями неудобно, видела, что сонные на работу пошли), а он, гад, прости Господи, ну ведь гад же: сам ничего делать путём не умел, а быка по шее резанул. Бык на него, он – от него. И давай они круги нарезать.

Рядом, как на грех, милиция располагалась. Вышли милиционеры из здания покурить, а на них мой с быком несутся. С быка кровища хлещет. Не знаю, как вышло, но милицейская форма на всех оказалась забрызгана кровью. Отлупили они моего крепко, дорезали быка, а потом Николай меня бил… Бил он меня часто, я терпела, детей без отца не хотела оставить. Дурной он был, и помер от неугомонности своей…

Слушал я Нину и не понимал, почему женщины нашего хора чуть ли не на пол валятся от смеха. Мне было грустно, и я очень её жалел. Она в хоре одна из лучших солисток. И человек удивительный, неожиданный. На вчерашней репетиции вдруг говорит мне: «Мы вот скоро помрём, вспоминай нас. Нам бы только рядышком на погосте лежать – мы и там будем песни старинные петь. А ты, Толик, табличку сделай: «Здесь находится хор «Русское поле»…

Печаль её, однако, была недолгой:

– Впрочем, рано еще… Еще споем!..

Защитник земли русской

Задумок у людей всегда предостаточно, только не каждому под силу их воплотить в жизнь. Этот извечный вопрос живёт и неизвестно, сколько ещё будет жить. Но так уж водится в нашей стране, да и не только в ней, что политика государства очень сильно вмешивается в жизнь людей. В начале 90-х, после развала Советского Союза, большинству людей стало жить порой невмоготу.

Не сказать, чтобы Ивану совсем не везло. Была жена Нина, сын Игорь, работа на заводе, квартира, полученная за высокие производственные достижения в пыльном и грязном цеху, машина «Жигули» шестой модели и добротная дача, построенная своими руками. Нина привыкла ни в чем себе не отказывать, все чаще укоряла Ивана, заставляла уйти с завода. Иван терзался, не знал, что делать: зарплату не платили месяцами, а жить-то как?! Уйти? Куда? Везде бардак!

Нина работала заведующей в детском саду, и на пару с подругой решили заняться бизнесом. Сначала у них была одна «точка» на рынке, по продаже продуктов. Потом больше – и пошло, поехало. Жена стала совладелицей большого магазина. Познакомилась с одним бизнесменом «местного пошиба», и у них закрутился роман. Сына Игоря к тому времени призвали в армию. Нина хотела дать взятку военкому, но сын решил служить, что было удивительно редкостно для молодого нынешнего поколения: ведь была возможность ни ходить в армию… И как мать не упрашивала, Игорь ушел служить.

После проводин Нина рассказала Ивану, что любит другого человека, предложила развестись, оставив ему квартиру и машину. «Как же мне все пережить это? – твердил Иван жене, – ведь у нас сын, и люблю я тебя! Плевать на все разговоры, я хочу жить с тобой!» Нина была непреклонна: «Нет, Иван, прощай!» – и, положив свои ключи, ушла. Замок так защелкнулся, как будто в сердце что-то оборвалось.

Жена не была жестокой женщиной, она тоже переживала случившееся. Прожить вместе 19 лет – это не шутка. Сидя за рулем дорогой иномарки, она с какой-то горечью в душе подъезжала к своему коттеджу, к бизнесмену Василию Петровичу. По ее щекам бежали слезы.

Всю ночь Иван просидел в раздумье о жене, о сыне. Вспомнился ему вдруг родной до боли, милый сердцу, деревенский домик. Родители: отец Степан и мать Мария Михайловна, уже шесть лет, как умерли. Жили они хоть и трудно, но счастливо. И «небесная канцелярия» не стала их разлучать. Прожили они друг без друга только неделю. Вот и остался он сейчас совсем один… Сестра где-то на Сахалине живет. Он там и не был ни разу. Письма сестренка писала регулярно, чего не скажешь об Иване. Брат был очень благодарен ей за это. Сестра жила хорошо: дети, муж, любимая работа. И, слава Богу.

Иван, никогда не злоупотребляющий сильно спиртным, налил себе стакан водки и залпом выпил. Знал он о том, что в деревне всего несколько стариков осталось. Жить в городе, видеть знакомых, которые то ли из глупости, то ли из сердобольности рассказывали ему про Нину, Иван уже не мог. Как не мог понять простую, но вместе с тем очень сложную истину: «Почему же счастье такое хрупкое? Раз – и нет его».

Почувствовав однажды боль в груди, в области сердца, Иван решил проверить своё здоровье в городской поликлинике, записавшись на приём к врачу. Пожилая врач-кардиолог, прослушав пациента, поставила серьезный диагноз: «Сердечная аритмия». Требовались лечение и покой.

«Поеду, поживу в деревне, может, там нервы немного успокоятся», - уже совсем твердо решил Иван. Ему, как опытному мастеру своего дела, хоть и с большим трудом, но выдали расчет. Родное подворье находилось от города в 120 км. Заправив полный бак бензина и взяв необходимое на первое время из одежды и продуктов, отправился он в родную деревню.

«Шесть лет не был я после смерти родителей в своей деревеньке, – с тоскою размышлял Иван, – что ждет меня там?

Может, дом давно на дрова разобрали? Или спалили? Но раз решил ехать – отступать некуда. Завсегда так у нас!»

Въехал он в деревню, и на душе сразу стало горестно: Центральная дорога почти вся заросла травой. «Да, раньше бы такого в жисть не было. Коровы с овцами, козы, всё бы повыщипывали», – возмущался Иван.

И вот он, как будто из русских сказок, с покосившимся напрочь крыльцом, вросший в землю почти до ставень, но даже в таком жалком виде, по-прежнему, самый дорогой и милый сердцу, домишко. Иван стоял перед ним, крепко задумавшись, и не заметил, как подошел сзади дед Сергей:

– Здорово, земляк! Ты тутошнай чо ли, али как?

– Что, дед Сергей, не признал? Данилин я, Иван.

– Ваньша? Вот ёк-макарёк!

Иван обнял деда и сильно обрадовался, что хоть кто-то еще жив остался в родимой деревеньке.

– А много ли в деревне живых, сказывай, дед! Да пойдем в дом...

На двери висел нехитрый замок, а наверху, где было окошечко, лежал ключ. «Ничего не изменились с годами. Ключ на месте, а мы стареем, седеем», – думал Иван.

Войдя в избу, он сразу почувствовал запах сырости и запущения. «Русская печка, чугуны, ухваты, стол с посудой и даже самовар – как не украли? Каким чудом?» И, словно читая мысли Ивана, дед изрёк: «Мы приглядывали, хоть сторожа из нас никудышные, но все же догляд был».

Иван сходил к речке, что была неподалеку, набрал ведро чистой воды. Протерев пыльный стол, стал налаживать закуску, достал бутылку водки, налил по рюмочке. «Мне ведь много нельзя тапереча, Ваня». – «Да и мне нельзя, но помаленьку за встречу все же надо» – соблюли приличие односельчане, затем немного выпили и закусили. Дед раскраснелся и, как водится, раздухарился: «А чо, живем, Иван! Куда деваться? На деревне раньше 54 дома было, теперь все почти пустые, да многие на дрова и на слом увезенные. Старик Семен со

старухой еще живы, им дети с города продуктов привозят, не видят обои ничего. А в город не хотят, нет - и точка! Три бабки в одном дому живут, все трое – Дуняшки. Старые стали, вот и перебрались в одну избу, ухаживают друг за другом. Я с бабкой Настеной живу, но нам легше: к нам ребята наши завсегда приезжают. Не забывают, ек-макарек. И еще несколько старух живет. В общем, число стариков – четырнадцать, – подытожил дед Сергей. – А как же ты в такой сырости будешь-то? Пошли ко мне, баню натопим. Баяли, что с женой у тебя не сложилось?» «Да, дед! И город – большая деревня. Как здесь-то узнали?» «Да вот, узнали, деревенских-то много в городу наших. Все уехали, нас покинули, но все ж таки навещают, ек-макарек».

И вспомнив про баню, дед начал опять звать Ивана к себе. «Спасибо, дедушка, я постараюсь пока здесь обустроиться». «Да полно тебе! Пойдем, говорю, ко мне», - не успокаивался дед. «Ну, ладно, затапливай баню, а я все же приберусь маленько». Дед быстро ушел разносить великую новость по деревне.

Иван, вспомнив, как маманя лихо мыла полы в избе, тоже, подражая ей, стал наводить порядок, даже лампадку на иконе зажег. «Вернулся я, понимаешь? - говорил он, глядя на икону, а по щекам бежали слезы. – А что, если печь затопить? Задымит, небось? Не продохнуть будет. А что, и затоплю, как без нее-то?» Он выбежал во двор и, набрав в охапку дров, затопил печку. Двор хоть и был покосившимся, но дров было много. Отец любил жить с запасом.

Подымив немного, печь разгорелась. В избе становилось теплее. «Даже самый нижний кирпич нагревается, – пощупав печку, подумал Иван. – Да, умели раньше класть. Вот уж специалисты. От Бога. Не отнять».

Немного погодя, вышел Иван на крыльцо – и обмер. Все четырнадцать старичков, во главе с дедом Сергеем, стояли возле дома и обсуждали эту воистину великую, потрясшую всю деревню новость. Да и как не удивиться! Не спившийся

алкоголик, не арестант какой, а нормальный мужик, да еще и с машиной, вернулся в деревню... Вот новость, так новость!

– Ну, здорово, земляки! Заходите в дом. Отметим встречу, чем Бог послал, как в народе говорят. И началось у них нежданно-негаданное пиршество. Каждый из своего дома принес, самое лучшее из еды и выпивки: тут и карась жареный, выловленный еще утром в речке, и яички свежие, пироги на любой вкус: с грибами, яблоками, с кашей. И вот что удивительно – Иван совсем забыл про болезнь. Я даже достаточно много выпив спиртного и закусив, чувствовал себя хорошо. До позднего вечера сидели, вспоминали прошлую жизнь, говорили о нынешней, современной, и Иван не мог налюбоваться на милых старичков, слава Богу, живых, да еще с такой природной хваткой. Этой хватки у молодежи в городе-то мало, а у них, гляди-ко, сохранилась. Ух, удальцы-молодцы!

Проводив гостей, Иван уладился спать. Лег на свой старый диван, а он, будто почувствовав, что вернулся хозяин, даже и не скрипел, словно говорил: «Ну, поспи, отдохни, намаялся за день, сердешный». Утром его разбудили петухи, звонко, на всю деревню пропели они свой гимн проснувшейся земле. Сладко потянувшись, он встал.

Прошел месяц с того дня, как Иван вернулся в деревню. За это время он подлатал дом, утеплил его, засыпав завалинки опилками, поправил покосившийся полисадник, кое-что подкрасил, – и издалека уже сразу было видно, что в доме живет настоящий хозяин. Одна из старушек, баба Шура, корову свою привела: «У меня силы больше нет корову держать, а тебе надо молочко пить, вон какой из города бледный приехал... Пей, сынок! Помаленьку, глядишь и поправишься».

Иван, наладив косу, отправился на сенокос. Вспомнилось, как в юные годы выкашивался каждый клочок земли и если кто-то выкосит чужое, то драки не миновать. Теперь поле стояло все заросшее, травы на пять колхозов хватило бы, – высокая, сочная, – по пояс рослому мужику будет. За неделю упорного труда большие сушила на подворье Ивана были

полностью забиты. Вот бы мать с отцом порадовались, коли живы были.

Слова бабы Шуры, видно по всему, по-доброму были сказаны. Уже четыре месяца пил он парное молоко и чувствовал себя великолепно. Завел еще семь куриц. Корму для них было полно – и картошкой и рыбой подкармливал, а бывало, и молоком поил, которого было в избытке. А те, словно в благодарность, несли крупные и такие полезные для здоровья яички.

Навёл порядок Иван и на деревенском кладбище. Поставил новые, деревянные кресты на могилах родителей, да и всем старикам помог в этом деле. Данилины завсегда славились руками «золотыми». Старики нарадоваться не могли на Ивана: и пошутит, и поможет. На празднике на гармони так залихватски играет, что бабуси в пляс идут, забыв про свои радикулиты. Хорошее настроение – очень важная штуковина, надо сказать.

Но тревожные дни приближались. И как от них, не уходи, они все равно приходят. Такова суровая правда жизни.

С утра, покормив скотину, Иван вышел на крыльцо покурить. В глаза сразу бросилась незнакомая машина возле деда Сергея. Из неё вышел цыган, его золотые зубы было видно издалека. Почуяв недоброе и взяв лопату, Иван пошел навстречу беде. Сердце билось все сильнее и сильнее. Ох, дед, дед, только выживи.

Знал Иван, что ездит по деревням цыганская «артель» и грабит стариков. Вот и их, видно, черед настал. Из дома деда Сергея выходило четверо холеных шарлатанов. Один шёл, считая деньги, другой нес старинный самовар. Они по-своему что-то оживлённо говорили, за ними бежал дед Сергей и осипшим от горя и от обиды голосом кричал: «Ироды окаянные! Как вас земля только носит!»

Вдруг один из них, развернувшись, нанес сильный удар деду. Тот хоть и упал, но не успокоился… Завидев Ивана, цыгане были удивлены: как в забытой деревне нормальный мужик объявился? Молодой цыган подбежал к Ивану: «Пик-

нешь – зарежу! Кранты тебе, понял!» Иван неожиданно нанес ему удар лопатой прямо в нос, тот сразу упал и обмяк...

Что его хотят взять в круг, Иван догадался сразу. Не знаю, откуда берутся такие прозорливые мысли, но Иван вдруг примирительно промолвил: «Да я, мужики, ничего, я молчать буду, простите меня». И когда один из нападавших немного расслабился, ударил его лопатой по голове. В этот миг и почувствовал в боку сильную, пронзительную боль, но из последних сил крепко зацепил еще одного из нападавших. В глазах потемнело – и он медленно опустился на землю.

Оставшиеся два цыгана, увидев, как дед Сергей кого-то вызывает по сотовому телефону, видимо, испугавшись, затолкали в машину своих братков. Но один из них, вернувшись к лежащему Ивану, хотел еще раз пырнуть его ножом.

В этот момент дед Сергей, оправившись от удара, взял подвернувшийся под руки кирпич и кинул в цыгана, угодив ему между лопаток. Тот, взвыв от боли и оставив свои намерения, побежал в сторону деда. Дед успел закрыть за собою дверь, крича: «Щас приедут мои ребята, тут и утихомирят тебя, нелюдя!» Цыган, матерясь по-русски, быстро сел в машину – и был таков.

Дед Сергей, увидев, что нехристи уехали, подбежал к лежащему Ивану и запричитал: «Ванечка, милай, не умирай! Родненький, сердешнай, потерпи! Господи, помоги ему!». Перепуганные бабули стояли вокруг Ивана и молились все к ряду. «Господь, сверши чудо!» – жалобно просила Всевышнего баба Шура. Даже дед Семен, хоть и слепой, не растерялся в данной ситуации, а решительно командовал: «Надо немедленно остановить кровь! Язви вас в душу! – Ругался он.– Вы что стоите, перевязывайте его скорей!» Баба Настёна сбегала домой, сорвала простыни, на которых они спали с дедом Сергеем, и, второпях, с горем пополам, перевязали Ивана.

Вскоре приехала грузовая машина, за рулём сидел сын деда Сергея, Валерий. Выскочив из кабины и широко раскрыв глаза от увиденного, он только и успел вымолвить: «Вона у

вас чо!» Дед Сергей стал торопить сына: «Скорей его, сынок, в больницу вези!» «Я, отец, и «скорую», и милицию вызвал, пока добирался сюда. Вот-вот должны быть здесь».

«Скорая», не доехав немного до деревни, застряла. Доктор с санитаром быстро приближались к месту происшествия. «Да, рана очень серьезная и пульс едва прослушивается, - подытожил доктор. – Нужно срочно его нести к «скорой», чтобы подключить раненого к аппарату дыхания».

После подключения к аппарату и двух уколов Иван пришел в себя. Валерий с водителем «скорой помощи», застрявшей неподалёку от места ЧП, зацепив её тросом за грузовик, вытащили из колеи на дорогу и повезли потерпевшего в город. Старики, стоя возле дороги, еще долго смотрели вслед уходящей машине.

Приехавшему милиционеру они наперебой рассказывали о случившемся. Участковому давно было известно о выходках цыган. Их уже искали по всему району.

Какой опять тихой и скучной стала жизнь в деревне!.. Старики денно и нощно молились за здоровье Ивана, бабуси плакали, вытирая слезы краешком платка. Хирург, оперировавший Ивана, прошедший Афганистан, видел и знал очень многое. Во время операции у Ивана останавливалось сердце, но хирург, несмотря на отпущенный ему в данном случае мизерный шанс на спасение пациента, и до последнего борясь за его жизнь, всё же спас Ивана.

Столько посетителей в больнице давно не видел лечащий персонал. Многочисленные дети, внуки и правнуки, в знак благодарности за своих стариков, приходили навещать больного. Соседи по палате диву давались: «Надо же, Иван, сколько тебе продуктов несут?!» А он, угощая всех, весело шутил: «Бесперебойное снабжение».

Поправившись, Иван вернулся в деревню. Зайдя в дом, сразу заметил порядок в нем. «Спасибо вам, старички, что ухаживали за моим хозяйством», – подумал про себя хозяин.

Хорошая весть быстро облетела деревню. Жители снова

собрались за столом, чтобы отметить в этот раз выздоровление Ивана. Дед Сергей, вытирая слезы, все твердил: «Защитник ты земли русской, дорогой наш Ванечка».

Пока Иван лежал в больнице, шестеро сыновей деда Сергея повсюду искали цыган, но те исчезли бесследно…

К этому времени поздняя осень сменилась холодным ветреным предзимьем. А вскоре и зима засвистела вьюгами в окна. В деревне Иван со стариками решили весело отметить Новый год…. И вот уже ярко сверкает старыми, но такими прекрасными игрушками, новогодняя елка в доме Ивана. На праздничном столе домашние пельмени, пироги на любой вкус, холодец, утка в яблоках, самогон, наливка.

Гости, выпив по чарке домашней наливочки за уходящий год, принесший им столько радостных и тревожных событий, пели старые песни: «Под городом Горьким», «От людей на деревне не спрятаться», «Зорьку алую» – и многие другие, оставившие за долгие годы в душах этих простых, нехитрых тружеников свой незабываемый след.

Иван, сопровождая пение заливистыми переборами на гармошке, размышлял: «Как хорошо, что кто-то придумал такой замечательный инструмент. Да, поди, народ-то и придумал от скуки, веселья ради», – сам себе и ответил он. Как молодые, гуляли старики в эту новогоднюю ночь до утра. При бое курантов дед Сергей палил из своей старой двустволки, привезенной сыновьями на всякий случай. Горький опыт многому научил.

Вот уже два года прожил Иван в деревне и нисколько не жалел об этом. «С сыном бы повидаться – мечтал он. – Писал ему, может, приедет». И как будто кто-то подслушал мысли Ивана. Сын Игорь действительно приехал, да не один, а с женой Леной. Так случилось, что в армии он женился. Обнялись отец с сыном. «Отслужил, значит, сынок!» – «Отслужил, батя!» – «Забирай, сынок, квартиру. Я здесь останусь. Видно, так надо». – «Да что ты, батя! Нам мама уже купила квартиру. Нам ничего не надо. Тебя вот попроведать приехали». – «Вот и хорошо, вот

и молодцы! Я вас молочком парным попотчиваю».

Молодые погостили у Ивана неделю. В сельской вотчине им понравилось, но все равно уехали в город.

В соседней деревне, по словам деда Сергея, жила одна семья: трое ребятишек – две девочки и мальчонка, остались без присмотру. Родители их от пьянки угорели.

– Кабы я помоложе был, взял бы их к себе, – говорил дед.

– Почему в детдом их не забирают?

– Да кому что надо? Это раньше была власть, а теперь… Ты же сам все знаешь. И раньше порядку мало было, а сейчас вообще...

– Ладно, дед, съезжу я туда, – твёрдо пообещал Иван.

Соседняя деревня разительно отличалась от его. Сразу было видно, что в ней живет много пьяниц. Ребятишек нашел быстро, без затруднений. Подойдя к развалившемуся дому и оглядев его, Иван почувствовал, как к горлу его подкатил ком. «Господи, да разве можно жить в таких условиях?» – подумал Иван… И тут навстречу ему вышел мальчонка лет пяти и его сестрички. Грязные, чумазые, глядели они своими голодными глазенками на чужого дядю.

– Ну, ребята, здравствуйте! – начал Иван, протягивая каждому руку и давая по шоколадке. – Ну, как жизнь тут у вас?

Вперед вышел мальчуган и быстро затараторил:

– Да ни чо, нормально! Картошка есть, только кончится скоро, но мы и траву научились есть.

– А что, если сядем ко мне в машину, да поедем в мой дом, поживем маленько вместе. А если не понравится, я вас обратно привезу. Велосипеды купим вам, игрушки, – предложил Иван.

К ним подошла пожилая женщина. После смерти родителей она присматривала за детьми. «И вы хотите такой хомут на себя надеть?» – спросила она.

– Да вот, понимаете, хочу. А что, есть возражения?

– Нет, дело не в этом. Не обижайте их. Натерпелись они, ох как натерпелись.

Быстро запрыгнув в машину, ребятня загалдела на все голоса, хвастаясь перед остающейся здешней детворой, что дядя им шоколадки дал и велики купит. Шоколад почему-то они не ели. Только позднее Иван узнал, почему. Они экономили их на тот день, когда им нечего будет есть.

Хоть и взял Иван детей к себе, а растить помогала их вся деревня. Дети ходили чистые, умытые, сытые. Готовя еду, будь-то жареная картошка, суп с курицей или котлеты, Иван не мог нарадоваться на детей, с каким наслаждением они всё уплетали. Иван понимал, что ребятишек надо как-то оформить на свое имя. По вечерам, уложив малышей спать, Иван зажигал лампадку и просил Господа дать ему силы, чтобы вырастить детей. Прикипел он сердцем к этим бедным крошкам, мирно сопящим в теплом доме.

Боясь чиновничьей волокиты, он не обращался к властям за помощью, а просто продолжал воспитывать детей. Так прошло два года.

Вдруг нежданно-негаданно, нагрянула комиссия. «Вы что, с ума сошли? Не имеете никакого права!» – громко возмущались чиновники. Все старики вышли на защиту детей, но и это не помогло.

Тогда Иван решил предпринять контрудар. Поехал к бывшей жене. Нина, выслушав рассказ Ивана, прослезилась. Поговорив с кем надо и передав, кому надо, кругленькую сумму, она уладила это непростое и сутяжное дело.

– Спасибо тебе, Нина!– от души говорил Иван.

– Да не за что. Мне и самой теперь легче стало. Я богатая баба, ребятишкам помогла, так это мне самой надо, понимаешь?

– Счастлива ли ты, Нина? – неожиданно спросил Иван.

– Да если бы не нравился человек, не жила бы я с ним. А ты чего не женишься?

– Мне об этом и думать было некогда...

На том и расстались. Нина уважала Ивана, а он, в свою очередь, был благодарен ей за оказанную помощь.

Вернувшегося благополучно домой Ивана, ребятишки радостно встретили. И вдруг, Господи, как же это всегда неожиданно бывает, старший Артемка воскликнул: «Ура! Папка приехал!»

Сколько ни жило бы человечество на земле, и что бы по этому поводу ни говорили всегда «умные идеологи», но не было в ту минуту для Ивана ничего дороже и прекрасней этих слов! Потом будет школа, взросление, становление… А пока эти слова: «Папка приехал!» – для него стали главными в жизни. Сквозь слезы Иван твердил: «Ничего, гвардейцы, прорвемся! Не замечу, как и подрастут у нас в деревне ее будущие защитники».

По вечерам, сидя на скамейках, старики обсуждали события, происходившие в последнее время на деревне. Теперь приезжавшие к ним дети и внуки обязательно заходили к Данилину Ивану. Интересно всем было, как мужик на такое

серьезное дело решился! Вырастив своего сына, еще троих взял. Диво, да и только!..

Как-то под вечер Иван, напарив ребятишек в бане и покормив их супом со щавелем, уложил спать. Лежа в кровати, они его все донимали: «Папка, как ты такой вкусный суп готовишь? Научи нас». – «Да просто очень: беру щавель, картофель, вареные яички, лучок, морковку, соль, да колодезную воду. И печка наша русская, работница золотая – тоже помогает мне…»

Укрыв заснувших детей одеялами, Иван, одев пиджак, пошел к реке. Вечером, когда солнце уже заходило, на воде красиво играли и блестели его последние лучи. Проверив сеть, вытащил пять карасей с ладошку. «Ну, вот, и завтрак будет вкусным. Опять будут удивляться ребятишки: «Как вкусно, папка, ты жаришь рыбу».

Сам себе улыбнувшись, стал пристально вглядываться в сгущающиеся сумерки. Вечерний воздух, напоенный дурманящими медовыми запахами клевера и медуницы, слегка кружил голову Ивана, рождая в ней светлые житейские мысли. Перед глазами весело текла, серебрясь от заходящего солнца, речка…

«Жаль, что Игорь с женой не хотят здесь жить. – Продолжал думать Иван о старшем сыне с невесткой. – Спасибо, что хоть не забывают отца. Это очень важно. Может, скоро дедом стану. Нина что-то на эту тему намекала».

…Караси трепыхались в ведре, но Иван не слышал их. Так и стоял он с ведром, погруженный в свои мысли, время от времени вглядываясь куда-то в заповедную даль.

12 августа – 15 сентября 2007 г.

Друг резкий

Один лишь опыт говорит,
Что прежде нас здесь люди жили –
И мы живём – и будут жить.
Вот каковы все наши были!..

Алексей Кольцов

Виктор Базанов – мой друг резкий, но вместе с тем и очень добрый. С самого детства обучился игре на гитаре, на гитаре игра, и проросла в нём необыкновенная, я бы даже сказал, трепетная любовь к романсам и цыганским песням. Алла Баянова, Вадим Козин, Жанна Бичевская, Лидия Русланова, Владимир Высоцкий были его любимыми артистами, а среди поэтов – Сергей Есенин и Николай Рубцов.

Повзрослев, отслужив в армии, несколько лет работал в экспедициях по освоению северных территорий. Приходилось есть собаку их проводника-якута, ибо по дороге случился голод и не было другого выхода. Сам якут и разрешил это после тяжёлых раздумий. Горестный взгляд северного человека Виктор запомнил на всю жизнь.

Много раз с теплотой в сердце отзываясь он о жителях севера, говорил, что те очень не любят обмана, говорил и о необыкновенной их выносливости. Выучил несколько слов по-якутски, и местных этим смешил. Словом, претерпел голод и холод, пока судьба не занесла в Братск. Устроился на завод отопительного оборудования фрезерофщиком, женился. Часто пел на работе песни своих любимых исполнителей.

Бывало как праздник очередной наступал, мужики – токари, фрезеровщики, слесаря да сварщики – собирались и, знамо дело, – пили водку, кстати сказать – качественную ибо изготовлена была из зерна, которое произрастало в родимых деревнях. Вот в такие моменты Виктор и дарил своё творчество:

«Где тот погост? Вы не видели? Сам я найти не смогу. Тихо

ответили жители: «Это на том берегу», – пел Витя надрывным, проникновенным голосом. А кто были эти самые рабочие? Почти сплошь деревенские, вот и плакали они после таких песен.

Одному мужику за хорошую работу руководство завода намеревалось медаль дать. Он уже знал об этом. Да ведь как у нас, у русских мужиков, принято: взял да напился на радостях. Пошли они по цеху с другом в обнимку, глядят – Виктор у станка деталь фрезерует. Увидел он их и улыбнулся. Не понравилось это пьяным мужикам, стали до него докапываться, обидели Виктора словом. А тот, между прочим, в молодости боксом занимался, и ни в жизнь бы не стал их трогать, если бы шибко обидные слова в свой адрес не услышал. Словом, два удара – и те в нокауте.

Начальство всех после наказало, и главное дело, остался тот мужик без медали, хоть и действительно заслужил её. Много лет обиду на Витю таил, а к старости и простил, сказал только: «Сам я виноват, Витя. Лучше спой свои песни». И Виктор начинал семиструнным строем выводить: «В этой деревне огни не погашены. Ты мне тоску не пророчь…»

Было это уж, когда девяностые настали. Пришёл к нам пьяный бывший токарь (тогда он был офицером), наблевал у нас в каморке, а убирать за собой не захотел, хоть Виктор по-хорошему просил. Дело кончилось тем, что офицер (хотя убеждён, что к этому, воистину прославляющему нашу Отчизну званию, он никакого отношения не имеет), убежал из цеха, ибо Виктор и ему набил морду. После, виновато глядя мне в глаза, говорил: «Толик! Я бы ни в жизнь не тронул, да и тренер нас предупреждал не применять бойцовские навыки. Но вот не могу я против хамства устоять, не могу. Они ведь, хамы эти, элементарно даже наших классиков не читали... Ежели бы читали, не пошли бы на такое свинство».

Расчувствовавшись до предела, Витя продолжал: «Помнишь, Колька у нас работал, мастером его назначили. Поехали мы в колхоз на уборку картофана. Он что сделал? Поймал

голубя и с живого шкуру снимает. Я говорю ему: «Ты убей его сначала, если захотел мяса, а потом и снимай шкуру». Колька же, улыбаясь, продолжал своё дело. Ну как тут не набить морду? Хоть и понимаю я, что это грех. Дал гаду под оба глаза, ибо есть в жизни такие моменты, которые нельзя допускать ни в коем разе». Смотрел я в такие минуты на друга и был рад, что он есть в моей многогрешной жизни. В эти, ставшие для нашего народа большим испытанием девяностые, мама Виктора, живущая на Украине, прислала ему письмо, где сообщала, что здоровье совсем плохое. И Вите действительно повезло: хоть нам тогда зарплату давно не платили, ему же за долгий и честный труд выдали денег, и он уехал на Украину. Там и похоронил свою маму. Умирала та тяжело. Вернувшись в Сибирь, Витя очень долго болел душой.

На Украине осталась мамина квартира, и какое-то время он её сдавал, думал, может, дети подрастут, кто-то решит поехать туда жить. Помню, говорил он тогда: «А знаете, мужики, на Украине легче бичевать, там груши кругом растут». И сибирские мужики соглашались с ним, кивая понимающе седыми головами. Я же, слушая друга, вспоминал, как в те, уже ставшие такими далёкими годы, посылали нас в колхозы. Кстати сказать, принято считать, что убирали одну картошку. Неверно это: мы убирали всё, что даёт нам наша дорогая и милая сердцу земля. Знаю, что по всей стране это было, многим не нравились такие поездки, а я был рад, ведь молод был...

Играет Виктор Леонидович на гитаре, замечательно поёт, а рядом костёр (надо сказать, что в первый день приезда все мужики выпивали, и начальство с этим мирилось, ведь тайком и они выпивали). Так вот, играет Виктор, а мужик один в пляс пустился, да до того в кураж вошёл, что о мангал, стоящий на костре, головой ударился. Все опешили, ведь обжёгся мужик. А тот, с обгоревшими волосами, снова в пляс пошёл.

После мужик тот прямо на работе подходил к Виктору и уводил его в нашу каморку (мы её ещё бендэшкой звали), и просил что-нибудь спеть для души. Гитара у Виктора была на

работе, и начальство это порой не одобряло, но Виктор был хорошим фрезеровщиком и почти с самого начала основания завода работал в нашем радиаторном цеху. Да к тому же и начальство не без души. Мужика того много позже сбил паровоз.

Зарплату тогда не платили совсем, но мы ходили на завод и работали. Радиаторы, котельные установки всё же покупали, начальство договорилось с ЖКК, что будет поставлять им нашу продукцию в обмен платы за квартиру. Долга за квартплату у нас не было. Но как жить? Нам привозили китайскую тушёнку, выдавали остатки колбасы из нашего же разворованного подсобного хозяйства. Но это были крохи.

Не вынес разрухи бывший начальник подсобного хозяйства Князюк, ушёл на пенсию. Да и как выдержать, ведь у него одно из лучших хозяйств в области было, вот сердце и дало сбой. Приходилось и мне работать на этих современных на ту пору фермах. Поголовье свиней было огромным, коровы, лошади, и всё оборудование по последнему слову техники. Свои огромные поля. Однажды в хозяйстве сгорел сеновал, но проблемы, чем кормить скот, не возникло: хозяйство Князюка было настолько крепким, что на полях были загодя устроены огромные копны сена, и мы зимой возили его на завод. Так что, ни у кого не занимая и не покупая сена, вышли из тревожного положения.

Смотря телевизор и понимая, что многие в нашей стране живут ещё хуже, чем мы, рабочие нашего завода терпели сложную ситуацию – это свойственно душе русского человека. Но потом как-то враз и продукты перестали давать. Питались все только с огорода, слава Богу, земля не предаёт. Если ты трудишься на токарном или фрезерном станке, то пищей с огорода ты много не наработаешь, а начальство, тем не менее, кладя себе в карман огромные деньги, с нас требовало работу. Детали на котельные установки мы выдавали, но уже с трудом. Бывало, не работали по несколько месяцев. Знали, конечно, что начальство продаёт продукцию и жирует.

Наступил в Витиной семье голод, ибо у него было трое детей, жена тоже потеряла работу, а запасы с огорода уже были съедены. Мне же было легче: моя мама получала пенсию, а жена была хорошей портнихой, и я помогал Вите продуктами. Но много ли поможешь, когда у самого тоже дети. Вот тогда-то Витя, изготовив обрез, решился отстреливать бездомных собак. Невыносимо больно было глядеть на него в эти месяцы, а он говорил мне: «Я, Толик, очень внимательно выбираю, пока точно не определю, что бездомная, не убиваю. Я грешный человек, но дети хотят есть. Простите меня, собаки! Вы спасаете мою семью от голода».

Сменился директор на заводе, и рабочие все к нему в кабинет ринулись, есть-де хотим. Виктор, не сдержавшись, закричал: «Не доводите до того, чтобы собак есть, ведь продукция наша нужна людям, а вы воруете, у нас воруете». Новый директор стал платить зарплату, и Витя как-то на перекуре сказал мне: «Господи! Хоть бы больше не доводилось браться за обрез. Дети мои нынче впервые за долгое время сосиски увидели». И Виктор Леонидович мой расплакался, словно ребёнок. Глядя на плачущего друга (хотя слезу выбить у него было почти невозможно), вспомнился мне и ещё один случай из этих вот девяностых.

Поставили мы с Витей сети, чтобы хоть сорожки да окунишек отведать, да порадовать своих домочадцев. Ночью на костёр и подрулили к нам незваные гости. По наколкам и тюремному жаргону стало вмиг понятно, что пришла беда: те оружием бряцать давай да на испуг брать. Виктор уж к топору потянулся, который под мешком лежал. Что во мне случилось, не знаю, да только говорю им: «Мужики, а хотите концерт! Друг мой на гитаре любую песню вам сыграет». Забрали они Витю, да повезли к его дому, чтобы гитару забрать. Всю ночь просидел я один, мысль в голове одна: жив ли друг мой. Ведь видел я, что Витя к топору потянулся, а их десять человек, да с оружием они…

К утру подъехали, высадили Витю и прямо заявили, что

убили бы нас, если бы не песни Виктора. Он им всё про Таганку пел: «Таганка, я твой навеки арестант, погибли юность и талант в твоих стенах». Тут же и уехали они, а Витя мне и рассказывает: «Когда гитару дома забрал, стал играть им цыганские романсы, им это не полюбилось, убить меня задумали. А я им вдруг про Таганку запел, тут они и растаяли душой, раз десять повторял её. Они ж хоть и бандиты, а душа-то есть, она у всех у нас есть. Ну, думаю, пристрелят, не пристрелят, и саданул предложенную мне кружку спирта. У них целая канистра спирта имелась. А чо, думаю, пьяным, может так статься, и помирать легше будет».

Замолчал после этих слов мой друг, погрустнел враз: «Какое там, Толик, легче. Дети мои, как без меня выживут?»

Поймали мы за эту ночь всего несколько сорожек, а перед тем, как тронуться домой, к нам подъехала милиция – искали они тех, как оказалось. Господи! Как было не вспомнить об этом случае, ведь могло так статься, что и не написан был бы этот рассказ... Но и тут горевать не стоит, ибо в нашей России-Матушке много чего пишут, и писателей, слава Богу, хватает, не зря же кто-то очень правдиво отметил, что в России засухи на таланты не бывает. Но вот про детей Виктор правильно отметил, тут уж даже не трепыхайся…

Воспоминания не отпускали мою грешную душу, теребили, ведь жизнь-то эта твоя, всамделишная, это, надо думать, работа мозга, от которой не убежишь. Наш завод отопительного оборудования гремел на всю необъятную страну. В каждом цеху был молочный бар, сауны, каждому желающему выдавались санаторные путёвки, велось своё подсобное хозяйство, дававшее нам наисвежайшую свинину по минимальной цене. И яхт-клуб свой был, своя замечательная футбольная команда, свой конный завод, своё замечательное здравоохранение. И самое главное: действительно была забота о людях.

Руководил заводом Пётр Николаевич Самусенко, награждённый орденом Ленина за строительство нашего завода и жилого района сорок пятого квартала. Ведь люди из бараков

переехали в современное на ту пору многоэтажное жильё. Жили, работали, и это теперь видится как сказка, в которую и сам веришь теперь с большим трудом. И дома эти, детские сады, школы по сей день служат людям...

Памятник нашему воистину легендарному директору стоит в центре нашего сорок пятого квартала, люди несут к нему живые цветы и прямо говорят своим детям и внукам, что если бы не он, то по сей день так бы и жили в насквозь промерзаемых бараках, и это есть правда. Наш сибирский писатель Василий Александрович Скробот, мой друг и соратник, написал две большие книги: одна называется «Исцеление», другая «Повиниться хочу», где описана жизнь людей нашего овеянного заслуженной славой завода отопительного оборудования, и что с нами стало после. Горестно читать эти книги, ведь завод ныне разворован, а от былого восьмитысячного дружного коллектива почти ничего не осталось. Василий Александрович сейчас живёт в Иркутске, и я очень люблю говорить с ним о жизни, такие беседы как-то ещё спасают наши души...

Отвлёкся я от друга своего, Виктора Базанова, но ведь и удержаться не смог, прости меня, многогрешного, дорогой мой читатель.

Лет тридцать с лишком назад посадил мой друг на своей даче три кедра. Почему так сделал, неизвестно, ведь кедру надобно много лет, чтобы дать урожай. Да видно не за урожаем гнался мой друг, а за красотой. Любил он глядеть, как по весне цветут его кедры, и не раз говорил мне: «Они чем-то цветение сирени напоминают». За это время выросли у Леонидыча два сына и дочь. Сыновья женились, нарожали ему внуков. Дочь его любимая умерла, шибко горевал он, даже гитару свою на долгие годы забросил. После того, как стал получать пенсию, ещё какое-то время работал в родном радиаторном цехе. Новое начальство (уж сколько раз менялось), приказало все станки перенести в другой цех, намереваясь всё железное в цеху изъять и отправить на металлолом…

Ныне наш цех состоит из одних стен и дырявой крыши,

даже с несущих конструкций всё железо срезали. Мой хороший знакомый по заводу Володя Алпатов работал автокрановщиком, и когда дело дошло до того, чтобы разбирать панели с цеха, наотрез отказался. Опытный работяга знал, что несущая конструкция без сварки – это могила, ибо, ежели зацепить одну панель, остальные могут придавить автокрановщика и людей, работающих поблизости. Приведу дословно слова Володи: «Толик! Я всю жизнь на автокране, всё знаю в этом деле, а молодого возьмут и заставят панели эти снимать, это же трагедия получится. Начальство деньги себе делает, а мне молодых парней жалко, которые соглашаются на такую работу. Я кого смог предупредил, а всех-то как упредишь. На горе людском все эти богатства начальников, ей Богу так. Почему не думают, что им тоже, как и всем, помирать придётся».

Вот тогда-то, когда станки ещё стояли в цеху, Виктор и сказал мужикам: «Всё, ухожу! Не хочу я в другой цех, душой не хочу»! Мужики принялись было звать с собой, а как было ему уйти, когда здесь душа его живёт... Скольких мужиков мы перехоронили, которые здесь же, в родном радиаторном трудились на совесть, которые без всякого сомнения пожили бы намного подольше, если бы не развалился наш Советский Союз…

У всех, живущих на земле, есть своя территория, но в России это уж точно на особицу бывает. Огромны, слава Богу, наши русские просторы, внепланово обустроил Виктор себе времянку. Была у него и плановая, но когда в молодости дали ему на заводе трёхкомнатную квартиру, то времянку велели сломать. Пустующую землю возле ручья и отгородил себе Виктор. Так делали у нас многие, ибо выживать как-то надобно. Получилось в длину метров сто с лишним, а шириною метров тридцать, и тоже с лишним. Добавлю к этому, что там везде рос лес, и Виктор его не стал рубить, он на поляне разработал землю под картошку, а в лесу, теперь им охраняемом, по осени стал собирать грибы. Рассуждал Леонидович так: «Я ведь видел, как лес возле ручья вырубают, ну, думаю, загорожу забором и спасу красоту».

Прошло с тех пор почти сорок лет, а сохранённый Виктором лес стоит да радует лесных зверушек. На его участке стоит в человеческий рост перевёрнутая широченная труба, друг мой насыпал туда земли да кабачки выращивает. Земля в трубе нагревается от солнечных лучей, плюс поливка, словно на дрожжах растут у него эти самые кабачки. По этой осени и зазвал меня друг мой к себе на дачу. Сели на природе, кругом сохранённый Виктором лес, стол, лавка. Витя горячего хлёбова из времянки принёс, выпили по рюмочке принесённого мной самогону. Знамо дело, по второй налили. Вспомнили, как выступали в художественной самодеятельности нашего родного завода, как ему всегда давали выступить последнему, ибо по признанию других артистов, это делалось потому, что после Вити их бы и слушать никто не стал... Словом, много чего вспомнили...

Гляжу на друга, на его улыбку, любуюсь чудным солнечным днём и слушаю стосковавшуюся по общению душу: «Толик! Кедры-то мои плодоносить стали. Я вначале не поверил, гляжу: на каждом более десяти шишек висит. Ну, думаю, здорово! А в августе гляжу: три дятла клевать их стали, и главное дело, у всех трёх окрас совершенно разный. Пугал я их, пугал, говорил им, я ж растил их тридцать с лишним лет. Не поняли меня они, все шишки и склевали. Гляжу как-то: валяется одна на земле, взял я её, ну, думаю, хоть одно ядрышко оставят, – ни одного не было. Ну да ладно, я ж не голодный, им, видать, нужнее. Мне, слава Богу, государство пенсию платит. А тут гляжу: кошки мои дружно так ходить начали к ручью. Ну, думаю, прослежу, и что же вышло? Оказалось, к ручью они пить ходили. Я долго потом над собой смеялся, ведь не догадался же, пока не увидел.

За Владимиром Путиным по телевизору наблюдаю, вижу – тяжело ему. Чую душой, что любит он нашу Русь-Матушку и стоит за неё горой. Помоги ему, Господи! Давно не было на Руси такого руководителя».

Улыбнулся друг, да давай альбом с фото показывать, целая

история страны там, и ведь у каждого такое наследие имеется. А я, глядя на чёрно-белые фото, думал о друге. Виктор же рассказывал: «Не поеду я на Украину из-за маминой квартиры. Там ведь убьют фашисты доморощенные. Жаль только, что и могилку не навестить. Теперь таких, как я, по стране много. Буду доживать свой век в Братске. Мне уж шестьдесят пять, Сибирь давно стала родной. Отец Севастополь защищал, героем был, да почему – был? И остаётся героем. Как же переменилась жизнь, как быстро люди забывают историю своей же страны...

Я теперь часто вспоминаю ту голодную жизнь: обворовывали ведь дачи страшно, и после работы сразу во времянку шёл, там и жил. Жена с детьми жила в квартире, за картошкой ко мне приходили. Так ты знаешь, Толик, всё своими глазами видел, вместе мы с тобой эту чашу хлебали, да что мы – вся страна. Но, слава Богу, перемогли безвременье...

Сторожил вот так раз я картоху, печь натопил, да главное дело, крысу прикормил, сухари всё ей оставлял. Так вот, сплю ночью и чую – она мне на грудь залезла и в глаза, главно дело, глядит... Смахнул её рукой, говорю, ну, чего тебе надо. А мне накануне рубаху новую подарили на день рождения, я прям с работы и припёр её во времянку. Гляжу – целлофан, куда была упакована рубаха, съеден, а сама ткань не тронута. Понимала, стало быть, что я её кормлю, что пакостить не надобно бы. А вот человек не всегда понимает.

Раз, помню, заболел, картошка давно кончилась, а я отлёживался в квартире, две недели не был во времянке. О котике переживал: как он там, не жравши, один? Ничего, выжил, видать – мыши помогли. Всё в нашей жизни интересно устроено, а многие этого совсем не замечают... А надобно бы замечать, ведь помрёшь-то когда – всё, отлюбовался».

Немного помолчав, Виктор Леонидович улыбнулся чему-то: «Когда приехал с Украины, по маме горевал так, что мочи не было, так мама твоя Анастасия Андреевна, угостила меня рябиновым вином, а чо я слабый же от всего этого был, захме-

лел, вышел на улицу, а в глазах среди зимы берёзы расцвели, вот как пригрезилось. Подумал тогда, спасибо тебе, русская женщина, за угощение». Так и просидели на свежем воздухе при чудной погоде до вечера.

Виктор поделился своей мечтой о том, что хочет написать письмо в театр «Ромэн» артисту Сличенко и отправить ему две свои песни. В обратную дорогу Виктор положил мне в пакет два кабачка, баночку кабачковой икры и помидоров. Идём не спеша по сибирской земле... Вот и автобус, обнимаемся, водитель понимающе ждёт и улыбается.

В такие, посылаемые нам Господом, дни хочется сказать всем людям на земле: будем же жить, хоть зачатую и тяжело. Будем же верить в доброту людскую и чудеса. Будем стараться с радостью встречать восход солнца, ибо Боженька посылает нам возможность любоваться мирозданием. Будем, конечно же, будем любить нашу Богом хранимую Русь!

Русские причуды

«Пора золотая
Была, да сокрылась,
Сила молодая
С телом износилась»

А. Кольцов

Деревня Коновалово. Сколько их таких по матушке Руси? Да поди – много, и никогда не угадаешь, что приключится на родимой-то сторонушке. Образ этого рассказа, как зачастую бывает в жизни, будет собирательным, но ведь в сущности все мы, пока живём, собираем: это и само рождение на белый свет, младенчество, юность, служба в армии, свадьба, дети, внуки, наконец, смерть. Но и она, в сущности, собирательна… В точности какие-то факты будут действительными, какие-то придуманы автором, ведь, живя в деревне, видишь всё по-другому.

Меня могут упрекнуть, что, де, в городе что ли не так? Отвечаю, что по-разному везде и повсюду, но деревенские жители – это совершенно особый склад характера, и он, этот самый характер, чистый, а сам труд на земле действительно облагораживает человека. Опять нарываюсь на упрёк в банальности, но эту истину повторять не зазорно, ибо это правда. Пишу же о деревенских жителях потому, что сам жил в деревне и очень её люблю. И это далеко не спонтанное желание, просто к этому идёшь порою целую жизнь…

И так, жил в сибирской деревне Коновалово кузнец Леонид Прокопьевич Клепиков. С мальчишеских лет уж примерился он, сердешный, к молоту и наковальне, а человек раз появился на Божий свет, так стало быть и в рост идёт. Взрослел, мужал и Леонид, вот уж и женихаться приспела пора, а он всё в кузне, мастерство у деда Игната перенимает. Девки, знамо дело, смеялись над ним, парни же уважали за удаль молодецкую. Ежели бороться ребята примеривались промеж собою,

то с Леонидом даже те, кто был и постарше, справиться не могли. А он совестливым был, понимал, что старшим неловко в схватке с ним проигрывать, потому-то и избегал он этих встреч, а пропадал напропалую в кузне.

Деду Игнату приспела пора помирать. Перед смертью он радовался, что передал дело Леониду. За сына его почитал. Пока несли гроб на погост, Леонид, на ту пору здоровенный парень, шёл и весь слезами обливался. Схоронили, помянули по-русски. А что делать? Колхозные дела ждать не будут повалили со всех окрестных сёл да деревень к Леониду. Стучал молот от зари и до темна. Мужики с бабами в поле до ломоты в костях пашут, а Леонид Прокопьевич вдруг бросит кузню, соберёт ребят, которые возле него всегда были, да с бредешком на речку. И уж вскоре на бережку щуки, караси, плотва вовсю расшевеливаются. Стоит Леонид весь мокрый, улыбается, после жаркой кузни его уставший организм вместе с ним радуется. И главное дело, так подгадывал момент, когда земляки с поля пойдут. Голодное, страшенное время было. Идут измученные до смерти бабёнки, а дума – то на сердце извечная: чем детей накормить. А их дети с рыбой дома встречают.

Знал о таких чудачествах председатель колхоза Расторгуев Семён Панкратович, но никогда не ругал кузнеца за то, что тот от работы отрывается, а наоборот – в душе очень благодарен ему был. Ведь даже грибов – и то некогда было собирать сельским труженикам. Но и тут не зевал Леонид: опять же с ребятами, кто постарше, и добывал для деревни грибочков. В Великую Отечественную войну из мужиков в деревне только он да председатель остался. Вся колхозная надёжа только на баб была, да на подросших ребятишек.

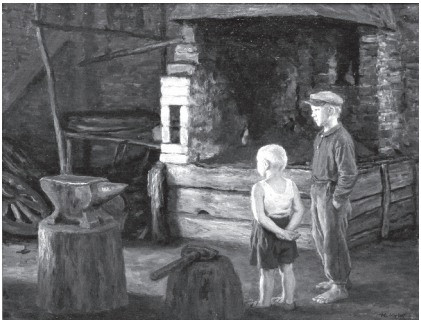
Ещё родителями Леонида Прокопьевича были посажены несколько яблонь. Но в один из годов у всей деревни эти яблони повымерзли, а вот у Леонида – нет. Дивились все этому, а он опять чудил: все яблоки ребятишкам раздавал, они матерям несли, а те молили Бога за здоровье Леонида Прокопье-

вича. И хоть из всех окрестных сёл и деревень везли и несли к нему для починки множество железа, Прокопьевич, всё одно, почитай всю войну – подкармливал деревню рыбёшкой, даже зимой.

Жил кузнец один, так уж сложилось, не привлекал его женский пол по известной части. Но никогда во всей деревне его никто не осуждал, а наоборот – шибко жалели. Из всего большого их села на войну ушло шестьдесят два мужика, вернулись же только пятеро, двое из которых – инвалиды. Те пятеро все в пояс кланялись Леониду за то, что спасал их семьи от голода. Так до старости и работал Леонид Прокопьевич кузнецом в колхозе. Позвали его однажды соседи в баню. Бабка Анисья, зная, как Прокопьевич любит париться, натопила баню, как говорят, до упаду. Сидит Леонид Прокопьевич на полке, мужики рядом вениками хлещутся да поддают всё парку. Глядят: дед сидит – хоть бы что, ещё поддают, парятся, не охота им показывать, что они слабее деда, но да и у них дыху не хватило – повыскакивали все в предбанник. Сидят, дивятся выдержке деда. На второй круг пошли. Дед сидит как ни в чём не бывало, покрякивает.

На второй раз напарились мужики, глядят на Прокопьевича, а тот вроде уж и не дышит... Стащили его с полка да бережно в холодный предбанник отнесли, положили на лавку, увидели, что дышит, и успокоились. А тот, открыв глаза, молвит им: «А чо Анисья, дров что ли пожалела»? Этим самым говоря мужикам своим особым языком, что, де – не надо было вытаскивать, что я, дескать, меру свою чую. Бабка Анисья тут же возле бани, выпалывая грядки с морквой, кричит деду: «Не жалела я дров, Прокопьевич, там после тебя ишо хоть полдеревни мойся». Выйдет тогда из бани Леонид Прокопьевич в белых кальсонах да в белой рубахе и скажет Анисье: «Не серчай на меня, многогрешного, я ить меру-то знаю, а оне, робяты, меня ране времени выташыли».

Спохватится Анисья да давай деда в дом приглашать. Самогону Прокопьевич сроду не любил, а вот чаю, бывало, вы-



пивал по целому самовару, говоря при этом, что его тятя и по два огоревал. А бабка Анисья, памятуя, что дед один в своей старой избе живёт, уж чугун щей из печи достаёт. Похлебает Прокопьевич супу, да домой направится. А бабка Анисья, глядя на удаляющегося деда в новенькой телогрейке, непременно скажет: «Храни тебя, Господи»!

Леонид Прокопьевич, хоть и перевалило ему за семьдесят, всё работал в кузне. И однажды мужики, зайдя туда по делу, обнаружили бездыханного деда. Вынесли его на свежий воздух, положили аккуратно на зелёную травушку, сняли кепки, со словами – де, отмаялся дед, погрузили его на бортовую машину да повезли. Привозят в район, подъезжают к моргу. Заходят внутрь здания, говорят, мол деда нашего почётного привезли. Им велели занести тело. Вышли они на улицу, а Прокопьевич глядит на них из кузова и слабеньким хриплым голосом говорит: «Везите меня, окаянные, в деревню».

Вечером вся деревня обсуждала эту новость, решив, что, видать, растрясло деда в машине, вот и опамятовал. Хоть война уже давно закончилась, наш народ, а особенно те, кто её пережил, хорошо помнили голод. Зарплаты в деревне у людей известно были какие. И поэтому, когда в сельпо привозили конфеты-подушечки, народ специально ждал, чтобы от летней жары они начали таять. И тогда продавщица скидывала на них цену, а деревенские жители, вёдрами их скупая, несли в свои подполья. После кто, отламывая сладкие слипшиеся подушечки, пил их с чаем, а кто на них и брагу ставил. Брал таких подушечек и наш кузнец, и по старой своей привычке раздавал их детям. И хоть война, слава Богу, давно была позади, мальчишки всё одно: не отказывались от дедова угощения. А Прокопьевич учил их, как ловить бредешком рыбу. И когда

расположившись на бережку, ватага ребятни варила в ведре уху, дед там был самым почётным гостем. Стали замечать жители, что в деревню стали попадать какие-то мудрёные словечки. Приехали из города к одним старикам их взрослые дети, ну конечно стол праздничный накрыли, дух вкусный пошёл. Зашла в гости и бабка Анисья. Поглядев на необычное блюдо, спросила: «Эт вы чего сготовили»? В ответ: «Манты». Поела бабка и побрела по деревне. Навстречу Леонид Прокопьевич. «Слушай, дед, – говорит бабка, – была я у Осиповых, они там какую-то манду сготовили...» «Прости меня, Анисья, я не понимаю о чём ты говоришь». И сколько бы Анисья не принималась объяснять, дед её не понимал.

Повезли раз в город на машине с высокими бортами живых коров, чтобы сдать их на мясокомбинат. Только выехали – дорогу перегородило стадо. Пока проходили коровы, одна из машины возьми да и выскочи. А как разобрать, которая выскочила? В стаде триста голов, и все серого цвета, которая из них, поди разбери. Поругали тогда водителя Володю, и он всё жаловался Прокопьевичу на то, что это не его вина. Леонид Прокопьевич подытожил так: «Стало быть, жить захотела корова». И, странное дело, Володя успокоился.

Помер Леонид Прокопьевич Клепиков тихо, никого не беспокоя. Просто заметили деревенские жители, что дед на улице не появляется. Заявились в избу, а он лежит на кровати и руки сложил, а рядышком на старой табуретке образок с ликом Николы Чудотворца стоит.

Хоронила его вся деревня от мала до велика. Сколько таких вот дедов по матушке России было? Конечно, много, и несли они свой крест терпеливо, не жалуясь. Придёт время, и те мальцы, которым Леонид Прокопьевич показывал, как бредешком рыбу удить, тоже состарятся и будут похожими на него и в делах, и в помыслах…

С курткой в руках

Привезли его на бортовой машине, свалили, как ненужное бревно, и уехали. Колькиной матери тут же соседи всё обсказали. Выбежала она, сердешная, видит сквозь набежавшие на глаза слёзы: лежит на земле её сын. По тому, как он что-то мычал нечленораздельное, догадалась, что, слава Богу, живой...

В этот двор по улице Байкальской я переехал жить уже довольно давно. Хорошо помню, как Николай, играя в футбол с малолетками, говорил им, что они в их возрасте играли лучше. И хоть это было запрещено элементарными правилами, стоя на воротах, он в азарте снимал с себя куртку и, держа крепко её в руках, ловил мяч. Когда же дело было зимою, то таким же образом ловил и шайбу. Взбрыкивали, конечно, мальчишки от этого, кричали, что, дескать, не положено, это не по правилам. Но Колька себе не изменял, и все пообвыклись с таким его действом.

На дворе стоял уже 2005 год, кто-то даже твердил, что жить стало легче, чем в девяностые. И я не буду с этим спорить, а просто опишу один случай, что происходил у меня на глазах. Прекрасно понимая, что кому-то и стало лучше... Мать Николая торговала семечками, но так как конкуренция была существенной, то, изрядно помёрзнув, возвращалась она домой, продав от силы десять, а в лучшие дни двадцать стаканов семечек. За квартиру платить было им нечем. Старший сын, вернувшись из тюрьмы, попил водки всего несколько недель да был убит кем-то. Похоронили его очень бедно, соседи по двору сбросились, да с миру по нитке и вышел ему гроб с необструганными досками.

Подросший к тому времени её сын Николай нанялся в лес работать. Вот в лесу-то этом и упала лесина, придавив Николая. Травма пришлась на голову. Местный предприниматель, нанявший Николая, распорядился отвезти его домой, не заплатив проработавшему на него несколько месяцев тружени-

ку ни копейки. Пролежав в больнице какое-то время, выписался Николай. Врачи сообщили матери, что травма сильно повлияла на психику. Николай после больницы и, правда, сильно переменился, осунулся, от скудного питания похудел, постарел... Одним словом, парень возрастом в двадцать пять лет выглядел на все тридцать пять. Выходил Николай с утра во двор и со всеми проходящими разговаривал. У кого курить попросит, и на диво всем, кто жил во дворе, пытался найти работу.

Вскоре мама его померла, а сестра продала квартиру, отправив Николая в какую-то ветхую времянку. Во всяком случае, так говорили во дворе. Сестре и в самом деле пришлось туго: она уже с кем-то жила, похороны мамы легли на её плечи, а оставшись жить один, Николай стал водить в квартиру, кого попало, те выпивали, шумели. За неуплату ему отключили тепло, отрезав трубу, не было и света. И однажды, видимо для того чтобы приготовить себе еду, он зажёг костёр прямо в квартире. Вот сестра и продала квартиру, потеряв всякое терпение.

С месяц я Николая не видел. Как-то, идя с работы, увидел его во дворе. Рассказал он мне такую историю: «А чо, сестра молодец – сделала себе деньги, а я в этой времянке жить не хочу, там дров нет. Был там на столе вилок капусты, я его весь изжевал, да книгу одну раз семь перечитал. Меня уж оттуда местные бичи выгнали».

Кормили и одевали мы его всем двором, ночевал же он в колодце, где, по его словам, было тепло. Как-то подъехала милицейская машина, вышел участковый и накинулся на Николая, что, дескать, паспорт не оформляешь. Я стоял рядом, говорю: «На что он сделает паспорт? На паспорт деньги нужны, да и штраф заплатить надо. Вам же известна история его жизни».

Участковый уехал, а Николай ещё долго стоял на холодном ветру. Да и мне не хотелось от него уходить, потому как он иногда говорил такое, что было нужно и моей грешной душе.

Сходив домой и взяв продуктов, несу Николаю, он их с радостью принимает. Люди уже не только нашего двора стучали по железному люку и давали еду бедолаге. Бывало, он помогал моему сыну Виктору рыболовные сети распутывать, и получалось это дело у него ловко, говорил при этом, что рыбачил сызмальства. Сын мой за помощь такую покупал ему сигарет.

Летом один мужик брал его для охраны своей дачи, кормил, и Коля парился в бане. Тогда наступали для него самые счастливые моменты в жизни. Но неизменно приходила осень, и он возвращался себе в колодец. Бывало, зимою его нанимали люди, жившие в своих домах, откидывать со двора снег. Рано утром, идя или возвращаясь с завода, я встречал Николая, спешащего на такую вот работу. И он всегда при этом говорил: «Вот – на работу пошёл». Много таких людей, потерявших своё жильё разными путями, живёт в нашей стране. Тысячи таковых померли в подвалах, колодцах, прямо на улице, многих я помню и по родному посёлку. Долго слушать передачи на эту тему по радио и телевидению я не могу: начинает саднить душа, наваливаются тоска и грусть. Тогда я всё отключаю и иду к колодцу, несу Коле только что испечённые женою пироги. Вылезет Николай из колодца, протянет свои чёрные руки к горячим пирогам и скажет медленно: «Спасибо». Его голубые глаза в непреходящей тоске смотрят то на меня, то на небо. И он довольно часто говорил в такие моменты: «Сдохнуть бы, я ж никому не нужен».

Однажды в воскресенье после церковной службы шёл я из храма домой, гляжу: Коля стоит на привычном месте, протягиваю ему просфорку, он смотрит на крестик и говорит: «Я тебя не знаю». Говорю, что это церковная просфора, она в алтаре была, намоленная. Пока он её ел, посоветовал сходить ему в храм. Батюшке много раз про него говорил, что, может быть, в храме какая-нибудь работа для него найдётся...

В общем, Коля решился, пошёл, его стали там кормить, но он по примеру таких же как он, стал просить милостыню. Стал покупать в маленьких бутылочках спирт с боярышни-

ком и выпивать. Стоил этот спирт совсем недорого, его пили и пьют по всей России-Матушке. Всюду, куда не пойдёшь, валяются эти маленькие коварные бутылочки...

В ту осень приехали сантехники и колодец, где жил Коля, закрутили на болты. И ту последнюю зиму своей жизни Коля жил где попало, и я его подолгу не видел. Но время от времени он возвращался в родной двор, где ему по-прежнему сердобольные наши люди давали еду. За зиму он совсем сдал и едва держался на ногах. Но зиму пережил, а по весне эти же сантехники предложили ему вычистить давно захламленный колодец, а в награду пообещали, что он там будет жить. Колодец этот был в его же родном дворе.

С усердием принялся Николай за работу, вытащив из колодца огромную гору мусора. От усталости присел на лавочку отдохнуть, вслух сказав, что де, покурить бы. Я купил ему сигарет, принёс еды. Он же радостно так воскликнул: «Вот новое жильё у меня будет, я уже его проверил. Вот только беда, если дождь пойдёт – пропускает воду».

Холодные весенние дожди не заставили себя ждать. Николая я не видел несколько дней. Потом люди из соседнего дома сказали, что приезжали из МЧС, доставали Николая из колодца. Как, говорю, доставали? Что случилось? В ответ: «Помер»...

Как часто в нашей жизни и в литературе звучит это слово, и всегда оно неожиданно... В такие моменты наполняется душа грустью. Начинаешь ругать себя за многое, считаешь себя многогрешным и, разумеется, это так...

Вскоре наступило лето, детвора высыпала во двор. Мальчишки начали играть в долгожданный футбол. Стоя возле цветущей сирени, я смотрел на ворота, а в глазах стоял Коля с курткой в руках...

История бетонной цветочницы

«Низкое мнение о людях, которое очень питается нашей эпохой, не может пошатнуть моего высокого мнения об идее человека, о Божьей идее о человеке» Н.А. Бердяев.

Довольно большая, сделанная лет тридцать назад бетонная цветочница, стояла возле городской АТС. Её ладный боковой орнамент был изготовлен когда-то со знанием действительно творческого дела. Вероятно, раньше там росли цветы. Теперь же земля из неё была убрана и в ней валялся мусор. Народу по этой дороге, где стояла ставшая мусорницей цветочница, ходило много. Пивные бутылки, пачки из-под сигарет раскидывались повсюду. Вот и пришла дворнику в голову мысль вычистить землю из бывшей цветочницы.

Выкидав лопатой довольно объёмистую кучу земли, дворник дядя Семён теперь радовался своей сообразительности. Именно из-за вместительности туда теперь помещалось много пивных бутылок, и его территория в этом месте стала заметно чище. Когда же шёл дождь, то сделанная добротно цветочница, не пропуская воду, накапливала её. Собрав пивные бутылки, дворник уходил, а в оставшуюся там дождевую воду курящие люди бросали окурки, невольно слушая при этом писк затухающей сигареты.

В один из дней, когда солнце, обогрев одну часть Земли, ушло греть другую, а, стало быть, темень не замедлила себя

долго ждать, к цветочнице подъехала белая «Нива». Оглядевшись по сторонам, водитель, собрав пивные бутылки в мешок, отнёс его в свою машину. Затем, достав пять наполненных чернозёмом мешков, поочерёдно высыпал их в цветочницу. Бережно взяв в руки из машины что-то, понёс и так же бережно опустил. Проделав это несколько раз, водитель наконец разогнул уставшую спину и глубоко вздохнул. При взгляде на цветочницу, на которой теперь лежал лесной дёрн, обильно усыпанный белыми ромашками, глаза его повеселели. Василий Игнатьевич Кулебякин, давно ходивший мимо этой цветочницы и заставший то время, когда на ней росли цветы, теперь действительно тихо радовался.

Был он с раннего детства приучен отцом к рыбалке. И теперь у него самого росли уже два внука и внучка. Но жена его Елизавета, постоянно, когда он собирался на рыбалку, ругала его, ибо всегда сильно волновалась за родного человека. И вот как-то на рыбалке, сидя у костра, видя вокруг разноцветье и разнотравье полей, вспомнил почему-то цветочницу и решил засадить её ромашками. Сначала было подумал, что утром, когда встанет проверять сети, всё, что задумал, позабудется. Но не забылось. И поутру, аккуратно поработав лопатой, он уложил дёрн с ромашками в прицеп, тут же набрав и чернозёма.

Утром дворник дядя Семён долго глядел на эти самые ромашки и, наконец, вслух произнёс: «Ну и ну…». Ему теперь предстояло что-то придумать: ведь люди по-прежнему бросали пустые бутылки на его территорию, но в цветочнице теперь, к его немалому удивлению, мусора он не находил. И встрепенулось что-то у Юрия Семёновича в душе. Присев от усталости на край цветочницы, вспомнил он о многих хороших людях, что довелось встретить на своём обильно политым трудовым потом веку.

Где-то с полгода назад подошёл к нему начальник и сказал, что надо пройти медкомиссию. Не проходил он её давно и даже напугался: пройдёт ли... Найдут что-нибудь – и пережи-

вай после. Перед рентген-кабинетом, стоя в очереди, обратил Семёнович внимание на бабушку. Привезли её в инвалидном кресле, а у него, глядя на таких вот горемык, у самого начинала сильно ныть спина. Но что-то вот толкнуло его, спросил, откуда, мол. Оказалось, бабушке этой восемьдесят лет, жила в совхозе Кобляково. Сбил её на мотоцикле пьяный мужик и поехал дальше. Люди донесли до дому, но отказали напрочь ноги. Бабуся была одинокой, пришлось продавать корову и просить земляков, чтобы ходили за продуктами. Посетовала бабушка и о том, что их совхоз Кобляково был когда-то миллионером, что в их роду все были долгожители, и если бы не сбили её, то она бы по сей день держала корову. Но не это вышибло слёзы тогда у Семёныча, а то, что бабушка эта просила потом того мотоциклиста, что изувечил её, отвезти её в больницу однако тот отказал, сильно матеря согбенную старуху. Но она не злилась на него и простила, прямо сказав об этом Юрию Семёновичу.

Пройдя рентген и спускаясь с пятого этажа больницы по лестнице, хотя можно было вызвать лифт, он твёрдо знал, что не стерпел бы и набил тому мотоциклисту морду. Вспомнились почему-то ему тогда два невесть откуда взявшиеся слова – «русское всепрощение»... Через двадцать метров, возле этой же АТС, стояла точно такая же заброшенная цветочница, и дядя Семён, убрав оттуда землю, по всей вероятности тридцатилетней залежалой давности, живо приспособил себе новую мусорку.

Через неделю дед Семён снова произнёс своё «ну и ну…», ибо и там появились белые ромашки. Юрий Семёнович, посмотрев в небо, тихо, но вслух говорил: «Господи! Зачастую кажется, когда несёшь на горбу коромысло жизни, что и силы-то больше нет сопротивляться злу... Усталость эта шибко глубокая... В родимой сторонке горя и равнодушия завсегда с избытком. А тут, гляди-ко, хошь и пустяшная, а радость, язви её». Дивилась его душа неизвестному тому человеку, что надумал украсить Божий наш грешный мир. Да и проходившие

здесь постоянно люди стали спрашивать, и все были уверены, что это его работа. Он же в ответ честно твердил, что это не он, но находились и такие, что говорили в ответ, что, мол, дед – хитришь...

Дальше был расположен другой район, где трудилась дворничиха тётя Таня. На её территории были расположены уже простые железные бачки, и она заметила, что пивных бутылок и даже пустых пачек сигарет на её территории заметно поприбавилось. А вскоре она встретила дядю Семёна, который в разговоре и обмолвился, что какой-то чудак засадил давно брошенные цветочницы ромашками, и что люди на его территории стали меньше гадить. Сидя у себя дома и советуясь с соседкой – бабкой Клавой, тётя Таня рассуждала: «Да это же он, Семён этот, специально ромашки у себя развёл, чтобы мне хуже сделать». Баба Клава, уважая свою соседку, подтвердила её догадку и добавила от себя, что все мужики козлы вонючие. Не вытерпев такой несправедливости, тётя Таня ночью, словно тать, сделала ставшие ей вдруг такими ненавистными цветочницы вновь мусорками, специально набросав туда пивных бутылок.

Утром дед Семён, которому было на ту пору шестьдесят восемь лет, увидев разорённые цветочницы, враз опешил, почуяв в груди нарастающую боль. Знал он взбалмошный характер Татьяны, на которую многие обижались из-за её вечной грубости. Подумал про себя: «И и зачем я, дурак старый, ей рассказал про ромашки...» Но больше беспокоило деда Семёна, как увидев эдакое, расстроится тот человек, который устроил такую красоту людям. В течение получаса у деда

поднялось высокое давление, он присел на край цветочницы и вызвал себе по сотовому телефону скорую помощь. Месяц пролежал в больнице. А после его дети увезли своего отца в другой город.

Начальник АТС долго не мог найти себе дворника: убирать довольно большую территорию за малую зарплату никто не хотел. Принятых им на работу на свой страх и риск двух алкашей он же вскоре сам и выгнал. Но в один из дней пришёл к нему нормальный, вышедший на пенсию мужик по имени Василий. И он с радостью принял его на работу. Узнал новый дворник Василий Игнатьевич Кулебякин от начальника станции и про историю с Юрием Семёновичем.

Прошло около года. За это время вокруг городской АТС были посажены деревца и кустарники сирени, вишни, смородины, черёмухи, и когда приспела пора, на цветочницах вновь появились белые ромашки. Увидев их, тётя Таня долго смотрела на эти белые лепестки. Завидев соседку по территории, Василий, поздоровавшись, произнёс: «Вот в прошлом году вроде всё устроил, да вот кто-то нарушил. Пришлось год ждать, чтобы, стало быть, возродить». Тётя Таня, отвернувшись от Василия Игнатьевича, пошла, пряча от него накатившие на глаза слёзы запоздалой совести. О чём в этот момент она думала, никто никогда не узнает.

В это же лето в город вернулся Юрий Семёнович, у которого осталась здесь непроданная дача. Быстро и совсем недорого продав её, решил он зайти повидаться к начальнику станции Александру Николаевичу. Тут же и повстречал он нового дворника Василия Игнатьевича. Вечером, сидя в квартире Кулебякиных, три вышедших на пенсию мужика пили домашний самогон. Жена Василия, Елизавета Васильевна, сварила в этот вечер замечательный суп из листьев молодой свеклы. Юрий Семёнович в тёплом дружеском разговоре снова твердил своё «ну и ну…»

Мальчик в монашеском одеянии

Вижу маленького мальчика. Одет он в монашеское одеяние и бежит вниз к неглубокой каменистой речке. А на горе стоит белокаменный храм. Догадываюсь, что мальчонка этот там и живёт. Почему? Почему? Почему? Видя это, конечно же, задаю себе сей неизбежный вопрос. Да это и немудрено вовсе: покуда жив человек, он, сердешный, и мается догадками. А разнообразие их, этих самых догадок, воистину огромно. Мальчик этот, лишь едва привидевшись, растеребил мои мысли, а они уж разбег взяли, о жизни людской немного потолковать решили...

Старики да старухи наши сердобольные из века в век сколько пересказов вели о былом, пережитом... Потому как трёхжильный он, хребет-то, у нашего народа. Бывало, соберутся малые дети и слушают. Опять же, кого? Да их, зачастую согбенных, верящих в Бога старух. И тут ухмылки злые не пройдут, ежели кто ненароком вздумает, что это неправда... Разговорятся старухи, вспомянут много чего, и до царя Гороха дойдут. Тут уж не зевай, только уши распускай да внемли. Чуяли дети деревенские, а кто постарше и подавно, что все они: их отцы, матери, старухи, старики и, конечно же, избы с русской печью, навеки любимые.

От зари и до заката работали их родители. Сколько солёного пота с их рубах унесла родимая речка! Полощут бабы в реке мужнины рубахи да портки – таков уж уклад жизни деревенской, хоть сенокос, хоть другая работа, которой тьма-

тьмущая, вовек, кажется, её не переделаешь. Уж затемно придут домой родители, поедят из глиняного горшка молока с краюхой хлеба и от устали неминучей повалятся всего на три-четыре часа поспать. В деревне страда извечная, потому-то старухи да старики и растили мальцов. Да самое что ни на есть главное, к жизни приучали именно к таковой, какая она есть.

Дед, хоть и немощным стал, а не преминет показать внукам, как умело править косу, насаживать черенки на разную деревенскую утварь. Как коня оседлать, телегу починить, али новую сделать – всё покажет дед, оставив напоследок самое приятное для молодого племени – как рыбу удить, а ежели охотник, то и к лесу потихоньку приучать.

Бабушка девчушек обучать примется. И как кашу варить научит, одёжу штопать, о пользительных травах поведает... Много надобно знать и уметь деревенской поросли. Пока зерно с полей не соберётся, шибко в беспокойстве живут и трудятся на деревне люди. И совсем не случайно, а очень выстраданно великий русский писатель Виктор Петрович Астафьев говорил: «У хлебороба особое разрешение имеется – с Богом на ты разговаривать».

И вот, слава Богу, зерно убрано, но передыху на деревне ни в жизнь не бывает. Надобно картошку рыть, определить, какую скотину в зиму пустить, какую заколоть. И тут старики со старухами, хоть и речь их от старости одышкой да хворью разной отдаёт, всё одно посоветуют своим детям, как им лучше поступить. Бывает и взбрыкнут их дети, чего мол, без вас не знаем, как быть? Да тут же и успокоятся, ибо понимают нутром, что и в обиду могут войти их Богом данные родители. Засовестятся уж сами давно ставшие родителями их дети, а старики это всё чуют и, знамо дело, никакого зла на своих детей не держат. Понимают, что не без срыву нервного жизнь человека на земле деется.

Раньше, на Руси нашей родимой, все в одном дому жили: и старики, и дети их, и внуки, и правнуки. Кто-то, кто побога-

че был, разъезжались, строили свои дома, но всё же зачастую жили все вместе. Когда подходило время, помолившись на образа, усядется вся такая большая семья, нередко доходившая до пятнадцати, а то и двадцати человек, за стол и хлебают они деревянными ложками хлёбово да кашу из большого чугуна, и главное дело – никто не брезговал, тем самым, как писали писатели-деревенщики, доверяли сродники друг другу. Ведь даже, на первый взгляд из такой мелочи, образовывалась дружная семья, а ежели глубже копнуть, то из таких составляющих складывался скреп нашего славянского народа. Во время обеда дети да внуки, глядя на своих стариков, очень зримо замечали их немощь, как они постарели. Определить это было несложно: и хлебают меньше, чем другие, и руки их, жизнью натруженные, трясутся. И хлебать кашу раньше всех перестают. Но каждый раз, не уставая и не забывая, выросшие их дети твердили старикам: «Ну что же вы, тятя, маманя так мало ели?» А те в ответ: «Ешьте, чо на нас глядеть, вы же в поле работали, вам нужнее».

Рядом на пригорке виднеется деревенский погост. Могильные кресты стоят и напоминают людям об ушедших от них сродников. И это всё есть человеческая жизнь, данная нам Богом. А в ней и радости и горести хватает. Деревенские свадьбы, рождение детей, еды большое разнообразие, общение людей, и, конечно же, церковные службы – напитывайся, человек, замечательным мирозданием...

Снова и снова вижу маленького мальчика. Одет он в монашеское одеяние, бежит к неглубокой каменистой речке. Его босые ножонки накалываются о прошлогоднюю траву, но он терпеливо сносит боль, смотря своими мечтательными глазёнками на едва ещё только пробивающуюся из земли зелёную травку, знаменующую начало лета.

Данилино семя

Войну страшенную пережили, но коровёшку сохранили. Татьяна Ивановна Куванова, по прозвищу Данилина, понимала: без коровы-то смерть. У неё сын Сергей да три девки мал-мала меньше. Младшенькая Мария в сорок первом родилась, а немного погодя похоронка на мужа Андрея пришла.

Татьяна Ивановна плела лапти, корзины и уходила дня на три продавать или обменивать свою нехитрую продукцию. Придя еле живой, едва переступив порог, всё же находила где-то в потаённых уголках своей души силы на улыбку: «Всё, девки, затапливайте печь, я ить крупы добыла».

Ох, и ждали они этих волшебных материнских слов, ох, и ждали. Оживала тогда их древняя изба, которую ещё прадеды ставили. Наварит маманя в печи русской каши, и прямо из чугунка эту кашу деревянными ложками и повыхлебает Данилино семя. После обовьют девки матушку свою, да сказки велят сказывать. Хоть и моченьки никакой нет, одну сказоньку, да расскажет Татьяна Ивановна, а после от неминучей устали, лишь успев осенить себя летучим крестом, крепко уснет. Во сне плакала, думала о муже Андрее: «Гоже как жили-то мы с ним».

Андрей, бывало, всем старухам одиноким, да у кого мужиков нет, косы насадит да наточит – ни про одну не забудет. Рады-радешеньки в такие моменты старухи, и опять удивление её во сне разыграется: да откуда на деревне одинокие старухи взялись? И сама себе ответит: погана гражданска война до этой, теперешней, шибко поубавила земляков да сродников. Нет теперича Андрея, лежит в земле сырой суженый мой. Да хорошо, сына да девок с ним родили на Божий свет. Пока с лаптями да корзинами хожу, детки-то мои и избу натопят, работу, какую накажу, сполнят, а она, известное дело, надсада и есть надсада...

Теперь часто вспоминала она такой случай. В сорок чет-

вёртом году тащили они со старшим сыном Сергеем сухую валёжину из леса, взмокли от тяжести, а тут, как на грех, лесник Степан Андриянович Тузов встал на пути: «Бросайте, не положено брать». Вот тут-то Сергей, которому на ту пору было тринадцать лет, вдруг и сказал со злостью: «Вот уж хренушки». Матери хоть под землю проваливайся от таких слов, а лесник, словно не слыша, побрёл дальше.

Лесину эту они дотащили до дома и тут же на распил пустили. Пока пилили, Татьяна Ивановна и спросила: «Ты что это, сынок, а вдруг бы заарестовал он нас, как бы девки-то выжили?» Сын на это долго молчал, а когда, наконец, распилили валёжину, всё же сказал: «Это он так, для виду пугнул, чтобы шибко не баловали в лесу. У него, мама, работа такая». Подивилась она тогда отчаянности сына, а себе зарок дала, что надо бы теперь доглядывать за Сергеем-то, как бы не сотворил чего…

С той поры год прошел. Поднялась как-то Татьяна Ивановна в четыре утра, затопила печь, надумала детям свеклы наварить: пусть едят, сладкая она. И горестно вздохнула: им бы сахарку. И ни с того, ни с сего стала вдруг считать: старшему моему Сергею уже четырнадцать, прицепщиком в колхозе роботат, Дуняшке десять, Насте семь, Маше пять лет – ничего, с Божией помощью проживём, война закончилась. И поднявшись с широченной лавки, сделанной ещё мужниным дедом, стала молиться на старинные образа. Помнила (как такое забудешь): стали возвращаться с фронта мужики, побежала Татьяна Ивановна в соседнюю деревню и от сослуживца узнала, как принял смерть её Богом данный муж Андрей.

Неторопливо, захмелев от принесённого ею самогону, который она берегла таких долгих пять лет, фронтовик рассказывал: «Ползём мы с твоим Андреем в окопе, а бомбёжка такая, будто конец света настал, спрашиваю: «Андрей, ты жив?» Жив, отвечает, и второй раз я его, немного погодя, об этом спросил, а на третий-то раз он уж, сердешный, мне не ответил: похлестали осколки твово мужа, Татьяна».

До самой деревни шла она, пошатываясь от горя, думала, как пережить такое. И позже, когда шли по деревне её сын Сергей и его сверстники, и старики, памятуя о том, что отцы их загибли в адовой войне, говорили: «Сердешники пошли», снова подступал к горлу этот ком неминучий горести...

Незаметно за делами, в известной суете, прошли два часа. Татьяна Ивановна за это время, кроме свеклы, наварила ещё постного супа и подняла сына. Обжигаясь, он хлебал прямо с чугунка, дул на деревянную ложку и говорил: «Мам, ничего вкуснее твоего супа нет на белом свете. Мы, когда в поле работаем, я мечтаю всегда, что коли до избы доберусь, то хлёбова твово волшебного с кисленькой капусточкой вдоволь похлебаю…».

Любил Сергей только чёрный хлеб, к белому у него пристрастия не было. Даже когда он, этот самый белый хлебец, изредка бывал в доме, всё одно просил у мамани чёрного. А девки-то эту съестную привычку братца родимого учуяли, и долю его делили пополам. Удивление своё они мамане не раз высказывали: «Мамань, пошто Сергей хлеб белый не ест? Это ж как праздник у нас». «А у них, у Данилиных, всё племя эдако – чернушку-горбушку им подавай, бают, что в ей да хлёбове вся сила для пахаря таится», – отвечала Татьяна Ивановна. Уходил сын на работу, а вскоре и девки начинали ворочаться. Одна за другой из-под старой отцовой шубы выпрыгнут, словно цыплятки, и стоят перед матерью, ждут разнарядку на день Божий…

Шло время, отходила потихоньку Россия от горя, вырастали её сыновья, заменяли за плугом отцов своих, сгинувших в войне. Так вот и вырос Сергей Андреевич Куванов и, как подобает мужику, пошёл служить в армию, а матери да сёстрам надлежало ждать и молиться за служивого…

Был уж поздний вечер, односельчане, подоив коров, поев хлёбова и каши, укладывались спать, чтобы завтра снова впрячься в колхозную работу. Всё тело, каждая косточка от этой окаянной работы нестерпимо болели у тех, кто постар-

ше, молодым же с крестьянской закваски перемогать боль было легче. В эту пору и вернулся Сергей из армии в родную Леметь. Про сон все напрочь забыли. Татьяна Ивановна затеплила старую и новую керосинки, впридачу и свечи, которые берегла, как зеницу ока, зажгла все до единой. Обнял свою маманю Сергей и, глядя на её ссутулившиеся спину, плечи, чуть было не обронил слезу. Но разве можно такое солдату показать?.. Сёстры, словно растущие молодые веточки, облепили маманю и брата. Плакало Данилино племя от радости, плакало, лишь Сергей Куванов по прозвищу Данилин дал удерж мокроте.

Всё, что было и копилось из съестного для этого самого случая, вмиг на стол собрала маманя, и припасённое заранее хмельное выставила, и земляки из еды кой-чего притащили: как же Серёжка, красивый Татьянин сын, из армии пришёл! Теперь уж гадай, на какую девку поглядит. Тут потаённые бабьи мечты враз образуются, а у дедов да мужиков, что не погибли на войне, хороший повод выпить горькой.

И вправду сказать, отдушина это людская – сынов своих из армии живых встречать. А Сергей-то – гармонист деревенский, тут уж до утра гульба, и совсем неважно, что утром на работу. Рядом с Братом сидит младшенькая сестрёнка Мария, вид у неё гордый – как же, брат с армии пришёл. До того загордилась, что и не видит и не слышит ничего вокруг, а меж тем Сергей уж громко ей говорит: «Поправь ремень-то мне на гармонике, вишь, слетел». Опомнилась Мария и поправила.

Жизнь шла своим чередом. Вся семья Кувановых вязала корзины, да потихоньку продавала. У Сергея особенно хорошо получалось низ корзины вязать. Но однажды взбрыкнул Сергей, распинал кирзовым сапожищем, на удивление сестёр и матери эти самые корзины, и заявил: «Не буду я их больше плести, надоело. Решил я, мама, на киномеханика учиться». Сёстры заголосили: «Как же мы, Сергей, без тебя-то, мы же низ-то не умеем вязать!». Брат по-боевому отвечал: «Захотите – научитесь, а мне надоело».

С тех пор и вправду – больше Сергей корзины не плёл. Выучившись на киномеханика, ездил по деревням с тяжеленной аппаратурой, да фильмы показывал. На это дело ему и лошадь с телегой дали. Да чтобы не скучно было, брал он с собой брата двоюродного – Сергея Носова. И по многочисленным на ту пору деревням Ардатовского района Горьковской области неслась впереди девичья новость: «Опять два красивых Серёжки нам нову картину привезли!».

Возвращался брат после таких поездок досмерти уставший, а когда и выпивший, – дело молодое. Садился на лавку, подбегала тогда его любимица сестра Настя, да и давай с него сапоги стаскивать. И хоть сил совсем не оставалось, уже в сонном бреду укладываясь на лавку, доставал из-за пазухи сёстрам немного растаявших липких конфеток, дух от которых девки шибко любили, или какую-никакую мелочишку.

Спит брат, бережно укрытый сёстрами отцовой старой шубой, а сестрички конфетки бережно едят, да копейки, что брат дал на отрез к платьям, копят. Однажды Сергей соорудил нехитрую установку, и на деревне впервые загорелась электрическая лампочка. На ту, ставшую уже такой далёкой пору, электричество только начинало входить в деревни. И впервые увидя электрический свет не где-нибудь, а у себя – в родной Лемети, собравшийся на это действо народ, весь от мала до велика, шибко нажимал на букву «ц», и удивлённый возглас людской был таковым: «Цудо! Цудо!».

А вскоре в Леметь прислали учить детей молодую учительницу. Шёл по улице Сергей с тяжеленными железными дисками, в них были плёнки с новыми художественными фильмами. Радовался, что вечером земляки новую картину увидят. И вдруг она, эта самая приезжая молодайка, навстречу с книгами. Как там дальше было, история умалчивает, только вручил Сергей эти тяжеленные диски Зинаиде, а сам книжки её взял. Ну, это надо понимать, помочь хотел.

Ученики молодую учительницу, бывало, и не слушались. Приходил тогда Сергей, уже друживший с Зиной, да по-

деревенски, где и с матом, их успокаивал. Свадьбу гуляли сначала в Лемети, продолжили в селе Надёжино, откуда и была молодая. Леметские девки обижались на учительницу, ибо увела она их красивого Серёжку, по которому сохло немало сердец.

Тут и ревность возникает. Задержится Сергей с друзьями, да и как не задержаться: и винца выпить охота с товарищами, и мало ли чего. Зинаида ждёт-пождёт да в поле побежит, за ней Татьяна Ивановна следом, приговаривая: «Беда мне с вами, дети. Шибко красивые вы. А сыну моему погулять ишо охота». Зина вся в слезах: «Так и не женился бы, я ж не заставляла». И одному Богу ведомо, как Татьяна Ивановна спасала едва народившуюся сыновью семью. Сокрушалась старшая сестра Дуняша, смотря на маманю, грустили и меньшие сёстры. Одного-то только дня и не хватило Сергею, чтобы дождаться новой машины и остаться работать в родном селе шофёром: поехал в запале строить Братскую ГЭС, оставил в деревне жену Зинаиду и двоих детей, Галю и Володю.

Жена учила в школе деревенскую молодёжь, жила в одном доме с Татьяной Ивановной, хорошо и дружно жили они, но случалась другая напасть – замаяли напрочь земляки расспросами Татьяну Ивановну Куванову. Только выйдет на улицу (а деревня на ту пору была очень многолюдна), а ей уж вопрос: «Как там твой Сергей Данилин в Братске работат?» А что ей, сердешной, ответить – сыну на стройке не до писем. Ответит скромно, что ждёт письма, а чего ещё скажешь.

Через год приехал Сергей в отпуск. Мать честная! С деньгами приехал, и это в деревне, где за работу совсем не платили. Много тогда Леметских земляков в Братск уехало, и вскоре все, кто уехал, уже получили новенькие квартиры. Но когда наступало лето, всё село Леметь, что расположено в пяти тысячах километрах от Ангары, наполнялось отпускниками из Братска. Весело тогда и грустно становилось в селе. Село из трех частей состояло. В старой деревне больше пятидесяти домов – и каждая изба людьми забита. Внизу Луговка стоит

(на горе храм Пресвятой Живоначальной Троицы 1720 года постройки, где давно уже зернохранилище оборудовали) - и там отпускники. И на большущей улице Новой дым коромыслом.

Весело было, когда приезжали из Братска. Денег много, а стало быть, встречи с друзьями да подругами. Шли обычно в сад, который ещё от барыни остался. Красиво там. Природа, пруд посредине, берёзы, вишни, яблони глаз радуют. Выпивали, рассказывали о жизни в Братске, о зарплатах.

Вот и Сергей Андреевич Куванов рассказывал своим деревенским друзьям – Ивану Молодцову, Сергею Носову, Василию Касаткину, как живёт он в восьмиквартирном доме: все удобства, зарплата хорошая, а с премией и того больше. Заметно грустнели тогда его товарищи, и не раз было порывались, особенно выпивши, поехать с другом. Но что-то останавливало. Работали шоферами, только Сергей Носов работал в Ардатовской колонии. У Владимира Молодцова к тому же пятеро детей было, а к старости и Алёшку умудрился народить. У Сергея Носова пятеро, у Василия Касаткина двое.

И получалась у деревенских мужиков в умах такая прикидка: у них в деревне у каждого свой дом, корова, свиней вырастят, овец, что-то на еду, что-то на продажу пойдёт. Словом, ежели в город с такой оравой ехать, как её прокормишь, ежели даже и получаешь ты эти самые четыреста, да хоть и пятьсот рублей? А тут ребята наши и молочка досыта похлебают и творожных ватрушек, пирогов поедят. Да и прикипели к родной сторонке. У Сергея-то нашего, друга закадычного, двое только детишек, так он их, знамо дело, прокормит…

Словом, выпивали друзья, закусывали, говорили много, а на деле выходило так: у кого были большие семьи, оставались и работали на родной земле, а кто только заводил семью, тот, бывало, и подавался в город. К тому времени Сергей Андреевич уже забрал жену Зинаиду с дочерью Галей в Братск. Младшенький Володя рос с бабушкой, Татьяной Ивановной, но семье Кувановых в Братске дали большую квартиру в де-

ревянном двухэтажном доме, и Татьяна Ивановна со слезами на глазах вынуждена была провожать в далёкий край своего разлюбезного внука. А тот, приехав в Братск, ни в какую не хотел здесь жить, матерился по-деревенски на всю улицу, и его учительнице пришлось немало краснеть за это.

Но на Руси мат – не дикость, а жизнь. Володя, привыкший в деревне ходить по нужде во двор, всерьёз не понимал свою маму, когда та приносила сыну горшок. «Не буду я срать в эту кастрюлю, отвезите меня в деревню», – бубнил Володя, вспоминая мужицкие слова.

Все дети Татьяны Ивановны были красивы, и бед от того было немало. Однажды Настя, сильная, молодая девушка, сходив в магазин, еле-еле доплелась до дому. «Сглазили», – подумала мать, и, привычно вздохнув и вспомнив своего Андрея, что де каких красивых детей с ним родили, всю ночь молилась у образов. Дочь лежала на полу, как неживая, но к утру всё прошло. В другой раз Настя ехала на велосипеде и, неудачно разогнавшись с горы, подумала, что вот и смерть пришла, но выскочил откуда-то мужик, их же леметский, вцепился изо всей силы в велосипед и спас девку.

Работавшая на селе почтальонкой сестра Сергея Данилина, Анастасия Андреевна Куванова, выкрав какой-то бланк в сельсовете, тоже покинула родное село, уехав в Братск. По её признанию, было ей очень страшно развозить пенсию, ибо были в области случаи нападений. Перед отъездом Татьяна Ивановна дала ей железную иконку Николы Чудотворца, доставшуюся ей от предков много лет назад.

Председатель Леметского колхоза писал в Братск, обращался в руководящие органы, чтобы вернули Настю, развозившую почту на велосипеде и так любимую односельчанами. Но деревенский люд особый, работоспособностью своей удивительный, и так как Анастасия Андреевна, трудившаяся к тому времени на КБЖБ (комбинат железобетонных изделий) бетонщицей, показала себя как замечательный работник, то потуги председателя оказались напрасными. Братск на ту

пору был героической стройкой, ехали сюда со всех пятнадцати союзных республик, и кто-то, пустив корни, оставался насовсем, а кто-то, не вытерпев тяжелых условий, уезжал. Деревенские чаще оставались.

Кто бы из детей ни приезжал в Леметь, Татьяна Ивановна была этому несказанно рада. Но что эти три недели? Пролетали вмиг, и приходила гнетущая душу разлука. Кто бы ни уезжал из детей в далёкий Братск, она, уже давно не видя их, стояла и махала стареньким платком. Привозили дети маме-не, и новые с яркими красками платки и чуть ли не насильно повязывали на седую голову. А она носит, поносит, их да и припрячет в сундук, словно реликвию какую, а провожать детей и внуков пойдёт в своём стареньком платке. В Горьковской области во всё время Советской власти во многих местах работали православные храмы, хотя, как и везде, было много порушено. Сызмальства посещая церковь, понимала она, совсем безграмотная, что Христос говорил людям о скромности человеческой, и следовала этому.

Анастасия Андреевна Куванова (Данилина) вышла замуж за молодого красивого парня Владимира и вскоре родила сына Анатолия. Жизнь с мужем не задалась, и она позвала сестру Марию к себе, чтобы водиться с маленьким сынишкой. Так вот и пустел деревенский дом Кувановых, оставались в нём лишь сама мать Татьяна Ивановна, да дочь её – Евдокия Андреевна.

Мария выучилась на медсестру и вышла замуж за Геннадия, приехавшего на стройку из Белоруссии, и у Татьяны Ивановны появилась на Божий свет ещё одна внучка - Лена. Жила теперь Татьяна Ивановна с дочерью Евдокией, так и не вышедшей замуж, получала от своих взрослых детей письма, да печалилась шибко за Марию, ибо отправилась та в Братск, будучи больной.

Случилось так, что разгружали колхозники машину, и местный шофёр Минька по прозвищу Лодыжка, вместо переднего хода сдал назад. Кузовом придавил Марию. Печень

ей, сердешной, после сшивали врачи, и действительно Божьим чудом случилось то, что она выжила. Пришли в дом Данилиных родители Миньки, упали на колени перед Татьяной: «Не губи сына». Понять умом всё это можно, а пережить уж совсем другое дело. Тут надобно Божье заступничество, чтобы простить. И она простила…

Везде, где бы ни жил человек, с ним происходят горести, и деться от них невозможно, потому-то и молятся денно и нощно родители о детях своих. Молилась и Татьяна Ивановна о сыне Сергее, дочерях Насте да Марии, уехавших в далёкую Сибирь. Острижет, бывало, своих овец (больше трёх не было никогда - зарежет двух на мясо, а ярушка опять двойню принесёт), занесёт старинный станок в избу, шерсть в клубки сплетает да в окно всё глядит, дожидается дочь Евдокию. Из окна хорошо просматривалась дорога, здешние поля, издали идущие односельчане и многочисленная на ту пору ребятня. Все шли с той или иной поклажей.

Томилась мать, ожидаючи, уж и глаза слезились от надрыву, а Евдокеюшка колхозную работу закончит и отправляется с подругами места искать, где трава невыкошенная есть. Мест таких было немного, а потому лишь затемно возвращалась она с вязанкой зелёной травы на горбу. Татьяна Ивановна утром эту траву сушила, ругая дочь, что не бережёт себя, а уж вечером разговор был таковым: «Ну, что ты, доцка, тиранишься? Наши-то в Братск все упёрли, а нам много ли надо. Замуж ты не вышла, да больше полдеревни без мужиков. Каково нам, вашим родителям, глядеть, как вы стареете такие красивые, ни детишек у вас, никого». Дуня молчала, лишь поест и поспит, и всё лето, всю жизнь таскала эти травяные вязанки.

Вроде и война давно закончилась, а не было для Евдокии мужа. И как было ей, красавице, унять эту боль - работой, только работой. Случались на деревне свадьбы, приглашали всех, так было принято. Посидит Евдокия за столом, выпьет рюмку водки, отметит про себя, что девки младше её на десять лет замуж выходят, улыбнётся и пойдёт домой.

Татьяна Ивановна всё видела и больше не говорила об этом, только и шагу теперь без неё не могла ступить. По пятам за дочерью ходила, и если дочь не на работе, а дома, где-нибудь во дворе, то обязательно зовёт мать: «Дуняшк, а Дуняшк?» В ответ: «Да здесь я, мама, за скотиной убираю, дрова вот надо сложить».

Но проходило полчаса, и маманя снова повторяла то же самое: «Дуняш, а Дуняшк?», и это стало привычкой.

На деревне стали появляться чёрно-белые телевизоры, и в очень редкие дни ходила Татьяна Ивановна с Евдокией по деревенской родне смотреть это чудо. Для такого особого случая одевали они новые телогрейки с новыми калошами. Татьяна Ивановна, сидя на избяной лавочке то у Сергея Носова, то у Ивана Молодцова или соседа Сергея Куванова, глядела своими голубыми глазами в маленький чёрно-белый экран и говорила, ухмыляясь: «Эт цево они там суетятся, калякают цего-то, камедные». Толкала потихоньку в бок свою Дуняшку и спрашивала: «Дуняшк, эт цо ит они там бают?», и опять смущённо улыбалась.

Евдокия Андреевна (Дуняшка) и сама толком разобрать ничего не могла. Так ничего и не поняв, уходили они в свою избу, а потом заметили одну странность: те, к кому по праздникам ходили они смотреть «цудо-телевизор», стали у них деньги занимать. Бабушка получала мизерную пенсию, Евдокия не густо зарабатывала в колхозе, но считались они людьми «денежными», поскольку были одиноки, а дети жили в достатке. Занимали они и Кувановым, и Молодцовым, и Носовым – у них дети, тут и говорить не о чем, просто надо помочь.

Эта их родовая сердобольность передалась и Насте в Братске. Хоть и жила та в насквозь промерзающем бараке, но её постоянно болеющий Толик каким-то чудом рос. Толик рос, а его старые вещи Настя отправляла в деревню. Набьёт ими почтовые картонные ящики, гвоздочками заколотит, напишет химическим карандашом адрес и отправит двоюродному брату Сергею Носову в Леметь, – у того пятеро деток, надо по-

мочь. Посылки эти отвлекали её от грустных мыслей, и она продолжала стойко растить своего единственного сына.

Из Лемети в Братск приходили клубки настоящей овечьей пряжи, к ним присовокуплялись шерстяные носки, связанные маманей для сына Сергея, и клубки для дочки Насти, которая всю жившую в Братске родню обвязывала носками да рукавицами. И через эти теплющие рукавицы да носки грелись у Данилиных мысли о деревне родимой. А так как семья разрасталось, то два внука Татьяны Ивановны, Володя и Толик, и две внучки, Галина с Леной, тоже были подпущены к этому огоньку далёкой родовой Лемети.

Зинаида Александровна с мужем Сергеем Андреевичем постоянно приглашали сестёр, Анастасию и Марию, на выходные к себе в гости. Анастасия обычно приходила с сыном, а Мария всей семьёй – с мужем Геннадием и дочуркой Леной. И часто в такие минуты жена Сергея Данилина весело вспоминала, как странно познакомилась с мужем – дал он ей нести тяжеленые диски. Смеялись, шутили, пригубив горькой, и вспоминали о родной и навеки любимой Лемети.

Сергей Андреевич Куванов (Сережка красивый) теперь уже вспоминал не только Леметь, но и начало строительства Братской плотины. В жизни часто бывает: кого-то хвалят и дают награды, а кто-то, хоть и совершает что-то, достойное подвига, остаётся незамеченным. Да и то сказать, подвиг ли это был, а случилось с Сергеем Кувановым вот что. Возили они бетон на Братскую ГЭС. Лобовые стёкла грузовиков были напрочь переморожены, мороз под сорок (бывало зачастую и пятьдесят, но в такие морозы не работали, хотя справедливости ради нужно сказать, что были службы, которые и пятьдесят не пугало), и поэтому водителям, ехавшим на низкой скорости, приходилось выглядывать из постоянно открытого окна и глядеть на впереди идущую машину.

Так как скорость была совсем мала (ведь поток машин с бетоном был огромен), случалось, что водители от усталости засыпали. Прикорнул и Сергей. Вдруг будто кто-то толкнул

его. Выглянул из окна машины, а передний, возглавляющий колонну грузовик, полетел в пропасть... Резко затормозив, Сергей тут же почувствовал, что в него врезался сзади идущий, и так пошло по цепочке. Оказалось, почти все дремали, и не затормози Сергей, сколько бы водителей провалилось в обрыв...

Глядя на Сергея Данилина, приехал на строительство ГЭС и Сергей Молодцов (в деревне их дома стояли напротив друг друга), а позже и жена его, Мария, с двумя детьми прибыла. Земляки пошли встречать её. Смотрит Мария, а Сергея-то её среди встречающих нет, спросила: «Где же муж мой?». Стоят, насупились земляки. А что скажешь? Погиб накануне её муж... Работал на плотине, возил камни, сваливал их в Ангару и хоть делал всё, как и остальные водители, от грязи да скользкой колеи потащило машину к обрыву. Сергей из кабины выскочить успел, да по инерции улетел вниз, машина и придавила его...

Когда Сергей Данилин приезжал в Леметь, вроде бы и радоваться надо было (ведь маму навещал), да и радовался, конечно. Но как глянет насупротив, увидит дом, где жил Сергей Молодцов, так тоска и одолеет. Хоть и не было его вины в гибели друга, но казалось, виноват.

И, словно чуя эту его печаль, переходил через дорогу отец Сергея Молодцова, дед Василий, и тут же за помин души выпивали. Дед Василий был не из унылых людей, без шутки да прибаутки не жил, но в такие минуты, когда они с Сергеем Данилиным выпивали, плакал и говорил: «Вот, Сергей, язви её, эту стройку, отняла сына». У деда Василия от младшего сына Ивана ещё двое внуков было, Сергей да Валера. Выучился Сергей на гармони играть, бывало, сядет на крыльцо и наяривает – деду веселей. Да и Мария с детьми каждый год из Братска приезжала.

Спасал Господь деда от тоски по сыну. Росли в далёком сибирском городе внучки Галя с Леной, внуки Володя с Толиком. Загремел на всю страну завод отопительного оборудо-

вания, и Марии Андреевне Ильюшенко (Кувановой) с мужем Геннадием и их дочуркой Леной, до этого жившим в деревянном общежитии, дали двухкомнатную квартиру в новенькой пятиэтажке стремительно строящегося сорок пятого квартала.

Геннадий Митрофанович был мужик с золотыми руками, и вскоре у Марии Андреевны появилась добротно отстроенная дача в обществе «Сибиряк». Жизнь в Братске, да и по всей стране, улучшалась, сытно стало и тепло, и лишь порушенные православные храмы по затопленным и брошенным деревням напоминали, что не хлебом единым живы, не производственными показателями, что и у тебя, советский человек, есть огромные грехи перед прошлым...

Промаявшись в продуваемых всеми ветрами и насквозь промерзаемых бараках пятнадцать лет, получила, наконец, малометражку и Настя с сыном Толиком. Непривычно было её сыну осваивать новое жилище: воду с колонки таскать не надо, и в баню городскую ходить совсем не обязательно – теперь у них в квартире была большая ванна. В этих самых ваннах с радостью плюхались, мылись, плескались все жители новенького, только что отстроенного сорок пятого квартала. И Анастасии Андреевне, ставшей после замужества Казаковой, было радостно видеть, что сын её живёт в хороших условиях. В бараках болел её Толик много и подолгу, но теперь, слава Богу, всё было позади.

Только нет-нет, да вспоминала Анастасия прошлое. Не задалась её жизнь с мужем Владимиром. Приезжал с Улан-Удэ его отец Василий, пытался помирить молодых. Хороший был дед. У себя на родине всех травами лечил, да вот помирить их не смог. На всю жизнь запомнил Анатолий короткую встречу с дедом. Жили они в бараке, а туалеты на ту пору на улице располагались. Как-то направились дед с внуком по нужде, подбежал к ним играющий с хоккейной клюшкой Мишка Павлинов, да и врезал, не убоявшись деда, этой самой клюшкой по пальцам Тилика. Убежал Мишка, а у Толика пальцы

разболелись не на шутку. И тогда травник дед Василий посоветовал внуку помочиться на отшибленные пальцы, и ушла боль. Но дед уехал, а пальцы Толику еще не раз отбивали.

Позже Анастасия жила в браке с Валерием. Мужики после работы в карточную игру «храп» наладились играть, тут же и выпивали. Не нравилось это Насте, ругала Валерия за выпивку. А мужики подначивали: врежь, дескать, ей, и успокоится. Неплохой был мужик Валерий - и мастеровой, и Толика любил, да по пьянке, наслушавшись мужиков, поднимал руку на Анастасию. Выручал Сергей, брат. Приезжал на грузовике, и разбегались советчики. Но жизнь с Валерием не задалась, разошлись, и больше у Анастасии мужиков не было, что-то оборвалось у неё внутри, не верила больше им и растила сына одна.

Старшая дочь Сергея Андреевича, Галина, учившаяся на медсестру, взяла магнитофон «Весна» и отправилась в деревню записывать голоса родных бабушек. К сожалению, не сохранилась эта кассета, но покуда жить буду, не забыть мне песен под гармошку молодых парней Жени Молодцова и Саши Куванова (дети друзей Сергея Данилина) и замечательные слова песен: «В тени подъезда бродят люди. Нас завидя, поспешат уйти. Понимают они, что нам нужно в тиши, хоть немного побыть одним». Молодые деревенские парни, вначале игравшие на баяне робко, немного осмелев, продолжали и пели известные на ту пору песни: «Почему же ты замужем», « Любовь – кольцо». Галина всем нравилась. И вот уже пришедший в гости брат Татьяны Ивановны, фронтовик Василий, запевает военную песню. Любили в Лемети петь, впрочем, как и по всей Руси.

Съездила Галина и в село своей мамы Надёжино. Да не одна, а утянула с собой Татьяну Ивановну. По сей день слышится мне записанный на кассете голос брата дяди Серёжиной жены – дяди Бори: «Вот сидят две свахи. На них новые рубахи».

По приезду в Братск Галина крутила эту кассету с живыми

деревенскими голосами на магнитофоне «Весна», а всё разросшиеся в Братске Данилино семя радовалось до боли родному Леметскому говору.

Каждый год навещала свою деревню и Анастасия с сыном Анатолием. Работала она сначала бетонщицей, потом выучилась на крановщика. Работала до одури, и давали ей отпуск за это непременно летом. Идёт мать с сыном в нарядном платье по деревне, старухи по давнишней привычке в ряд выстраиваются и судачат, что к Данилиным Настасья приехала. Никогда не жадная до денег, Настя многих деревенских угостит хмельным, а после уж впрягается помогать сестре таскать неподъёмные вязанки сена.

Однажды на речке она вдруг громко рассмеялась. Сын её не мог взять в толк, отчего мать так напевно и во весь голос радуется. Но когда спускались с горы, где и текла речка, увидел, что на зелёном бережку была разбросана нехитрая одёжа местного пастуха Ваньки Баума. Среди этой одёжи лежали огромные, чем-то напоминающие парашют, трусы пастуха. В этот момент Иван, намылившись мылом, в чём мать родила стоял по щиколотку в воде. Настя только и спросила: «Вань? Как вода-то – не холодна ли?» Стремительно бросившись в воду, Ванька Баум тут же вынырнув из неглубокой в этом месте реки и прерывистым голосом выкрикнул: «Настя! Ты это, иди подальше, река-то чай большая».

Мать с сыном, конечно же, нашли место, где искупаться, и Анастасия, сказала: «Вот и спина перестала болеть». Вокруг было так хорошо, будто немногие века прошли, а только сейчас создал Господь для матери с сыном текущую речку. Её белые камни возле самой воды и по самой протоке были видны отовсюду – во многих местах была она неглубока. Громко квакали лягушки, в открытую, не боясь человека, плавали ондатры, плескалась рыбешка. Была она мелкой, и местные мальчишки, наловив её с помощью простых корзин, любили жарить с яйцами прямо на бережку. Вкусна была эта жарёха из только что снесённых курами яиц. Каждый, когда рыба

была поймана, бегал в свой двор и приносил ещё тёплые яички.

Мальчишки любили бегать на деревенское футбольное поле, где часто проходили футбольные баталии районного масштаба, и там, под горой, Толик впервые увидел железный крест. Оказалось, там погиб сын Василия Касаткина – Владимир. Сам же Василий, по прозвищу Цадока, будучи закадычным другом Сергея Данилина, работал на селе шофёром. И когда кто-то из Данилиных приезжал в Леметь, и когда наступала пора убывать, приезжал на своём грузовике. Запомнилась и запотевшая бутылка водки, и дымящаяся, не облупленная картошка, солёные огурцы, радостная и грустная суета.

А ещё – постоянное ощущение неопределенной вины перед старшими. Даже позже, когда Анатолию было уже шестнадцать и его деревенские друзья становились большими, тайком выпивая вино из магазина, звавшееся «Бомбой», парни всё равно испытывали стыд перед родителями, стараясь утаить свои шалости. И никто их этому специально не учил, просто так работали и жили.

Уже перед самой армией, съездив в Леметь, Толик с деревенскими друзьями Сергеем Кувановым да Ваней Абрамовым выпили вина. Деревенским – ничего, у них организмы покрепше, а вот Анатолия всю ночь тошнило, и он выходил во двор. Зажигая во дворе свет, он видел лежащую корову Красотку, которая смотрела на него своими добрыми глазами, и, казалось, по-своему, по-коровьи, жалела его. Овцы каждый раз, когда зажигался свет, пугливо отбегали в затемнённую сторону и, боясь, но вместе с тем и с любопытством смотрели на мучившегося молодого человека. Наутро мать с бабушкой вели беседу, и Татьяна Ивановна говорила: «А у наших-то чё, деревенских, брюхи-то железные. А твой – городской – неженка, чё с него возьмёшь». Подходила к внуку, давала испить парного молока, и когда после этого внук снова бежал во двор, качала головою: «Ну вот чего с им делать». Анастасия Андреевна, зная своего сына лучше бабушки, говорила: «Не

идёт ему вино. Он и в Братске, когда выпьет, тоже блюёт. Редко это с ним бывает. Но это и к лучшему. Родителям тех, кто пристрастились, ещё хужее».

Наступал очередной отъезд из Лемети в Братск, и привычная, всё отдаляющаяся фигурка, ещё долго махала своим выцветшим от старости платком. А в сундук, что бабушка складывала вещи для смерти, был положен очередной, с яркими цветами платок. И вроде бы жизнь так складывалась, что ничто не предвещало беды, но она случилась. Хоть и вышла Галина замуж за Анатолия, да родился у них уже правнук Татьяны Ивановны – Евгений, прожили они вместе всего несколько лет. Что случилось в их семейной жизни, понять сложно, но Галина, не перенеся ухода мужа к другой женщине, умерла. Ставший дедом Сергей Андреевич Куванов (Данилин) с женой, Зинаидой Александровной, стали воспитывать внука. Татьяна Ивановна, плача и молясь на образа, говорила вслух дочери Евдокии: «Вот ежели бы не ехали в Братск-то, вышла бы Галина за деревенского замуж, и жили бы. Ведь сколько уж с Братска наших повозвертались домой-то. О, Господи! Помози нам, грешным и унылым».

Сын Сергея Андреевича, Владимир, выучился на инженера-электрика и тоже помогал воспитывать оставшегося без матери Женю. Шли годы. Да что шли - бежали. Да что бежали – и слова-то верного не сыщешь, чтобы правдивее отобразить скоротечную нашу жизнь. Воспитали внука Сергей Андреевич с Зинаидой Александровной, и в армии их внук отслужил. По натуре добрый парень, да вот в семейной жизни не везло, потому часто ночевал у бабушки с дедом. А дед обучил внука управлять своим стареньким Москвичом.

Пришло время, и умер Сергей Андреевич. Евгений с дядей Анатолием пошли в гараж, где стоял Москвич. Евгений, как увидел машину, так и разрыдался: «Дед, дед, ты чё удумал-то, взял и помер». Настин сын, как мог, успокаивал его, но в этом тревожном деле, когда умирает близкий человек, только Господь и время могут быть помощниками.

Анатолий по своей наивности надеялся, что дяде Серёже, как строителю Братской ГЭС, окажут какую-то помощь в похоронах, но это были пустые мысли. Дошла эта печальная новость и до Лемети. Татьяна Ивановна, будучи совсем старенькой – дело шло к ста годам, когда сказали про старшего сына, только и вымолвила: «Серёжка милый…».

Прошло больше месяца, и 13 ноября 2003 года умерла и Татьяна Ивановна. Дочь Евдокия Андреевна говорила так: «Отошла к Господу наша мама спокойно, не мучаясь. Тихо отошла». Вышел на пенсию муж Марии Андреевны – Геннадий Митрофанович Ильюшенко. Они дочери своей единственной Елене помогали, но у неё, слава Богу, всё было благополучно: и муж Олег, и сын Игорь здоровы. Но Геннадий заболел раком и пережил дядю Серёжу только на несколько месяцев…

И снова прошли годы. Уж и Настиному сыну Анатолию сорок девять. Дивятся мужики и женщины, когда видят, как мать приносит на работу сыну горячего супа в стеклянной банке. Всё это хлёбово аккуратно завёрнуто в полотенце. Было, было кому позаботиться об Анатолии – и Анастасии, и замечательной жене Ирине, с которой он поднял двух сыновей, Виктора и Сергея. Но Анатолий, которого мать каждый год возила в деревню, чуял нутром, что такая забота о нём в первую очередь самой матери и нужна.

Есть картины в сознании человека, которые живут с ним, покуда сам он жив. Есть, которые и надоедают, словно художественный фильм, который смотрел много раз. Но деревня Леметь не надоедала Анатолию никогда. Сам себе не веришь, что такое бывает. Ведь сотни и сотни раз являлась ему во сне одна и та же картина: как выходит он на резное крыльцо, а по улице идёт стадо. Каждая корова, а вслед за ней овцы, идут к своему подворью. И уж тычется корова с ласковым именем Красотка, данным ей за красивое обличье, в ворота. А бабушка Татьяна Ивановна с беспокойством в голосе причитает: «Ой, а я ведь воротину-то не отперла».

Любил Татьянин внук Анатолий стоять и смотреть, как ест пойло корова. У него ещё за полчаса до прихода коровы разыгрывался нешуточный аппетит — в тот момент, когда бабушка доставала из печи большой чугун с напаренным в нём зерном, картошкой и хлебом стоившим копейки, которого покупали по двадцать булок. Татьяна Ивановна разминала всё это своими натруженными руками. По избе шёл невыносимо вкусный дух. И вот уже Красотка вылизывает шершавым языком пустой тазик, а овцы, которым тоже было налито пойло, съели его только наполовину. И бабушка их обычно незлобно бранила: «Ух, вражины окаянные, напоролись уже». И отдавала корове пойло овец.

Куры с петухом к этому времени уже сидят на шесте. И непонятно откуда утром, в четыре часа, когда Татьяна Ивановна подымится к ним по дубовой лестнице, берутся наисвежайшие яички к завтраку. Сохранилось в памяти внука и то, как клала она яйца прямо в варившуюся кашу, говоря при этом: «Упрет», что означало упреет, а достав чугун, ложкой эти самые яйца, все облепленные пшённой кашей, вытащит и положит их в старенький алюминиевый черпак, чтобы все ели.

Раньше поездом до Горьковской области добирались пять суток, да и немудрено: богаты была Россия деревнями да сёлами, вот и кланялся поезд каждому полустаночку... Нынче же достукивает туда за трое суток. В 1995 году, когда разваливались и гибли колхозы по всей стране, пришло порушение и в мощный на ту пору Леметский колхоз. Собрал тогда леметский председатель вдов да немногих фронтовиков, оставшихся в живых. На улице накрыли стол, и были подарены всем часы. Простенькие, с одной стороны была надпись «Пятьдесят лет Победе», на другой — «Ветерану-Нижегородцу». Выпив за память мужа Андрея глоток водки, пришла Татьяна Ивановна в свой дом, положила памятные часы на стол - так они и лежали, пока не приехала помочь убрать картошку, вышедшая к тому времени на пенсию дочь Анастасия Казакова. Ей на память и отдала мать эти часы…

Прошло почти двадцать лет с той поры. Татьяна Ивановна Куванова, вдова погибшего Андрея Куванова (Данилина), лежит теперь на старинном Леметском погосте. Как она и наказывала, похоронили её рядом со стенами старинного, 1720 года постройки храма Пресвятой Живоначальной Троицы. Храм ныне не действует, но по сей день его святые стены будят в людях добрые чувства и напоминают о таинствах святой Руси.

Механизм в часах был простенький и некачественный, они давно сломались и лежали без дела у мамы Анатолия. Но однажды, заметив их, мама встрепенулась: «Вот кабы ходили». Анатолий пошел к мастеру. Подивился часовщик механизму и сказал: «С ним ничего не сделаешь, поскупились чиновники на победу. Да и время было такое, хорошо, хоть такие часы дали, вспомнили». Гравировка с обеих сторон была сохранена. Анатолий не стал ждать семидесятилетия победы и после починки, чуть ли не бегом побежал к матери, и когда они были уже на её руке, подумал, что его бабушка Татьяна Ивановна с небес видит, наверное, это и радуется…

Вспоминаю часто слова одного священника: «Россия, ты уже себя спасла, имея столько праведных у Бога». Замечательные слова. Для меня эти праведники – жители села Леметь. Многих уж нет на белом свете, а многие, слава Богу, живы. Довелось встретить мне и в Братске по-настоящему праведных людей. И вот что странно: казалось мне, что каждый из них каким-то образом причастен к Лемети. У всех был один стержень – русский, народный. И если эти строки прочтут «иностранцы», то за кажущейся простотой фраз они всё равно ничего не поймут. Поймут только те, кто по-настоящему любит Россию, как любит её Божия Матерь…

Одинокая лампада деревни

«Считается, что душа наша, издёрганная, надорванная и кровоточащая, любит и в песне тешиться надрывом. Плохо мы слушаем свою душу, её лад печален оттого лишь, что нет ничего целебнее печали, нет ничего слаще её и сильнее, она вместе с терпением вскормила в нас необыкновенную выносливость. Да и печаль-то какая! – неохватно-спокойная, проникновенная, нежная».

В. Г. Распутин, «Изба»

Сколько в тебе жизненной суеты, человек? Сколько праведных и неправедных поступков ты делаешь, пока трепыхается твоё сердце. Но ведь живём, едим, спим, работаем, растим детей, внуков, правнуков. Верим в свою Матушку-Русь, именно в неё, сердешную, кондовую, до глубины души красивую. Пока и живы на белом свете, ибо наши воистину замечательные предки так наказывали...

Еду на поезде «Нерюнгри – Москва». Путь длиною в пять тысяч километров давно стал для меня привычным, но всё одно: кажинный раз удивительный. Еду к своей тёте Евдокии Андреевне Кувановой. За рассказ о её жизни под нехитрым названием «Евдокеюшка» дали мне в Первопрестольной серебряную грамоту за подписью профессора богословия А. И. Осипова. И это не похвальба моя, я и не чаял, что такое случится. Теперь вот издал книгу «Аналой» и везу дорогой Евдокии Андреевне, где кроме неё идёт повествование о многих жителях села Леметь. Как воспримут они это? Не знаю. Скорее всего, введу кого и в смущение. Но в одном почему-то уверен, что раз Господь так устроил, то нужно только радоваться, что жизнь подарила стольких замечательных людей на моём многогрешном пути. Ведь по всей России похожих историй, слава Богу, действительно очень много. Надо бы только постараться, чтобы жила память о наших сердобольных людях в книгах.

Простые мысли идут своим чередом, а где-то и вразгон

берут. Но тут надо бы их и урезонить. Да где там. Слушая стук вагонных колёс, любуясь Русью, записываю на листочек бумаги пришедшее в голову. Конечно же понимая, что это не стихи, а мысли, до которых шёл почти пятьдесят лет:

«Если на земле добро и зло.
Если на земле любовь и смерть.
Если на земле тебе не повезло.
Если на земле дано терпеть,
То возьми тепло, идущее с икон.
То возьми преданья деревенских слов.
То возьми земной родителям поклон.
То возьми молитвы вечный зов.
В этой жизни сложности кругом.
В этой жизни гнёт нас суета.
В этой жизни успокоит дом.
В этой жизни есть и красота.
Нам бы только верить во Христа.
Нам бы только праведно идти.
Нам бы только истину в уста.
Нам бы только отчее нести».

Знакомлюсь с новым попутчиком, назвался он Ахатом и ехал до Казани. В Барабинске купил копчёную пелядь всего за сто рублей, а Ахат – жареной щуки. Поели рыбы, и вскоре нашими соседями стали две женщины: Марина Яковлевна Борисова и Эльвира. Как-то все враз познакомились, разговорились. Марина Яковлевна была уже давно на пенсии и вспоминала:

«Работали мы с мужем на Камчатке учителями. Удивительно добрый народ жил тогда там, ительмены, коряки, чукчи, алеуты, айны, эвены, камчадалы, да и сейчас живут. Пришли, помню, на Камчатку новые «Москвичи». Местные такой автомобиль брать не захотели. Им нужны были «Нивы». Денег у нас на «Москвич» не хватало. А они, эти самые местные жители, собрали деньги нам на автомобиль и сказали, что когда будут деньги, тогда и отдадите.

Очень добрый народ, не терпящий никакого обмана. Сначала сильно боялась я извержения вулканов, потом привыкла. Много детей выучила, теперь по «Одноклассникам» связываются со мной. Хорошо, что придумали компьютер, только бы безнравственные сайты поубирали».

Ахат же принялся говорить о народной медицине, о пользе козьего молока, якобы лечащего даже аллергию. О том, что надо сварить ёжика и съесть бульон от какой-то хвори. Мне сразу стало жалко ёжика, но когда я сказал об этом Ахату, он рассмеялся. Эльвира, видя, как я страдаю от аллергии, дала мне целую пачку таблеток. Ехал с нами и Тахир, угощал всех национальным блюдом. Хорошие попутчики, но трое суток моего пути вещали моему разуму, что скоро Арзамас, и город не замедлил встретить меня своей вечерней теменью. Пройдя на вокзал, мне предстояло либо дожидаться утреннего автобуса, либо ехать на такси.

Прямо на вокзале, в ресторане, гремела музыка, там праздновали свадьбу. Под такой грохот сидеть всю ночь расхотелось, заказал такси, и вот мы уже едем на пути в посёлок Ардатов. По дороге разговорились. Водитель Александр удивился, что у нас в Сибири зарплаты у людей примерно такие же, как и у них. Поведал Александр мне и о своём горе. Медленно, с сопутствующим в похожих случаях вдохом, начал он рассказ, на котором я, конечно, не настаивал, да видно Сашиной душе захотелось выговориться.

По возрасту мы с ним были примерно ровесники, а раз так, то зачастую многое даже нет необходимости договаривать, ибо чуешь жизнь нутром своего возраста...

Вот уже погасли огни Арзамаса, а я слушал Сашу: «Жена моя пошла к зубному врачу у неё болел под коронкой зуб. Там сняли коронку оказали лечение. А у неё всё гноится и гноится. Повёз её в Нижний Новгород, где сделали анализы и выявили рак. И вот, веришь, сохнет на глазах, тонюсенькой стала – страх, а ни одной жалобы. Так и померла. Запил я страшно, кругом ведь по дому наши фото, а друзья-таксисты

ящиками водку везут. Два месяца пил, а потом все фото её убрал с серванта и, слава Богу, полегче стало.

Дочка у меня с сыном, за двадцать уж обоим. Подумал, если сдохну, кто им поможет»...

Замолчал Александр на мгновение и перешёл на другую тему: «Значит, говоришь, и в Сибири то же самое, что и у нас». «Да, Саша, везде примерно одинаково, Первопрестольная да Питер отличаются, конечно. У нас в Братке один чудак снял ночной зимний город с высоты, очень красиво получилось, сердешная наша провинция. Ты, Саша, молодец, что завязал с отравой, дай Бог детям твоим здоровья, да чтоб тебя не забывали».

Въезжаем в районный посёлок Ардатов, бывший в ранешние времена районным центром. В село ночью ехать не с руки, и я распрощавшись с Александром, подхожу к дому друга детства Сергея Куванова. И, несмотря на поздний час, Сергей крепко меня обнимает, ведёт в ещё не остывшую баню, где я ополаскиваюсь с дороги, а его жена Галя тем временем собирает на стол.

После бани, как и подобает, почувствовал себя бодрее, достал из сумки бутылки с Братским пивом, выпили с Сергеем и по рюмочке водки. Достаю книгу « Аналой», говорю Сергею: «Серёжа, тут и про тебя есть, как ты из тюрьмы возвращался в деревню, и встретил мою тётю Дуню – она траву в вечернее время косила. Помнишь, сказала тебе, что твои родители уж заждались тебя».

Сергей молча налил по второй, Галину же угощаю нашим Братским пивом, вроде неплохое оно у нас. Рано утром поднявшись, увидел, как Галина заталкивает в духовку пироги. Завтракаем настоящим деревенским молоком и горячими пирогами. Попросил Сергея завезти меня в Храм. Когда, обнимая пожилого священника, дарил ему книгу, он сказал: «Интересно будет почитать о православии в Сибири», и на прощание улыбнулся. Подобрав искусственную корзину с такими же искусственными цветами, грузим её в багажник. Нечасто дово-

дится приезжать в деревню. Потому и подбираешь так, чтобы подольше не портилась от времени и постояла на погосте на бабушкиной могилке эта самая искусственная корзина.

И вот уже Сергей везёт меня в село Леметь, где ещё издали, хоть и заросли пахотные поля давно деревьями, на горе высится храм Пресвятой Живоначальной Троицы 1725 года постройки. Нет, право, волнующе всё это: сколько бы раз ни приезжал, дыхание в такие минуты меняется, сердчишко того и гляди в надрыв пойдёт. Сам себе укреп души даёшь: не раскисать! На кой ты тут больной нужен, здесь деревня с извечной работой. Всплакнул маленько и будет, держись, брат, ты русский человек.

Перекрестившись на пустующий храм, идём по сельскому погосту. Вот и стоит теперь свежая корзина цветов на бабушкиной могилке. Слава Богу, дорогая моя бабулечка, Татьяна Ивановна Куванова, довелось внуку твоему навестить тебя. Всю жизнь ты работала, да как! Именно с надрывом робила, но и дожила почти до ста лет. Уж далеко за восемьдесят тебе было, а всё ещё пойло корове выносила, вот диво так диво. Берёг тебя Господь, сердешную. А мы вот в городе, твои внуки, и все болеем. Лена – двоюродная моя сестра – перед моим отъездом с инфарктом слегла, а ей сорок пять лет. У жены Ирины пальцы от артрита сильно болят. Словом, кого ни возьми, все и болеют. Вы, старики крепше нас были, тут никто спорить не станет.

Вот так размышляю с собою, а Сергей уж подводит меня к могиле недавно умершего отца: «Сначала ему только стопу отрезали, потом дальше, дальше, вот и нет тяти», – горестно вздыхая, говорил Сергей. Я вдруг говорю: «Серёга, а ведь отец твой всю дорогу весёлый был, вот уж кто не унывал. Он ведь Божью заповедь выполнял, ибо сказано «Не унывай». Сергей улыбнулся: «Да, батя у меня такой был, эх, и весёлый. Галю вот только, сестрёнку нашу, коли хоронили, сильно убивался».

Замечаю рядом с могилкой натянутую верёвочку и вбитые

колышки. Сергей по взгляду понял меня: «Это вот мама наказала мне сделать, говорит – будем рядышком с отцом и на том свете». Идём по погосту. Сергей показывает могилки деревенских, которых я знал и не знал, ибо село, состоящее когда-то из трёх деревень, было действительно очень большое. Вот и к друзьям заглянули, лежат рядом они: Слава Носов и Ваня Абрамов, только маленько после армии пожившие, успевшие, однако, жениться и семя после себя оставить. А мы с Сергеем два седых, почти пятидесятилетних мужика стоим теперь возле их могилок.

Сергей вдруг ворохнулся и слегка заметная улыбка, тронула его лицо: «Ох, и бедовые оба были... Славка, бывало, быстро обрастал, да всю дорогу постригаться к нам бегал. Помнишь, Толик, поди машинку-то эту железную. Вот качество, дак качество. Всей деревней друг друга стригли! Эх, Ванька, Ванька, винцо ты шибко любил, через это, помучившись, и помер». Всем, к кому бы мы ни заходили, Сергей клал Галины пироги.

Навестив могилки, поехали к Сергеевой сестре Нине. Я перед отъездом созванивался с тётей Дуней, и мы надеялись узнать у Нины, дома ли Евдокия Андреевна. Нина вынесла нам испить ещё тёплого парного молока, сказав, что Дуня ждёт меня. Поделив поровну мою поклажу, спустившись с горы, переходим речку Леметь. Её белые, омываемые течением речки камни, как всегда радуют взгляд, но вместе с тем и тревожат душу. Поближе к речке бани-то раньше стояли, бывало кажинную субботу прямо светопреставление разыгрывалось тут, где мы сейчас идём с Сергеем. Женщины со старухами бельё полощут, молодёжь воды в бани натаскивает, здесь же и мальчишеские футбольные бои, а смеху кругом, разговоров весёлых! Как же, ведь обмывка организма впереди. Лягушек под белыми камнями тьма возле речки, вот уж как начнут переклики устраивать, не остановишь. Словом, всамделишное здесь всё, родное. Вот за такие воспоминания и любим мы свою Отчизну.

Ныне же идём с Сергеем по высокой траве. Некому её косить, уж давно как некому. Идём к почти пустой деревне, в которой живёт моя тётя Дуня, Настя Матвеева, да два мужика на другом краю деревни (одного Сашей зовут, другого Володей). Скотина, бывало, траву-то до самой земли выедала, такой высокой травы как ныне, было нигде не сыскать, выкашивалась она, родимая, подчистую.

Вот и взгорок с заросшей крапивой тропкой, и ты, тропочка, до боли памятна нам с Сергеем. А Сергей-то уж громко восклицает: «Толик! Я ить крапивой-то весь пообжёгся. Ты смотри, не пускает в родную деревню».

Поднимаемся выше и попадаем в аллею из клёнов, атаковавших всю деревню. Даже тропа здесь совсем не заросшая, клён всё обуял, да и солнышко едва просвечивает через его листву, потому и не росла трава в этом месте так сильно, как давеча. Слева, среди деревьев, в тени стоит дом, дворовые постройки его давно рухнули, а он стоит. Окна, ставни - всё на месте, дышит весь старостью, но стоит. Клёны его словно в плен взяли, круговую оборону обозначили. Стало быть, ещё каким-то чудом дюжит крыша у тебя, одинокий дом, многие твои собратья завалились, ибо известно: дом жив, пока крыша не протекает. Помню, был мальцом, и мама водила меня в этот дом, там жила бабушка по прозвищу «Танечка».

Вот и выходим, наконец на свет солнышка, на центральную дорогу деревни. Тоже заросшую, но по двум помятым полоскам нетрудно определить, что машины тут изредка всё же проезжают. Вот и моя дорогая, навеки любимая тётя, Евдокия Андреевна Куванова идёт навстречу. В руках её резиновые сапоги, в которых я и хожу всегда, когда приезжаю. Обнимаю тётю Дуню, а это всегда волнующе, и надобно бы сердцу дать укорот от печали, нельзя иначе. Расклеиться-то, известное дело, недолго.

Сергей глядит на нас, улыбается: совсем скоро и он увидит свой родимый дом, а Евдокия Андреевна, гляжу уж маленько успокоившись: «А я вас вот с сапогами пошла встречать.

Ой, а на тебя, Сергей, не взяла. Моста-то нет у нас давно. Минька всё Чёрный устраивал, да помер. Я только летом, где вы прошли, хожу, а так всё через Луговку, там мост хорошо устроили. А кто брод указал? Ай помнишь, Сергей? Заросло же всё, трудно поди узнать». Сергей опять улыбнулся: «Сергей Багрешка, указал. Да я, чай, здесь вырос. Как тут забудешь». Идём и видим выкошенную возле дома тёти Дуни траву: «Здравствуй, дом, где родилось семя Данилино. Пять лет здесь не был из-за суеты жизни. Ну вот, Господь сподобил навестить, и слава Богу.» Опустив тяжёлые сумки прямо на крыльцо, немного поговорив, Сергей, не выдержав, зовёт меня в соседний, родовой его дом. Из-за разросшейся вишни не видно и забора. Отперев нехитрый замок, входим в сени родимого дома друга. Матушка Сергея, покидая дом и переезжая на улицу Новую, в каждой комнате оставила по иконе и по церковной книге.

О Боже, сколько связывает человека с домом! В памяти мгновенно воскрешается многолюдие этого гостеприимного дома. Все ребятишки деревни собирались у Кувановых, глядели фильм «Четыре танкиста и собака»... Много на ту пору по-настоящему хороших фильмов снимали, а мы, не ведая того, напитывались их нравственностью. Обойдя весь дом, вышли снова в широкие сени, Сергей встрепенулся: «Вот, Толик! Видишь, как места много. Тут прям все и танцевали, когда свадьбы нас, шестерых детей, справляли. Чудно устроено Господом всё, за каждый миг памяти поклон земле нашей русской. Сами-то мы седые давно, но чудно это, ведь кажется, что это было совсем недавно». Сергей загрустил, а я подтверждаю: «Да, Сергей, давно сказано, жизнь как один день. Но мы, слава Богу, всё помним. И дети наши после нас будут помнить. Это, дорогой Сергей, такое чудо, которое великий скреп славянской жизни даёт всем нам, это, по всему, так надо считать, – Божие таинство, оделяющее все наши души. Сергей улыбнулся: «Ну, Толян, и загнул ты»!

А Евдокия Андреевна уж в дом к себе кличет. И вот сидим

с другом за старым деревенским столом, за которым ещё совсем мальцом я чай из самовара, да вприкуску с сахарком, пил. Андреевна на стол спроворила пироги с картошкой да бутылку водки выставила двадцатипятилетней выдержки. И тут удивляться не приходится сведущему человеку, ибо в деревне всего всегда берут с запасом, сама жизнь тому подтверждением служит...

Выпив по рюмке, удивляемся качеству водки, изготовленной из зерна. Да и опьянение в мозгу ощущается совершенно другое, нежели от нынешней водки. Сергей удивляется: «Ну, тётка! Да как до тех пор сохранила-то?» Андреевна лишь улыбается. Я же любуюсь ими, и счастлив, что жизнь подарила мне такую вот встречу. В Братске случалось иногда такое: заводил я разговор о деревне со многими людьми и видел, что далеко не все спешили навестить своих родных. Всё время откладывали и, конечно же, находились на это причины. Я же на эти причины реагировал болезненно. Понимая, что все люди на земле разные, но всё одно, порою не сдерживаясь, очень настойчиво твердил, чтобы съездили... Но, к сожалению, слушали меня редко, а то и смотрели с явным недоумением.

Проводив Сергея до ставшей ныне такой короткой околицы, обнявшись с другом, возвращаюсь в дом, первым делом распаковываю сумки, достаю книгу «Аналой», дарю её любимой тёте, а она на это: «Эт ты сэсто написал! Ну, Толька! Муцаешь свою головушку! Ну валяй, валяй муцай, цаго же с тобой сделашь».

На крыльце звучно скрипнула дверь, слышим шаги в сенях, заходит приехавший в деревню на велосипеде Иван Носов. Дарю книгу и ему, говорю при этом, что в ней и о Носовых написано. Он же скромно принимает книгу: «Ну что ж, Толик. Да». Иван уже вышел на пенсию, и вот как наступала весенняя пора, спешил из районного посёлка Ардатов в родную деревню работать на земле в родимом дому. А дом, он что? Он его целую зиму ждал, радуется, знамо дело. После смерти отца, его Сергея, дом не был сиротой, ибо сын за одно только

лето по три раза скашивал траву возле него. Страх глядеть на брошенные, заросшие деревьями да крапивой дома, таких на деревне было много, поэтому-то и радостно было глядеть на дом Носовых. Думаю, что родители их, дядя Серёжа да жена его Клавдия видя всё это с небес, радовались за такого сына.

А у Ивана уж заказы пошли, ещё не пахано – не сеяно, а ему в посёлке уж на картофель заказ поступил. «Каждый год так, – улыбается Иван, – целую машину бортовую везу в Ардатов. Главное дело, заказывают, и это не удивительно: состарились многие, сил нет самим садить, вот и заказывают». Затем, улыбнувшись, добавляет: «Кого силушка не оставила, знамо дело, сами садят, а старикам куды деваться? У многих ведь родные в города давно укатили. Но главное дело, хотят именно картошку из деревни. Не доверяют они привозной нивесть откелева».

По весне Дуня дала ему своих семян картошки, и Иван теперь, словно маленький ребёнок, радовался: «Вот, тёть Дунь, твои семена, больно хорошо уродились». Иван ушёл, а моя незабвенная Евдокия Андреевна давай мне рассказывать историю почти покинутой людьми деревни: «Толька! – всплеснув руками, с явным удивлением в голосе говорила тётя, – В прошлом году, знашь, сколь яблок на деревне уродилось, это ж тьма-тьмущая. А кому собирать? Знашь ведь, поумирали жители-то, а детям да внукам до этого дела нет. Это ж надо, если приедут, через заросли деревьев да крапивы пройти ленятся, потому не едут.

Я однажды девять корзин набрала, спустила в погреб, насушила два мешка. А потом кто-то подсказал, что яблоки эти можно на огород как удобрение вываливать... Ну, поносила я этих яблок на огород, индо тыщу раз взопрела, пока натаскала. Пока тиранила себя, всё вспоминала про корову, ведь когда ране-то держала, рази бы взбрело в голову яблоками удобрять... Ведь, бывало, весь огород да усад с прирезком кажинный год только коровяком и удобряли».

Дуня моя сердешная замолчала, я же успел схватить слово

«удобряли», Господи! Сколько раз мы произносим это слово, а вдуматься в него вряд ли успеваем, а меж тем от него теплом веет таким, что только успевай дивиться красоте наших слов, да промыслу Божиему о нас, грешных людях...

Выпив двадцатипятилетней выдержки водки, закусив пирогом и помидорами, гляжу и не нагляжусь на дом, его деревенскую утварь. Чугуны, ухваты, печь русская словно с немым укором глядят на меня, словно твердят: вот сейчас поможешь хозяйке картошку выкопать, да в город свой укатишь, а она одна останется, тебе же совестно будет, и никуда ты, милок, от грусти этой не денешься, ибо связано этим нутро твоё.

Ну вот, расходились мысли в башке, загрустилось. А Евдокия Андреевна, помолчав и осведомившись, вкусны ли пироги с картошкой, продолжает свою напевную речь: «Я, конечно, Толик не могу по-вашему, по-городскому, готовить, ну ничего, зато молока настоящего у Нинки Козинки возьму, вот и будет, настоящая еда. А в войну-то, ох, хватило нам горя... Бывало, одна картошка да свекла заместо сахара. Для младшенькой Марии мама варила пшёнку. Встанем перед мамой, бывало: мам, ну дай хоть ложечку... Давала, конечно, маманя наша».

И вдруг лицо тёти вмиг погрустнело, глаза погрузились в такую тоску, что и не высказать, не вышептать, она тихо заговорила: «А знаешь, Настя-то Матвеева уезжает в Ардатов, племянник забирает её. Говорит, здесь летом-то можно, а зимой погибель наступат. Надоело, говорит, по пояс в снегу за хлебом на Новую ходить. Я бывало знала, что хоть через несколько пустых домов живая душа, такая же, как и я, теплится, а ныне вот, что, Толик, деется, уезжает Настя».

Во время разговора тётя постоянно выходила, кыскать кошку, лазила в погреб, и за ней медленно со скрипом, затворялась толстая старинная дверь, помнящая, ох, как много... Мне почему-то казалось, что Евдокия Андреевна, оттого и выходит часто, чтобы вернуться и увидеть, что она не одна. От этого, наверное весело вспоминала: «Приезжала я к вам

в Братск. Мамоньки! Какая холодина у вас в бараке вашем была! Как вы и выжили-то? Мамка твоя на работу, а мы с тобой в сарайку, дрова колоть. А оне от колуна словно ледышки отлетают, поленья-то эти. Сэсто мороза я в жизнь не видала. Бывало, везу тебя на санках, а ты завалишься, снова посажу в санки, а ты смирный такой был. До смерти мне вас с мамкой жалко было. Всё звала вас к нам в родной дом. А вы вон, эвон – Сибирь полюбили. Одного маманя тебя растила, даже алиментов не требовала».

Долго ещё в этот вечер говорили мы о родных, близких, знакомых. Эти разговоры мне очень дороги, и объяснения к этим моим мыслям вряд ли потребуются, ибо всяк поймёт, о чем баю. Помолившись на образа, читаю вечернее правило, и вскорости, лёжа на диване, думаю, что вот, слава Богу, снова я в деревне. Заждавшийся диван слегка поскрипывал, словно здоровался со мной. Ну что же, здравствуй, мой хороший, я ить тосковал по тебе. Помнишь, али нет, мысли мои молодые, а вослед постарше мысли помнишь ли, а ныне уж почти пятьдесят годов мне, диван...

Так и засыпаем в родном до боли деревенском дому. Здесь нужно пояснение, раньше называли нашу деревню, кстати, появившуюся в незапамятные времена, просто деревней, теперь улицу Заречную, появившуюся в низине деревню стали звать Луговкой, на Святой горе появилась деревня Новая, потом разбили по улицам и стало одно село – Леметь, Молодёжная же улица появилась в восьмидесятые годы, когда колхоз строил дома для молодых. По улицам Новой, Луговой, Молодёжной пошёл слух, что к Евдокии племянник приехал. Кто-то вспомнил, что де – молодец, много уж раз приезжал, знаем, а те, кто из молодых, слышали об этом в первый раз. Но ведь это жизнь, в которой всё удивительно, но вместе с тем и тревожно. А тревожно в первую очередь за родных тебе людей, а стало быть, конечно же, за Россию, ибо это отчее…

Наутро тётя, неожиданно для меня, решила дать мне денёк отдохнуть после дороги. Она ходила за молоком на Новую,

готовила хлёбово, плела корзины. Я отправился по деревне, тётя же, покачав головой, с тревогой в голосе сказала: «Схои, погляи, что осталось от деревни». И я ступил на бывшую центральную дорогу деревни...

Ныне это были две примятые полоски. Трава и деревья, уже давно перескочив ограды покинутых домов, словно боевая рать, наступали на дорогу. По ней ещё всё же изредка ездили машины, но в душе неотступно поселилась тоска. Вспомнилось, как маленький гонял по ней колесо от велосипеда, как скакали по деревне старшие ребята на лошадях, как множество старух, взрослых и детей всю дорогу шли по своим делам, Господи! Скажи, неужели это было? Ведь и впрямь не верится во всё это. Снова вспомнилась мама, которая два года назад, выйдя, как я теперь, на улицу, кричала: «Где вы, люди»!

Пройдя дом друга Сергея Куванова, в котором теперь мы набирали с Дуней воду, в голове снова вырисовывалась жизнь: водопровод на деревне не отключали, хоть и в живых осталось в ней всего четыре человека. Теперь уже бывшие наши дорогие соседи, переехавшие на Новую, вывели из дома шланг с краном, Евдокия так и пользовалась до морозов водой, потом кто-нибудь, из слава Богу, многочисленного семейства, приходил и перекрывал на зиму воду. Зимой Евдокия Андреевна воду брала в колодце... Прости, дорогой читатель, унесло немного в сторону, но ведь и ты понять меня должен: каково нутру-то моему постигнуть всё это действо...

Пройдя совсем немного, вижу разобранный дом Молодцовых. Разбирали его совсем недавно, это было понятно сразу. Поднимаюсь по ступенькам, захожу наверх. Пол в бывших сенях и в самом дому остался ещё целым, доски были сделаны широченные. Я опустился, чтобы посмотреть, каковы они толщиной: на взгляд было сантиметров шесть или даже семь. Это были толстенные досочки, рассчитанные на долгий век. Да вот, оперившись, выпорхнули твои птенцы. По полу этому я определил, где мы сидели и смотрели телевизор, где

находилась русская печь, как будто это было совсем недавно. Виделось мне, как дядя Ваня хлебает забелённый молоком и налитый его женой Марьей суп. Как мама моя лечила заболевшего их сына Сашу угольными таблетками. Как мы с Володькой, сидя на крыльце, любовались деревней, а Володя к тому времени уже пробовал учиться играть на гармонике. С их высокого крыльца было хорошо видно внизу футбольное поле, где очень часто шли бои районного масштаба.

Зашёл я и во двор, который был в целости и сохранности. Всё вспомнил: где корова стояла, где овцы, где свиньи с курами. Нет, вроде бы всё просто, но не просто, ей Богу, не просто видеть это сквозь годы... Скептиков, которых развелось ныне пруд пруди, критикуют всё и всех, а надобно бы просто любить свою Родину, да работать на Отчей земле. Лучше бы тогда было, чую это своим грешным нутром.

Выйдя со двора, вновь подымаюсь по лестнице на оставшиеся доски, вижу неразобранный амбар и вспомнилось сразу, как спал в нём Женя Молодцов, а мама их Мария всё ругала нас, чтобы мы поменьше щебетали – де мешаем спать старшему сыну. И вдруг на полу я увидел красного цвета книжку, листы книги были в земле, пахло от неё затхлостью. Оказалось, это стихи Алексея Кольцова. Читаю: «Сельская библиотека Нечерноземья» издаётся по решению коллегии Госкомиздата РСФСР для тружеников села. Обратил внимание и на то, что в редакционной коллегии был мой любимый писатель Василий Иванович Белов. Читаю, и воистину великие стихи сразу же ложатся на душу. Одна «Песня пахаря» чего стоит, вот бы к чему нынешнему поколению вернуться.

Но меня растревожило стихотворение «Жизнь». Привожу его полностью:

«Умом легко нам свет обнять,
В нём мыслью вольной мы летаем:
Что не дано нам понимать
– Мы всё как будто понимаем.
И резко судим обо всём,

С веков покрова не снимая,
Дошло – что людям нипочём
Сказать: вот тайна мировая!
Как свет стоит, до этих пор.
Всего мы много пережили:
Страстей мы видели напор:
За царством царство схоронили.
Живя, проникли глубоко
В тайник природы чудотворной,
Одни познанья взяли мы легко,
Другие – силою упорной…
Но всё ж успех наш невелик.
Что до преданий? – мы не знаем.
Вперёд что будет – кто проник?
Что мы теперь? – не разгадаем.
Один лишь опыт говорит,
Что прежде нас здесь люди жили
– И мы живём – и будут жить.
Вот каковы все наши были!..

18 октября 1841.

Стихи меня действительно потрясли, здесь и о русском крестьянине, о вечной тоске, присущей ему, о любви, но главное – стихи эти с надеждой и верой в нашу православную Русь, в её воистину необъятные и непостижимые народные нравственные глубины. Беру книгу с собой, повезу её в Братск, может, даст Бог, что и напишу.

Пройдя еще несколько брошенных домов, которые, кстати сказать, были не заваленными развалюхами, а стояли ровно, ничуть не покосившись, ибо крыша в них ещё не прохудилась, хоть и стоят уже много лет одинокими. Только этим летом проехали по деревне электрики и поотключали эти дома от электричества, опасаясь, что от разросшихся повсюду деревьев может случиться пожар.

Вот и дом Насти Матвеевой, сидит она на крылечке, с кошкой своей разговаривает, а возле дома выставлены чистые

струганые доски. Знамо дело разговорились: «Вот, Натолий! Уезжаю, в Ардатове много людей живёт, магазины рядом. А тут зимой тоска смертная, да за хлебом зимой не добраться, старые мы с Дуней». Фотографирую её, говорю, что в книге о них написал, и на это тётя Настя с удивлением: «Да полно тебе»... Затем подумав и улыбнувшись, степенно продолжила свою речь: «Дуня твоя, знаю, никуды не поедет, она в любых условиях выживет. На Новый год у нас на Лемети две недели свету не было. Так Дуня и не унывала, у ней ведь сухарей мешок насушенных, крупы загодя накупленные, картошка своя, а мяса она почти не ест, всё поститься».

Слушая тётю Настю, в который раз думаю об одном и том же: случись у нас в городе отключение света и тепла – это ж настоящая катастрофа, а вот в деревенском дому нет её, катастрофы то: и тепло, и сытно от русской печи, и весь цивилизованный мир летит против нашего исконно русского уклада в тартарары.

Ещё немного пройдя, вижу дом Сутыриных, живёт теперь в нём Саша. Не получилась семейная жизнь у мужика, а он всего-то на немного меня и постарше. Вернулся он в деревню, матушка его Нюра померла, а я всё вспоминаю, как пять лет назад, в прошлый приезд, эта самая Нюра поила меня ядрёным квасом, он только у неё такой вкусный и получался.

Возле дома на лавочке сидел Саша с племянником Насти Матвеевой – Владимиром. Вид у Саши был весь побитый, выражалось это в синяках под глазами, да и самим обличьем. Выпивал, конечно, мужик, сильно выпивал. Потому-то мама его, пока жива была, поставила пластиковые окна, предвидя заранее свою смерть, желала, чтобы сыну в дому было теплее. Саша обрабатывал огород, сторожил в где-то в посёлке. однажды когда, они с другом Володей пришли в себя, то позвали меня на Святую гору в орешник, Дуня меня не пустила, а орехов они по мешку набрали... Почему отвлёкся? Да потому, что не всегда наш русский мужик пьёт, в деревне сама жизнь заставляет трудиться…

Поздоровавшись, узнал, что Владимир ждёт машину, чтобы забрать остатки вещей, доски, чтобы увезти с ними и Настю Матвееву, решившую оставить родную деревню. Ждали они третьего жителя деревни – Владимира, который ушёл за спиртным, да и, как зачастую водится в подобных случаях, запропастился куда-то. Посидев на лавке возле дома Носовых, я решил не тревожить Ивана, не отвлекать его от работы и пошёл дальше.

Погода выдалась солнечной, было тихо, вот только на душе уже давно разыгралась непогодина. Пройдя почти до конца деревни, повернул обратно и увидел идущего навстречу Сашу: он отправился на Новую искать друга Владимира. Остановившись возле меня, сказал: «Видишь, какая деревня сейчас» – и, махнув рукой, побрёл дальше. Раньше, помню, он работал шофёром, и однажды зимой подвозил меня до деревни. Набрал я тогда пива целый ящик, потом в бане у соседей Кувановых, мы его и выпили с ребятами. Все тогда работали и почти все выпивали, но страна строилась и жила, женщины рожали детей, справляли свадьбы. Но ведь и теперь рожают, только за эти последние двадцать пять лет столько народу нашего от страшного безвременья сгинуло, что тут поневоле вспомянешь всё, да вмиг и загрустишь...

Снова подхожу к дому Насти Матвеевой, она попрежнему разговаривает с кошкой, обещает забрать с собой в Ардатов. Подхожу к нашему дому, вижу: Евдокия Андреевна, пока я ходил, плетёт уже вторую корзину. Завидев меня, улыбнулась: «Ну, походил, поглядел, иди поешь молоцка-то, супу наливай с цугунка, упрел поди». Поев чудной пищи, выхожу на крыльцо. Дуня плетёт корзину, я сижу на крыльце, и мы вспоминаем многих деревенских. О каждом, где бы ни жил её земляк, она не только помнит, но и знает, как сейчас кто живёт. Сколько у кого детей, внуков, правнуков. Кто сильно пьёт вино, кто только по праздникам, а кто и вовсе не пьёт… И это не любопытство какое-то, просто в деревне так принято, стараться не терять нить человеческого общения.

Вдруг мы услышали шум двигателя, и вскоре мимо нас проехала бортовая машина, увозя Настю Матвееву в цивилизованный мир. Дуня моя помахала ей рукой, а у меня сердце сильно забилось. Так и стояли мы какое-то время, провожая печальным взглядом давно уже уехавшую машину. Вечером, помолившись с Евдокией Андреевной на образа и прочитав вечернее правило, моя Дуня объявила: «Всё, Толька! Закончился твой отдых, завтра копаем картошку». Отвечаю: «Что ж, картошкой нас не напугать, усад с тобой рыли, вот это была работа, бывало конца и края не видать полю. А тут у тебя немного в огороде посажено, вроде как физзарядка у нас будет».

Тётя, моя тётя, – думал я, – а ведь ты последнюю лампадку по Божественным праздникам, да когда в церкви служба идёт, зажигаешь в деревне. Теплится твой драгоценный огонёчек, последний огонёчек. Сашка и Володя, что на краю деревни живут, не делают этого, а, стало быть, ты и есть последняя лампадка деревни, моя дорогая и незабвенная Евдокия Андреевна... «Вдруг подумалось: нет, не последняя лампадка, а одинокая, потому как к последней уж никто не придёт, а к одинокой я вот, к примеру заявился, а стало быть, появилась надежда, а стало быть»…

Утром, помолившись, поели молодой картошки с малосольными огурцами, да и впряглись в привычное дело. Тётя натащила на огород больше десятка корзин и, видя мой взгляд, тихо сказала: «Будем рыть да в корзины складывать, пускай на ветру обдувает её, золотую кормилицу». 13 ноября 2015 года Евдокии Андреевне исполнилось восемьдесят лет. Вспомнил же об этом потому, что десять лет назад, когда мы с ней рыли усад, то она бы любого молодого в работе за пояс заткнула, и даже пять лет назад прыти в ней хватало. Нынче же её заметно поубавилось – годы есть годы, но даже сейчас я всё одно удивлялся её ловкости и опытной умелости. Картошка уродилась отменная, хоть на выставку посылай, да где ныне эти выставки.

Но солнышко не дремало, жарить стало всамделишно, сло-

вом, давно взопревшие от работы, мы решили пообедать. Затем Дуня принесла ещё много пустых корзин, а к вечеру я принялся таскать их во двор. Удобная, надо сказать, вещь - эти корзины. У тёти в них и лук, и чеснок, и яблоки, и яйца, и семенная картошка хранятся. Всегда, когда уезжаю в город, она мне даёт только что сплетённую ею корзину, наложив туда либо яблок, либо чеснока с луком. Непременно говорю ей всегда: «И это мне за пять тысяч километров везти?». В ответ: «Чай, не на себе попрёшь, поездом». Потом помолчит маленько и добавит: «Ныне-то что, а вот предки наши да и бабушка твоя Татьяна, бывало, в Горький за солью сто двадцать километров ходила пешком, и ведь часто бывало так. Туда – лапти да корзины, оттуда – соль или ещё чего». Я тут же представил себе, что я иду пешком сто двадцать километров, да не пустой, а с тяжеленной поклажей, ну и как тут не вспомнить: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя, богатыри – не мы». Ведь я даже не знаю, дошёл бы или нет, а если даже и дошёл, ведь надо было ещё и лапти продать, и в обратный путь идти. Но, по словам Дуни, это всё было не в диво: так жили все в округе. Бывало и такое, – продолжала она, – уйдут мужики далёко на работу, несколько дней пути пешком, так жёны их им еду носили.

В такие моменты в глазах встаёт картина, как люди идут по дороге со своими поклажами, и старинные полотна русских художников воспринимаются действительно глубже…

За два дня выкопали картошку. А бывало, только один усад, не считая огорода и прирезка, рыли больше недели, а ежели присовокупить случавшиеся в такие дни дожди, то от переживаний крестьянской душе удержа не было. Затаскивая последние корзины с ядрёной картошкой во двор, Дуня вдруг объявила, что нынче, в среду, идёт вечерний автобус на Новую: «Придётся тебе, Толик, ныне одному ночевать, корзинки поеду продавать в Ардатов, а в четверг опосля обеда, даст Бог, вернусь».

Перейдя бродом речку Леметь, поднимаемся на высокую

гору на улицу Новую, помогаю нести корзины. Вокруг ни единой души. Господи! Ведь бывало, никогда не пустовала ты, старинная гора. Огромное стадо овец ежедневно щипало здесь траву, из деревни старухи с молодой порослью шли за хлебом, сахаром, хлеба же брали по двадцать булок - ведь у всех была скотина, а он, святой наш хлеб, стоил тогда копейки.

Наверное, больше двадцати метров в высоту гора эта, в длину же вместе с наикрасивейшими изгибами, идёт уже на километры. И – неизменно текущая внизу речка Леметь. Длина её составляет всего сорок три километра, и на её пути стоит достаточно много населённых пунктов, включая и Ардатов, однако называется она Леметь, как и наше село. Удивительно ещё и то, что село Леметь находится далеко позади других поселений по руслу реки. Пейзаж действительно сказочный. Родом я из Сибири, повидал, слава Богу, много красивых мест, но здесь действительно, как говорят у нас на Руси, Божий уголок. Сказывали мне в детстве, что войско Ивана Грозного здесь проходило. Ныне же поднимаемся только вдвоём и неустанно смотрим на стоящий на горе храм Живоначальной Троицы.

Вот, наконец, и магазин, который уже очень давно стоит здесь. Молимся на храм. Автобус с моей Дуней отходит в положенный ему час. Иду к храму, захотелось вновь обойти деревенский погост. Зайдя в полуразрушенный храм, опускаюсь на колени, осеняю себя летучим крестом и целую святую твердь. Снова обошёл дорогие моему сердцу могилки, навестил и старинный холм, где, по преданию, похоронен то ли князь, то ли благодетель Саровской обители – помещик Соловцов. Зелёная трава вокруг словно отвлекала меня своей всегдашней неповторимостью и извечной красотой от неминучей тоски. Эти старинные могильные холмы тревожили, но, странное дело: как-то тепло тревожили мою грешную душу. Здесь, именно здесь ступали ноженьки нашего Великого русского старца.

Я же сквозь ограду и разросшиеся давно деревья берёз, осин, клёнов, ивы, рябины, черёмухи, деревенского погоста видел невдалеке огромное засаженное пшеницей поле, и отчетливо слышал звук комбайнов, убирающих во все времена святое зерно с полей. Подумалось: стало быть жива, ещё наша родная околица, раз пшеницу сеют в этом Богоданном месте нашего Отечества.

В каждом новом рассказе о Селе Леметь я неустанно и всегда с действительно огромным удивлением упоминаю о том, что сюда, в Леметь, вместе со своим учителем Пахомием приходил, будучи на ту пору молодым послушником, будущий Светильник земли русской, Святой Серафим Саровский. Знаю об этом не только со слов моей Бабушки Татьяны Ивановны Кувановой и тёти Дуни, но и со слов жителей Лемети. Ведь эта молва передаётся из поколение в поколение. Подтверждением тому служит и книга Н. М. Левитского «Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного Серафима, Саровского чудотворца». Книга вышла в свет в 1905 году, и по праву стала считаться одним из самых полных и биографически точных житий преподобного Серафима.

Не удержусь и приведу слова автора этой воистину замечательной книги: «Кто из православных не слыхал этого дорогого для них имени? Кому из русских людей задолго-задолго до 19 июля 1903 г. не был знаком образ этого «убогого и любвеобильного подвижника, полного смирения и благодатных даров»? Кто не видал изображений этого дивного старца, то коленопреклонённого на камне и молитвенно простёршего руки к небу, то с тяжёлой ношей за плечами идущего по лесу, то кормящего медведя, то со сложенными на груди руками и с закрытыми глазами стоящего на коленях пред образом Богоматери?..

Позднее я узнаю, что по заказу помещика Соловцова в Первопрестольной был отлит огромный колокол, для Саровской обители, и в народе его называли Соловцовским. До этого я всё думал, почему же старец Пахомий со своим учеником,

будущим Великим святым Серафимом Саровским (Прохором Мошниным), приходили сюда в Леметь на отпевание помещика Соловцова. И теперь, слава Богу, ответ есть. Вот, стало быть, какая ты наша Леметь! Огромное спасибо историкам и краеведам этого края нашей отчей земли.

Вечером, сидя один в дому, заскучал. Господи! Ведь ты, моя дорогая тётя Дуня всегда одна здесь, молишься Господу, Пресвятой Богородице и Святым Угодникам. И, наблюдая за тобой, вижу я, что ты с молитвами живёшь на белом свете, и твои обращения к Богу, благодарения Ему, составляют весь смысл твоей жизни. Наш Создатель и бережёт тебя. И Слава Богу за всё!

Присев на старинную лавку возле такого же старого кухонного стола, обернувшись, посмотрел на раму окна, которая была расположена ко мне спиной. Вспомнил, что когда писал рассказ «Елизарова молитва», то именно это кухонное окно навеяло многие детали к этому рассказу. Ей Богу, житница ты наша деревня не только хлебом, но прежде всего и духом, который в нас и есть, покуда не помрём. Вспомнилось вдруг, как возила в деревню моего сына Витю моя матушка Анастасия Андреевна, а теперь привожу здесь его письмо полностью:

«Здравствуй, папа, мама, Серёжа. Вот, живу тут скучновато, баба взяла билет на 31 июля. Дуня пришла из больницы, тут никого нету. Хожу в магазин. У Дуни три кошки, телевизор, три кровати. За грибами ходили, за ягодами. Ходили в Ардатов творогом торговать, сметаной. Дожди идут каждый день с грозами, у Дуни две коровы, куры. Я очень, очень скучаю о Уёшке (так называли мы младшенького сынишку Серёжку).

Я от вас на расстоянии в пять тысяч километров. Подстригся у врачихи Дуниной. Надо печь перекладывать. Никто не помогает. Ходили в баню к соседу. У нас картошка взошла, мы окучиваем её. Дёргали траву два раза. А у вас картошка взошла? У нас плитка сломалась. Я уже малины поел. У нас есть одна кошка. Я иду, а она шипит, как змея. Хочу домой, Серёжа наверно плачет и спрашивает, где Витя, где Витя... А

вы ему скажите – в деревне. Вы без меня на острова не ездите, приеду – поедем. Тут никого нет, все дома пустые, горелые». Вот такое письмо.

В то время действительно сгорело несколько домов, и картина эта была ужасная, пугала стариков и детей, да и любому человеку от этого становилось негоже на душе. Вспомнилось, как мой сынишка, будучи школьником дважды ездил в деревню с мамой. Как удивлялись местные старухи его смышлёности, ибо он всё выпытывал у них, где расположены яблочные места в саду.

Сад этот был когда-то помещичий, огромный и засаженный яблонями, вишней. Потом стал колхозным. Даже теперь от этого замечательного сада осталась довольно значительная часть. Я же помню, как в детстве собирал в нём с братом Володей белые грибы и ел вишню. Сынишка мой и рыбу в пруду, который располагался в саду, ловил.

Ныне пруд обмелел, ведь раньше он специально подпитывался. Теперь мой сын стал инженером-строителем, строит дороги в Читинской области. В прошлом году они с другом Михаилом, возвращаясь из Питера, навестили и Евдокию Андреевну. Рада-радёшенька была моя тётя. С огромной радостью в голосе рассказывала она мне потом: «Приехали робяты. Батюшки, да какие хороши, работяши... Я им говорю: замаяли меня ветки от берёзы, все окна да крышу дома от ветра порасхлестали. Залез тогда Михаил, высоко так залез и обрезал ветки почти до самого верху. Стройный, ловкий Миша-то оказался. А Виктор твой внизу тут же эти самые ветки на дрова пилил. Они ведь на речку Леметь ходили, сеть там ставили. Я с ними тоже ходила, рыбы много наловили, я и не знаю, забыла как называется. Жарили её, ели. Ух, вкусная! Чо им не скажу – моментально сделают, любую работу. Хорошие ребята, жаль мало погостили».

Затем, дав роздых мыслям, продолжала: «Я баню в ограде у умершей подруги Евдокии Молодцовой натопила, своей-то уж давно нет. А ребята! Ну ребята, так ребята! Раз – и быстро

так провода туда провели, и свет в бане появился».

Много позже, разговаривая с сыном и Михаилом об их поездке в деревню, Михаил, горестно вздохнув сказал: «Сердце кровью обливается от увиденного. Такие крепкие дома, яблоневые сады, картошка вырастает отменная, река, луга, лес – всё есть для души, а людей нет».

Не зря ты, маманя, взрастившая своего сына в насквозь промерзаемых бараках, внука в деревню возила, вишь, и у него притяжение к истоку жизни прижилось в душе. Это, конечно, простые мысли, куда мне сложности писать. Только чую я своим грешным нутром, учитывая, сколько в России умерших и живущих поныне сёл и деревень с похожими такими вот историями, что может кто-то и прочтёт эту историю, да неминуемо вспомянет и свою деревню. Здесь же, ежели особливо вдуматься, оберег души таится, да вот гляди-ко: у меня наружу попросился, этот самый оберег.

Возле дома Евдокии Андреевны года три назад установили уличное освещение с выключателем. С огромной радостью, дорогой мой одинокий человек, каждый вечер зажигала на столбу свет. Через реку на горе хорошо видно улицу Новую, где постоянно загорались три фонаря. Там живёт ещё, по деревенским меркам, немало людей. А этот я стал называть «Евдокеюшкин фонарь», ибо загораясь каждый день под вечер, означал, что деревня ещё жива.

На улице совсем стемнело, и я, чтобы не нарушать традиции, пошёл и щёлкнул выключателем. Часть улицы, где отчасти прошло моё детство, озарилась электрическим светом. Сидя на крыльце, долго смотрел на такую памятную часть деревенской улицы. Сколько людей по ней ходило, и всех ты знал. Ныне же никого – пустая, без людей стоишь, деревенька милая, шибко горестно на душе от этого деется.

А память, она ж передыху не даёт, укорот у неё не предусмотрен, пока теплится человек на белом Божьем свете. Вот уж вижу дядю Вятёлку, сидящего на лавке насупротив нашего дома через дорогу, а я – молодой паренёк, сижу на крыльце да

по-петушиному пою. Петухи всей деревни переполошились, ответствуют стало быть мне, а дорогой для моей памяти дедушка выводит своё: «Вот, Толик, едриттвою», и весело смеётся.

В рассказе «Блаженный Толька» я использовал воспоминание об этом дедушке. Видятся все большие семьи: Кувановых, Молодцовых, Носовых, Абрамовых… О, Боже, снова я в деревне, лекарство это для души, ей Богу, самое всамделишное лекарство. А грёзы – что? Они у каждого человека могут быть, и, сидя на дорогом, вечно ждущем и радостно встречающем тебя крылечке, вновь смотрю вверх на небо, попутно обводя взглядом мастерски срубленные дома с их неповторимыми рисунками. И ведь это без разницы, что сейчас темно и не вижу я этих рисунков, они опять же – в душе.

Похлебав деревянной ложкой прямо из чугуна суп, выпил я немного и самогона, сделанного Дуней из старого варенья. Этот полюбившийся на Руси напиток, благодаря ягодному аромату, запахом самогона совсем не отдавал, а по нутру текла обжигающая, порою необходимая микстура. Телевизор у тёти был сломан, так что я, помолившись на образа, лёг спать.

Утром Иван Носов, каждое утро ездивший в родную деревню на велосипеде из Ардатова, привёз по заказу тёти Дуни вилок капусты, ибо наша ещё не дозрела. Едва поздоровавшись, заторопился копать картошку. Я же, любуясь деревенским пейзажем, поджидал мою дорогую начальницу. Сколько ни вглядывался, но всё одно: проглядел её и ругал себя за это. Наконец из заросшей лесом деревенской тропы мой дорогой человек показался. Несла она наперевес две сумки, только немного-то и помог донести. Дойдя до родного крыльца, перевела дух, и только после этого заговорила: «Продала, Толик, все корзинки, мяса купила, надо в подпол спустить да гнетком придавить. Ешь прям сейчас сосиски, а то они уж немного полежат и склизкие становятся».

Снова улыбнувшись, тихо продолжала говорить: «Вот так всю жизнь без холодильника и прожила, а теперь он мне

на кой». Вдруг опять улыбнувшись, невесть откуда взявшимся задорным голосом затвердила: «Эх, Толька, плети у себя там в Братске корзины, и деньги у тебя будут. Вот оне, современные-то люди грамотные, а без корзины обойтись не могут. А у вас по Ангаре поди кустарники-то растут, вот с их и плети, я научу». Видя, что я сижу и не ем, тётя, уже повысив голос, говорила: «Говорю тебе, ешь сосиски, завтра уж все испортятся, кошкам опять праздник будет, автобус – то только вечером будет на Новую, а базар к двенадцати заканчивается. Я вот эдак всегда пешком из Ардатова иду, кто и подвезёт. Бывает все пять километров идёшь, ну в такие моменты я не работница, бухнусь и лежу, кого мне стесняться, всё как разболится, страх сказать».

Ремесло плести лапти, а потом и корзины, привилось на деревне издревле, только нынче это отошло. Те, кто раньше их плёл, состарились да поумирали, и ремесло пошло на спад. У моей Дуни, так как корзинки до сих пор были востребованы, их раскупали. Одна бабушка, как потом мне рассказали, пожелала быть похороненной в лаптях. Во всём районе нашли, только одного кустаря, который изготовил ей настоящие лапти из лыка за тысячу рублей. И бабка та, говорят, была рада-радёшенька.

Послушно кипячу на плитке воду и грею сосиски, вижу по взгляду: тётя довольна, а она и чует мою душу, я молчу, она говорит: «А что ж, Толька, есть? Поешь пока их. Прошлый раз брала другие, негожие оказались, а вот кошкам – только подавай. Замуцал Настенькин кот, поцуял, что уезжает она, и сбёг. Теперь к нам хоит, кошку да котика моих тиранит, ух, назола мне с им. Даве загнал котика на самый верх черёмухи, ух, мой испужался, до вецера не слазил, сколько ни звала».

В разговоре Евдокия Андреевна говорила то на «ц», то на «о», как раньше и разговаривали в деревне, но порою вдруг начинала говорить, как все. Я с удивлением спросил её об этом, хорошо помня, как разговаривали раньше. Ответила не сразу, о чём-то подумав: «Ране-то ты знашь, как баяли, а ныне

старики со старухами примерли, вот все как в городе и стали разговаривать. Ране-то на Руси и вовсе камедно разговаривали». И замолчав, пытливо взглянула на меня: «Песней, Толик, разговаривали. Вот ежели со стороны послушать, то разговаривающий человек будто взаправду поёт. Русь-то наша святая и есть, добрые люди на ней жили. Всему ж наши предки нас обучили, чтобы выжить. Это нынче пенсии платят, дотации, на рождение ребёнка, ну, много нынче всего этого. А раньше-то никому и ничего не платили, и живи как хочешь». И опять, уже с явной хитринкой, улыбнувшись, продолжала: «Вот ныне ежели перестали бы платить, это ж катастрофа вмиг бы людская образовалась. Я ту жизнь помню, да нонешнюю вижу... Думаю, поживёт ишо человек, только жить надо по-православному, это и есть настоящая жизнь»…

На следующий день вели войну с клёном. Эти деревья обуяли всю деревню, росли они быстро, словно сорняки, но Дуня не хотела, пока жива, чтобы этот самый клён окружил её дом, и мы весь день занимались его порубкой, тут же готовя его на дрова. Надо сказать, пилился он довольно податливо. Пришла суббота, как говорил у нас на заводе токарь Володя Цветков, «банно-склянный день». У мужиков после его слов поднималось настроение, ведь многие в этот день действительно топят баню и, что уж греха таить, пьют горькую. Баню Евдокия Андреевна затопила в ограде покойной своей подруги Евдокии Молодцовой, и уже к обеду, благодаря сухим берёзовым поленьям и трудам моей любезной тёти, была жарко натоплена. Окошечко в бане было тёмным по причине того, что напрочь заросло крапивой. Тётя быстро растоптала её ногами, и я, удивившись, спросил, как это её не жалит?.. Она ответила даже удивлённо: «Да мы ж всю жизнь с этой крапивой живём, пообвыклись давно. Помнишь, поди, как летом мальцом приезжал да привыкал босым ходить, кололи ножонки-то. А наши деревенские робяты над вами, городскими смеялись. Не приспособленные вы к жизни». Да как же, говорю, не приспособленные, если я много лет сварщиком на заводе отрабо-

тал, и так же всё садим на земле. В ответ: «Слабые вы против деревенских, не спорь. Вон – от своей аллергии загибашься, а всё ерепенишься чего-то. Ступай в баню, и не спеша парься и мойся. Нас ведь только двое помывщиков-то, боле никого нету».

Послушно иду в баню, поддаю пар, гляжу в окошечко. С самого моего воистину волшебного детства ты, банное окошечко, светишь мне! Свети ж, родное, своим осколком, и теперь озаряй мою голову новыми мыслями. Не спеша побрившись, парюсь, моюсь, стираю и неустанно любуюсь, как в тазик черпаком наливается кипяток, из котла по всей бане идёт пар, а из организма выходит пот, исцеляя нутро от разных хворей да напастей. Сказочное умиротворение посещает разум оттого, что живу на отчей земле. Хорошо после бани лежать на диване, чуя всем сердцем запах деревенского дома...

Напившись духмяного, настоенного на наипользительных травах чаю, погружаюсь не только в воспоминания о былом, но, знамо дело, думаю и о нынешнем. Незадолго до моего отъезда в Леметь у двоюродной сестры Лены случился инфаркт. Звоню в Братск, чтобы справиться о всех сродниках. Горестно осознавать, что все болезни как-то вмиг помолодели. Сплошь и рядом дети болеют теми же болезнями, что и старики. Не надо быть медиком, чтобы сказать, что не было раньше столько инсультов и инфарктов, рака, сахарного диабета, костных заболеваний: ведь питались то раньше натуральной едой, дышали чистым воздухом. Хорошо, что есть свой огород. От одного его родимого, сколько спасения для здоровья. Рад, что у нас в России почти все имеют огород: это и физзарядка, и здоровое питание. Ничего нового не написал в этих строках, а всё одно немного приятно, ведь не такие мы, как они там, на Западе, и слава Богу, что не такие…

В третий раз еду я ко гробику отца Серафима и, как всегда, везёт меня Евгений Иванович Молодцов, который накануне ходил договариваться о поездке на Новую. Как всегда, Женина жена Нина покормила, на этот раз были блины со смета-

ной. Я было начал отказываться, но у Нины очень хороший дар убеждения, она в таких случаях немного повышает голос и протяжно говорит: «Садись к столу» и непременно добавит «аты». Это короткое слово так прижилось к ней, что после такого приглашения даже и не трепыхайся: как заколдованный сядешь и съешь всё, что подадут. Начнутся расспросы о Братске, и беседы такие понятны нам с полуслова, ведь в Братске живёт много леметских, так уж сложилось. Об этом написано в рассказе «Данилино семя», и повторяться не буду.

Нынешним утром Евдокия Андреевна вручила мне резиновые сапоги, да вдруг и завалилась на диван: «Ой, Толька! Опять давление ударило!» Говорю ей, что в гору до Жени сам дойду. Ей же хотелось ехать в автобусе на Ардатовский базар продавать свою продукцию, да проводить вдобавок и меня. Выпив кряду две таблетки и полежав минут десять, шатаясь, поднялась. Уговаривать её бесполезно, упрямого роду племени моя тётя. Вспомнилось, как однажды она рассказывала, что потеряла дома сознание да и пролежала неведомо сколько прямо на полу. Этот случай я описал в рассказе «Свет потухших глаз», в который раз удивляясь тому огромному багажу раздумий, который подарила мне моя дорогая незабвенная Евдокия Андреевна.

Вот уж и перешли бродом речку, идём молча. Я наблюдаю за самочувствием тёти, переживаю за неё, и мы потихоньку поднимаемся в гору. Так и поехали мы: тётя в Ардатов, я в – Дивеево. Описывая уже не раз эти святые места, никогда не устану, без передыху души, глядеть на всё это великолепное убранство Дивеевского монастыря. Перед моим отъездом библиотекарь нашего правобережного храма Преображения Господня Александра Егоровна Сухорукова дала мне сто свечей, сказав при этом: «Затепли там, в Дивеево эти свечечки. Дай Бог, чтобы строительство нашего нового храма пошло повеселее».

Евгений Иванович с его потрясающе хлебосольной женой Ниной высадили меня у ворот Дивеевского монастыря. По-

думалось: какие замечательные люди Евгений с Ниной, ведь уже третий раз я здесь, и все три раза дорогой Евгений Иванович подвозит меня к этим святым для всей России местам. По родове мы дальние родственники, и невольно думаешь, как по-Божески соединяет деревня людей, где бы они ни жили. Это таинство с годами становятся всё ближе и ближе, ведь православный человек всю жизнь готовится к смерти, ощущаешь же это ближе, опять же с годами, хотя и эти мои мысли уже устарели, ибо так уж быстротечен наш людской век, и надобно бы по мере сил внимать учению нашей родной Православной веры.

Поклонившись и помолившись Дивеевским могилкам, припав к земле, молюсь и молюсь... Глядя на ухоженные могилы и кресты, читаю имена и думаю: сколько лет хранилась память о трудниках этих праведных мест, и не убили эту память ни гонения, ни репрессии. Ибо всё это есть великая память нашего соборного русского народа. Ставлю привезённые свечи, стою и с трепетным благоговением молюсь в Дивеевских храмах о строительстве нашего храма, пишу записки о здравии сродников, друзей, знакомых. Переходя от храма к храму и ощущая нутром умиротворённость, встаю в очередь ко гробику Светильника земли русской Отца Серафима Саровского. До этого уже купил четыре средних и одну большую иконы с ликом дивного старца. В голове хорошие мысли, да и как им не быть, ведь ходатай за нас, грешных, служка Божией Матери, молится о нас на небесах. Да и нам надобно каждому не зевать, хоть чем-то помочь своей Богом хранимой Руси.

Очередь ко гробику батюшки Серафима большая, но двигается довольно быстро. Вдруг за моей спиной один мужик начал толковать о мирском, и женщина, обернувшись, сказала ему: «Вы к кому идёте? Разве можно сейчас отвлекаться! Молитесь. Прости, Господи, меня, грешную...» Мужик замолчал. Дойдя до гробика любимого святого, молюсь, прикладываюсь ко гробику, передаю стоящей подле гроба монахине иконы, и она прикладывает их ко гробику. Иконы эти были освящён-

ные, но я, по приезде в Дивеево, всегда прошу монахиню приложить их ко гробику великого праведника. Ныне же душа моя радовалась, ибо по приезде домой я уже наметил, кому их подарю. Но об этом позже, дорогие мои читатели, ежели, конечно, таковые отыщутся.

Ступаю на святую канавку, не спеша иду по святому мостику, молюсь, гляжу на множество идущих по мостику прихожан из разных храмов всей нашей Матушки России, и в который раз повторяю про себя: «Вот он наш, Богом хранимый, соборный православный народ, идёт и молится...» Вижу много больных, инвалидов, священников, военных, а той красоты, которая окружала нас, описать невозможно, ибо это надо видеть. В начале моего пути по мостику я увидел молодую женщину, которая держала в руках планшет и записывала на него окружающие нас повсюду яблони с наливными яблоками и великое множество различных насаждений. Но внимание моё привлекло то, что рук у неё до локтей не было, но там, у локтей, к моему немалому удивлению, были маленькие пальчики, которые шевелились, как и у всех нас. Вдруг эта женщина стала записывать и меня, спрашиваю: «Зачем»? Ответ: «На память».

В конце довольно большого пути, ведь по мостику надобно идти не спеша и молиться, я, к удивлению, увидел эту женщину опять. Она робко спросила меня, откуда я приехал. Говорю, из Сибири, из города Братска. Помолчав, она вдруг сказала примерно такие, потрясшие меня, слова: «Здесь ближе к Москве, люди, конечно, как и везде – разные. Но думается мне, что в скором будущем именно в Сибири будет набирать силу наимощнейшее Православное движение. Выражаться оно будет не только строительством храмов. Главное, это будет непоколебимый временем православный дух сибиряков. И это всё неслучайно: ведь именно сибирские полки, по Божией воле, погнали фашистов из-под Москвы».

Я от таких слов опешил, а услышав это от инвалида, был просто по-человечески рад. Ведь тут и углубляться не надо:

милая женщина сказала главное, что сидит внутри многих из нас, сибиряков. Попрощавшись с чудным человеком, иду к храму, спрашиваю у дежурных женщин, как и кому оставить мою книгу «Аналой». Они сказали, что нужно подписать благочинной Екатерине. Отыскав место, подписываю книги для взрослых и детей. Вдруг ко мне бежит та дежурная женщина: «Идите скорее, пришла Благочинная Екатерина». Пред моим взором предстала монахиня Екатерина. Улыбнувшись, она спросила: «Вы откуда?» Ответил, что из Сибири, из Братска. И видя, что у меня есть некоторое время для беседы, стал рассказывать: «Понимаете, это я книгу «Аналой» написал. Назвал так потому, что жила у нас на правом берегу бабушка Анна. Жила она во времяночке, работала в больнице, несколько раз отказывалась от квартир, которые ей предлагали за хорошую работу, говорила, чтоб молодым давали, а она в своей времянке будет век доживать. Участвовала в строительстве трёх храмов, а когда совсем ослепла, много лет ходила в храм.

Так сложилось, что моя жена Ирина с детства её знала и много поведала. Когда Анна померла, мы поехали с отцом Георгием забирать усопшую из больницы, и её, слава Богу, не анатомировали, упросили родственники. Место её захоронения было сплошь усеяно подснежниками.

Племянница Зоя надумала продать старую ветхую времянку, вот тогда-то Господь и направил меня туда. Захожу – Господи! Аналой стоит, старенький такой. Так вот где ты, сердешная, творила молитвы много лет. В голову почему-то пришло, что люди, которым продадут времянку, могут оказаться людьми не воцерковлёнными, и намоленный старенький аналой могут просто сжечь в печи.

В общем, забрал я его к себе домой, выкрасил. Нынче он в храме Сергия Радонежского стоит, и батюшка Михаил, положив на него крест с Библией, исповедует прихожан. Сейчас он там как реликвия. И об Африкане Филипповиче Осипове здесь есть, который из заброшенного детского сада храм у нас

на правом с бабушками построил, о Великих русских писателях Валентине Григорьевиче Распутине, Василии Ивановиче Белове, Викторе Петровиче Астафьеве, Василии Макаровиче Шукшине, Михаиле Сергеевиче Евдокимове, архимандрите Тихоне Шевкунове есть… Словом, читайте, взрослые и дети».

Благочинная Екатерина всё это время внимательно меня слушавшая, снова улыбнулась: «Приходите без десяти час, я вам освящённых сухариков от батюшки Серафима на дорожку дам». Видя, что ей действительно некогда, успеваю сказать, что в Леметь приходил Серафим Саровский, и что в рассказах я об этом пишу. Вдруг лицо её преобразилось: «Леметь! Да, преподобный Серафим был там». И монахиня, на мгновение подумав о чём-то, уже спешила по своим делам.

Глядеть на проходящих мимо людей было для меня радостно, одухотворение читалось почти на каждом лице. Православные таинства жития Серафима, которые много лет скрывали от нас власти, по воле Божией стали доступны всем . Наверное, ещё и поэтому я ещё какое-то время любовался людьми, храмами и небесами. Зайдя в столовую под открытым небом, увидел, что там обслуживают солдат. Молодые прихожанки-трудницы разливали суп по тарелкам. Кто-то тут же и пошутил, говоря, чтобы солдатам наливали погуще.

Кормят здесь прихожан бесплатно, дают суп, кашу, хлеб, чай или компот. Приготовлено всё очень вкусно, пища же, разумеется, не скоромная, и я обратил внимание на девочку, которая, попробовав супа, сказала, что никогда такого не ела. На лице её родителей явно читалось недоумение, я же поддержал их словами, что целебнее этой пищи вряд ли и сыщешь на белом свете, промыслительно ведь это всё и чудесно. И, словно в подтверждение моим словам, повара, неустанно накладывая всё время подходящим людям в тарелки кашу, весело говорили: «Это нас батюшка Серафим угощает».

Все три раза бывая в Дивеевской обители, замечаю, как быстро летит время, и становится немного грустно, что скоро придётся уезжать в свой далёкий, но, конечно же, родной

Братск. Иду по скверу и вижу сидящего на лавочке батюшку. Прошу благословить, сажусь рядом, гляжу на часы и вижу, что осталось минут двадцать до назначенного мне Благочинной Екатериной времени. Легко и непринуждённо разговорились с батюшкой, запомнилось одно, он говорил: «Пришла одна прихожанка и посетовала, что не знает, как ей быть, ибо по телевизору всё похабное кажут. Говорю ей, выкинь телевизор. И ведь выкинула, сказав после, что стало намного легче жить».

На мой вопрос о помыслах священник ответил так: «Да, помыслы одолевают каждого человека, православному же человеку легче: он под защитой. Мечтаю уехать подальше в деревню и там молиться. Мне думается там, в уединении, очищение души от помыслов лучше идёт».

Вот такой короткий разговор, а сколько в нём смысла – бери, напитывай душу, она в таких вот беседах всегда нуждается. Иду в здание к Благочинной Екатерине, гляжу на часы – ровно без десяти час, а к ней народу много сидит. Ну, думаю, не попаду, а монахиня открывает дверь и говорит: «Заходи, Анатолий». Гляжу, очередь непонимающе глядит на меня. Приложив руку к груди, говорю им: «Да вы не тревожьтесь, мне только сухариков взять». Захожу в кабинет и слышу добрую речь благочинной: «Я уже начала читать вашу книгу, хороши ваши упоминания о том, как батюшка Серафим был в Лемети», и даёт мне несколько мешочков сухариков, журналы и, подумав, передала ещё и ладан с Афона для нашего строящегося храма. Окрылённый, твержу ей: «Слава Богу, жива православная Русь». В ответ: «Жива и будет жить».

С тем и попрощался я, сибирский мужик, с благочинной Екатериной, а она сказала, чтобы ещё приезжал, так с улыбкой на лице и провожала. Выйдя из обители, какое-то время подождал Евгения Ивановича с Ниной, и вот мы уже на пути в Леметь. Памятуя о том, как в прошлый раз я тоже накупил икон, Нина, улыбнувшись, сказала: «Накупился».

Пообедав у гостеприимных Евгения с Ниной, спускаюсь

с горы, перехожу реку, и вот уж я и в деревне. Радостная встреча с Евдокией Андреевной, словно расставались давно, а прошло всего больше полудня с того момента, как мы с ней поднимались по холодной росе на святую гору. Она продала девять корзин, накупила продуктов и прилегла от усталости на свой преданный диван. Тихим, уставшим голосом говорила, и в этом голосе чувствовалась едва заметная радость: «Ну чо, Толька! Сызнова икон накупил, как в прошлый раз? Ну валяй, цего же с тобой сделашь». Отвечаю, что я уж и знаю, кому подарю их, а она предлагает, чтобы я поел чего-нибудь. В остаток этого дня мы не работали, а на другой день ходили за хлысьями на реку.

Красива каждая речка нашей России, не налюбуешься на неё досыта, покуда теплишься на белом свете, вот ведь как искусно Господь всё предусмотрел. Мирно течёт речка Леметь, а на спуске и течение немалое покажет. Моя Дуня, уж прости, читатель, что так называю почти восьмидесятилетнего человека но вот все у нас в родове, несмотря на возраст, так её и называли.

Так вот, Дуня режет хлысья из ив, я убираю с них листья, чтобы было легче тащить. Спрашиваю попутно, почему местность эта Малаховым называется, в ответ: «Был такой помещик». И вот я уже тащу на хребтине огромную ношу этих самых хлысьев, эту же самую работу всегда проделывает моя мама Анастасия Андреевна, когда приезжает на свою малую родину. Тащу в гору, а Евдокия Андреевна сзади тоже ношу несёт и говорит: «Вот всегда я эдак, как ко мне приезжаете, работать вас заставляю. Пошто тираню вас». Потом заметно улыбнувшись продолжила: «Батюшка Серафим велел работать, лучше всех печаль прогонять работой-то». Я несу и знаю, что вскоре на Ардатовском рынке будут проданы новые и такие необходимые людям, пахнущие ивой корзины. Дай Бог тебе, дорогая тётя Дуня, и дальше продолжать этот народный промысел.

На следующий день, заколотив одну дыру во дворе, усажи-

ваюсь на посылочный ящик и уже начисто очищаю хлысья, рядом сидит Дуня и плетёт корзины, и всё это под открытым небом. Вдруг мы почуяли, что кто-то идёт. Оказалось, пришла страховщица с мужем и сказала мне: «Вот так каждый год – иду и боюсь, людей-то нет на деревне, так я мужа для охраны с собою беру. Дуня-то наша каждый год дом свой страхует».

Затем пришла другая женщина из соцзащиты по имени Наталья. Оказалось, она присматривает за пожилыми, и их на Лемети у неё несколько человек. Увидев меня, спросила: «Сколько вы тут живёте?» Отвечаю, что три недели, и тут она посерьёзнела, изменилась в лице: «Если вдруг проверка, скажите, что на два, три дня заехали, Дуня ведь у нас одинокой числится, и с меня могут снять деньги». И страховщице, и Наталье подарил по своей детской книге «Якутские вороны», ведь они, слава Богу, приходят к моей Дуне, и это греет мою душу всамделишно. Всё время, что я жил у тёти, она жаловалась на подтопок, что забился он напрочь и из него валит дым: «Как же я буду с ним в зиму входить?» – горестно качала головой Евдокия Андреевна. Стали мы наседать на тоже доводящегося мне дальним родственником Валеру Носова, живущего в Ардатове. Он большой молодец, ведь доставил нам печника, хотя у того было очень много заказов. Выбив в нужном месте несколько кирпичей, мастер тут же поставил «диагноз», объявив нам, чтобы готовили глину, песок и кирпичи.

На следующий день утром мы с тётей отправились на конец деревни. Невыносимо грустно было глядеть на обезлюдевшие дома. По дороге Дуня рассказывала мне о каждом доме, о тех, кто в нём жил. В конце деревни, свернув и пройдя метров десять, мы обнаружили место, где раньше люди брали глину, и ведёрками стал я таскать её к дому.

Чудно всё на белом свете. Вот, пожалуйста, бери человек глину там, где ты живёшь, бери у реки песок, клади себе печь. Это же, без всякого сомнения, чудо, и всё это для человека. Чтобы немного передохнуть, подошли мы с Дуней к давно оставшемуся без хозяйки дому тёти Коки – так её на деревне

все и звали. Была она родной сестрой моей бабушки. Долгое время болела она, сердешная, и моя бабушка, Татьяна Ивановна, ухаживала за ней. Бывало, принесёт ей прямо в маленьком чугунке супа или каши, а та: «Не хочу я, Татьяна, мне уж помирать пора», а бабушка моя: «Ну-ка ешь, Нюрка, живая ведь в могилу не ляжешь, а поешь, всё веселее будет. Еда-то ныне, слава Богу, есть».

Дом тёти Коки встретил нас заколоченными ставнями, которые после её смерти прибивала моя мама, и растущими возле него яблонями. Умершая давно бабушка когда-то угощала нас своими яблоками, и это тоже, несомненно, было чудом в нашей жизни. У тёти Коки пил я в детстве козье молоко, а нынче вот яблоками меня угощать надумала. Приготовив за два дня всё, что необходимо для починки подтопка, упомяну о том, что нам пришлось заходить в брошенные дома. До нас там кто-то уже брал кирпичи, так и мы их натаскали. Поразило то, что в домах стояли русские печи, окна нигде не выбиты, стояла посуда, ухваты, иконы в переднем углу. И я невольно обратился к Дуне: «Заходи и живи». «Да, Толик, избы и впрямь крепкие, жить можно, только нынешним молодым газ подавай, ванну... Не хотят они дрова покупать да печь топить. Видишь сам: никто не вернулся в деревню из детей и внуков, а теперь уж и правнуков, поменялась жизнь. Ты вот тоже живёшь в Братске, а здесь не хочешь жить. Но с тобой всё же не то – ты там родился, на Ангаре. А здешние-то деревенские, тоже не хотят тут жить, дома себе понастроили в Ардатове, а кто и в Арзамасе, Нижнем Новгороде живут, и ничего не сделашь с ими».

Я же, глядя на избу деда Додона, на её толстенные брёвна, думал, что ежели крыша продюжит, то дом ещё неизвестно сколько простоит. Словом, стали мы дожидаться печника, и через два дня они с Валерой к нам пожаловали, такие нужные и долгожданные наши помощники. Закипела работа.

Печник Владимир – мужик средних лет. По словам тёти Дуни, его отец клал нам русскую печь, а теперь у него болят

ноги, и он обучил ремеслу сына, и тот быстро, умело распоряжался нами. И вот мастер разбирает подтопок, пыль в избе стоит до потолка, я вытаскиваю из корзин кирпичи, Валера месит песок с глиной. Печник же всё контролирует, сколько песка и глины положить в замес, а мы слушаем и выполняем его команды. Очищаем кирпичи, выношу старые, заношу хорошие, готовые к кладке. Одним словом, весь день все в мыле, и в этой суете Валера, улыбаясь, всё спрашивал, как я там живу в Братске, я же интересовался его жизнью.

И вот настал долгожданный час. Подтопок затоплен, тяга отменная, и Володя, устало смахивая пот со лба, произносит: «Эт вы уж всё приготовили, а так бы два дня провозились». Взял он за работу всего тысячу рублей. Когда же я спросил, почему так мало, ответил: «Вы всё сами заготовили, да и чего я со старухи много буду брать». В благодарность дарю ему детскую книгу, и он везёт меня в Ардатов, к Володе Молодцову.

Одинокая лампада деревни.
Часть вторая

По дороге в Ардатов повстречали ехавшего из деревни на велосипеде Ивана Носова. Он вдруг, подъезжая к посёлку, остановился, мы подумали, что у него что–то сломалось, и притормозили машину: «Нет, всё нормально, просто дух перевести решил». И улыбнувшись, добавил: «Вот, Толька, один раз в год на велосипеде резину меняю».

С ранней весны до поздней осени проложен у Ивана маршрут в родную деревню, и весь посёлок об этом знает, ничего не утаишь от земляков. Едва завидев его, едущего поутру на неизменном велосипеде, многие люди (чему я сам был не раз свидетелем) улыбаясь, говорили примерно следующее: «Вон Иван уж трудиться поехал, нам тоже надо шевелиться начинать».

Ивану Сергеевичу, вышедшему на военную пенсию, приходилось преодолевать только в один конец более семи километров, а в посёлке у многих были свои огороды, и им вроде как становилось немного стыдно за свою лень. Перво-наперво Володя напарил меня в бане, весело хлестал берёзовым веником по моей уставшей спине, расспрашивая о Братске.

Владимир Иванович Молодцов – местный бизнесмен, он доводится родным братом Евгению Ивановичу, возившему меня в Дивеево. Этот замечательный человек содержит местную футбольную команду, множество стоящих у него дома спортивных кубков – это результаты многолетнего кропотливого труда его ребят. Ведь нужно купить спортивную одежду, организовать выезды в другие районы и города. Молодые футболисты, когда приходит пора, всегда приглашают его на свадьбы, много подростков по стране было спасено, благодаря футболу, от дурных поступков, а именно в Ардатове – это уж во многом Володина заслуга.

Несколько лет назад его жене Анжеле делали операцию

на позвоночнике, всё было очень серьёзно, его воспитанники в трудный час не оставляли своего наставника ни на минуту, и, слава Богу, всё обошлось. До полуночи разговаривали о жизни, и я, конечно же, подарил роду Молодцовых книгу «Аналой». Наутро едем в деревню, берём с собой младшего сына Володи Максима. Переезжаем бродом речку, оставляем машину и идём пешком по деревне...

Заросли деревьев и травы предстали перед нами, кругом запустение. Казалось, совсем недавно весело живущей деревни горестным видом нынешнего легло на наши души дремучей тоской. Не было уже тех домов, которые жили в нашей памяти, плотно обступили деревья и трава ещё оставшиеся, брошенные дома, и это была родная Володина деревня. Вот улица Заречная, где он родился на Божий свет. Шли, чуть не плача. Евдокия Андреевна встретила нас улыбкой: «Ну что, робяты, встретились, ну и слава Богу, шибко дружили вы промеж собой. Заходите, я пирогов с картошкой и луком напекла».

Володя, отказавшись от угощения, направился к своему дому. Брёвна родового гнезда были уже увезены, а вот крыльцо, пол, амбар, баня и двор были в сохранности. Ступив на родное порушенное подворье, отыскал он в амбаре свою армейскую грамоту и протянул её сыну: «Вот, Толик, помню – родители, получив эту грамоту, рады были, словно дети малые. У нас с Анжелой тут ведь, в родном дому, свадьба была, хорошо это, когда родители живы. Деревня весело жила, чего там говорить. В футбол-то помнишь, как играли?» И, взглянув на огород, продолжил речь: «Вон берёзку я садил, гляди какая вымахала, вот так и наша жизнь... Но раз живём, значит – так надо. О, Господи! Как жаль деревню, нет стариков, все почти померли».

Пройдя всю деревню, с печальным видом возвращаемся потихоньку назад. Печаль эта живёт в русском человеке, без неё, без этой самой печали, мы, может так статься, многого бы в жизни не смогли понять. Всё человеку дадено свыше,

внемли только, человече, заповедям Христовым, да люби Отчизну, пока жив… Заходим в тётин дом. Бережно достаёт из русской печи Евдокия Андреевна румяные пироги, тут же подхватывает ухватом чугунок с картошкой, пюре, конечно, с неизменной корочкой, так любимой с детства, и которую ни за что не отведать, живя в городской квартире. Моментально появляются на столе малосольные огурчики. Всё, что есть, то и идёт в ход, неприхотливые мы, дорогая тётя, всего отведаем. И вот так, как это и бывает всегда, незаметно уже и обнимаемся на прощание. Дай Бог тебе, Владимир Иванович, здоровья.

На следующий день приехал в деревню Сергей Куванов: «Вот, Толик, надумал яблок собрать, дом-то стоит без нас, тоскует, а мы без него, вот ведь загадка. Главное дело, яблоки каждый год в саду родятся». Дуня, заслыша голос бывшего дорогого соседа, уже тащит ему длинную палку с прибитым на конце гвоздём: «На, Серёга, так сподручнее тебе будет сверху их брать». Сергей, улыбаясь, берёт палку, и мы идём с ним в заросший сад. Погода была пасмурной, да и после дождя вдобавок. Сергей собирает яблоки, а я вдруг заслышал совсем недалеко от нас, как будто кто-то, похоже, работает серпом. Вдруг уже заметно зашевелилась высокая, с толстенными стеблями трава, и к нам, дорезав траву до конца, выходит сильно сгорбленная мама Сергея, тётя Настя. Сын, улыбаясь, спрашивает: «Ну что, маманя, изготовила уж проход, не лень тебе серпом-то на старости лет махать». Тётя Настя, переведя дух, ответствует родимому сыночку: «Я всю дорогу эдак, кабы силы были, хоила бы сюда с Новой, и огород бы весь выкашивала». Завидев меня, улыбнулась: «И ты, Толька, здесь... Друзья-товариши, чего же сделашь. Я, Толик, несколько лет всё ходила сюда с Новой в родной дом, траву косила. А теперь муж мой, Сергей, помер, и ослабла вдруг. Там-то, на Новой, огород у меня обихожен, а сюда уж моченьки нет хоить. Но всю дорогу тоскую по дому, детей тут родила, растили с мужем, дружно ведь было, весело. Сам знашь».

Знал я уже о том, что, когда её мужу дяде Серёже отрезали

сначала часть ноги, а затем всё дальше и дальше, до предела, она, сердешная, вся почернела от горя. Дуня говорила мне, что так, как Настенька ухаживала за Сергеем, мало кто умеет, досталось ей крепко. Воспитали они четверых сыновей и двух дочерей, и все они: Саша, Слава, Сергей, Валера, Нина, Галя – выросли и стали истинными сынами и дочерями нашего Отечества. Смерть младшей дочери Галины шибко подкосила родителей, болезни обострились, и дядя Серёжа, сильно помучившись, помер. И, заслышав теперь такой дорогой для моей души голос, отвечаю: «Знаю, тётя Настя. Я ведь когда к вам в гости еду, заведомо знаю, что от увиденного горевать буду, а еду».

Проход тётя Настя сделала отменный, и мы по нему выносим полные корзины яблок. Закапал небольшой дождичек, и я быстро приглашаю дорогих соседей в дом. Но идут они не сразу, тётя Настя, полазав на сушилах своего родного большого дома, отыскала пару хороших корзин и уже положила их в багажник: «Серёжк, бери, сгодятся». В ответ: «Конечно, сгодятся, маманя, куда без них».

Мне вдруг вспомнилось, как многие в нашей деревне плели корзины, и их закупали колхозы всего района и даже дальше. По целой грузовой машине с одного двора увозили, вот какое было мощное домашнее производство, и было так много лет. Сидим в доме, едим нехитрую снедь, глядя на прохладную погоду, для профилактики настроения хлебнули и самогону, былое вспомянули. Живо расходился крепкий самогон по жилам, и нам уж всамделишно не холодно, а даже жарковато. Выходим на родимую деревенскую улицу, фотографирую дорогих наших соседей и тётю Дуню. И снова мы остаёмся с Евдокией Андреевной одни.

Каждую субботу и воскресение в положенный час в углу с иконами зажигается её лампадка, читаем утренние, вечерние молитвы, уберегаем деревеньку от забвения, покуда силы есть: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас грешных. Аминь». Яко благ и человеколюбец».

Проходит ещё несколько дней, и я оказываюсь на улице Новой. Причиной тому послужило то, что к гостившему у нас совсем недавно Сергею Куванову приехал брат Валера с женой. С Валерой мы тоже дружили в детстве, однажды он врезал мне хорошо по уху, и это вспоминается ныне с улыбкой. Местные ребята, так как он замечательно играл в футбол, прозвали его Карекой, теперь Валера уже давно живёт в городе Выкса, работает на вредном производстве, в литейном цехе. А нынче, приехав к брату и матери проведать их, пригласил меня в гости к матери. Идя по улице Новой, навестил памятник погибшим в Великой Отечественной войне, отыскал там имя деда и такие дорогие и памятные деревенские фамилии. Назову фамилии почти полностью, чтобы было понятно, как многолюдно было село Леметь. Ведь за каждой перечисленной фамилией стоит несколько одинаковых фамилий, что говорит о многом: Кувановы, Фомины, Козловы, Касаткины, Носовы, Молодцовы, Абрамовы, Асафьевы, Барановы, Браевы, Власовы, Галкины, Гусаровы, Елисеевы, Ершовы, Зрилины, Зуевы, Казаковы, Клинцовы, Князевы, Красавины, Кузнецовы, Кусановы, Левушовы, Макурины, Мальцевы, Мироновы, Ореховы, Петряковы, Проняевы, Пырковы, Рахмановы, Рузановы, Свистуновы, Сорокины, Семеикины, Стромовы, Сурмановы, Сутырины, Талызины, Тарасовы, Устиновы, Филины, Хавановы, Царьковы, Шороховы, Шуваровы и другие. Лежите спокойно, наши деды, и знайте, коли придёт время постоять за отчую землю нам, ныне живущим, то защитим родимую сторонку от ворога…

Тётя Настя уже рассказала младшему сыну, как мы славно у нас посидели, я же после того, как обнялись мы с Валерием, невольно заглянул в её огород. Там был идеальный порядок, и мне стала ещё ощутимее та её боль за оставленный в деревне дом. Ей восемьдесят три, и если бы не смерть мужа, она бы (это совершенно точно) убирала два огорода. Наблюдая за ней всё то время, когда я приезжал в деревню, скажу, что если бы не смерть мужа, очень многим молодым было бы за ней

не угнаться в работе – так наделил её, сердешную, Господь здоровьем.

Поев салат из помидоров, Валерий тут же везёт нас за орехами, но нынешние люди уже оборвали их ещё зелёными, совсем несозревшими, не понимая, что такой орех моментально испортится и не подлежит хранению. Мы всё же для зарядки немного полазали по орешнику. Валерий громко говорил: «Ух, Анатолий, мы бывало, наберём полные рубахи, аж вываливалось... Чо, в самом деле, оборвали их сейчас зелёными, ну и стухнут они у них».

Насобирав за полчаса несколько пригоршней, возвращаемся в Леметь. В местный же орешник, что расположен на святой горе, уже не поехали. Зашли в гости к старшей дочери тёти Насти-Нине, она тут же наложила нам творогу со сметаной: «Ешьте, ты, Толька, в городе такого не отведашь. Не знай, ещё сколько сил хватит корову держать, дети уж большие, из-за внуков держу. В городе оне живут, а там вся еда – отрава гольная, пусть хошь в деревне поедят еду, которую наши предки из покон веков ёдывали. Выйдем с мужем утречком, покосим травы, пока не жарко. Это ведь не как раньше, попробуй ещё найди нескошенной травы–то. Ныне, Толька, сам видел, всё заброшено».

В разговоре с тоской вспомнили о былой мощности Леметского колхоза. Снова спускаюсь с горы, перехожу бродом речку, сильно журчит она в этом месте. Становлюсь посередине, умываюсь да правлю путь в деревню, тётя уж поди заждалась. Не ругай меня, Евдокия Андреевна, мне ведь всех повидать надобно, без такой подпитки худо совсем душе деется.

Незадолго до моего отъезда тётя, дав мне большую, только что сплетённую ею корзину, и сама взяв такую же, повела меня за яблоками. Яблоки, одно наливнее другого, радовали глаз, и снова у моего дорогого работодателя вижу в руках длинную палку с гвоздём на конце. Лазаем по заросшим клёнами деревенским огородам, отыскиваем яблони.

Корзины, наполненные доверху антоновкой, оказались

такими тяжеленными, что пока дотащил до дому, отдыхал несколько раз. Дуня же, отбирая яблоки мне в дорогу, тихо говорила: «Антоновка в дороге не испортится, она хорошо хранится, я тебе ещё мешок сушёных яблок в дорогу дам да чеснока насыплю сколь ни то». Сопротивляться её решению, знаю, нельзя, терпеливо слушаю и думаю, как же я всё это понесу. А тётя будто слушала мои мысли: «А, чо, тебя с Новой прямо к поезду доставят, вот только отсюда на Новую всёж-таки нести придётся».

За всё время моего нынешнего пребывания в святой для меня деревне Евдокия Андреевна всё чаще ударялась в воспоминания, и слава Богу, что наделён этим чувством человек, который и есть создание Божие. Так вот, тётя нынче вспоминала следующее: «Помню, приехали вы с мамкой, ты кричишь, что де куды ты меня привезла, вези обратно в барак. В барак всё хотел вернуться, да ведь букву «Р» не выговаривашь, вот мы смеялись. А ты ж всерьёз, что-то не полюбилось тебе здесь. Мама твоя, как ни лето, всё тебя и возила, вот ты и пообвыкся тут. Приедете, а дороги–то пять дён тряслись в поезду, бледненький весь, аж страх глядеть. А молоцка попьёшь и отудбишь.

С робятами сдружился, всё с Серёжкой Сиряновым, Володькой Молодцовым, Ваней Абрамовым, Славкой Носовым бегал. Да однажды в подпол упал, напужались мы, слава Богу, обошлось. Много ребятишек в разные истории попадают, родителям назола».

Подумав, продолжила речь, виделось, что ей хотелось выговориться: «Сплету корзины, продам, наши кто не то обратно возьмут, подвезут. Знаешь, ведь говорила уж тебе – с Данилы наш род пошёл, потому и Данилиными кличут. Потом был Агапий. Эх, сильный, бают, был. Затем Михаил, а после уж твой дед Андрей. Был у моего отца брат, звали Сергеем, дядей мне доводился. Было ему уж семнадцать годов, всё божественные книги читал. Бывало, придут к нему робяты, гулять зовут, а он наказывает, что нет его дома, а сам вот и

читал, полюбилась ему Библия. В Бога он веровал здорво, а матери накануне приснился сон: ей кто-то сказал, что мы там на небесах видим, вам не увидать, поём же мы «Приидите, поклонимся Цареви Нашему Богу». И пошёл наш семнадцатилетний дядя Сергей за лыками разутом, настыл да помер».

После этого Евдокия Андреевна, глубоко вздохнув, перекрестилась, подошла к толстой старинной книге, лежащей на старом-престаром стуле: «Написана она по-старославянски, её и цитал дядя мой, все цитали. Вот гляи, как я умею цитать, я её всю процитала, здесь ведь в одной книге двенадцать книг, снацала идёт Ветхий завет, а потом уж Новый завет, все деяния Иисуса Христа тут описаны». И тётя прочитала мне по-старославянски несколько предложений, подивившись тому, что я так читать не умею. В голове невольно возникают хорошие мысли о нашей православной вере, как истинной хранительнице исконного русского языка.

А Дуня моя продолжала свою речь: «Ране ведь пенсии не платили, лапти плели, тем и жили. Уйдёт маманя на несколько дней лапти продавать, а я маненька, две сестрёнки. Маманьки цего делать-то, Серёжка-то, брат старший, всё с робятами бегал, а я до печи кое-как достаю. С Луговки тёти приходили помогали, все уж давно померли... Эх, и многолюдна была деревня. Какие богобоязненные люди в ней жили, с добром в нутре жили, и помогали друг дружку. Кто думал, что ныне такая погибель настанет. А ты, Толька, гляжу – весь больной, от своей аллергии задыхашься, ну слава Богу хошь не круглый год, а только в августе. А я тебя всё работать заставляла, телевизора, пока жил у меня, почти месяц не видал ты. Не печалься от этого, там ить непотребное для России кажут.

Когда телевизор работал, я всё новости глядела – и больше ничего. Жаль мне ныне живущее младое племя, живут без пути. На машинах сколь гибнет... А ведь ежели бы в церкву хоили да службы выстаивали, меньше бы погибали, это я чую, ей Богу, мене было бы горюшка. Меня, Толик, молитвы спасают, сколь проживу, значит так и надо, на всё Божия воля.

Я ишо за Владимиром Путиным наблюдаю, вижу, печётся он об нас, горемышных, знамо дело – ворогов у России завсегда с избытком, шибко трудно ему, помоги ему, Господи».

И она, о чём-то подумав, вновь всплеснула руками: «Вот ведь чудо какое, стены храма нашего старинного стоят, а новый клуб большой разломали, места там для молодёжи много было и свадьбы там играли, а теперь видел, весь разломанный стоит, потому как что свято, то и живёт». Знал я, что Иван Носов привозил Дуне на велосипеде время от времени молока, его брат Саша держал на Новой корову, и в этот момент, слушая тётю, на удивление увидел Ивана, подъехавшего к нам и уже заходившего в избу: «Ну, Толька, дети-то у тебя определёны»? «Нет, Иван, не женаты оба. Витя дороги в Читинской области строит, а младшему Серёжке рано ещё». «Вот и у меня дочь не определёна. Вроде дружит с одним, не знай, может, даст Бог, и выйдет замуж-то. Тёть Дунь, я в следующий раз молока тебе привезу, если ещё чего надо, заказывай... Ну ладно, Толька, поезжай в свой Братск с Богом».

Обнимаемся с Иваном Сергеевичем Носовым, и я неустанно дивлюсь их схожести с отцом. А он будто и узнал мои мысли: «Я, Толик, когда на праздник какой выпью, болею очень, совсем негодная водка ныне стала, а отец, главное дело, покрепше был. Как бы много ни выпил, утрецом подымется и работает хоть бы чего, крепше нас старики были, чего тут говорить».

Уезжал Иван на велосипеде, и я с огромной благодарностью смотрел вслед этому воистину замечательному человеку. Евдокия Андреевна, словно чуя мои мысли, проговорила: «Ваня-то красивше, чем отец его, больно он выруцил меня весной. У меня ведь три мешка картошки осталось, так он по мешку мне в Ардатов на велосипеде свозил, и я быстро продала».

Проводив Ивана и вернувшись в дом, Евдокия Андреевна, нажарив мяса, прямо заставила меня досыта поесть: «Долго тебе ехать до Братска, а в дороге какая еда у тебя будет... Не

ешь эту современную еду, а ешь мои пироги, здоровый доедешь до дому. Сейчас чего не жить, а предкам нашим досталось». И опять Евдокеюшка моя любезная ударялась в воспоминания о том, как моя бабушка, Татьяна Ивановна Куванова, ходила за сто двадцать километров в город за солью и крупой…

Наступил день отъезда. Евдокия Андреевна, пока собирали вещи, держалась стойко, а как всё было собрано, села и расплакалась: «Всё, опять одна». Тяжело в такие моменты у нас обоих на сердце, знаю, что ни за что не поедет со мной в Братск. Помирать, когда приспеет пора, давно надумала на родной земле. Такова правда жизни, поэтому, как могу, пытаюсь успокоить родного человека, хотя какие тут могут быть утешения, разве только неустанная вера в Бога, только она и крепит наш разум и слабые тела. Печалило меня и то, что как мы её с Иваном ни уговаривали купить новый телевизор, Евдокия Андреевна ответствовала так: «Там негодное всё кажут, лучше молиться буду».

Поклонившись старинным образам и дому, уже переходим в резиновых сапогах бродом речку Леметь и поднимаемся на святую гору. Несу большую сумку, в которой мешок сушёных яблок, килограмма два чеснока, купленные и освящённые в Дивеево иконы с образом светильника земли русской Серафима Саровского. Большую корзину яблок я, по наставлению тёти, ещё вчера отнёс в дом Евгения Ивановича Молодцова.

Ох, милая святая гора! Сколько помнишь ты? По преданию здесь проходило войско царя Ивана Грозного. Красуется на горе этой величественный храм Живоначальной Троицы. И стены его 1725 года постройки ещё стоят, напоминая людям о величии нашей православной веры. Бывало, настигнет засуха, берут старухи иконы, детей малых да к храму путь правят, упадут на колени и творят молитвы у святых стен вместе с молодой порослью. И что же? А то, что и польётся долгожданный дождичек, напоит растущий святой хлебушек да картохувыручальщицу. Разумеется, и деревенский погост здесь же.

А сколько на этой самой горе каталось по зиме ребятишек, и продолжалось это многие лета... Прибегали ребята после такого катания с изодранными штанами, и мамани их, знамо дело, поругивали, ведь работы в деревенском обиходе завсегда с явным избытком, а тут приходилось штаны штопать, но в этом деле им бабушки помогали. А заштопав штаны, уже эти же мамани сами улыбались, вспоминая свою юность. Ведь человек старится только телом, так уж сотворено нашим Создателем.

Посередь горы отдыхаем, неспешно любуемся на Божий мир, молимся на храм. А Евгений Иванович уж идёт и встречает нас своей удивительно доброй улыбкой: «А я гляжу, гляжу – нет их, куда пропали». Перевели мы дух с Евдокией Андреевной да с Евгением и Ниной в их дому о вечной суетности жизни побаяли. Отведал немного выставленного Ниной на стол холодца. Вкусный он, и будь покой на душе, непременно съел бы всё, что лежит на тарелке. Но душа заранее трепыхается, чует, что скоро расставание с родным человеком. Растёт простое, но вместе с тем и сложное понимание того, что если бы не Евдокия Андреевна, не побывать бы мне здесь, в Лемети, и ведь это так. Скрыл навернувшиеся было слёзы... К счастью, моего волнения тётя вроде бы не заметила, и, словно выручая меня, Евгений Иванович в который уж раз восклицал: «Эх! Вот ведь куда с кех пор заехали, Сибирь ваша бесконечная какая-то. Леметь и Братск самой жизнью побратимы давно стали». И это не было преувеличением, ибо много ныне на братских погостах лежит дорогих для нашей памяти леметских земляков, но много, слава Богу, и по сей день живут и здравствуют у нас в Братске.

Подъехал водитель Игорь, с ним и предстояло мне править путь до Арзамаса. Обнимаю, враз ставшую такой согбенной, Евдокию Андреевну. Волнение овладевает каждой клеточкой организма, а надо бы не показать это тёте, ведь она, сердешная, как ещё и на ногах-то держится... Грузим сумки в машину. Дуня моя, хоть и расстроена, но по-матерински довольна,

что отправляет меня с гостинцами. На глазах у обоих, словно по команде, полились ручьём слёзы: «Всё, Толька, одна остаюсь», и Нина, как и в прошлые разы моего приезда, говорит: «Не тирань парня в дорогу».

Машина медленно набирает ход, а я всё гляжу на удаляющиеся сердешные фигурки. В Ардатове подъехал обняться на прощание Владимир Иванович Молодцов, трогательно всё это… По дороге в Арзамас Игорь рассказал мне, что ныне они засеяли пятьсот гектаров пшеницы, и весь урожай Арзамас уже купил, правда, вторым сортом пойдёт, но хлебороб не скрывал своей радости. В Лемети бывший председатель и агроном Саша Носов (родной брат Ивана Носова) каждый год засевают пшеницу. Конечно, с былыми посевами это не сравнишь, но хорошо, что остались такие люди. Игорь же у них в страду работает на комбайне.

После разлуки с дорогой Евдокией Андреевной целебно было слушать мне речь доброго шофёра: « Вот люди в города рвутся, а что там в этих клетках жить. У меня домина, скот выращиваю, мясо продаю. Здесь хорошо, тихо. Когда в город приезжаю, думаю, как бы скорее в деревню, красота ведь у нас». Игорь и посадил меня на поезд, спасибо тебе, дорогой хлебороб.

На вторые сутки пути по нашему вагону разместили детскую футбольную команду из Красноярска. Заняли они по России шестое место. Оказалось, у них травмировали двух лучших игроков, и сделано, по их словам, это было специально. Планировали же они занять четвёртое место. Тренеры их водили кормить в ресторан. Оказалось, ели они там на гарнир порошковую картошку и совершенно не наедались. Угостил их Дуниными пирогами, сказал, что испекли их в русской печи. Дети, улыбаясь, ели пироги, а один мальчик так и вовсе удивил, сказав: «Русью-Матушкой пахнут».

Пролетели сентябрь с октябрём, за это время в нашем храме повесили привезённую мной большую икону с образом батюшки Серафима, и наша замечательная прихожанка Лидия

Каськова сказала, что именно этот образ являлся ей во сне, и Серафим Саровский на её вопрос, когда же у нас построится новый храм, отвечал, что храм будет, и будет он кирпичный. Отдал настоятелю нашего храма отцу Георгию Афонский ладан, подаренный благочинной Екатериной. Улыбаясь, батюшка сказал: «Сегодня же на службе буду его использовать». Иконки поменьше подарил Лидии и её мужу Виталию, ну и, конечно же, не забыл подарить и Александре Егоровне Сухоруковой, которая теперь каждый раз, зайдя в церковную библиотеку, целует икону, где изображён сгорбленный, любимый всей страной наш старец Серафимушка.

Радовало мою грешную душу, что за пять тысяч километров от Лемети, у нас в Сибири, в нашем храме «Преображения Господня», есть три постоянных прихожанки родом из Лемети. Это моя мама Анастасия Андреевна, её родная сестра Мария Андреевна и Анна Ивановна Куванова, последняя уже на протяжении восемнадцати лет раздаёт причастившимся просфирки и поит святой водичкой.

Настало тринадцатое ноября, в этот день умерла моя бабушка Татьяна Ивановна Куванова, в этот же день родился мой старший сын Виктор, и наконец в этот же день было восьмидесятилетие со дня рождения моей дорогой Евдокии Андреевны Кувановой. Конечно же, звоню, и в трубке слышу родной тётин голос: «А чо, Толик, живу, тут в Ивана Молодцова дом беженка поселилась, Ириной зовут, с украинских мест она, теперь мне повеселее. На печи у меня лежит, хворает, я её лечу. Дров купила, может жить будет, не знаю. Добирается в Дивеево, молиться». От таких слов настроение моё пошло в гору, а как же: ведь общение с живым человеком – это ж радость.

На конец месяца, когда сижу и заканчиваю рассказ, снова звоню. Оказалось, что Ирина пожила в деревне всего неделю и уехала. Евдокия Андреевна говорила: «Сейчас ведь всем газ подавай, удобства. Вот и убегла, хоть и дров купила. Никто не хочет жить в деревне». Я было подумал, что если поселился

верующий человек, то в деревне на божественные праздники будут затепливаться уже две лампадки, но, к глубокому моему сожалению, этого не произошло. По-прежнему каждую субботу и воскресение зажигается Дунина лампадка, и Господь помогает ей, сердешной, творить каждый Божий день молитвы. И пока эта лампадка зажигается, жива деревня. Но когда случится неизбежное, всё равно будет жива, ибо у Бога мы все живы. А я, положив трубку телефона на стол, плача словно дитя малое, шепчу:

«Если на земле добро и зло.
Если на земле любовь и смерть.
Если на земле тебе не повезло.
Если на земле дано терпеть,

То возьми тепло, идущее с икон.
То возьми преданья деревенских слов.
То возьми земной родителям поклон.
То возьми молитвы вечный зов.

В этой жизни сложности кругом.
В этой жизни гнёт нас суета.
В этой жизни успокоит дом.
В этой жизни есть и красота.

Нам бы только верить во Христа.
Нам бы только праведно идти.
Нам бы только истину в уста.
Нам бы только отчее нести…»

С этих пор как писался этот рассказ прошло два года, за это время в брошенном дому Молодцовых поселилась женщина по имени Ирина, теперь она во всём помогает Дуне, ходит ей за продуктами и за лекарствами. Так же каждый год по осени к Евдокии Андреевне приезжает моя мама с тётей Машей. Теперь в деревне на божественные праздники затеплеваются две лампады...

Русским духом обручена

Вёз в зимнюю пору ямщик Емельян барина Доримедонта Суслова по делам его. Ему, ямщику, чего встревать в дела их барские? Главное дело – платит, да и шут с ним.

А тут позёмка к вечеру приспела, а вскорости в метель огромную преобразилась. Да так, что враз Емельян покой потерял, ибо дорогу перемело подчистую. Кони у ямщика умные, бывалые. Не видно ни зги, вот и встали. Барин взялся орать на Емельяна: «Езжай, окаянный, я тебя за что деньжищами одариваю?! Ступай, сполняй волю мою!». Ямщик Емельян Сергеевич Каргин был мужик кряжистый, суровости в нём особой не было, но ежели приспеет дума в голове, упрямство, что ни на есть настоящее, мог спокойно так проявить. Слез он с места своего насиженного, принялся накрывать лошадей рогожею, после дал им овса, припасённого на такие вот случаи.

Видя это, Доримедонт Евграфович снова взъярился: «Ты что же это, ямщицкая твоя рожа, не слышишь меня?! Поезжай говорю!» Не по нутру пришлась барская речь Емельяну, ответствовал он ему так: «Ты, барин, что в моих делах понимаешь? Сгинуть захотел – вишь какое светопреставление творится! К утру бы, дай-то Бог, поутихло. По моим думкам, ближняя деревенька вёрст за десять отсюда будет. Так что будем ночевать, барин, не серчай, индо загибнем».

Барин присмирел, всю ночь ворочался, но так и не заснул. Емельян то и дело подходил к лошадям и о чём-то с ними говорил. Доримедонт Евграфович, видя этакое, думал, не сошёл ли с ума ямщик, и ежели это так, то как он будет добираться до ближайшего постоялого двора? Так и перемогли путники ночь. Наутро метель улеглась, и Емельян, оглядев окрест, понял, что деревня ближняя ещё далее, чем он думал. Достал припасённый хворост, развёл огонь да ледышки в чугун положил. В ледышках тех, хлёбово припасённое заботливой же-

ной, находилось. И вскорости они с барином отведали горячего жирного мясного супа. После этого смягчился Доримедонт Евграфович.

Ближе к послеобедни и доехали они до постоялого двора. Сколько их было в пути – этих самых русских дворов. Из-за ямщицкой жизни четверых друзей потерял Емельян: загибли, сердешные, в стужу. Потому-то без всякой такой боязни разговаривал он с богатыми, ежели выпадала напасть на пути. Божьей помощью, самой жизнью, русским духом обручена была вся его жизнь...

Прошло больше века с той поры, и на такси из города в город возил Сергей Каргин одного бизнесмена. Ошалело закружила вьюга, да вдобавок – пробило колесо. Сергей, поблагодарив Бога, что в этом месте ехал не быстро, уже успел выслушать тираду Эдуарда Соломоновича. Под шквальным ветром и больно бьющим по лицу крупным снегом Сергей менял запаску и чуял, что бизнесмен, сидя в тёплой машине, костерит его почём зря.

Наконец, довольно быстро сделав привычное дело и успевший продрогнуть, заскочил в машину. Как он и думал, Эдуард Соломонович ругал его за такую езду и обещал ничего не заплатить. Сергей достал термос, не спеша отхлебнул несколько глотков крепкого индийского чая и, задумавшись на мгновение, тихо сказал: «Можешь и не платить... Только если бы я ехал в этом месте с большой скоростью, нас сейчас не было бы в живых». Бизнесмен притих, потом вдруг взял из рук Сергея термос и отпил чаю...

Знамение

Сразу и не верится, что творится с Матушкой-Русью, что претерпела она, страдалица, за последнюю четверть века. Но хочешь или нет, а глаз видит, как несметно увеличились за это лихолетье погосты. И самое страшное - не только на войне

теряют матери своих сыновей и дочерей, а больше их, сердешных, гибнет от всепоглощающей наркоты и повального пьянства. К примеру, вот такая история случилась совсем не так давно…

В одну из сибирских деревень новоявленные предприниматели приехали на водовозке, а в ёмкости – доверху – спирт. Деревенские мужики побежали пробовать – и почти полдеревни без мужиков осталось. Бабы с вилами да топорами кинулись к месту, где стояла водовозка, но «предприниматели» уже укатили, точно рассчитав, что люди будут умирать не сразу, а через несколько часов. Ездили они по деревням, пока не закончился спирт.

В какой именно сибирской деревне это происходило, я писать не буду, ибо об этом меня попросили сами жители, а потому имена будут вымышленные. Много их, таких вот забытых государством деревень. Об этом давно пишут и говорят, и самое трагичное я вижу в том, что живут так наши русские люди многие-многие годы и ничего будто бы не меняется.

В этой самой деревушке, где потравили мужиков, жили Фёдор Егорович Рогожин с женой Елизаветой Фоминичной. Когда грянули девяностые и колхоз вмиг развалился, до пенсии им оставалось пять лет. Тянулись из последних сил, держали корову, свиней. Вырастили к тому времени единственного сына Егора. Были бы и ещё детишки, да надорвалась, будучи беременной, Елизавета.

Сын их, отслуживший в армии ещё до развала страны, успел несколько лет поработать на комбайне. Бывало, не однажды рассказывал он отцу с матерью, как радостно бывает у него на сердце, когда убирает рожь.

Успел Егор и жениться на Насте, и детишки народились – Назарка с Дуняшей... В тот день, когда в деревню приехала спиртовозка, Егор, взяв алюминиевый бидон, как и все мужики, потянулся к машине. Торговля шла лихо, коммерсанты улыбались, чуя наживу. Веселилось бесово племя.

К тому времени, когда по деревне пошли слухи, что у од-

ного мужика враз отказали ноги, а другой и вовсе ослеп, Егор уже успел выпить два стакана, закусить квашеной капустой и, победно крякнув, увидел, как в дом, вся запыхавшаяся, ввалилась мать: «Сынок! Ты выпил ли отраву-то»? Сын, удивлённо взглянув на маму, даже как-то весело ответил: «Да. А чего ты, маманя»? Елизавета Фоминична, вскрикнув, от бессилия стала медленно опускаться на пол: «Сынок, да ведь уж двое мужиков примерли. Бабы–то кинулись с вилами, а их уж нет, утекли вороги».

Вскоре и Егору стало худо. Молодой и сильный организм сопротивлялся до утра. Утром же единственного сына у Рогожиных не стало. И первые месяцы – вот что удивительно – держались они, понимали, что надобно помогать невестке внучат поднимать.

Работала Анастасия Андреевна в детском саду воспитателем. Вскоре деревенский люд, до конца осознавший, что колхозу больше не быть, валом повалил в города. Тоска – она живёт в каждом человеке. Хоть и была хороша невестка с внучатами Назаркой да Дуняшей, задавила тоска по сыну Фёдора Егоровича, а, может так статься, что и не уходила никуда, жила в утробе, а тут норов свой проявила. Стал Фёдор гнать самогон, а после уж терпежу не хватало, пил брагу. Елизавете Фоминичне удержать бы мужа от лиха такого, но перед глазами всё стоял Егор, и однажды, подойдя к столу, с горя налила себе какой-то бормотухи, что пил муж, и поехало...

Сколько всего пришлось пережить невестке – и не высказать, не вышептать. Вдобавок ко всему, детский сад закрыли. Помыкалась, помытарилась Анастасия Андреевна, да в город на произвол судьбы с детьми подалась. Фёдор с Елизаветой стали продавать скотину, а на вырученные деньги покупали не распиленные, как раньше, смоляные чурки, одна к одной, а горбыль: таким вот образом больше денег оставалось на пропой.

Фёдор, забив двух последних поросят, насолил мяса с салом и спустил в глубокий каменный погреб, вырытый ещё

дедами, придавив по старинке всё это дело гнетком. Зайдя в дом, объявил жене: «Я мясо с салом в погреб спустил. Я ить, сама знаешь, другой раз по неделе, две не встаю, ослаб совсем от пьянки...».

За такой их жизнью минул ещё год. В деревне с налогами стало попроще. Есть, конечно, земельный налог, но он не идёт ни в какое сравнение с жизнью в городе. Поэтому никто Фёдора с Елизаветой шибко не теребил, а как там бьётся невестка с родными внучатами, они не знали.

За месяц до посадки картошки Фёдор прекращал пить, стонал, отлёживался, пил колодезную воду. С грехом пополам начинал копать огород. Елизавета помогала мужу. Картина получалась такою: выходили во двор сильно постаревшие муж с женой, брали лопаты, и хватало им сил, только чтобы вскопать одну грядку. Но за месяц такой работы они всё же высаживали картофель с капустой. На остальное сил уже не хватало.

Из пятидесяти четырёх домов их деревни пустовала теперь половина. Жили в основном старики, да вышедшие на пенсию или вот-вот ожидающие её. Фёдору с Елизаветой в 1995 году тоже стали платить пенсию. Невысока она у деревенских жителей, но когда ничего кроме, картошки да капусты нет, то и это несусветная радость. Пить они теперь научились экономно. С пенсии шла Елизавета Фоминична в магазин, покупала круп, консервов, а уж после брался самый дешёвый алкоголь. Пили неделю, две отлёживались, а оставшуюся четвёртую жили ожиданием пенсии.

Однажды ночью Фёдор поднялся, чтобы попить воды, зажёг привычно свет и остолбенел. Новая рубаха, что была куплена женой ему на день рождения, лежала на старом диване целёхонькой, а вот целлофан, в который была обёрнута рубаха, был полностью кем–то источен. Горочка искрошенных в труху отходов лежала рядом с рубахой. Попив воды, снова завалился и вдруг ощутил, что на грудь к нему кто–то влез. Открыв глаза, он увидел крысу, смотрящую ему прямо в лицо.

Заорав и выругавшись, он вскочил и снова зажёг свет.

Елизавета, проснувшись, хриплым голосом спросила: «Ты чо, Федюшка? Очумел, чо ли?» Фёдор, стоя посреди избы, живо моргал глазами и при этом рукой указывал на лежащую почему-то без обёртки рубаху. Елизавета Фоминична, подумав, что муж спятил, подошла к рукомойнику вспрыснула лицо, удивлённо глянув на мужа, и подытожила свои мысли вслух: «Белая горячка».

Фёдор, переводя взгляд с рубахи на жену, наконец очухался и уже обычным голосом произнёс: «Лиза, я всё думал, к чему это рубаха не тронута, а целлофан в труху, да потом гляжу – крыса-то всё смотрит и смотрит на меня... Умные они ведь, не стала рубаху есть. Это, стало быть, мне знак какой-то был… В старину, бывало, говаривали, как же его, слово-то, – и заругавшись, продолжил, – ну, бабка Евлампия всё говаривала это слово... Фу ты, ёк макарёк! Знамение!..» Заулыбался и повторил: «Знамение».

После подошёл к кровати, вернулся к столу, достал с хлебницы ржавый сухарь, положил на пол и сказал: «Пусть поест хлебцу, чо, в самом деле целлофан-то грызть». Снова завалился на кровать и вскоре, неожиданно для себя, заснул.

Рано пробудившись, Фёдору захотелось прогуляться. Стоял июнь, утро выдалось тёплое. Пройдя по родимой деревне до половины, остановился отдышаться. Мысленно соглашаясь с собой, что допился «до чёртиков», всё же не поленился, вернулся в дом и проверил сухарь в хлебнице: его не было. А на полу лежали крошки, да такие мелкие, что он присел на корточки и погладил пальцами по давно немытому полу. Подумал: крошки, значит ела, не таясь, прям здесь. Ухмыльнулся: да и чо, в самом деле, нас что ли бояться?!

Снова захотелось на улицу. Было уже шесть утра. Фёдор, не спеша, с отдышкой, прошёл всю деревню и вышел за околицу. Пройдя ещё немного, присел на корточки и сидел вот так довольно долго, словно ожидая чего-то. Вдруг он совершенно отчётливо услышал визг поросёнка. Мысли, что сошёл с ума,

тут же заявились в голову, но тут же пришла и другая мысль: а тогда чего терять-то – надобно идти на поросячий зов. Но идти не потребовалось: поросёнок сам выбежал к нему навстречу и, заметив человека, встал колом и вызрелся на него...

Смотрели они так друг на друга некоторое время, а потом поросёнок занервничал и, судя по всему, надумал дать дёру. Фёдор, понимая, что догнать его просто нет сил, поэтому, сгруппировавшись, насколько это возможно, бросился на поросёнка и ухватил его за заднюю ногу. Прижав к себе, отдышался. Поросёнок визжал, а Фёдор думал: хорошо, что он двухмесячный, а то бы мне его в жисть не удержать.

Пронёс поросёнка по давно пустующему, пахнущему нежитью своему двору и бережно отпустил найденное сокровище в стайку. Постоял несколько минут. Мысли – они не спрашивают, лезут в башку и говорят Рогожину: чем кормить-то будешь нежданно свалившееся на голову хозяйство?.. Да это, поди, кого-то из своих деревенских животина? Ежели оставить, позору не оберёшься… Подытожил так: пойду расспрошу, чей поросёнок, а когда найду хозяина, то потребую законную поллитру.

Обойдя всю деревню, понял, что поросёнок приблудный, но сомнения не давали покоя: откуда бы ему взяться? Рядошние деревни в десяти и более километрах стоят, а идти туда и расспрашивать, чья пропажа, сил не было. Скорее всего, проезжали мимо и везли поросят на продажу или, наоборот, купили, а один как-то видать и вывалился. «Хрен с ним, – выругался в сердцах Фёдор, – если его сейчас забить, тут же быстро и спорем. Придётся с пенсии покупать комбикорм, да на выпивке экономить, но главное – одобрит ли это Елизавета…»

За два дня до пенсии, как раз в то время, когда Рогожины не пили, нежданно-негаданно приехала невестка с внучатами. И очень обрадовались тому, что дед с бабушкой тверёзые. Анастасия тут же вымыла давно не видевшие мокрой тряпки полы, затопила баню, и вдруг говорит: «Мама, мама, а у деда–то поросёночек маленький в стайке, да такой хорошенький».

За две недели, что жила невестка с внучатами у рано постаревших стариков, Фёдор с Елизаветой наконец-то узнали, что в городе Анастасия Андреевна устроилась в детский сад и живёт с детьми в общежитии. Назарка с Дуняшей целыми днями бегали по деревне, рвали траву и подкармливали ею поросёнка. Уезжая, внук с внучкой просили деда с бабушкой, чтобы те не пили, а кормили поросёнка.

Но едва проводив невестку с внучатами, Елизавета тут же сбегала в магазин, и они вместе с Фёдором с нетерпением и жадностью стали пить. Фёдор, приняв давно ожидаемую жидкость, тут же размягчился: «Знаешь, Лиза, давай экономить на пьянке. Я флягу браги поставлю, две недели трогать не будем, потом оторвёмся. Травой, картохой, капустой, комбикормом, но с грехом пополам надо бы свинью-то вырастить. Внучатам, Настасье мясо отправим. Адрес-то она нам оставила, а в соседнем селе почту ещё не нарушили враги-то».

Но это были слова, а дело было таковым, что порою и вовсе голодный был найдёныш, и от голода визжал целыми днями. Соседи хотели купить поросёнка, но Фёдор упрямо ждал пенсии, покупал комбикорм и на время визг прекращался. Наварив очередную порцию комбикорма, шёл Рогожин в стайку, улыбаясь, глядел, как жадно ест уже заметно подросший поросёнок, обнимал его, что-то бормоча, а поросёнок терпеливо слушал рассказы хозяина о жизни…

Пролежав кряду несколько дней и терпя похмельные боли, Фёдор наконец нашёл силы подняться, попил из ведра воды и пошёл в стайку. Насторожило, то что войдя во двор, он не услышал ставшего привычным визга. Какое-то время, впялившись глазами в пустую стайку, он стоял и безудержно плакал, а вскоре плач перешёл в рыдание. Придя в себя, бросился было искать Елизавету, но силы иссякли, дополз до кровати и снова долго-долго плакал. Протерев давно не стираной простынёй заросшее грязью лицо, вспомнил, что невестка, пока гостила, эту самую простыню стирала, а вот гляди-ко, от такой жизни снова чёрная стала.

Поворчал немного, а потом, посмотрев в сторону, замер: совсем рядом с ним сидела крыса и смотрела на него. Рогожин вздохнул и отключился – сил больше не было.

Было это утром, а к вечеру явилась Елизавета Фоминична и с громкими, почему-то радостными возгласами выставила на стол десять бутылочек одеколона: «Подымайся Фёдор, будем праздновать, я поросёнка продала. У Поликарповой бабки ещё «Тройной» с ранешних времён сохранился! Она, хитрющая, пять предлагала, а я ни в какую – десять и конец!»

Фёдор, очухавшись к вечеру и слушая жену, вспоминал минувшее утро, при этом верил и не верил случившемуся. Нашёл в себе силы подняться, подойти к столу. Быстрым взглядом окинув пузырьки, прошептал: «Как ты могла, Лиза, – заплакал он и снова зашептал, – ну как, как, скажи, дальше жить?..»

Прошла неделя, и всё это время Елизавета просила мужа разделить одеколонную трапезу, нахваливая качество напитка. Фёдор слёг надолго, ничего не ел, лишь изредка пил колодезную воду. Как-то, подозвав жену, улыбнулся и тихо сказал: «А знаешь, мне наш поросёнок приснился, и, главное дело, ему там хорошо».

На похороны Фёдора Егоровича Рогожина приехала невестка Анастасия Андреевна. Во время поминок Назарка с Дуняшей, покушав, зашли в пустующий двор, подошли к стайке и какое-то время молчали. К счастью, это были дети, и у них тут же нашлись другие дела...

В любую стужу...

В любую стужу, какая бы ни была в нашей сибирской вотчине, в аккурат, когда дома добираешь последние картошины из мешка и готовишь, будь то свекольник, али рассольник, понимаешь нутром, что надобно идти в гараж за провиантом. Хожу я этаким вот маршрутом, пожалуй, лет двадцать: ведь, почитай, все, у кого в доме были мужики, строили гаражи, а

меня мама одного растила, и поэтому жили мы без гаража. Затем армия, семья, дети, и тут брат, не зевай - корми семью. Купили гараж мы в 1994 году, а соседями моими оказались бывшие строители Братской ГЭС. Почти всех их выгнали на пенсию, ибо к тому времени страна наша, вся её мощная экономика, стала очень стремительно и страшно разваливаться.

Подхожу к нашему боксу, а душа не нарадуется. Да и как не радоваться: на улице минус тридцать пять, время девять утра, а у моих дорогих соседей, как минимум, в двух-трёх гаражах, уже топятся буржуйки. И посреди встающего сибирского солнышка, морозного тумана ты идёшь на дымок этих самых, так рано затопленных буржуек. Вваливаешься в любой гараж и отогреваешься.

Павел Ворожко встречает привычным добрым взглядом: «Что, Толян? Картофан закончился?» Павел почти всю весну и лето жил на даче, держал там свиней, не сдавались пенсионеры нынешнему безработному безвременью. А по осени, не привыкшие сидеть без дела, шли мои дорогие пенсионеры в свои гаражи, ремонтировали свои «Москвичи». А так как работали с молодости в суровых сибирских условиях и давно знали друг друга, то соорудили каждый у себя в гараже по самогонному аппарату, ибо водка в магазинах на ту пору стала вся не настоящая, и таким вот образом экономили семейный бюджет. Воду же на брагу брали прямо в ручье, что протекал как раз посреди гаражных боксов.

В этот раз Павел жарил на сковороде свеженину, а мой родной дядя Сергей Андреевич Куванов с Сергеем Железновым спорили о том, как лучше отремонтировать очередную поломку «Москвича». Отогревшись, пошёл я открывать гараж. Внутренний замок от резкого перепада температур напрочь замёрз и, помучившись с ним, с грустным видом захожу к соседу. Ну вот, как такое можно забыть, они ведь мне и глазом моргнуть не дали. Павел достал паяльную лампу, а дядя Серёжа, выскочив с ней на улицу, уже отогревал мой замок и весело говорил: «Ты чо, Толян, это ж такая ерунда. Сейчас

махом откроем». И гаражный замок сам, весь покрытый изморозью, вскоре открылся. Павел тут же убежал в гараж, принёс чего-то и смазал замок: «Теперь, Толик, даже если нас в гараже не окажемся, откроешь замок, не сомневайся, сто раз проверено».

И они принялись вспоминать, как за долгую их шофёрскую жизнь приходилось им, сердешным, лазить под своими машинами и отогревать их. Мужики мои, все напрочь седые, пошли к Павлу пить самогон да есть свеженину. Я же открываю заиндевевший люк и проникаю на второй, а затем и на третий этаж. На ту пору 1994 года зарплату нам на заводе не давали вовсе, выживай как хочешь. Тоска давила и не отпускала, но в такие моменты, спустившись в подвал, я с радостью обозревал огородные заготовки. Набрав картошки, моркови, свёклы, варенья разного, солёных огурцов, помидор, грибов, погружал всё это ёдово на санки и, хошь-не хошь, думал, как бы мы без всего этого выжили.

Летом было это. Надумал двоюродный брат Владимир, купивший рядом гараж, подвал кирпичом обложить. Разобрали мы гнилушки, повыбрасывали, и давай кирпич класть. Дошли до второго этажа – давай месить бетон на перекрытие. Когда всё было сделано, оставалось только ждать, когда всё зацементируется. Дядя Серёжа вдруг спускается по доске и пишет палкой по ещё жидкому бетону надпись «Серёга». Вылезает, мы смеёмся с братом, а он и говорит: «Мы когда Братскую ГЭС строили, всё время надписи делали, пока не затвердеет», – и улыбается.

Спустя годы, вспоминая этот случай, я подумал о Божией заповеди: «Не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное». Ведь на ту пору дяде Серёже было уже далеко за шестьдесят, а, стало быть, по моему грешному разумению, он эту заповедь исполнил.

Вспоминаю ещё одного их друга – Ивана Руденка. Тот, когда приходил в гараж, первым делом насыпал пшена птицам в кормушку, сделанную им же, а уж после выгонял свой старый

жёлтый «Москвич». И вот теперь, когда прошло с той поры двадцать лет, я снова иду в гараж. За это время выросли мои сыновья, и вот вроде бы и радоваться надо, а мне почему–то грустно бывает в такие моменты. Ведь никого – ни моего дяди Серёжи, ни Павла Ворожки, Сергея Железнова, Ивана Руденка, деда Тимофея нет в живых. И заранее прошу прощения у читателя за то, что не пишу их отчеств, потому как я их и не знал, ведь они при мне себя только по имени и звали, при этом весело хорохорились, что де, ещё молодые...

Весёлый был человек

Двадцать лет уж прошло, как убили нашего Серёгу Шаврова, а душа-то саднит по сю пору. Поначалу на десятое сентября, в день, когда убили нашего друга, собирались мы каждый год и зачастую пешком шли на наш правобережный погост. Было нас, таких пеших, одиннадцать живых русских людей.

Но жизнь есть жизнь, и теперь, когда минуло с той поры двадцать лет, шло нас только пятеро: Эдуард Карпеченко, Владимир Пономарёв, Вячеслав Пономарёв, Андрей Клаузер да я. Брат Володи Пономарёва уже давно жил в Кежме, Вадим Трифонов работал техником по обслуживанию авиационной техники, он всё летал по работе на нефтепровод. Словом, собраться всем не удалось, а за это довольно долгое время умер ещё один друг – Юра Седов. Что, да как это произошло, мы не знали, ибо жил Юра далеко и не писал нам. Грешно это, но ведь и мы ему не писали...

В юности всё просто, и ежели и случаются неприятные моменты, то переживаешь их значительно легче. Сколько раз били – и не счесть, отбирали деньги. Потом снова дрались, становились друзьями. И вот прошло уже двадцать лет, как убили Серёгу. Эдуард пошёл к Володе Пономарёву дожидаться остальных, я же отправился за цветами на рынок. Как сейчас вспоминается мне тот день, как вломились ко мне, именно

не вошли, а вломились все одиннадцать друзей и все в голос: «Убили Серёгу!»

Мама моя, видя, что ребята, кто плачет, кто осунулся, словно больной, откупорила большую бутыль с домашним вином, и прямо у порога налила каждому по целому стакану. После судмедэкспертиза обнаружила у Сергея более тридцати ударов в печень. Она была просто разорвана в клочья. Парень он был простой, улыбка почти никогда не сходила с его умных глаз. И как бы это банально ни звучало, доводилось мне не раз видеть, как он заступается за слабых. Хотя бы даже против толпы, вёл праведный бой. Мы тогда именно так и подумали, что не иначе как заступился за кого-то. Милиционеры по сию пору так и не нашли убийц.

На поселковые похороны, где все про всех всё знают, народ высыпал гурьбой, чтобы проводить его, сердешного, в последний путь. И хоть все мы не так давно отслужили в армии, всё одно - ещё по сути и духу были молодые. В этот день все до одного осознали, что молодость позади, и что нам всем до самой смерти теперь жить с этим горем.

Нашим излюбленным местом был лесок, что располагался за железнодорожной линией. После поминок мы отправились именно туда. Конечно, выпивали, и вдруг кто-то предложил спеть любимую Серёгину песню про дельфинёнка. И мы дружно запели:

«В океане, средь кипучих волн,
Где дельфины нежатся с пелёнок,
Раз попался под рыбацкий борт,
Маленький попался дельфинёнок…»

Смысл этой довольно известной песни заключался в том, что дельфинёнок погиб, и мать, не выдержав потери сына, бросилась на судно. Так мама с сыном погибли. Когда закончили петь, все разрыдались. И никому не надо было разъяснять, что эта песня оказалась нынешней действительностью, только это были не дельфины, а наш Сергей с мамой. Убийцы убили не только Сергея: ровно через одиннадцать дней, не

перенеся трагедии, умерла и мама Сергея, тётя Рая. И мы, к тому времени совсем сникшие духом, опять помогали с похоронами родным друга. А в головах звучали слова последнего куплета:

«В океане средь кипучих волн,
Где дельфины нежатся с пелёнок,
Рыбаки нашли на берегу мать,
а с нею рядом дельфинёнок».

Шло время, мы каждый год, помимо родительского дня, десятого сентября собирались и шли на погост. На нашем родном заводе отопительного оборудования всегда сажали много цветов, а по осени, конечно же, убирали. Попросив разрешения, нёс я целую охапку разных красивых цветов сначала в посёлок. И почти всегда люди, знавшие нас, вслух говорили: «Сейчас опять соберутся, да к Сергею пойдут.» И, вздохнув печально, подытоживали: «Вот и снова год минул».

Как-то меня поставили охранять школу. Поднимаюсь на второй этаж, смотрю на фото отличников и вижу дочь Сергея, Ирину Шаврову. Забыв обо всём на свете, смотрел и плакал, радовался и снова плакал. Будучи к тому времени человеком воцерковлённым, чувствовал, что Сергей всю эту радость видит с небес, и такое чувство овладело мной, что и не высказать. На перемене Иринка подходила ко мне и говорила: «Дядя Толя, вы попроситесь, чтобы вас перевели на другой пост. Вы добрый, а стукачи этим пользуются и рассказывают о вас директору». Интересовалась она и тем, каким был её отец, но над этим, слава Богу, мне не пришлось долго думать. Я сказал словами Василия Макаровича Шукшина: «Весёлый был человек». Радовался я и тому, что дарил ей свои рассказы и сказки...

Заказали такси, и вот мы уже поминаем друга. Как и планировал отец Сергея, дядя Виталий, всё вокруг могилок жены и сына он засадил облепихой. И с улыбкой твердил нам, что птички будут прилетать да поминать моих родных. За двадцать лет многие насадили деревьев, кустарников, и погост

становился лесом. Сколько же всего происходит за жизнь. Продохнуть бы, задуматься, ан нет – бегаем, смеёмся, плачем, рождаются дети, и тут же хороним родителей, друзей, близких. Но вот он, извечный парадокс: задумываемся обо всём этом лишь на похоронах. Но на следующий день опять впрягаемся, покуда есть силы, ибо нужно кормить, одевать семью. Да, это может быть и банально, но ведь мы так живём, и дай бы нам всем Бог не забывать друзей.

По нынешнему времени, после морга, везут усопшего в ритуальный дом. Эти организации зарабатывают на этом огромные деньги, и как тут не вспомнить рассказ великого русского писателя Валентина Григорьевича Распутина «В ту же землю». Даже прочитав только один этот рассказ, очень многое познает душой наш русский человек...

На могилке у Сергея стал расти шиповник. Обколов напрочь руки, мы с Эдуардом, прибравшись, налили домашнего самогону, и все пятеро выпили за помин души друга. Ребята невольно обратили внимание, что ограда стала просто огромной, да ещё, вдобавок, были сделаны входные ворота. По весне на родительский день, зайдя в ограду, я стал смотреть на увеличенную территорию. И дядя Виталий, всё поняв, сказал: «А чо, Толик, лежать-то вместе надо». Эти же слова я повторил друзьям.

Вечер выдался солнечным, вокруг нас летали воробьи, вороны садились на многочисленные кустарники, склёвывали облепиховые и рябиновые ягодки. А мы, словно околдованные, стояли и любовались этим волшебным осенним вечером, поминая Сергея, устроившего для нас такую нужную для души встречу.

У дочери Сергея, теперь растёт двое своих детей. А Серёжка наш, верю видит всё это с небес и радуется...

Простил

«Простил! Да как ты смог-то! Вот дурак и есть дурак, и ничего-то умного в тебе нет!» – ругая своего мужа, Андрея Старыгина, Нина Андреевна, как это зачастую бывает, жалела его по-бабьи. Уж, почитай, двадцать лет грелись они, сердешные, друг о дружку. В своей теперешней думе Нине казалось, что и душа-то её не вынесет, оборвётся внутри струнка жизни. Но как тогда Андрей без неё? Как сейчас помнила она этот промозглый осенний вечер. Как недобро скрипнула калитка, затем – грузные шаги по коридору. И вот они уж сидят на стульях – старший брат Никодим и средняя сестра Варвара. До сего случая дороги в родительский дом они не знали. Да и на поминках сквозь зубы разговаривали. Теперь, после похорон враз, один за одним умерших родителей, заявились, и, не скрывая своей злобы, требовали, чтобы Андрей освободил дом.

Родители семьи Старыгиных, Иван Севастьянович и Пелагея Никандровна, правили свою жизнь, как и все на селе. Иван после свадьбы срубил крепкий пятистенок. Один за одним народилось у них трое детей. Жили дружно, и когда пришло время, старший брат Никодим, отслужив срочную, тут же и обженился. Дружно, всем селом, поставили ему новый дом. Да и Варвара не засиделась в девках. Село их – Поляна – большим считалось, более тысячи людей проживало. Выбирала, выбирала, да и выскочила за Алексея. Тот возил председателя, и Варвара ещё до свадьбы поставила условие будущему мужу, что, дескать, выйдет за него за муж, когда тот дом новый построит.

Правдами и неправдами дом Алексей поставил, а Варвара после этого очень гордилась, что она у него такая умная. У Никодима и Варвары вскоре и дети пошли, и обстановку не хуже, чем в городе, приобрели. Вот только с Андреем было всё не так... После службы в армии закатился он с друзьями

на «севера». Мотался по экспедициям, больших денег за это время не нажил. Да и как наживёшь с таким характером... Правда, родителям часть денег всё же отправлял. Когда заканчивался очередной сезон, то денежный расчёт был сразу за четыре, а то и пять месяцев. В семидесятые годы на руки молодым парням выдавали кому три тысячи, кому пять, а кому и больше – в зависимости от работы. И перед отъездом по домам начиналась барачная пирушка. Водка и вино выпивались неисчислимыми ящиками. И объяснить это поведение было и просто, и сложно. В экспедициях труд адский. Где и намёрзнешься, где и поголодаешь. Однажды даже собаку-проводника пришлось съесть, чтобы выжить. А тут конец сезона: деньги, еда повкуснее... Перепьются молодые парни – и давай из тозовок по барачным стенам лупить. А стреляли меж тем по тараканам, которых было очень много.

Андрей на еду денег не жалел, да и другим занимал частенько. Один такой ухарь у всех, как потом выяснилось, занимал: у кого пятьсот рублей, а у кого и тысячу. Ребята все молодые, многие после армии, были выпивши и все дружно заняли, занял и Андрей, отдав пятьсот рублей. Все дружно после этого ухаря костерили, а его уже давно и след простыл.

Страсть как надоела Андрею такая жизнь, но не сразу, а через семь лет вернулся он в село. Никодим с Варварой тут же к родителям пожаловали. Как же: брат родной приехал! А Андрей, простая душа, на радостях встречи с родителями выпил хорошенько. Да и родители, Иван Севастьянович с Пелагеей Никандровной, пригубили винца. Стал Андрей рассказывать, как трудно в экспедициях работалось, рассказал и про то, как деньги занимал. Когда выяснилось, что Андрей возвратился домой почти без денег, Никодим с Варварой и возненавидели брата. Но родители – они и есть родители, стал Андрей жить в родном дому, кажинному кустику радовался, любуясь родной вотчиной.

Знамо дело, понимал, что брат с сестрой злятся на него, и это тяготило душу, но время лечило, да и сознание пришло в

голову, что не отнимает же он у них, в конце-то концов, кусок хлеба... Вечерами, после шофёрской работы, маманя Пелагея Никандровна кормила сына супом, потому как Андрей другой еды не признавал. Съест младший сын большую железную тарелку супа, и усядется у окна покурить. В один из таких вот вечеров Иван Севастьянович и сказал сыну: «Вижу, печалишься, сынок, что брат с сестрой отвернулись… Брось. Ты вот подумай, каково нам с матерью глядеть на это. Хоть я и не в твоём нутре, только скажу тебе, так: нам, сынок, намного тяжельше. И словами этого даже не вышептать, как тяжело».

Медленно набив трубку самосадом и чуя, что сыну разговор этот жизненно необходим, отец продолжал: «Сейчас ведь чуть что – сразу собрание, и наш председатель углядел в городе такую моду. Там на бригаду, работающую в цеху, дают один талон, ну скажем – на приобретение мебели. И стал на одном собрании Емельян Егорович такие талоны по бригадам раздавать. Ложит в шапку такой талон, кто-нибудь из бригады вертит, и все по одному вытаскивают, чтобы никому не обидно было. И вытаскивает честной народ бумажки эти злые: кому на телевизор, кому на мебель или на стиральную машинку. И вот посреди этого дела Варвара накричала на свою же подружку Валю, что, дескать, ей должна была мебель достаться. А Никодим из-за телевизора на Кольку Сарапулова обиделся. Я ведь, Андрей, глядя на всё это дело, жить не хотел, веришь»...

Отец заплакал, но неожиданно быстро справился с порывом слёз и снова продолжал: «Есть люди, сынок, разные, твои брат и сестра из корысти своей глотку перегрызут любому – это ясно. Поэтому, говорю тебе, что после нашей смерти не обижайся на них, дом попросят – отдай. Я знаю, сынок, ты не такой, и если мы ещё и живы с матерью на белом свете, то благодаря тебе».

Давно был тот разговор… Андрей женился на Нине, старший сын Севастьян служил десантником, младшая Пелагея училась в восьмом классе. Андрей уже принял решение от-

дать дом Никодиму с Варварой, он до сердечной боли жалел жену и уже расспрашивал у сельчан, куда можно перебраться... Через дом от родительского крова Старыгиных жила Валентина, одна жила. Вот уж она крутилась нынче перед новым хахалем, вот уж преподносила себя! Само собой, скатёрка на столе новенькая, пахнущая этой самой красильной новизной, ложки, вилки блестят, курица в духовке. И Валя всё выбегала на крыльцо, то и дело смотрела в окна, ожидая уже третьего прихода к ней хоть и кой-какого, но всё же так называемого любовника. И уж когда совсем терпежу не осталось, выскочила Валентина Александровна Коростелёва прямо на улицу. В деревне ли, на селе ли, в городе, жизнь людей на виду обозначена, и человек, если кто им интересуется, просто чует это своим нутром. После Старыгиных и её дома следующий был Иванов дом. Отслужив всю жизнь по разным гарнизонам и дослужившись до майора, вернулся Иван в родное село, как пенсия подошла. Это часто так, в особенности у военных, бывает: не выдержала жена мытарств, убежала с сыном Васей к родителям. А он уж больше не женился, а вернувшись, так и жил с матерью, пока та не померла. Иван, Валентиной интересовался да всё робел, и теперь, выбежав на улицу, она увидела сидящего на лавочке Ивана. По-бабьи всё сразу поняла, что сосед об её госте догадывается. И поэтому без предисловия, подойдя поближе, резанула воздух: «Не лезь, тут мой выбор – понял?» И, вопросительно взглянув на соседа, стала смотреть на дорогу. Тут до этого всё робевший Иван не утерпел и выказал свой норов: «Ты, Валя, зря на меня напраслину-то наводишь. Личная житуха тебя только касаема. Но я в армии тридцать лет служил, где только меня не мотало, и кобелиный дух чую, понятно тебе?!» Затем, прервав свою речь, над собой же и подивился: «И чего это я осмелился вмешаться?» Валентина медленно перевела взгляд с дороги на Ивана и уже не сумела скрыть своего удивления: «Да ты что? Тебе что надо?

А на дороге тем временем появился желанный городской, и Валентина тут же убежала домой. Чужеземный для пови-

давшего виды солдата человек прошёл мимо, не поздоровавшись. С виду ничего особенного: не первой свежести пиджачишко, мятые брюки, шёл озираясь, словно боясь, что вот-вот заарестуют.

Долго сидел в этот вечер Иван на родимой уличной лавочке, да курил самосад. Знал, чуял, что задружат залётный с Валентиной в эту ночь... Но, странное дело, не ревновал Валентину, нет. Кто она ему? Землячка, соседка лет на десять младше его, ну, холостая... Да на селе таких десятки отыщется, но вот жалел он её. Вспомнилось, когда приезжал к маме-не в отпуск молодым офицером, знамо дело, видел девчушку эту. Её нарядное, но уже где-то испачканное платьице врезалось в память. А теперь что? Попользуется этот Валентиной, ещё как попользуется...

С такими думами и пошёл в дом. Сценарий же событий был им угадан верно. Иван Сергеевич Брагин, по нынешнему своему положению военный пенсионер, и опомниться не успел. Неделя-то всего и прошла, как снова встретилась ему Валентина. Проходя мимо него, заплаканная, наспех поздоровавшись, спешила скорее до дому. Уже не помнил точно, откуда что взялось, только взял за плечи Иван Валентину, да вдруг и обнял. Она как осиновый листок дрожала и плакала, и объяснения тут не требовались.

А случилось так, что цельных несколько дней не выходили они из дому и были счастливы. В один из вечеров, возвращаясь с работы, Андрей Севастьянович присел на лавочку с Иваном Сергеевичем, закурили. К этому времени на селе, почитай все, не одобряли поведения Никодима, ему не так давно прямо в глаза высказал своё мнение его же друг детства Егор Новиков. Когда они вместе ремонтировали комбайн, то Егор подал Никодиму неподходящие гаечные ключи. Тот и вспылил вдруг на товарища. Лицо доброго мужика, сроду не любившего вообще ругаться, налилось краской: «Ты, Никодим, из-за каких-то ключей орёшь. Только я не брат твой, который тебе всё прощает, я с тобой с этого дня в паре работать не

желаю». Никодим же на это зло смолчал. В этот же день Егору дали другую работу. И сколько потом Никодим ни просил себе помощника, председатель на это только и говорил: «С тобой, Никодимушка, никто работать не хочет, так что справляйся сам».

И однажды старший брат Старыгиных взъярился и на председателя – Емельяна Егоровича Теплова: «Что вы всё лезете? Это наше семейное дело, а вы за этого северянина без денег заступаетесь». Емельян Егорович опешил и тяжело задышал: «Он у тебя кусок хлеба не просит, и хоть ты и в передовиках числишься, скажу тебе: оставьте вы Андрея, ведь действительно зазря тираните брата».

Но Варвара перещеголяла брата. Не прошло ещё и девяти дней со дня похорон старых Старыгиных, прямо в магазине, средь бела дня, когда, как водится на селе, все старухи пришли за хлебом, да за разговорами обычно застревали в сельпо, Варвара накинулась на Нину: «Что родительский дом не освобождаете, уж свой давно пора иметь!» Но тут никто из старух не вступился за Нину, и она, так и не купив хлеба, выбежала и, запнувшись о высокие приступки магазинского крыльца, до крови ободрав коленки, поплелась домой. Ещё десять минут назад у неё были планы на день, теперь же она, сердешная, думала об одном: как бы доплестись до дому. По-бабьи стала рыдать в подушку, а придя в себя, вышла на кухню и, увидев на столе четыре булки чёрного хлеба, который так любил Андрей, обомлела: кто же принёс-то? А немного погодя, когда Нина, ожидая Андрея к ужину, штопала ему носки, в дверь ввалилась – именно не вошла, а ввалилась - Валентина. Счастливая и радостная, подлетела она к Нине и, обняв её, стала плясать посреди избы: «Нина, я знаю, про меня бабы всякое несут, а я ведь замуж выхожу, понимаешь – замуж! Иван посватал!» – и, остановившись плясать, уже поостынув, продолжила: «Он серьёзно полюбил меня, а я не сразу поняла это, да Господь, видать, наблюдал за мной, и за все мои слёзы счастье мне послал».

Сев на широченную, сделанную отцом Андрея лавку, Валентина, кажется, только сейчас заметила, что вид у Нины Андреевны был далеко не радостным, но эта женщина всё же из потаённых уголков своей доброй души нашла где-то силы улыбнуться. Валентина только и вымолвила: «Вот дура, я и есть дура, да прости ты меня, Нина, счастливая я. Теперь о вас с Андреем: перебирайтесь ко мне в дом и не разговаривайте, что он будет стоять, выхолаживаться. Наши-то мужики на лавочке сейчас сидят, мой Иван твоему Андрею сейчас об этом же толкует...

Совсем вскорости старый дом Старыгиных стал пустым. Никодим с Варварой, переругавшись до предела, почему-то оставили свою прежнюю затею делить его. Но раз в неделю из трубы старыгинского дома шёл дым – какой-то добрый человек его подтапливал, чтобы не было в нём запаха нежити. Словно по-прежнему жили в дому старики Старыгины...

Глупая злость

Трактор ехал по суглинистой колее, именуемой колхозной дорогой. Рёв двигателя был слышен далеко. За рулём сидел молодой парень, Женька Доброе утро. Мысли его бежали, словно весенние ручейки, каждый в свою сторону. Только потом они сливались в одну могучую, полноводную реку.

«Почему, почему Матрёна Николаевна против встреч моих с Аннушкой? – размышлял он, – Откуда что взялось? Где зародилось это поле вражды, что перейти нельзя? Поди-ка, угадай...»

Доехав до гаража, Женька накинул на себя армейский бушлат и медленно пошёл домой. Дождь хлестал по лицу, холодело нутро, но Женька словно не замечал этого. Он шёл по сельской улице с широкой приветливой улыбкой. И ему отвечали дружелюбно. Вот только ни один человек на свете не знал, что творилось в его душе.

Сегодняшнего вечера он ждал, ох, как ждал... Хотел рас-

спросить бабушку Лену обо всём, лишь бы она чего не утаила. В избе бабушка готовила коровам и овцам пойло, разминая руками куски старого хлеба, картошку с набухшим зерном. Для Зорьки любимой – похлёбка. Женька любил смотреть на ловкие натруженные бабушкины руки. Сквозь кожу проглядывали вены. Вспомнил, как однажды бабушка, отвязав телёнка, вела его домой. Верёвку намотала на свою руку. Телёнок чего-то испугался и резко побежал, таща бабушку по траве. Рука бабы Лены была сломана. А пока лежала в больнице, на работе её заменяли мама и он, Женька.

Бабушка всегда так вкусно готовила. Ему доставалась при этом пенка с молока. Пюре из картошки в чугунке хрустящей корочкой покрывалось. Ничего нет её вкуснее. Бабушка, любя, ворчала – больше по привычке: «Ну вот, опять всю корочку повыбрал!»

Сегодня, чтобы ускорить доверительный с бабушкой разговор, Женька взял два ведра уже готового пойла и понёс во двор. Вылил в огромный таз, дал корм корове и овцам.

«Баба, иди доить скорее, да возвращайся, поговорить надо». – «Иди, Женька, там, на столе, борщ со сметаной, яйца пожарила, как ты любишь. Ешь, я скоро».

После еды Евгения потянуло в сон, и он боролся с собой, терпеливо ожидая разговора. Когда увидал, как наполнившиеся молоком горшки спущены в подвал, начал разговор: «Баба, ну то, что над фамилией нашей все смеются, я уже привык. Но с Анной Пахомовой у меня всё всерьёз, ты это знаешь. Однако Матрёна Николаевна не разрешает нам встречаться, а мы любим, понимаешь, любим друг друга. Бабушка, ты же знаешь всё, чувствую, расскажи мне, в чём причина».

Бабушка совсем не ожидала такого поворота разговора: «Женечка, родненький, видать, пришла пора всё тебе обсказать. Насчёт фамилии своей не тушуйся. Весь ты в отца. А про него говорили: улыбнётся, слова два скажет, – и у людей настроение поднимается. Доброе утро – эта фамилия из далёкой старины, гордиться надо. Когда погиб отец, вся дерев-

ня горевала. И мама твоя пошла на фронт отомстить за него. Не брали её, а добилась всё-таки. И сейчас, пока все деревни вокруг не вылечит, домой не заявится. А больные фамилию мамину заслышат – и легче им делается».

Баба Лена заметила нетерпение Жени услышать более важное, и продолжала: «Давно это было. Отец твой неженатый был. Девки все влюблялись в него. А как иначе? Работал за семерых, на гармошке играл. Однажды привёз он на бортовой машине какой-то груз. Я уж и не помню, какой. Въехал в колхозный двор, начал сдавать к забору. Местные парни и девчата подошли разгружать машину. А сестра Матрёнина встала сзади. Никто и не заметил, как её придавило задним бортом.

Опомнившись, все закричали. Папка твой отъехал сразу, посинел аж весь. Матрёна кинулась на него – и давай кулаками по лицу бить. До крови исхлестала, он и не сопротивлялся. А потом бросился к лежавшей на земле девушке, взял на руки, положил в кабину и повёз в больницу. Уж и не верил никто, что выживет. Господь уберёг. Отец каялся родителям её, и те простили, а Матрёна – нет. До суда дело не дошло». – «А как дальнейшая судьба сложилась у Матрёниной сестры?» – сгорал от любопытства Женька. «Хорошо сложилась. Уехала в город, к другой своей сестре, нянчила детишек. Потом замуж вышла, дочку родила».

Евгений поднялся, сделал пару глотков молока и вымолвил с горечью: «Нет, не отдаст Матрёна Николаевна Аннушку за меня! Почему всё так-то?»

Заскрипело крыльцо, вернулась мать. Женя и бабушка враз засуетились, отвлекая от своих разговоров. Но чуткая мама сама догадалась: «Ты, сыночек, Матрёну не слушай. Любишь Анну – увози куда-нибудь. Другого выхода нет». Сын от неожиданности открыл рот, но быстро взял себя в руки: «Мама, ты думаешь, я не предлагал? Но Анна не согласна. Всё по-людски хочет».

Долго в этот вечер горел свет в доме семьи со странной фамилией «Доброе утро». А в другом доме Анка лежала на

кровати и плакала. Не захотела понять её мама. В чём они виноваты с Женькой? И снова, снова зазвучали в голове слова сочинённой ею песни:

«Пусть речка бежит далеко-далеко,
а камушек с тины достать нелегко.
На мостике пара тихонько стоит,
А мама встречаться с милком не велит.
Ты, травушка милая, мне подскажи,
К родному, любимому путь укажи.
И поле колхозное, дух луговой,
Подскажет сердечко, где ты, дорогой!
Ведь люди встречаются, верят в мечту.
И мамочка родная, я не пойму,
Зачем же ты сердишься, что я люблю
Две тропочки слились в одну колею!

Матрёне многие в селе говорили, что она не права. Она отмалчивалась, а то и кричала в ответ: «Не лезьте, сестру изверг задавил!» Значения слов в селе её уже мало кто понимал. Зато искренне и заботливо относились к Женьке и Анне.

В один из холодных осенних дней Матрёна Николаевна простудилась и слегла. Охрипшим голосом твердила Анне: «Если придёт докторша, Женькина мать, любимица всеобщая, гони её со двора».

Через два дня Матрёна впала в беспамятство. Анна побежала за врачом. Нина Петровна Доброе утро поставила диагноз сразу: воспаление лёгких, и вызвала «скорую». Матрёна оказалась в больнице.

Ещё слабая, она продолжала «наседать» на Анну: «Я говорила, чтобы не звала её!» – «Мама, ведь ты могла умереть». – «И пусть. Только от них помощи не хочу».

В разгар этих событий вернулась в село сестра Матрёны. Та самая, воскресшая когда-то заново. На селе ничего не скроешь. «Да ты что, Матрёна, не стыдно столько лет зло растить! Он ведь спас меня, Женькин отец. Парень, который был с Василием Доброе утро, жить не хотел, удерживать его при-

шлось от аварии на обратном пути. А если бы жив был твой Ермолай, не погиб бы геройски, он разрешил бы жениться молодым. Если ты такая непримиримая, я уеду завтра же и навсегда! Из-за глупой твоей злости нет счастья детям!»

Разволновавшись, она налила себе в рюмочку водки и с чувством выпила: «А ты не горюй, Аннушка, я тебя, светик мой, в обиду не дам». И в доме, неожиданно и враз, заплакали женщины и девушка. По-бабьи, громко, горько.

Утром, так и не заснув, Матрёна объявила, что она согласна: пусть женятся Анна и Женя.

Всё село гуляло на их свадьбе. Старухи надели сарафаны из своих сундуков. Все пели душевно и трогательно. Неожиданно Анна встала из-за стола и запела сочинённую ею самой песню:

И тройка коней удалых, вороных…
Мне смотрит в глаза мой нарядный жених.
Не плачь, дорогая мама моя,
Сердечно порадуйся ты за меня!

Не знает город, что такое деревенская свадьба, где много искренности, доброты и неподдельного веселья. Женя с Анной потихоньку построили свой дом. Молодая семья очень скоро выросла. Детки пошли славные – Дашутка и Петруня. Матрёна не бывала в их доме. И внуки не любили бывать в гостях у бабушки.

Время бежало. Седина появилась у Евгения. Только баба Матрёна одиноко жила в своём доме и всё лелеяла в сердце своём глупую злость.

Счётчик

Саша жил с мамой в маленькой деревне, которая раньше была большой и процветающей. Но так называемая «перестройка» совсем её загубила: колхоз развалился, работы не стало, люди разъехались по городам в поисках лучшей жизни. Но Саше и маме бежать было некуда, да и страшно срываться с родных мест в неизвестность.

Без денег совсем худа стала их жизнь. Когда держали корову, было хорошо, а потом у мамы обнаружился сахарный диабет, и корову пришлось продать. Ели в основном картошку и капусту. Даже кошка – и та вздыхала от такого съестного «разнообразия».

На чистой стене висели фотографии родственников – как память о прошедших счастливых годах и совсем другой жизни.

Вот дедушка с тремя орденами Красной Звезды, которым Саша очень гордился. Они часто ходили на рыбалку, когда дед был ещё жив, и старый воин рассказывал внуку о войне. Не во всех книгах прочитаешь такие правдивые подробности о солдатском быте. Ещё он говорил: «Запомни, Саша, жизнь – сложная штука, вокруг много хороших людей, но есть, к сожалению, и подлецы. От них очень много бед простым людям. Расти внимательным и чутким человеком, чтобы не наделать непоправимых ошибок из-за чёрствости и грубости».

Пришла осень. Те, кто имел дачу в деревне, поразъехались в тёплые городские квартиры, остались лишь несколько старичков, да Саша с мамой. В школу мальчик ходил за двадцать километров.

Как-то пришло письмо от маминой подруги. Она, зная их тяжёлое положение, звала в город, обещала помочь найти работу. И они, взяв свой нехитрый багаж, поехали. «Другого выхода нет», – сказала мама.

Подруга сдержала слово и устроила женщину в больницу – мыть полы. От медицинской организации семье выделили комнату в общежитии, а Саша пошёл в школу в восьмой класс.

Приняли новенького, прямо скажем, недружелюбно. Учился Александр хорошо, что очень раздражало Витю, Антона и Андрея. Эту троицу боялись почти все школьники. Приятели многих «ставили на счётчик», самоутверждаясь таким образом в знакомой среде. Ребята, которые попадали к ним в кабалу, из чувства страха украдкой брали деньги у родителей и несли вымогателям. А те считали себя королями жизни. Подослав к Саше одного из своих преданных «рабов», они через

него назначили парню «стрелку», то есть встречу, в безлюдном месте возле старых сараев в семь часов вечера. Парень пришёл один, а там его ждали десять развязных ухмыляющихся недорослей, которые без конца плевали сквозь зубы и жевали жвачку, лениво шевеля мощными челюстями.

Антон сразу начал угрожать: «Ты нам не нравишься! Через три дня принесёшь сюда тысячу рублей. Если не принесёшь, башку снесём!»

Вспомнив слова деда, Саша сказал : «У меня больная мама, и денег таких у нас нет. Да если бы и были, я бы всё равно вам не дал!» Все десять «героев» налетели на смельчака как свора бешеных псов. Пинали в основном по голове. Когда Саша перестал сопротивляться и подавать признаки жизни, они бросили его и пошли прочь, ни разу не оглянувшись на неподвижное скорчившееся тело.

Очнулся мальчик уже в больнице. Мама сидела рядом и, когда он открыл глаза, позвала врачей. Те очень долго боролись за его жизнь. А отморозки в это время пили пиво и развлекались. В палату приходил следователь, но Саша ему ничего не сказал, потому что «стучать нельзя, иначе убьют».

А душа рвалась в деревню. Как хорошо было им в родном доме! Хоть и ходил в школу далеко, тратя на дорогу около четырёх-пяти часов, но там его уважали и учителя, и ученики.

«Эх, был бы жив дед, он точно бы достал ружьё и, как в войну, перестрелял этих гадов. Ведь они хуже фашистов! Откуда в них столько жестокости?!» – думал покалеченный мальчишка.

Пока он лежал в больнице, мама слегла от переживаний. Но за те дни, которые она проработала на новом месте, её полюбили все сотрудники – за открытость и душевную чистоту. Равнодушных к этой истории не осталось. Подруга матери так близко приняла всё к сердцу, что сама сходила в школу. Но педагогическому коллективу не нужны были лишние проблемы, и они предпочли не обращать внимания на всё происходящее.

Тогда женщина рассказала о царящих в «храме науки» безобразиях врачам, медсёстрам, нянечкам. У медиков тоже были дочери и сыновья, которые учились в той же школе, что и Саша. Через них удалось узнать, кто именно являлся зачинщиком злобного беспредела. Тотчас созрел план действий.

Утром возле школы стояло множество народа – взрослые и дети. Это был не только больничный персонал с семьями, но и сочувствующие и переживающие люди, узнавшие о происшедшем, и чающие справедливости. Все держали в руках транспаранты, на которых было написано: «Витя, Антон, Андрей! Выходите сюда и попробуйте нас избить!»

Куда подевалась былая храбрость подонков! Они попрятались, как жалкие тараканы, по укромным уголкам. Состоялся суд, обидчиков наказали. Сашина мама не вынесла переживаний. Она умерла, и мальчик остался один. Но он не сломался. У него всё получилось: и учёба, и дальнейшая жизнь. Ради мамы, ради доброй памяти о ней, с бесконечной благодарностью ко всем тем людям, кто в трудную минуту пришёл ему на помощь.

Вот такой рассказ о нашей действительности. Кто с этим ещё не сталкивался, тому, наверное, повезло. Но их мало, «везунчиков», большинство же знакомо с этим явлением не понаслышке.

Втемяшится

«Мужик, что бык,
Втемяшится в башку
Какая блажь,
Колом её оттудова
Не вышибешь»

Н.А. Некрасов

Николай Алексеевич Некрасов знал, что говорить, а тем более писать. Но вот с той поры как будто ничего не изменилось на родимой сторонушке.

Втемяшилось в голову Сергею Лопатину церкву восстановить. Мужики отговаривали: «Ты чего удумал, у нас тут и попа-то нету!» А он в ответ: «А помните, старики сказывали: когда церковь-то рушили, ангелы среди ночи, словно белые свечи, на небушко уходили? Помните аль нет?» Мужики – кто кивал согласно, кто отрицательно мотал головой. Но по слухам действительно кто-то и видел. А Серёга продолжал: «Вот, если церкву восстановим, ангелы к нам вернутся, и простит Бог грехи-то людские». «Да где ты столько материалов возьмешь? Одумайся, дуралей!» – кричал подвыпивший Семён Борода.

Лопатин, присев на корточки, рассудительно молвил: «Если с толком подходить, ясно будет, что корпус сложен на века, фундамент нигде не просел. Секрет, говорят, знали раньше. Кирпич к кирпичу ровно лежит, хоть линейку бери. В заместо яйца куриные добавляли – старухи говорили. Так… Купол, значит, подлатать, внутри стены – где побелить, где подштукатурить, подкрасить… Рамы вставить, да крыльцо, да двери, само собой…»

Долго ещё толковали мужики на свежем воздухе. Заодно о жизни своей, деревенской. Как ни уничтожало начальство село, оно трудно, но выживало. И было в нем триста три жителя. Конечно, старики в основном. В школе всего десять учеников.

Нет-нет, да и вспомнится старожилам их счастливое босоногое детство и школьный многоголосый гомон. А нынче? Старенькая учительница занимается с единственным учеником. В первом классе Ванюша Тузов один учится.

Сергей жил с женой Клавдией и тремя сыновьями – мал мала меньше, – но старшенькому было уже семь лет, что несказанно радовало отца и мать, ибо в деревенской жизни, ежели на особицу вдуматься, в семье есть настоящий помощник.

От Семёна Клавдия уже знала про вечерний разговор: «Ты чего там, Сергуня, насчёт церкви-то нёс, людей смешишь, эх, ты!» – лукаво упрекнула мужа. «Пускай смеются, ихнее дело, только церкву восстановлю!»

В глазах родного человека Клава увидела не грусть даже, а такую тоску, отчего и ей горестно стало. А Лопатин с какой-то глубокой убеждённостью продолжал говорить: «Вот послушай, Клава, ведь какой колхоз у нас раньше был! Сколь народу трудилось, да ты сама знаешь, как было. А потом бизнес проклятый окутал страну. Эти предприниматели над совестью людской смеются. Помнишь, приезжали такие к нам, машину водки привезли. Понятное дело, народ деревенский – доверчивый. И полдеревни ведь тогда от этой водки поумирало. У меня бабёнок наших крики в душе стоят!» Сергей с силой ударил себя в грудь. Переведя дух, хлебнул квасу и продолжал: «Я вот думаю, это наказание Божье на нас. Не ходим в храм. Ну ничего, ещё маленько – и всё поправится».

Клава с нежностью посмотрела на мужа. Работягой знатным, тружеником он всегда был. Мясо в город возил, хозяйство у них немалое: три коровы, свиньи. И молока, и сметаны всегда хватало. Знала Клава и то, что муж слов на ветер не бросает. Перечить ему – бесполезное дело.

Ближе к зиме работы по хозяйству поубавилось. Мужики собирались, звали Лопатина попробовать «первачку». У Сергея же – как отрезало: нет интереса к выпивке, хоть и собирались мужики возле его дома. С немалым удивлением поглядывали они, как тот орудует рубанком.

И в одно прекрасное утро детишки протрубили на всю улицу, что в церкви появились новенькие застеклённые рамы. «И когда успел?» – судачили женщины. А Семён Борода не унимался: «Был мужик Серёга, да весь вышел. Не пьёт. Крышу, видать, сорвало».

А чуть наступила весна, все увидали, как Сергей работает на куполе церкви. Вдруг, неловко повернувшись, полетел вниз.

«Папка убился, папка убился!» – кричали дети. Клава издали увидела, что Сергей сидит на земле, держась за ногу.

Как только ногу загипсовали, Лопатин приладил себе костыли. Немного времени спустя сельчане увидели его, ковыляющего на костылях к храму. За собой он тащил тележку с мешком цемента, и было видно, как непросто это ему давалось. Проезжавший мимо Вадька Сыромятин аж остановился, и прошибло его такой вселенской силой, что не высказать и не вышептать.

И всё село – от мала до велика – вышло на возрождение храма Пресвятой Богородицы. Церковь преображалась на глазах. Семён Борода забросил выпивку, глядя на мученические страдания Сергея, даже слезу уронил. Местный парнишка, Петруша Горбунов, разрисовал стены храма библейскими сюжетами. Да так здорово, что лики Иисуса Христа и Николы Чудотворца смотрели со стен, как живые.

Совсем нелегко было Лопатину отыскать для ожившего храма священника. И ведь отыскал! Привёз батюшку Андрея с матушкой и тремя ребятишками. А домов опустевших в деревне было немало.

Так и случилось: затопилась славная русская печь в покинутой пятистенной избе. В городе батюшка скитался по общежитиям. А теперь... Весело потрескивают дрова, детский гомон, – как музыка на сердце. И думается под эту музыку батюшке легко и свободно.

Какой всё-таки неожиданный и удивительный этот человек – сельский житель Сергей Лопатин. По собственному веле-

нию и своими силами восстановил Божий храм...

...Теплым июньским днём свершилось это чудо: освящение церкви. Сказочно красивым запомнился жителям деревни этот день. Народ приоделся, как на праздник. Вся округа собралась – аж за тридцать пять километров отсюда до деревушки Лосихи. Но люди прибыли кто пешком, кто на машине. Один дед дюжину сударушек доставил на телеге. Батюшка говорил проповедь спокойно, душевно, а люди благодарно смотрели в сторону Сергея и даже кланялись ему. Он смущался и отнекивался: «Да чего вы все, батюшку слушайте!»

Каждую субботу и воскресенье собирался в церкви народ. Даже Семён Борода в эти дни забывал о своих вредных привычках. Постепенно затравленные встревоженные души сельчан обретали покой...

Серёга Лопатин, намаявшись за день, полюбил взгорок неподалёку от церкви. Здесь он сидел подолгу и смотрел на храм. А кругом безгранично радовала травушка, предвкушая хороший сенокос. Ветерок доносил запах родной реченьки.

Из церкви вышел батюшка Андрей и, завидев Сергея, подошёл и присел рядом.

«А что, батюшка, возвернутся ли ангелы в нашу церковь?»

Отец Андрей улыбнулся: «Обязательно вернутся, Сергей».

Евсей и сибиряки

Перед Панкратом Ивановичем Могучим, начальником местного леспромхоза, сидел щупленький на вид парень и просил деньги на билет до Украины. Парень явно смущался, но взгляд не отводил и твёрдо обещал, что как только доедет, вышлет всё до копейки.

За свою долгую жизнь Панкрат вдосталь повидал людей разных. Этому парню почему-то поверил сразу: «Что это ты надумал уезжать, и почему у тебя денег нет? Ты ведь в бригаде Пугачёва трудишься, заработки у вас неплохие». Парень,

тяжело вздохнув, опустил голову.

По тому, как ведёт себя молодой лесоруб, Панкрат догадался, что у Пугачёва опять стряслось очередное злоключение. Люди в глухомань едут разные. Очень многие после отсидки. Да вот беда: народ-то нужен, вот и берут всех подряд. И в этой чехарде творилось всякое. Сибирь не любит слабых, да и сильным ох, как непросто приходилось нести свой нательный крест.

«Ну, вот что, Евсей Никитенко. Так, кажется, тебя величают?» – Парень утвердительно кивнул головой. – «Ты расскажи, что у вас там случилось. Если надумал уезжать, деньги я тебе дам. Но ведь ты с Украины милой за деньгами приехал в Сибирь-матушку, а уедешь пустой совсем. Значит, что-то не то, дорогой мой человек», – подытожил Панкрат.

Панкрата рабочие леспромхоза уважали и любили. Платил без обмана, и если что пообещал, то обязательно сделает. Однажды втемяшилось в его голову мужикам огромную бочку пива доставить. Ну, рабочие, понятное дело, засомневались. Да ведь и немудрено: тмутаракань, глушь несусветная. Но вертолёт с привязанной накрепко бочкой удано приземлился на площадке леспромхоза, пролетев над тайгой 200 километров. Холодное пиво ко Дню Великой Победы. У мужиков глаза навыкат, только и вторили: «Ну, Панкратушка, ну, уважил!»

Однажды Могучий привёз на деляну продукты и несколько мешков картошки. Мужики ему и говорят, что замёрзнет она, зря вёз. А Панкрат отнёс мешки к реке, опустил туда, придавил гнётом. Вода проточная, не замерзает, и «картофан» невредимым сохраняется всю лютую зиму. Лесорубы жарили картошку, да начальника своего добрым словом вспоминали.

Бригада Пугачёва состояла из пяти человек. Сам бригадир - коренной сибиряк - смелый и волевой человек; Василий Соломкин, вернувшийся из тюрьмы; Прошка Григорьев – из местных деревенских; Осипов Толик – у того не сложилась семейная жизнь, и ему было все равно, где жить. Покинул

сравнительно благополучный Иркутск и вот - парень «завербованный».

Евсей был самый молодой. Он приехал с Украины. На родине у него остались мать и четверо братьев. Решился он поехать на заработки, когда узнал, что его не заберут в армию по состоянию здоровья. А это совсем не было редкостно, война далась нашему народу самой великой ценой. У Евсея был недобор веса. Отец погиб на фронте. Послевоенное время заставило задуматься. Вот Евсей и решил поехать в Сибирь. Глядеть на то, как мама из последних сил бьется, он уже не мог, потому как в такие минуты подкатывала к горлу самая жуткая на свете, невыносимая тоска. И вот Евсей в Сибири, на лесозаготовке.

Поначалу всё складывалось хорошо. Вечерами бригадир играл на баяне, балагурили, шутили, и делали это для того, чтобы хоть как-то скрасить подчас адскую работу. Но постепенно всё менялось. Серые облака сгрудились, и полил на землю зловещий дождь.

После получки Василий Соломкин, Прошка и Толик пили по неделе и больше. Бригадир и Евсей валили лес вдвоём. Из их телогреек валил пар.

Евсей знал о начальнике много хорошего. Но как поведать ему о таком? Скажут, что стукач, да и убить могут. Сквозь огромнейшие усилия и страдания, творящиеся в душе, начал он свой рассказ: «Панкрат Иванович, случилось это неделю назад. Мы с бригадиром работали весь день, а остальные отсыпались в вагончике. Вечером доползли еле живые. Вот прям с порога и получил я удар в грудь от Василия. Обвинял он меня в том, что я деньги у всей бригады украл. Я ничего не понял, о чём они говорят, а те наперебой стали доказывать Ивану Ильичу, что это я все деньги украл. И на Украину отправил, чтобы своим, как они говорят, «оглоедам» помочь.

Иван Ильич от удивления открыл рот, долго молчал. Я полез в свою сумку, где хранил деньги, которые хотел отправить матери, но их не было. И надо ж было такому случиться: от

обиды, несправедливости, беспомощности своей, я заплакал. Ну, а Василий с Прошкой подумали, что это я вроде как сознался, и давай меня понуждать. Иван Ильич и Толик заступились за меня. К ночи, когда всё стихло, я ушёл, и только сейчас добрался до вас. Неделю шёл».

И, как-то по-мальчишески, добродушно, естество его продолжало роптать: «Честное слово, не брал я эти деньги, я радовался тому, что получаю. Не надо мне чужого!» И тут как-то сразу сник и робко, но вместе с тем очень проникновенно, произнес: «Раз так случилось, то уеду и вышлю вам деньги за билеты».

Панкрат, нахмурив чёрные, с белой позолотой брови, продолжал становившийся важным разговор: «Чем же ты неделю-то питался?» – «Первые два дня вообще ничего не хотел есть, злоба на весь мир не давала думать о голоде. Потом к зимовью вышел, там сушёной рыбы немного было, сухари, вот и перекусил. По реке шёл, чтобы вода была рядом».

Начальник леспромхоза крепко задумался. То, что в бригадах работал разный сброд, это он знал, как никто другой. Но отпустить парня на родину, где будут судачить, что, дескать, съездил на заработки, Панкрат не мог: тут ведь поклёп на всю Сибирь получается. «Вот что, Евсеюшка, – сказал он, – деньги я тебе, уже говорил, дам, да и полгода ты у нас робил, за это тоже что-то полагается. Сейчас иди в нашу столовую, я уже отдал распоряжение, чтобы тебя покормили, а потом опять в мой кабинет – отсыпаться. Понял ли?»

Парень кивнул головой, и от этого неприметного покорного кивка шевельнулось у Панкрата Ивановича до боли знакомое отцовское чувство. Он подошёл к Евсею: «Господи, какой же ты измученный, как только лес валишь!» Похлопал парня по плечу, а у того потекли слёзы. «Ну, это ты брось. Пока я здесь начальник, никто тебя не тронет, я тебе это совершенно точно говорю».

Панкрат быстрыми уверенными шагами отправился к связистам. Но тут же оставил свои намерения: «Что толку?! Ну,

свяжусь по рации… Разве так выяснишь?»

Ему быстро подготовили «уазик». Путь до деляны Пугачёва был неблизким, поэтому хотелось успеть за световой день.

Был уже вечер. На костре готовился обед. Кухарил Иван Ильич Пугачёв. Его варево лесорубы любили особо.

Приезд Панкрата всех встревожил, и это было, конечно же, заметно. Панкрат, поздоровавшись, присел к костру. Взяв уголёк, подкурил, глубоко затянувшись, и, внимательно оглядев всех, внешне не выдавая тревогу, спросил: «Ну, как жизнь, мужики?» Иван Ильич, откашлявшись, робко, с затаённой горечью в голосе, заговорил: «Да вот, Иваныч, Евсейка пропал». Могучий изумлённо поднял голову: «Да?! А чего вы молчите, почему по рации не сообщаете?»

В разговор быстро вступил подошедший Василий: «Да мы подумали – походит, походит и придёт».

Панкрат рассердился не на шутку и закричал: «Думали вы! Это же тайга! Может, его и в живых уже нет!» Прошка затараторил: «Да с деньгами он нашими, зверёныш, ушёл, не пропадёт в городе. Поди, с бабами развлекается!»

«Как же так, Иван Ильич, что происходит?!» – «Я, Иваныч, каюсь, я ведь запил, когда Евсейка-то ушёл, только вчерась отошёл». – «Анатолий, а ты чего молчишь?» – наступал Панкрат. Осипов, опустив голову, как-то подавленно произнес: «Не знаю, я чего и говорить, всё как-то глупо и нелепо». – «Значит, вы думаете, что Евсей обокрал вас?» – вкрадчиво спросил Могучий. – «Да, он, он!» – снова запел Пронька.

Панкрат почему-то сразу вычеркнул из круга подозреваемых бригадира и Толика. Они не могли. Но что теперь делать? Может, зря приехал, доказательств нет. Евсей, поди, там терзается, небось, думает, что обманул я его, ещё опять убежит, тогда точно потеряет веру в справедливость...

Иван Ильич молча разлил суп по тарелкам, но никто не притрагивался к еде. Все молчали. Панкрат так и не стал говорить, что Евсей жив. Спать решил возле костра. Эта фронтовая привычка жила в нём и напоминала о друзьях, которых по

всему Союзу было великое множество, и это радовало даже в тяжёлые минуты. Но сейчас даже это не спасало. Начальнику леспромхоза не спалось. За его трудную жизнь всего было с избытком. Бывало, передерутся мужики с получки - вот и покойник. Убийства случались и не были редкостью. Иной раз и зарплату не хотелось выдавать.

В леспромхоз если привезут кино – вот и праздник. Только многовековая тайга, а она девушка суровая. И кто знает, может быть, оттого она такая неприветливая, что защищает себя от человека. Её уничтожают и почти не думают о будущем. Да к тому же – жадность, зависть, тупость и безденежье гонят человека в тайгу. Вот он - вековой спор природы и человечества. И это, наверное, так и должно быть. Потому как, если бы, всё легко покорялось, давно всё уничтожилось бы мнимым царём природы.

Под утро, когда Могучий только-только задремал, подошёл Пугачев. По его запыхавшемуся виду стало понятно, что что-то случилось: «Я, ведь, Иваныч, запил-то неспроста, не верил я этим двум, а за Евсеюшку как за себя ручался. Ну, думаю, запью с ними, может чего и высветится. Давеча вижу – гложет их что-то, и стало понятно: оклеветали парня. А твой приезд всё и решил. Выполз Пронька из вагончика и пополз в сторону леса, ну, и я за ним. И точно, деньги решил перепрятать. Я его сгрёб в охапку, деньги забрал, привязал к дереву, ружьё на него наставил. С Васькой это они учинили».

Панкрат вмиг оживился: «Так он что, в лесу там, привязанный?» – «А чего ему будет?» – «Молодец, Пугачёв», – уже ликующе произнёс Могучий. – «Кажись, спасли парня-то, а? Где же Евсей-то, жив ли?» – вслух терзался Иван. – «Да жив, ко мне он пришёл. Всю неделю шёл. Вот парень, так парень! Деньги просил до Украины доехать, а потом обещал выслать. И как его только сюда занесло?»

Пугачёв как-то с посвистом изрёк: «Я-то тоже, Иваныч, сброд. Всю жизнь с уголовниками, да разной шелухой работаю, а тут вижу – парень добросовестный. Я его за сына

считал, и думаю: я-не я, а разберусь. Только прошу, Панкрат, этих не трогай, мне ведь совсем не с кем работать будет, сам знаешь». – «Знаю, в милицию я на них не заявлю, а вот одно дело дозволь исполнить».

Дверь вагончика распахнулась с такой силой, что едва не слетела с петель. На кровати сидел Василий, он отрешённо смотрел на Панкрата: «Что, справились с мальчонкой? А со мной попробуй!» – бросил ему вызов Могучий и нанёс свой, соответствующий фамилии, удар.

Василий, ударившись о стенку вагончика, завалился на кровать. Он молча утирался своим грязным рукавом.

Панкрат вышел из вагончика, и, странное дело, ему с каждой минутой становилось всё легче. Наскоро попив чайку с Пугачёвым, заторопился в леспромхоз. Евсей и вправду, как думал Панкрат, терзал себя мыслями: что он скажет, когда приедет к матери? Чем он ей поможет, ведь на всё надо деньги.

Панкрат тяжёлыми шагами ввалился в кабинет и облегченно вздохнул: «Не убежал ещё... ну вот и гоже, это по-нашенски!»

Встреча с Львом Дуровым и Борисом Щербаковым

Много, неисчислимо много приезжало к нам в Братск артистов, но это вовсе не диво: в каждом городе нашего, овеянного заслуженной славой Отечества, такое диво было много раз. Для провинциальной русской глубинки такие, будь то спектакли или концерты известных всей нашей стране народных артистов, без преувеличения являлось, и по сей день является добрым сказочным чудом...

Проходя как-то мимо дома культуры посёлка Энергетик, (тут необходимо пояснение, ибо наш город Братск разбит на посёлки: Падун, Энергетик, Гидростроитель, Осиновка, Сухой и – центральный Братск. По признанию приезжающих в наш город гостей, такого разбросанного города больше в нашей стране нет) вдруг, а это всегда бывает вдруг, я увидел афишу с названием спектакля «Победитель». Ещё больше удивило, что в главных ролях – народные артисты Лев Константинович Дуров и Борис Васильевич Щербаков.

На ту пору завод отопительного оборудования, где я работал сварщиком, развалился, пришлось перейти в охранники. Мы поднимали с женой Ириной двоих сыновей, и уже давно от бедности не ходили на спектакли и концерты. Но, увидя в афише имена таких артистов, я поспешил домой и рассказал всё жене. Ирина же сказала примерно следующее: «Сходи, Толик, но один, для двоих нам шибко накладно». Потом, улыбнувшись, добавила: «Я их, слава Богу, и по телевизору посмотрю».

Шёл тогда примерно 2003 год, я писал неумелые строчки

и думал, что это стихи. И вот втемяшилось же мне в голову попытаться прочитать их народным артистам. Самому тогда мне было тридцать восемь лет. Так и хочется себя теперь спросить: «А где же был твой здравый ум?» Но здравого ума не было, терзали лишь мысли о том, как это сделать.

Приехал я из родного посёлка Гидростроитель в посёлок Энергетик, за полдня до начала концерта купил билеты, и по чутью души пошёл в гостиницу «Турист». Там я узнал, что артисты отдыхают в гостинице. Сел в фойе и думал, сколько же нерусских слов появилось на родимой сторонушке, взять хотя бы это – «фойе». Да, в нашем языке много взято и от тюркского, и от французского, и дивиться этому шибко не надо: Русь-Матушка многонациональна. Но на тот момент, видимо, причиной таких мыслей было то, что увижу сейчас русских артистов, и в моём глупом мозгу роились мысли о деревне, куда каждый год возила меня моя мама, и о кондовых словах, которыми говорила моя бабушка – Куванова Татьяна Ивановна.

Но вот дождусь я, что выйдут они из лифта. И дальше что? Надо подойти, поздороваться и читать то, что написал. Приближался день Великой Победы над фашистскими захватчиками, а глядя на афишу и название спектакля, я и не сомневался, что действо будет именно про войну. Подумав так, решил, что ежели и удастся моё безумное дело, то читать буду про войну. Мучительно долго шли минуты, хотелось порою встать и уехать домой… Ну чо я, в самом деле, взрослый мужик, и буду смешить настоящих народных артистов?..

Однако не ушёл и дождался. Вот вышли из лифта Лев Константинович Дуров и Борис Васильевич Щербаков. На моё «здравствуйте» и предложение высказаться по поводу стихов ответили, что им некогда, что совсем скоро спектакль, и стали быстро спускаться по лестнице к выходу. Что произошло со мной, я до сих пор в точности объяснить, конечно же, не смогу, но понял одно: не увижу я больше любимых артистов ни разу, где мне на мои гроши путешествовать… Тогда громко

вослед говорю им: « Вы ж народные! Что вам стоит хоть один стих то выслушать?»

Борис Константинович Щербаков, высокого роста человек, обернувшись, сказал: «Ну, разве что, пока мы будем идти до дома культуры»… От гостиницы «Турист» до ДК «Энергетик» было совсем немного пути, но народные артисты пошли не через центральный вход, а тот, который располагался сбоку, и был заметно длиннее.

Как-то на работе в нашу каморку зашёл работающий у нас слесарем дед, да вдруг и сказал: «Вот, Толька! Босоногое детство и – нищая старость». Вскоре дед умер, и я читал народным артистам стихи про человека, которого уже не было в живых:

Босоногое детство и нищая старость
Мне однажды сказал пожилой человек.
Вспомнил жизнь он свою,
Да вздохнул так печально…
Как же прав был старик тот худой.
Всю войну он в селе проработал,
Хлеб был нужен солдатам всегда.
Сам, совсем ещё хрупким мальчонкой,
Заводил трактора, выводил их в поля.
В битве той, он за хлеб, уставая,
Как же сильно он землю любил.
И росли на том поле и рожь, и пшеница,
И бойцам поставлялся тот хлеб.
Посмотрел я в глаза старику и заплакал:
Почему же мы, люди, без сердца живём?
Босоногий парнишка, без медали – награды,
В трудный час дал он фронту золотое зерно.
Я прошу: вы задумайтесь, люди, об этом,
Хоть уж нет в живых старика.
Одинокий старик прожил жизнь, нас спасая,
Не забуду того старика».

Назвать это стихами нельзя, но Борис Щербаков, когда я во время прочтения от волнения задохнулся, ведь читал на ходу, вдруг сказал: «Ты, парень, не волнуйся», этим и поддержал меня. Тогда я выпулил и второе стихотворение, подумав, что больше уж не доведётся в жизни такое чудо:

«Мы вылет твой готовили всей сменой,
И все смеялись над тобой.
На лётчика похож ты вовсе не был,
Такой, весь в конопушках, в бой ушёл.
У всех пропало сразу настроенье,
Когда твой самолёт не прилетел.
И все смотрели в небо мы с надеждой,
Но нет, не слышно шума вдалеке.
Однако, чудеса случаются, поймите:
Узнали мы, что наш боец живой.
С врагами так отчаянно он бился,
Но был подбит, и в госпиталь свезён.
Запели снова птицы на рассвете,
К нам в часть вернулся паренёк худой.
И вот в такие светлые минуты
Гордимся мы отвагой молодой.
Прошёл войну и к матери вернулся,
Как ярко светит Орден на груди!
Ты не забудь, страна, того героя,
Земной поклон ему ты поднеси».

Так и дошли мы до бокового входа… Всё это время артисты молчали, а возле дверей на них накинулись телевизионщики с вопросами. Борис Васильевич отвечал им: «Никакого интервью давать не будем, мы долго не спали, а нам ещё спектакль играть». Лев Константинович Дуров, стоявший рядом со мной, и слышавший, как его друг отбивается от репортёров, пристально заглянул мне в глаза. Ничего не сказав, протянул мне руку, пожал её ещё раз и стал подниматься по ступенькам.

Борис Васильевич, умело отбившись от репортёров, спустился ко мне: «Счастливо, парень. На спектакль то придёшь?» Тут дыханье у меня словно отказало от волненья: ведь это ж надо – от знаменитых в нашем городе телевизионщиков отказались, а меня, сторожа, выслушали… Вот уж действительно – народные. Всё это короткое время Борис Щербаков, глядя на меня, улыбался, хотя лицо выглядело очень усталым. Я уже не помню, что ему и ответил, а он, уже возле входной двери, вдруг обернулся и, ещё раз посмотрев на меня, спросил: «Ты всё-таки, что-то ещё хотел? Я достал из кармана квадратную кассету, где была записана спетая мной моя же песня, попросил артиста, чтобы передали эту кассету для Иосифа Кобзона, что эта песня для него.

Спустя годы я понимаю всю наивность и глупость моего поступка. Да и то, вправду сказать, не всем же умными быть… Но этой своей просьбой немного, кажется, развеселил Бориса Щербакова. И вот я сижу в зале, смотрю театральную постановку. Когда вышли на сцену наши любимые сердцу артисты, зал долго аплодировал.

Спектакль оказался про борьбу двух претендентов на президентское кресло, а их любовница решала, кого же сделать первым лицом государства. Я же по всегдашней своей наивности думал, что спектакль будет про войну, ведь дело было незадолго до дня Великой Победы. Закончился спектакль, и артистов снова окружили желающие взять автограф, а я вот, многогрешный, и не подумал об этом.

Помню, приехал домой, махнул сто грамм на радостях: ведь не кажинный же день действительно любимых всей нашей страной артистов увидишь. А тут и напутствие, вроде как душевное, от них получил...

В моей жизни, слава Богу, случается много сказочных чудес, и эта встреча была именно таковою. Прошло совсем немного времени, и в 2005 году я издал сборник своих неумелых стихов и назвал его «Шестьдесят». Посвящён он был Великой Победе. Так как пою перед ветеранами уже довольно долгое

время, то им же его и подарил. Что такое ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, белый стих я узнал позже, а на тот момент просто издал за свои копейки маленькую брошюрку из 32 страниц. А так как многих ветеранов знал лично, то с распространением проблем не было.

Сейчас большинство их, сердешных, лежит в сырой земле, вечная им память. Время от времени смотрю фильмы с участием Льва Дурова и Бориса Щербакова, жалею, что не довелось повстречаться на жизненном пути с Василием Шукшиным, Василием Беловым, Виктором Астафьевым, Валентином Распутиным, Николаем Рубцовым, Михаилом Евдокимовым, Геннадием Заволокиным… Велика ты, наша Матушка – Русь, богата воистину духовно нравственными, замечательными людьми… Сколь их уж нет в живых, а есть и те, кто, слава Богу, живы и поныне. И у всех перечисленных мной артистов была такая огромная любовь к нашей Отчизне, что нам, ныне живущим, надобно каждому хоть на малую толику приблизиться душой к их понимаю Родины.

И, вопреки рассудку, пригрезилось мне, что читаю я своим любимым артистам это стихотворение, а жена Ирина восклицает: «Чо же, Толик, с тобой сделашь?»

«Незатейливо, скромно и с болью в груди,
Я люблю тебя, милая Родина,
За колосья ржаные, проливные дожди,
Оттого, что во мне непогодина.
За минуты такие, что пасмурь в душе,
Благодарен безмерно Создателю.
Потому как, грустить, но любить на земле,
Божьей волей дано обывателю»…

Родом из детства.
Истоки творчества Елены Фабричниковой

Воспользоваться услугами художника-иллюстратора Елены Ивановны Фабричниковой мне посоветовала писательница из Кодинска Галина Зеленкина. Когда-то она иллюстрировала её книгу, и весьма успешно. И вот мы сидим в кабинете художницы в библиотеке имени Наймушина, и говорим о том, какие бы иллюстрации я хотел видеть. За многие годы я написал достаточно сказок для книги, но проблема найти хорошего художника, чтобы проиллюстрировать её, меня всегда беспокоила. Елена Ивановна показывает проиллюстрированные ею книги, и мне это нравится. Книг много, разной тематики, но то, что рисунки принадлежат одному автору, угадывается сразу по неповторимо мягкой и, я бы сказал, доброй манере письма.

Говорить с художником о том, почему он рисует так, а не иначе, – дело бессмысленное. Здесь много разных моментов – характер, образование, круг общения и, конечно же, биография. Особенно её детский период: «Все мы вышли из детства»…

– Мои родители с Алтайского края, в Братск приехали на строительство и жили в палатке, но я родилась в обычном деревенском доме на Алтае, в деревне Дубровка, где мои родители в тот момент находились в отпуске. С деревней у меня много связано. Вместе с родителями я каждый год ездила к бабушке Ане и деду Сидору. Когда умер дед, приехал дядя Лёня, остался жить в деревне, держал пасеку, и когда мы возвращались в Братск, то моей ношей всегда был трёхлитровый бидончик алтайского мёда. Рисовала я с детства, и дядя Лёня просил: «Нарисуй, как ты убегаешь от гусей». Дядя у меня

был большой, носатый, колоритный, но, словно дитя малое, хохотал, глядя на мои работы.

Деревня «не отпускала» меня и в юности. В семнадцать лет я написала такое стихотворение:

Ты мне край родной, Дуброва,
Твои кочки и луга,
Запах гречки, запах мёда.
И бескрайние поля.
Твои низкие избушки
Покосившись, вряд стоят.
Из-под крыш твоих крикушки,
Галки, суетно галдят.
Над безлюдною тобою
Прояснится утро рано.
Нанесёт оно густого
Непроглядного тумана…

Вторая моя родина – Братск. В детстве (да и много позже) я гордилась тем, что живу в таком легендарном городе. Жила я в одном дворе с детским писателем Геннадием Павловичем Михасенко. Он приходил к нам в школу, много рассказывал о творчестве, а когда вышел художественный фильм «Пятая четверть», снятый по его книге, был неописуемый восторг от того, что рядом с нами живёт такой человек.

Училась я в народном университете искусств, на факультете станковой живописи и графики. Училась заочно. Учитель Вельчинская критиковала мои работы, но и хвалила. Потом была работа в ателье художником-консультантом. Вышла замуж, родила двух сыновей, и пришлось идти работать в детский сад №75, художником. Разрисовывала стены, беседки, комнату сказок.

Вот так, по необходимости, в моем творчестве появилась детская тема, а сейчас я понимаю, что рисовать для детей мне очень нравится. Позже меня пригласили в библиотеку имени Ивана Ивановича Наймушина (в январе будет двадцать лет, как я здесь работаю), но детская тема по-прежнему для меня

актуальна. В библиотеке, к примеру, я организовала выставку кукол, которые сделала своими руками…

Здесь же, в библиотеке, я познакомилась со многими творческими людьми города, и они стали обращаться ко мне. Первая проиллюстрированная мною книга «Тропою изысканий» Рубина Моисеевича Гербера была посвящена природе родного края, а это тоже близко мне. Читала книгу – и будто видела своими глазами всё то, о чем писал автор. Впрочем, иначе, без личного видения, наверное, ничего и не получится. Я, конечно, прислушиваюсь к автору, пытаюсь понять его, но от личного опыта никуда не денешься. И тут важно родство с автором. Если оно есть – успех обеспечен.

Среди «моих авторов» – ныне покойный братский поэт Пётр Юдин, писательница из Кодинска Галина Зеленкина, многие другие. Недавно ездила к члену Союза писателей России, поэту Юрию Розовскому (он, колясочник, из-за болезни сам приехать не мог), и я в очередной раз была удивлена тому, какие замечательные люди живут в нашем городе. Скоро выйдет его «детская книга», и я очень рада, что помогла ему.

Не понравилась интернетовская лягушка

Ещё до армии, в 1969 году, жизнь забросила Михаила Иосифовича Уткина из Кемеровских мест в Братск. Была на ту пору как раз уборочная пора. Побегал, побегал Михаил в поисках работы, но мест шоферов на этот момент не было. Посоветовали съездить в Эдучанку. Когда приехал, начальник показал три кабины и раму без колёс от ГАЗ-51. Собрали с мужиками машину и шофёр-новичок возил до армии воду в Эдучанке. Так и начинал свой трудовой путь Михаил Иосифович Уткин. В армию попал на Северный Казахстан, в город Державинск. Теперь с улыбкой вспоминает, что спустя четыре месяца службы, из их части украли знамя. Но тогда было не до смеха: приехали генералы, и часть сразу же расформировали. И он заканчивал службу под Комсомольском-на-Амуре.

После армии устроился в АТУ-7 (мощное на ту пору автомобильное предприятие, памятное многим братчанам и поныне), женился на Валентине Михайловне, с которой, по его же признанию, живёт душа в душу. Они воспитали дочь Марию, которая теперь преподаёт в одном из вузов Красноярска, готовится защищать кандидатскую диссертацию. Жизнь шла, и была она действительно интересной, ведь Братск строили люди из всех пятнадцати союзных республик, и это была, без всякого преувеличения, великая стройка.

Долгое время Михаил работал на заводе отопительного оборудования шофёром. Так и пришло время уходить на пенсию. Конечно, ещё потрудился бы, но дела на заводе уже много лет совсем никудышные…

С детства у Михаила была причуда что-то мастерить, а как стал пенсионером, начал ходить по помойкам, свалкам, собирал шины, пластмассовые бутылки, которых нынче валяется в любом городе великое множество. Он даже в шутку стал называть себя ГРИНПИСом. И вскоре в палисаднике возле дома появилось солнышко, Змей Горыныч, Михайло Топтыгин, пальмы, попугаи, Божии коровки, лебеди. Образы, чтобы сделать их покрасивее и поискуснее, искал в интернете. И когда задумал сделать лягушонка, по привычке заглянул в интернет и расстроился. Не понравилась Михаилу интернетовская лягушка, но горевал недолго, придумал свою, поставив с ней рядом слоника, которому предстоит ещё додумать, как сделать глаза. По соседству живут мальчишки из переселённого посёлка Чекановский, полюбилось им трогать за язык Змея Горыныча.

Если кто надумает посмотреть или перенять опыт – милости просим! Адрес такой: посёлок Гидростроитель, переулок второй Звёздный, дом два. Полмесяца назад на одном из городских конкурсов по благоустройству правого берега Михаил Иосифович занял первое место, получив диплом в рамочке и денежное вознаграждение в размере пяти тысяч рублей. Теперь в этот удивительный двор люди приезжают семьями, фотографируются.

Прослышав про чудный двор, приезжают и молодожёны. Замечательно смотрятся зарождающиеся семьи на фоне добрых зверушек, а мастер их ещё не применёт посоветовать, что, де, рожайте ребятишек, да ко мне во двор приводите. Михаил Иосифович говорит: «Приедет очередная семья, я их дитя на лебедя посажу, других зверушек покажу. Некоторые интересуются, как бы у себя такое сделать, показываю и рассказываю».

Теперь Михаил Иосифович хочет изготовить из шин розового фламинго и тигрёнка. Говоря об этом, этот удивительный человек улыбается: «Морда у тигрёнка интересная». А люди несут Михаилу Иосифовичу использованные шины, и он го-

ворит им, глядя на их удивлённые глаза, что попугая делать было сложно. В своё время учитель рисования готовил его в школу искусств, но друзья все пошли учиться на трактористов, и он теперь с лёгкой горечью вспоминает, что подвёл своего преподавателя.

Нутро

Нутро – это что? В великой русской литературе это слово пишется довольно часто. Разговор с самим собой происходит постоянно. Что ты есть-то? Для чего живёшь? И т. д. Этой осенью, а на дворе стоит 2013 год, поехали со старшим сыном на рыбалку. Взяли в руки вёсла и тут же красиво выставили сети. Сын удивляется: «Папа, ну почему ты столько лет не был на рыбалке и всё делаешь правильно, другим же замучаешься объяснять?». «Нутром, сынок, надо чувствовать, ежели этого нет, то беда».

Плыть обратно пришлось далеко. Был октябрь месяц, и один из многочисленных заливов реки Ангары угощал борта нашей резиновой лодки коченеющими волнами, и борта моментально покрывались льдом.

На берегу ждал младший сын Сергей, и разговор продолжили по дороге в гараж. «Папа, я как закончу университет, в Братске не останусь, нет работы». Я молчу в ответ, а что скажешь, езжай с Богом, сынок. Жена моя Ирина работает в больнице, получает шесть тысяч, я охранником, восемь лет до пенсии, уже не так далеко... Глядя из окна машины на свой посёлок Гидростроитель, конечно же, загрустил. Легко-то шибко николи на Руси не было...

Но одно маленькое чудо случилось, ибо, спустя сутки, мы угостили своё нутро удивительным хлёбовом – ухой...

Проводное радио

Проводное радио. Не погибай оное! Ибо работая на АТС я вижу, что делается с нашим дорогим радио не по слухам, а по фактам. А делается то, что проводного радио скоро может не быть совсем. Цивилизация – любят говорить современные люди. А как же нутро русского человека? Не до него вам цивилизованные люди. А пока на моём рабочем месте есть радио, я жадно, именно жадно его слушаю. Когда реклама, давно изучил и выключаю. Но сегодня была суббота, а значит в 13 часов десять минут будет передача «Калина красная». И очень верю, что на небесах Василию Макаровичу Шукшину – это греет его душу. Сегодня в этой, воистину нужной передаче, одна бабушка говорила: «Сейчас некоторые говорят, что если попал в тюрьму за наркотики, то это народная статья. Что же вы, русские, творите? Какая же народная, народное оно всегда святое, как рождение младенца на Божий свет».

Уже более десяти лет проводится песенный фестиваль среди заключённых «Калина красная». И прямо на сцене некоторых исполнителей отпускают на волю. С глаз капают слёзы, ведь это нравственное дело. И многие, освободившись начинают действительно новую жизнь.

Передача Андрея Дементьева «Виражи времени» началась в 19 часов 10 минут. А вот многие мамы и папы примкнули к радиоприёмникам ведь началась передача Александра Маршала «Слушай солдат». Сам служил и знаю, как это всё нужно для солдата. По воскресениям, в 23 часа 30 минут, начинается передача «Беседа с батюшкой» и это снова и снова спасает многие людские души. И хорошие передачи можно перечислять ещё долго. Одной из них является «Встреча с песней». Но я доподлинно знаю, что много где у нас в стране уже нет проводного радио. Это в основном деревни и сёла, которые прекращают своё существование по понятным всем причинам. Простые люди со всех уголков нашей огромной страны

пишут на радио, что их отключили, а они скучают по нему. И тоска эта действительно глубока, особенно для старшего поколения, ведь именно проводное радио сообщало им о войне, о стройках обо всём на свете.

Я живу в Братске. Каждый год в Иркутске осенью проходит фестиваль «Сияние России». Организовал его Великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Начинается он всегда с крёстного хода. Приезжают на него известные писатели со всей страны. И то, что там происходит, я слушаю опять же по проводному радио. Недавно даже правительство страны признало после очередного горя, что если бы, как раньше, в домах у всех было бы проводное радио, то людских трагедий было бы значительно меньше. Затевая со многими разговор об этом, встречал и такое мнение, что, дескать, пускай старики купят себе транзисторы и слушают. Говорю таким умникам, что проводное радио проведено, не надо только отключать. В ответ ухмылки.

А пока в нашем городе Братске не нарушили проводное радио, я с огромным удовольствием его слушаю, и вспоминаю своё золотое барачное детство. Как спал в большой железной ванне, ибо в молодом тогда строящемся городе всего не хватало. Но страна жила, развивалась. Рос я без отца, мама работала в три смены на железобетонном заводе. Когда она уходила в ночь, включал погромче проводное радио. И теперь, вырастив двоих сыновей, я, простите за банальность, вновь и вновь твержу: «Не погибай, наше дорогое проводное радио, не погибай»...

Спасительный путь к истокам…

Стоишь ты на возвышенности природной, наш красивый бревенчатый домик. Внизу течет раскинувшаяся, вечно удивляющая речка. Жилье человек завсегда возле водоемов возводил.

В каждой избе свой особенный дух. Ты все помнишь, милый сердцу домишко. Прадеды, которые тебя строили, давно умерли. Да строили-то они на века. Хоть сто лет пройдет, а дом нигде не покосился, не сгнил. Умели строить, ух, мудрецы, волшебники, прям оторопь берет.

Русская печка в полдома... Родненькая, помнишь, как мылись в тебе и готовили еду и грелись? А старики, бывало, говаривали, что кирпич не простой, от всех хворей вылечит. И это, несомненно, так.

На праздники гармошка не умолкала. Девки водили хороводы, весело было. В сущности, не так уж много надо человеку в скромной, бережной к природе жизни. Вот я представил, а что же все-таки надо человеку? Дом, корова, куры, другая живность – чего хочешь – заводи, конечно. Еще – сеять хлеб.

Лес одаривает грибами и ягодами, речка рыбой богата. Радует чистый воздух природный.

Но человек построил города, мегаполисы, с чудовищной безжалостностью уничтожая природу. Всем хочется не ходить, а разъезжать на машинах. Жить в квартирах с хорошей мебелью и техникой. Но жизнь есть жизнь, и заводы травят население городов. И мы живем. Нет-нет, да нахлынет тоска с печалью, о том, что многие забыли такое понятие, как совесть в погоне за бешеными деньгами. А болезни всех подстерегают. Многие и детей родить не в состоянии. Становится очевидным, что человеку, бросающемуся за всем новым, многое не удается. Становится неинтересно жить.

В модных офисах, что растут как грибы после дождя, вообще нет понятий о нравственности, чести. Другое процветает: зависть, корысть, сведение счетов, злоба. Иногда хочется закричать, упав на колени, сказать, что нет ничего благороднее – оставаться человеком с совестью.

Нынешнее поколение твердит, что с совестью жить сложно. Одна женщина как-то с гордостью сказала: «Я вот подставила подругу, живу богато и вам советую». Люди часто болеют в городе, но вовсе не думают о возвращении в деревню.

Нынешние руководители тоже об этом не думают. Нельзя нарушать баланс жизни, многовекового уклада.

Мы все куда-то спешим. Не думаем. Смотрим – дети выросли, а по менталитету они совсем другие. И вот уже, кажется, что потеряна нить добра, совести, нравственности. Молодежь смеется над этими словами, а по глупости и иные взрослые тоже, встречал я и таких.

А все же интересно: что было бы, если несколько молодых семей уехало бы жить в деревню? Завели б хозяйство и постепенно, питаясь натуральными продуктами, может быть, другими глазами смотрели на мир, на жизнь. Ведь у деревенских проблем с деторождением никогда не было, ибо знали, что прокормят всех. Давно известно, что без культуры многое человек теряет. А главная потеря – человечность. Спасение от этого – работа, и как лучший ее вариант – работа на земле.

Деревенский дом! Ты помнишь, как счастливы были люди, и не было многих сегодняшних нерешаемых проблем. А люди были чистыми душой и сердцем.

Совсем не случайно, когда смотришь фильм о деревне, оживает в душе что-то хорошее, настоящее. А ведь многое в наших душах еще не потеряно. Чувство сострадания, к примеру. Много еще хорошего есть в людях.

Подумай, человек! И помоги тебе Бог найти путь к истокам нашего существования!

Воробьишка Эдика

Жили мы в бараке, таскали с другом Эдиком воду из колонки, кололи дрова, словом, помогали родителям. И вот однажды мой закадычный друг Эдик нашёл маленького воробьишку, и на тёплых кирпичах печки устроил ему лежанку из шерстяной рукавицы. Бабушка у него жила в деревне и держала овец, пряла пряжу и посылала в фанерном ящичке в наш Братск. Писала же адрес на посылке только химическим

карандашом. А мама его Нина вязала всему семейству шерстяные теплющие-претеплющие носки и рукавицы. Вот одну варежку он и приспособил под лежанку воробьишке. Мама его не ругала, а даже похвалила за несчастного найдёныша - бедолагу.

Кормили они его с сестрёнкой Оксаной пшеничкой и ягодкой-брусничкой, которую по осени принёс из лесу папа Володя. Ел же воробышек очень плохо и до того обессилел, что едва поднимал свою крохотную головушку. Глядя в его печальные глазки, Эдик хотел плакать и говорил воробьишке: «Ну, что же ты так мало клюёшь? Всего два зёрнышка огоревал». Воробей на это молчал, не могут птицы по-человечьи разговаривать.

Однажды в их дружную семью пришла посылка. Прислал её из деревни дед, а в посылке той была домашняя колбаса. Пришёл тогда к Эдику в гости друг Толик. И когда его угостили этой самой колбасой, ароматный дух от которой разносился по всей барачной комнате, он удивлённо сказал, что ничего вкуснее в жизни своей не ел. Этой вот колбаски и отрезал маленький кусочек Эдик своему пернатому другу. А наутро Эдик увидел, что воробышек съел колбаску.

Толик и Эдик поутру убежали в школу. Эдик всё никак не мог дождаться конца уроков, сильно хотелось ему домой, узнать, как там поживает его больной маленький дружочек. Когда мальчишки прибежали из школы, то первым делом заскочили к Эдику и увидели, что воробей склевал целых десять зёрнышек и попил из блюдца чистейшей ангарской водицы.

Мальчишки от радости весь день носились по улице. Настало долгожданное зелёное лето, и Эдик отпустил уже большого своего воробья на волю. Он несколько раз залетал к нему прямо в форточку, чтобы подкрепиться зёрнышками, а потом улетел, и больше его не видели. Наверное, его позвали воробьиные дела.

Собака Веста, кот Пахомыч, черепаха и рыбки

Мама Ира давно хотела завести собаку, а так как была взрослым человеком, то и купила её. Сначала щенок только поскуливал, но вскоре и тявкать начал.

Всё семейство, а это папа Толя, мама Ира, их сыновья Витя и Сергей, сразу поняли, что в доме появилась охрана. У нас в Сибири, а точнее – в городе Братске, а ещё точнее в посёлке – Гидростроитель, знамо дело, морозы большие бывают. Но Веста в любую стужу всегда рвалась к своим друзьям – Раде и Рэю. Это были взрослые большие собаки, но они очень полюбили Весту и задорно с ней играли. Хозяева собак стоят, о жизни толкуют, а собаки по полю носятся. А чего им не бегать: у нас в Сибири места много, велика, слава Богу, наша Сибирская вотчина, без грибов, ягодки и рыбки сибиряков не оставляющая. Про охотников не пишу, мне шибко зверушек жалко.

Подошёл однажды Сергей к папе Толе и попросил, чтобы ему купили черепаху. Отец тут же и купил за восемьсот рублей большую черепаху. Мама Ира стала ругать мужа за то, что потратил много денег. Словом, в доме стала жить черепаха без имени. Почему без имени? Просто ей почему-то не дали имени. Летом папа с сыном выводили её погулять. Она очень любила есть разную зелёненькую травку. Как же смешно она её кусала! Очень любила одуванчики, дома же кушала капусточку с морковкой.

Раньше папа с сыном думали, что черепахи по земле-матушке передвигаются медленно, но когда они её выгуливали, она так быстро двигалась, что несколько раз пряталась в траве и совсем даже не по-черепашьи ходила на своих смешных толстеньких, словно сардельки, ножках. Теперь папа Толя и сын Сергей не думают, что черепахи медленные животные. Черепаха и рыбки в аквариуме совсем не умели разговаривать

по-человечески, но они радовали глаз и поднимали настроение семьи Казаковых.

Однажды зимним утром, когда все деревья стояли в сказочном инее, папа Толя шёл с работы. Почему же он шёл с работы утром? Да потому, что он работает сторожем. Так вот, идя с работы, прямо на тропинке он увидел снежный комочек. Пригляделся и от удивления открыл рот: на обильно окутанной снегом земле замерзал котёнок. Лапки его уже примёрзли к земле, и папе Толе пришлось аккуратно, вместе с кусочками льда, куда уже успели врасти лапки, осторожно разгрести руками снег. Перед глазами сторожа встала страшная картина: ведь лапки котёнка оказались вмёрзшими в снег, от этого и образовались льдинки, которые бедняжку не пускали идти дальше.

Папа Толя вместе с приросшими к лапкам льдинками и взял котика, а он – вот озорник – вдруг вырвался из рук и побежал за своим спасителем. Шёл сторож и говорил вслух: «Вот, озорник, ступай за мной до дому, уж недалече осталось». Так и дошли они до дому. Мама Ира выносила об эту раннюю пору помойное ведро. Увидев мужа с бегущим возле него котёнком, сказала: «Кошка мне не нужна». Но котёнок оказался котом, и сынишка Сергей, смаху, пока этого несчастного, всего замёрзшего отмывали в ванне, дал ему кличку «Пахомыч». Котёнок хоть и был небольшим, быстро переловил всех мышей в доме. И строгая мама Ира, у которой эти мышки воровали крупу, была очень даже довольна и больше не ругала папу Толю. В теплом жилище, полхвоста у Пахомыча отвалилось. С собакой Вестой Пахомыч подружился, даже спал рядом с ней. О Боже! Как же радостно было на них, сладко спящих смотреть поутру. Когда же наступало пробуждение, Пахомыч всегда оставлял половину своей пайки Весте, ибо добывал мышей на улице.

Любил Пахомыч спать в головах у папы Толи, и хоть папа иногда ворчал на него, но всё одно – было необычно, а стало быть, жизнь делалась разнообразнее этими самыми момента-

ми. У Весты, когда её выгуливали, была привычка брать в рот валяющиеся повсюду пластиковые бутылки. А потом, когда приходили на заветную поляну возле больницы, где когда-то приземлялся вертолёт, она там зарывала их носом. За это папа Толя называл её ГРИНПИС.

Сотни бутылок закопаны этой собакой. И она, хоть и была простой собакой, делала этот мир чище. Когда Веста состарилась, то ночью храпела громче своих хозяев, которые посреди ночи, проснувшись от её храпа, смеялись над своей охранницей. Жить с братьями меньшими веселее: они спасают людей от тоски, и это всё есть Божие чудо.

Неугомонный Валерка

Машины разных марок стояли в ряд, и у всех этих машин был включен двигатель. Все эти иномарки, ГАЗики, «Жигули» и уже редкие «Москвичи» выстроились по одной и той же причине: родители привезли своих чадушек в детский садик. И взрослые, как и их дети, задыхаясь выхлопными газами своих же автомобилей, заходили в детсадовскую калитку.

Взрослые в такие моменты вспоминали, что в их младые годы столько машин не было. Только дети их ничего об этом не знали и, продолжая задыхаться выхлопными газами, мечтали поскорее попасть в детский сад. В помещении детского сада их, ещё заспанных, но уже надышавшихся газами, родители подводили к кабинкам, и начиналось так не нравившееся многим детям переодевание. Некоторые мамы даже ругали своих чад за медлительность, ибо опаздывали на работу.

Валерка Суслов, мальчик пяти лет, глядя на такие вот каждодневные утренние сцены, тихонько говорил своей маме Кате: «Мам, ну почему тётя Рита опять Настю ругает, что та не торопится?» Шмыгнув носом и о чём–то подумав, Валерка опять зашептал на ухо матери: «Тётя Рита до четырёх утра телевизор смотрит, вот Настя из-за этого долго заснуть и не может».

Мама Катя, улыбнувшись, тоже очень тихо сказала сыну: «Ты у меня уже такой взрослый, всё понимаешь. Вот и развесели Настю, поиграй с ней, расскажи что-нибудь интересное». И Валерка сразу погрустнел: «Думаешь, мама, я не пробовал? Я и сказки интересные ей читал. А она мне говорит, что однажды набралась смелости и сказала маме, что телевизор мешает спать».

Валерка снова замолчал, и когда все, уже давно переодевшись, зашли в группу, а воспитательница уже звала его, он всё же успел сказать: «Мама, неужели тётя Рита не понимает, что Настя ни в чём не виновата?» Мама Катя, с улыбкой глядя на махающую ей приветливо руку сына, спустилась вниз и, увидев, как Рита уже собиралась садиться в машину, окликнула её. Подойдя к ней торопливо, мама Катя поделилась с ней переживаниями своего сына. На следующий день Настя, к немалому удивлению Валерки, была весёлой и даже сама читала ему сказки.

Вскоре Валерка обратил внимание на Сашку Бутылёва, потому как Сашка, всегда весёлый, сегодня почему-то грустил. Оказалось, что у Сашки сильно заболела бабушка, которая часто пекла ему пироги с повидлом, и он теперь думал, чем бы помочь ей, чтобы она поскорее выздоровела. И Валерка предложил Сашке сочинить для его бабушки песню. Но Сашка, сколько ни пытался, не мог придумать ничего. А утром Валерка уже пел Сашке придуманную им песню:

Баба Маша, баба Маша, у тебя сварилась каша.
Напекла ты пирогов, чтобы Сашка был здоров.
Не болей ты баба Маша, у тебя есть простокваша.
Ты скорей её попей, будет сердцу веселей.
В день прекрасный поправляйся, свежих сил ты набирайся,
Чтобы вместе мы с тобой спели песню под луной.

Сашке понравилась песня, и он учил её целую неделю. А Валерка не мог понять, почему в песне он выдумал про луну, но мама Катя, помогая сыну с рифмой, сказала, что сойдёт и с

луной. На этом Валерка вроде бы успокоился.

Сашка с огромной радостью рассказывал потом Валерке, как сильно понравилась песня бабушке, и она стала выздоравливать.

Вскоре Валерка узнал, что Светка Уткина готовит поход из детского сада и уже подговорила Настю и Сашу. Валерка подошёл к Свете и спросил: «Света, ты говоришь моим друзьям, что это поход. Но это, Света, побег, вы же ни воспитателей, ни родителей не предупредили. А если вы убежите, что вы будете есть?» Светка очень любила покушать, и наверно поэтому их поход (или побег) был отложен.

Прошло два года. И Валерка, Настя, Сашка и Светка пошли в первый класс. Говорят, что Валерка и там всем помогает.

Свет Месяц в салазках

Давно это было… Свет Месяц сел в салазки и скатился с небес. А дело было в том, что погода портилась. Тёмных-претёмных туч нанесло Ветром Ветровичем тьму тьмущую.

Но пока ещё было ясное звёздное небо. Ясный Месяц успел разглядеть идущих по заснеженной дороге старика в старом зипунишке и мальчика.

Узнал Месяц, что скоро пурга приключится, об этом ему Метелица, родная сестрёнка Пурги, поведала. Стал он думать об этих несчастных путниках, ведь они в пурге-то кромешной загибнут вовсе. А дед Егор с внуком Степашкой ещё затемно по дрова наладились, и всё бы ничего, целую телегу сухих дров напилили-нарубили за день Божий, да лошадёнка их старенькая околела. Поплакали они об ней, да делать нечего – стали править путь до дому. Вот тут и застала их пурга.

Идут дедушка с мальчонкой, трясёт их от холода, дорогу, последнюю спасительницу, напрочь перемело, а у них, сердешных, и силушки не осталось. Вот тогда-то и взял Ясный Месяц салазки да спустился ближе к земле. Дед Егор со Сте-

паном враз креститься начали, когда увидали среди пурги Ясна Месяца. Вмиг вся их дорога стала видна. Стал старик благодарить месяца: «Спасибо тебе, Месяц Месович, я уж думал – загибнем мы с внучонком, как наша лошадёнка, ни зги ведь не видать, промёрзли мы шибко». Мальчик же, пока дед разговаривал с Месяцем, совсем продрог, не помогали даже подаренные ему дедом валенки. Так Ясный Месяц и довёл их до деревеньки родимой.

Выскочили родные из изб, обрадовались, что дед с мальчонкой живы, мигом в баню их повели, вениками берёзовыми лечить принялись, хворобу окаянную изгонять с нутра… С тех пор дед Егор да внук его Степан как только завидят Ясного Месяца, так тут же его поясным поклоном одаривают. Глядит на них с неба Ясный Месяц, улыбается, а у самого салазки всегда наготове стоят…

Надутик

Жил-был мальчик по прозвищу «Надутик». Назвала его так родная бабушка Елизавета Ивановна. Можно, конечно, было подумать, что прозвище было дано потому, что мальчик часто обижался на кого то. Но это было совсем не так. Просто у внучонка Елизаветы Ивановны были пухленькие щёчки. Бабушка очень любила своего внука и кормила его пирогами с картошкой, капустой, абрикосовым вареньем… Но вот беда: все мальчишки и девчонки во дворе вдруг стали называть его тоже – Надутиком.

Теперь пришла пора открыть имя мальчика с обидным прозвищем. А звали его Петей. И он сидел теперь в квартире и обиженно говорил бабушке: «Бабуля, ну зачем ты меня Надутиком прозвала, теперь меня так весь двор называет, а мне знаешь как обидно… Ты вот сама же кормишь меня своими вкусными пирогами». И, печально опустив голову, добавил: «От которых я не могу отказаться по причине их вкусности».

Елизавета Ивановна, глянув на внука, увидела, как с его глазёнок потекли слезинки. Она уже пожалела, что так прозвала дорогого внука, и прямо не знала, что ей делать. Вдруг, чему-то улыбнувшись, она напевным голосом заговорила: «Ты вот, Петя, волнуешься и даже плачешь. Прости меня, пожалуйста, внучочек мой ненаглядный, виновата я перед тобой. А знаешь, в детстве меня дразнили Волнушкой. Я ведь тоже, как и ты сейчас, сильно волновалась, и мне было очень больно от этого. Но однажды я придумала маленький спектакль. Мама сшила мне шапочку в виде гриба волнушки.

Сейчас я от старости позабыла все слова моего спектакля, но хорошо помню, что на представление пригласила весь двор. Вышла я в грибной шапке и говорю: «Я – волнушка». Все дети вокруг громко засмеялись, и мне пришлось ждать, когда ребятишки затихнут. Я опять говорю: «Я – волнушка»… Они снова минут пять хохотали, кто-то и за живот уж держался от смеха. Но мне всё же удалось проговорить первое предложение моего спектакля и я, набравшись смелости, сказала: «Я – волнушка». Но не потому что я гриб, просто я очень волнуюсь.»

После спектакля меня по-прежнему называли «волнушкой», но уже по доброму, и мне стало намного легче…

Прошло время, и в одно прекрасное утро Петя попросил бабушку, чтобы она напекла целую корзину пирогов. На вопрос бабушки: «Куда столько?» – ответил, что это пока секрет. Вскоре Елизавета Ивановна отправилась по магазинам. А когда возвращалась увидела много детей, сидящих на лавочках. Перед ними стоял её внук Петя. Бабушка, спрятавшись за акации, стала слушать, о чём говорит её внук. Петя же, затолкав внутрь пиджака футбольный мяч, сказал: «Я – Надутик». Мальчишки и девчонки тут же громко засмеялись.

Бабушка же в это время сильно переживала за внука. Когда дети перестали смеяться, Петя продолжил: «Я – Надутик. Но не потому, что я на всех обижаюсь или обманываю кого-то. Просто моя бабушка готовит очень вкусные пироги, от кото-

рых я не могу отказаться по причине их вкусности. От этого, наверное, у меня такие пухленькие щёчки».

Все дети снова весело рассмеялись. А Петя тем временем достал спрятанную под лавочкой целую корзину ещё тёплых пирогов и раздал их мальчикам и девочкам. Отведав пироги, дети наперебой закричали: «Мы бы тоже не отказались от таких пирогов по причине их вкусности». Вскоре корзина оказалась пустой и кто-то из детей, печально вздохнув, сказал: «Вот бы и завтра всем нам такую корзину с пирогами поесть».

В эту минуту показалась Елизавета Ивановна, которая несла тяжеленные сумки с продуктами. Петя, подбежав к бабулечке, схватил сумки и понёс их к лифту. А Елизавета Ивановна переведя дух, сказала: «Будут вам завтра пироги». Дети стали заказывать, кому и с какой начинкой испечь. Оказалось, что больше всего им понравились пироги с картошкой, капустой, грибами, яблоками и, конечно же, с абрикосовым вареньем.

Утром бабушка Волнушка напекла духмяных пирогов. А Надутик с радостью потащил целую корзину горячих гостинцев своим друзьям. По дороге он угостил одним пирожком соседского щенка Шарика, другим – кошку Мурку и радовался тому, что сегодня ему уже не придётся играть спектакль.

Трепыхашка

А чё, в самом деле, что у людей, что у зверей похожие моменты бывают. Назвали его так неспроста. Бывало соберутся зайцы, белочки, ёжики и говорят, как на базаре. А тут и дедушка Трепыхашка идёт и заводит своё привычное: «Чё, зверьки, всё разговоры разговариваете?» Да и вздохнёт глубоко от усталости, ведь, как правило, тащил-то он по две корзины ягод али грибов. Рыба, хворост – чего только не таскал в свой домик этот старичок. Так вот вздохнёт он глубоко и скажет: «Вот – трепыхаюсь помаленьку». Все звери враз сме-

яться начинают. С того и прозвище к нему привалило.

А зверьки уж поближе к корзине продвигаются. Ягод-то да грибов они и сами могли наесться да запасти на долгую холоднющую зиму, а вот рыбки, с которой Трепыхашка варил вкусную-превкусную уху, им бы ни в жизнь не отведать. Разводил дедушка огонь возле своего нехитрого домишки, набирал в котёл водицы ключевой, кидал туда щук, окуней, ершей, сорогу, само собой – картошку да черемшу туда клал, говоря при этом, что это «для скусу». Ели ушиное хлёбово звери да нахваливали.

А бывало, что Трепыхашка налимов на огромной сковороде жарил, делал он это так: доставал из брюха налима печень, вытапливал на сковороде, а уж после большие куски налима туда клал. Тут уж и вовсе созданное Богом вкусное ёдово получалось, а дед, помолившись, не преминет сказать, что это всё Боженька нам, грешным людям, даёт.

Жил он в старом-престаром зимовье, которое ещё в прошлом веке почему-то оставили люди. Сушил травы наипользительные: ромашку, календулу, крапиву, подорожник – много трав сушил. Как же оказался этот дедушка в тайге? Жил он со своей старухой Дарьей в городе, комнатушка была у них одна в общежитии. Померла Дарьюшка, пришли злые люди, да обманом выселили старика на улицу. Выбрав однажды из мусорного бака кусок заплесневелого хлеба, он пострадал: его сильно избили какие – то люди, по облику напоминающие его самого. Вот тогда и решил дед идти в лес, а собравшись совсем пропадать, набрёл на заброшенное давным-давно зимовье. Так и стал жить, ловить рыбу да добывать разный съестной припас.

Однажды по весне, сильно рискуя, чтобы его опять не побили, насобирал Трепыхашка из мусорных баков картофельных очисток. Ему в этот день очень повезло, ибо кто-то выбросил полмешка мелкой картошки. Хоть и добирался он с этой картошкой да очистками до ставшего для него родным зимовья две недели, но был счастлив. Теперь у Трепыхашки

был свой маленький огородик под картошку. Разработал он его на полянке с помощью выброшенной кем-то старой лопаты без черенка. Насадив черенок, говорил он этой самой лопате: «Ты старая, как и я, выбросили нас люди, но как-то трепыхаться надобно, ты уж не подведи». Топором разрубал корни, много отдыхал от неминучей устали, но драгоценный огородик был засажен мелкой картошкой и очистками.

Как же радовался он своему первому урожаю: ведь земля была девственной, и картошка у дедушки выросла крупной, даже из картофельных очисток выросла хорошая картошка. Когда наступала холодная осень, а вслед за ней зима, звери шли к Трепыхашке лечиться. А те, что не болели, всё равно шли в его давно замшелый домик, потому как Трепыхашка всех их прибаутками разными баловал да песни пел, например, вот такую: «Агу, ага, в лесу живёт баба Яга. Агу, ага, по кличке старая карга». Зверьки от смеху с полатей валятся, удержу нет в их организмах на тот момент, ибо шибко весело им становилось, даже к себе домой им идти не хотелось. Видит такое дело дед Трепыхашка да и молвит им: «Небось, не хотите домой-то по позёмке холоднющей бежать, да в сугробах огроменных утопать...» Белки, зайцы, даже вороны в один голос кричат: «Не хотим». Но всё же тайком побаиваются, вдруг дедушка их за дверь выставит. А Трепыхашка прищурит глазки и молвит таку речь: «Раз не хотите, тогда будем печь затапливать, варить чай с шиповником да мочёными ягодками лакомиться.» Радовались тогда звери, а Трепыхашка, словно чуя это, им вторил: «Я ить ишо много чего знаю, вот погодите маненько, уморили вы меня, старого. Отдохну, попью чайку да снова нову историю поведаю».

Но после чая Трепыхашка засыпал и начинал так сильно храпеть, что звери разбегались по своим домам, чтобы утром снова заявиться к весёлому деду...

Но однажды зимовьё Трепыхашки нашли злые люди, напились водки, избили старого дедушку и выгнали его из дома. А вскорости, украв все припасы, (а это были и сушёные бе-

лые грибы, солёные грузди, солёные огромные щуки и налимы, что хранились у него в выкопанной с таким трудом бедным стариком яме, ягоды клюкву и бруснику, прихватив даже картошку) – всё поукрали вороги и сожгли дом Трепыхашки. Долго искали звери Трепыхашку после этого злого побоища, но не нашли и от этого горько – прегорько плакали...

Прошло с той поры два года, звери всё так же привычно собирались на своём месте и обсуждали все лесные новости. Вдруг они увидели, как к ним приземлилась запыхавшаяся и почти выбившаяся из сил старая Ворона по кличке «Старая карга», которую дал ей потерявшийся и такой любимый дедушка. И старая-престарая Ворона, еле-еле отдышавшись, начала свой рассказ. Звери же так прониклись к ней любовью, что принесли ей, сердешной, испить водицы. И ворона каркающим своим голосом взялась оповещать звериную лесную округу:

«Долго я летела, где и не ела совсем, всяко бывало. Облетела я многие тыщи километров. И совсем отчаялась. Села на лесную опушку да от усталости-то и заснула. Сколько проспала, мне то не ведомо. Только проснулась я в избушке. Гляжу: печь гудит, тепло, а передо мной дед Трепыхашка стоит. Я взялась орать от радости, а оказалось – голос мой от долгих холодных перелётов совсем охрип. Стал лечить меня Трепыхашка травами наипользительными да баять о себе самом.

Долго он шёл по тайге дремучей, после того как злые люди избили его, шёл, да слезами утирался. Лето к тому времени уж за вторую половину перевалило. Надо было Трепыхашке выживать как-то. Хорошо ещё, что старик успел прихватить с собой топор. Тяжело ему, сердешному пришлось, надо рубить, таскать тяжеленные бревны».

Замолчала старая ворона и увидела, что звери вокруг горько плачут. Вскочил тогда заяц, названный Трепыхашкой Володькой, и кинул клич зверям: «Пойдём, братья и сёстры, к деду Трепыхашке». Вдруг заплакав, всё же нашёл в себе силы, чтобы продолжить свою речь: «Пойдём, нету силы, как хочется повидать его, сердешного».

И отправились зайцы, белки, вороны и даже ёжики в дальнюю дорогу. Чтобы ускорить путь, зайцы соорудили для ёжиков носилки и несли их на своих лапах. Много дней и ночей шла лесная делегация к любимому дедушке...

Трепыхашка так обрадовался лесным друзьям, что расплакался, как маленький ребёнок, а те облепили его, словно малые дети, и тоже почему-то плакали. Растопив в избушке печь и заварив для всех друзей любимого чаю из ягод шиповника, звери слушали такую долгожданную дедушкину историю:

«Плачь, не плачь, дорогие мои зверятушки, а избушку – то мне рубить самая что ни на есть пора приспела. Хорошо, что топор успел прихватить, когда уходил от энтих нехристей. Тяжело было мне, старику, бревны-то ворочать, шкурить. Хоть всё и рядом, а я то кто? Старик дряхлый. Таскал, таскал и только начал избушку ставить, уже два венца стояло, как вдруг, подняв одно бревно, почувствовал, что живот сильно заболел. Словом, надорвался я.

Лежу, мокну под дождём, плачу, силушки никакой нету. Достал свой нательный крестик из-под рубахи и говорю: «Вот, Господи, и смерть моя, стало быть, приспела». А он, Господь-то наш, всё про нас, грешных, знат. Гляжу – и не верю своим глазам: выходят из лесу те вороги, что тиранили меня, падают мне в ноги и прощения просят. Да что там прощения – умо-

ляют, твердят, что жизнь их в городе совсем загибла, детишки их болеют, жёны голосят от горя, да и неурожай случился. Вовсе я не хотел, чтобы так их Господь наказал, говорю им, что не злюсь на них. А оне молодые же, силы в них видимо-невидимо. Вон каку хоромину мне враз срубили. Лежу я на печи, а мужики эти мне хлёбово из жирных налимов да щук варют, хлеб белый пекут.

Не сразу, но получше мне стало, даже с печи подыматься стал. Тут мужики сказали, что им к семьям своим теперь надо, и цельных пять мешков сухарей, две большие бочки солёной рыбы, да свиную тушу солёного сала мне оставили. Кроме этого и круп – гречихи да пшена с солью. Земным поклоном мне все поклонились и уехали. Теперь летом приезжают ко мне в гости, помогают хозяйство вести. Дома у них всё хорошо стало: и жёны, и дети повыздоровели, и слава Богу».

Долго ещё лесные звери слушали рассказы дедушки Трепыхашки, и им опять не хотелось расходиться по своим домам. Лишь только громкий дедушкин храп разогнал их. Но рано утром они все как штык были подле сказочной избушки дедушки Трепыхашки. А из избушки уж вился дымок, напоминающий зверькам о том, что совсем скоро они дружно напьются чаю с шиповником.

Братчаночка

В одной, занесённой сибирскими снегами деревеньке, жила маленькая девочка, и звали её Братчаночка. Прослышали её родители, что недалеко начала строится Братская ГЭС и молодой красавец-город Братск. Вот и решили назвать свою дочь Братчаночкой. Росла девочка смирненькой, доброты необыкновенной была, завсегда так на Руси бывало и, как это принято в деревне, всех домашних животных обихаживала. И хоть их деревянный домишко почти весь замело сугробами, девочка не грустила, да и некогда в деревне грустить, там от скуки работа завсегда спасает. Пока мама доит корову, Брат-

чаночка, сенца навеки любимой Бурёнке даст, затем молочко парное по мискам любимому коту Барсику и кошке Мурке нальёт, а те, поймав мышей, которые всё грызли такую нужную в хозяйстве пшеничку, теперь заслуженно и радостно лакали это самое парное молочко. Затем Братчаночка вынесет на улицу косточки для любимого Дружка, а тот в благодарность долго-долго будет вилять своим пушистым хвостом, делая на белоснежном снегу гладкую дорожку.

Так и жила в трудах и заботах наша Братчаночка. Однажды её отец, Евсей Спиридонович, решил съездить в строящийся город Братск, да продать там картошку с мясом. С ним и напросилась его дочка, которой сильно-пресильно захотелось увидать молодой красавец-город Братск. Ехали они по заснеженной дороге, лошадёнка их всю дорогу всхрапывала, а дорога-то была неблизкою, вот и заснула Братчаночка.

Просыпается – и глазам не верит: кругом столько народу, что у неё, сердешной, аж в глазах зарябило… Никогда в жизни не видала она столько больших и маленьких человечков, и громко сказала отцу: «Тятя! Это что, сюда в город со всех деревень нашей огромной России людей согнали?». Евсей Спиридонович, услышав дочь, улыбнулся: «Да, доченька моя Братчаночка, народу и впрямь тут однако много».

Встали они на рынке и стали продавать свой урожай. Картошку и мясо молодые строители брали хорошо, потому что многие и сами были из деревень, приехали на великую стройку они издалека, но толк в настоящей деревенской еде понимали. Один такой вот молодой строитель заприметил девочку Братчаночку и сказал: «Я приглашаю вас с тятей на концерт в доме культуры. Я буду там играть на баяне». Стала просить тятю дочка, чтобы сходить на концерт, жалобно просила, потому как знала, что отец крепкого сибирского норову человек.

Евсей Спиридонович отвечал своей любимице: «Дочка, да как же мы пойдём с тобой на концерт, коли нам надобно до деревеньки своей возвращаться, ведь мы и так к утру только и возвертаемся». Братчаночка вдруг расплакалась и расстро-

енным своим голосочком прошептала тяте, потому что говорить уже не было сил: «Ведь мы и Братскую ГЭС ещё не видели, на дома большие поглядеть охота».

Сжалился отец, и поехали они на своей лошадёнке и санях на Братскую ГЭС глядеть. Такой громадины в жизни не видали Спиридон с Братчаночкой, так и стояли они, разинув рты от удивления. Вдруг откуда ни возьмись, к ним подъехал на самосвале молодой водитель, и они быстро узнали, что это был тот самый молодой строитель, который приглашал их на концерт. Звали его Володей, и он обратился к отцу: «А хотите, я вам и внутри Братскую ГЭС покажу?»

Засомневался было отец Братчаночки, а Владимир и впрямь повёл их в тело плотины. С большим любопытством смотрели тятя с дочкой на огромные генераторы и всё спрашивали у Володи, как то или иное оборудование называется. Но потом, вспомнив о своей лошадёнке и санях, которых они оставили недалеко от плотины, Евсей Спиридонович попросил молодого строителя, чтобы тот отвёл их к назад.

До вечера папа с дочкой разглядывали панельные дома, которых строилось вокруг великое множество. Ужинали же они прямо на санях, ели домашнюю колбасу, которую приготовила маманя Братчаночки. К тяте с дочкой подходили молодые строители, и многих из них они угощали колбасой. Настроение у Спиридоныча было хорошее, ведь он продал всю свою домашнюю продукцию.

Наконец, настал концерт, где выступали хоры, певцы, юмористы… На сцену вышел их знакомый строитель Владимир и стал играть на баяне. Он был лучшим баянистом на стройке, пел же он знаменитую песню «Навстречу утренней заре, по Ангаре, по Ангаре», и ему громко аплодировал весь зал. А Владимир после своего выступления вдруг обратился к народу: «У нас на концерте присутствует девочка, и зовут её Братчаночка».

Не поверили зрители, стали поворачивать свои головы, потом и вправду разглядели скромную девочку. Многие вспомнили, что эти деревенские жители угощали их нынче вкусной домашней колбасой прямо с саней, а Владимир продолжал: «Приехали они с отцом в наш Братск из деревни, продали свою, такую нужную для нас продукцию, и теперь сидят у нас здесь. Но дело в том, что они впервые в нашем молодом городе. И, может быть, они нам что-нибудь скажут о своих впечатлениях»...

Не успели тятя с дочкой опомниться, как они, подталкиваемые людьми, уже стояли на сцене. Евсей Спиридонович вконец измял от волнения свою шапку, но всё же сказал: «Я простой сибирский крестьянин, живу своим хозяйством, да вот вас строителей подкармливаю»… И тут он смутился, потому что услышал из зала весёлый смех. В эту непростую для них минуту баянист Владимир вдруг дал слово Братчаночке, и спросил, почему её так назвали. Девочка, размотав шаль (в клубе было довольно прохладно, а эта самая шаль закрывала ей рот), тихо ответила: «Я не виновата вовсе, так тятя с маманей назвали».

В зале снова весело смеялись молодые строители. Тогда Владимир обратился к Братчаночке: «Может, ты нам частушку или песенку споёшь?» И откуда явилась такая смелость, Братчаночке до сих пор неведомо. Может быть, это была боязнь опозорить свою родную, навеки милую деревню, и она запела:

«Я Братчаночкой родилась.
Тятя родный так назвал.
Вы, строители, не смейтесь,
Тут судьбы моей накал.
Я простая вот девчонка,
Вас я вовсе не боюсь.
А сейчас на этой сцене
С вами смело я побьюсь».

Тут Братчаночка замолчала, а Владимир вдруг стал отвечать на частушку:

«Ой, Братчаночка любезная, тебя мы любим все.
Ты на нас не обижайся, гонорар прими вдвойне.
Ты в своей деревне смело баньку жарко натопи.
Мы ведь здесь подмёрзли крепко, двери нам ты отвори».

И дочка сибирского крестьянина на это отвечала:

«Приезжайте все в деревню, дам работу всем я вам.
На обед похлёбку с мясом я вам весело подам.
В бане тятя вас напарит, бражным квасом угостит.
Только пьющих не люблю я, но душа за всё простит».

Дело происходило перед Новым годом, и молодые строители пригласили их на праздник. Посопротивлялся было отец, да вдруг и дал своё согласие. Обрядили Володю и Братчаночку в Деда Мороза и Снегурочку, и весь новогодний вечер они радовали братчан песнями и частушками. Володя, уже влюбившись в Братчаночку пел:

«Жена купила мне платок,
И вот пошли мы на каток.
А там напялили коньки.
И вот стоим как дураки.
А все катаются вперёд, назад,
А я был этому совсем не рад.
А все катаются вперёд, назад,
А я был этому совсем не рад.
А вот едет пионер, за пионером инженер,

За инженером тракторист,
За трактористом машинист.
А все катаются вперёд назад,
А я был этому совсем не рад,
А все катаются вперёд, назад,
А я был этому совсем не рад.
Жена кричит: «ой, упаду»,
И растянулася на льду, а я,
По собственной вине,
Лежу на собственной жене.
Профессор в шубе на меху,
И три студента на горбу,
И эта куча вся на мне,
А я на собственной жене.
А все катаются вперёд назад,
А я был этому совсем не рад,
А все катаются вперёд назад,
А я был этому совсем не рад».

Долго после молодые строители вспоминали Братчаночку с её скромным отцом. Прошло несколько лет, и баянист Владимир заслал сватов к Братчаночке, да сказывают о том, что на их свадьбе народу было столько, что яблоку некуда было упасть. Сказывают и о том, что пошли у них детишки.

Много-премного появилось маленьких человечков в молодом красавце-городе Братске, ведь строители были все молодые. А Братчаночка, хоть и жила теперь в городе, всегда приезжала к тяте с маманей в гости. И милая сердцу деревенька встречала детишек Братчаночки замечательной погодой и домашним деревенским молочком.

Таких историй по нашей стране было, наверное, много, но истинным дивом остаётся то, что наша Россия, слава Богу, жива…

Деревня Утка

Маленьким был совсем, но хорошо помню, что в детском кинотеатре «Октябрь» билет в кино на утренний сеанс стоил десять копеек. Родители наши на завод, а мы пустые бутылки собирать. Сдавали их – да в кино. Каждый детский фильм, шедший в этом кинотеатре в течение одной или даже двух недель, мы смотрели по несколько раз. Фильм-сказку «Руслан и Людмила», и это я совершено хорошо помню, посмотрел я десять раз.

Широкий экран, воистину замечательные фильмы действительно завораживали наши детские души. И я не помню, чтобы зрительный зал не был наполнен людьми. Всегда большие очереди за билетами, после покупки билета такая необходимая и желанная газировка с булочкой. И вот ты идёшь вместе с потоком людей в зрительный зал и предвкушаешь, что через несколько минут погаснет свет, и ты окажешься в волшебном царстве кино. Все предыдущие и будущие стычки с мальчишками уходят для всех на второй план. И даже если тебя побьют, но в эти полтора часа ты свободен от всего этого, и всё это называется лекарством от тоски.

Однажды у нас с другом было всего десять копеек, и мне никогда не забыть, как продавец билетов провела нас в уже тёмный зал и сказала, чтобы я сидел на коленях у друга, старшего меня на год. С детства мне очень понравился фильм про Шишка. Жил в деревне домовой, а когда в гости к бабушке приехала внучка, он с ней и познакомился. Шишка играл Ролан Антонович Быков. С той поры прошло много лет, и я, сорокавосьмилетний мужик, набираю в поисковике именно эти слова: «фильм про Шишка». Высветилось название фильма – «Деревня Утка». С замиранием сердца включаю просмотр и с первых минут узнаю любимый фильм.

Теперь, когда сам пишу о деревне, мысленно радуюсь, что вспомнил именно этот фильм. В нём, помимо замечательной

детской истории, показана и особость русской деревни, её кондовость. Взять, к примеру, начало фильма. Сидит бабушка, и на кустарно сделанной машине прядёт нити. Та самая бабушка, у которой в доме живёт Шишок. Далее он знакомится с внучкой бабушки. Фильм рассказать, конечно, можно, но лучше всего его посмотреть. И всё же остановлюсь ещё на одном моменте.

Когда Шишок попадает в город, то встречается с профессором. Тот спрашивает: «Кто ты?» Ответ: «Шишок». Профессор смотрит в словарь и говорит ему, что такого слова нет, а есть слово «шиш». И это означает, что его, шишка, нет. На что шишок говорит: «Как же меня нет, если я перед тобой сижу». И вдруг встаёт и запевает старинную русскую песню. Профессор стал ему подпевать, и пропели они до утра.

Шишок, погостив у внучки в городе, возвращается в деревню. Бабушка с дороги напоила его чаем с брусничным вареньем, которое он очень любил. А он у неё нож стащил. Это он проделывал регулярно, лишь однажды, когда бабушка собралась переезжать к детям в город, домовой расчувствовался и отдал ей все ножи, которые воровал на протяжении многих лет. Даже прадедушкин нож у него имелся. И, конечно же, потрясает до глубины души игра Ролана Антоновича Быкова.

В том, что я сейчас написал, нет ничего нового. Этот замечательный детский фильм был очень известен в своё время. Просто захотелось напомнить о нем. И душа моя очень бы обрадовалась, если б хоть один человек набрал в поисковике слова «Деревня Утка» и окунулся в этот удивительный мир...

Наши памятные песни

Каким-то чудом на работе сохранилась радиоточка. В обеденный перерыв слушаю концерт по заявкам радиослушателей. Надо сказать, что работники Иркутского радио действительно, как говорится, на своём месте. Особенно всегда жду, когда в радиоэфире появляется ведущая Татьяна Сазонова. В её добром голосе, полном неиссякаемой любви к народной русской песне и великому русскому языку, явственно слышится старинное деревенское «наше всё», чем теплится душа.

В этот раз по заказу радиослушателей звучала песня «Деревня моя, деревянная, дальняя». Наверное, сотни раз за свою жизнь я слышал эту родную песню, и каждый раз вспоминал при этом своё село Леметь… Как высыпал весь деревенский люд – от мала до велика – выкапывать картошку. В ту пору, почитай, в каждом дому большие семьи были – со стариками жили и среднее поколение, и «младое племя». В нашей Лемети у всех были огороды «под картошку» – это понятно, но были ещё и усады с прирезками, и, все до одного, они тоже были засажены «земляным яблоком», без которого и обед не обед. А у каждого ещё и скотины полно, и эта самая картошка крепко всех выручала.

Соседями нашими по усаду были Кувановы – на деревне многие носили эту фамилию. Помнится: я, пацанёнок, набрал жирных дождевых червяков и играю с ними. Сидит рядом наш сосед по прозвищу «дядя Вятёлка», улыбается лукаво да говорит: «Вот, Натолий, етиттвою...» – и все смеются.

По утрам я любил выходить на крыльцо и по-петушиному петь. Заслышав такое пение, – а наши дома стояли супротив, – дядя со смешным прозвищем выходил на своё крыльцо, грелся в утренних лучах, и в который раз повторял свою хлёсткую поговорку, так укрепившуюся в нашем народе.

Пока звучала песня, всплыл в памяти и этот краткий миг из деревенской жизни, и подумалось вдруг, что никакие аме-

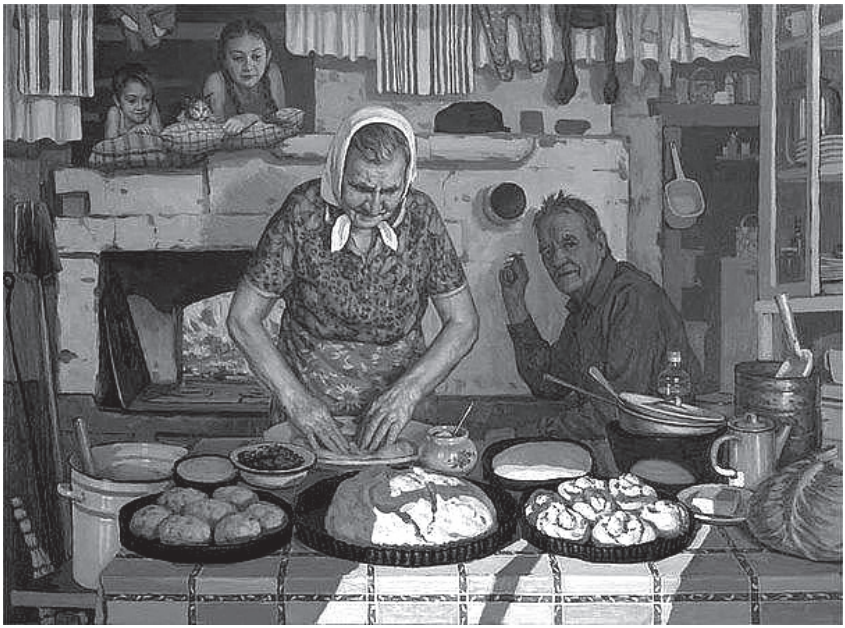
риканские санкции нам тогда не были страшны, потому как, помимо сильной армии, было своё мощное сельское хозяйство... Нынче люди наши очень уж приноровились в кредит иномарки приобретать. И где бы мне ни доводилось бывать, везде виделось одно и то же: из этих модных авто по всей матушке Руси орёт из колонок иностранная музыка. А порой и наша, зачастую безнравственная, нынешняя песня. Не поворачивается язык называть это песней, ибо, что такое настоящая песня, доподлинно знает русский человек.

Когда выступаю в школах, говорю детям, что за рубежом всегда восхищались и восхищаются по сей день голосами Елены Образцовой и Дмитрия Хворостовского. До сих пор во всём мире признаётся непревзойдённой по своему певческому таланту великая русская певица Людмила Георгиевна Зыкина. И с горечью вижу, что даже старшеклассники ничего об этом не знают, но, слава Богу, удивляются и, хочу верить, радуются этому.

Захожу в местную забегаловку и, заказав обед, обращаю внимание на музыкальный автомат. Вижу – подходят молодые люди, бросают в отверстие десять рублей и слушают свой «заказ». Пока ел, прозвучало три песни: одна – о бандитах, вторая и третья – иностранные. Не выдержал, подхожу к автомату, прошу девушку, чтобы помогла отыскать группу «Любэ». Наконец, находим и, поблагодарив девушку, бросаю монетку. Зазвучала песня «Заря», которую Николай Расторгуев исполняет вместе с Сергеем Безруковым и Дмитрием Дюжевым. Смотрю – несколько пар поднялись, стали танцевать и петь эту песню. Когда же она закончилась, какой-то парень подошёл к автомату и заказал песню «Ты неси меня, река».

Настроение немного «пошло в гору» от мысли, что, может быть, однажды из проезжающего мимо автомобиля услышу не безликую иностранщину, а великую русскую певицу Людмилу Георгиевну Зыкину, и ту вечную песню «Течёт река Волга». Наивный я человек...

Бабушка Таня



Пожалуй, нисколько не удивишь этим рассказом читателя. В обыденной жизни таких историй происходит очень много. Но рассказы пишутся, потому что есть что-то у тебя внутри, и не написать об этом ты просто не можешь. И, заранее готовясь к тому, что разные будут толки, я всё-таки начну…

Бабушке Тане было 43 года. Совсем молодая бабушка. Внуки её очень любили, да и как не любить? Зашел я к ней в сторожевой дом, чтобы позвонить домой и узнать, как здоровье сына. Уходя на работу, пощупал его лобик и понял, что он

крепко заболел. Жена ответила на звонок, успокоила, что ему стало полегче, и на душе немного отлегло.

У бабушки Тани тоже было горе: внуку Руслану упала на живот тарелка с горячей лапшой «Ролтон». Бабушка очень переживала. «Что ж эти молодые, совсем за детьми не глядят», – сокрушалась. Я попытался её успокоить. Не знаю, почему, может, настроение у неё такое было, или ещё что… Но она рассказала мне один случай, потому и пишу этот рассказ.

Жили они в восьмиквартирном доме. Соседи были хорошие, вспоминает баба Таня. В основном, пожилые, у всех за плечами нелёгкая, но по-настоящему интересная судьба. Постепенно старики уходили из жизни и вселялись в дом разные другие жильцы. Однажды к соседке сынок Паша вернулся. Он отбывал срок в тюрьме. С этого дня спокойная жизнь в доме окончилась. Пашка стал торговать наркотиками, появились у него торговые «точки». Жильцы обратились в милицию. Но худо от этого стало только им самим. Пожаловали «гости», кого напугали до смерти, кого избили. Все узнали, что и милиция с Пашкой заодно.

А однажды – то был уже «высший пилотаж» – Пашка подошел к старичкам, что сидели на лавочке, достал магнитофончик, включил, и все узнали записанные на нём их жалобы в милицию. Стоял и ухмылялся:

Купил Паша себе иномарку, а ночью кто-то её поджёг. Машина стояла рядом с домом, дом-то деревянный, так муж бабы Тани, Володя, выскочив из дома, накинул на машину новое своё одеяло. Пожар потушил, машина почти не пострадала. Только Паша ему и спасибо не сказал.

Как-то нанял Паша бригаду мастеров евроремонт в квартире делать, и привёл к бабе Тане свою пьяную мать: дескать, чтоб там не мешалась, пусть побудет. Баба Таня – женщина добрая, ей бы выгнать таких гостей, а она усадила соседку за стол. Та потребовала выпивки и сигарет. Пожалев о том, что пустила её в дом, баба Таня направилась в их квартиру за сигаретами, оставив соседку одну. Была ещё в доме любимая

овчарка Джек. Возвратившись, баба Таня обмерла: пьяная соседка по-дикому орала нечеловеческим голосом. У неё был откушен нос.

Джек был умной собакой и весь двор его любил. Но непрошеная гостья возомнила о себе невесть что, пнула грубо чужую собаку. Нос соседке пришили, да криво. Паша подал в суд на бабу Таню. Любимую собаку пришлось пристрелить и выплатить 30 тысяч за нанесённый ущерб здоровью соседки. Паша грозил, что будут платить 100 тысяч, но суд присудил 30. Мать торговца наркотиками всё ходила и грозила смертью всему роду бабы Тани. Но вскоре сама ушла на тот свет, отравившись спиртным.

– Господи, как же трудно жить, когда в мире нет справедливости, – говорит баба Таня. – А Паша купил «всем назло» новую иномарку.

Баба Таня замолчала, было видно, что, вспоминая, она переживает минувшее. Хотя, что это я, это же и есть настоящее. А вспоминать надо бы только об ином, хорошем. И мы с бабой Таней вспомнили, что зарплата у всех была, её не задерживали, квартиры давали и, как оказалось, общий любимый фильм был – «Весна на Заречной улице»…

Выйдя от бабы Тани, подумал: а ведь я моложе её всего на два года, только что пока не дед, сыновья подрастут, дай Бог, ещё стану и дедом. Сколько всего отвратительного в нашей жизни! Жаль бабу Таню, что получает за труд всего две тысячи, не более, да ещё помогает своим внукам. Дочери полгода как зарплату задерживают, зять не работает, пьёт, да ещё фортели выкидывает. К примеру, телевизор с балкона выбросил.

Хорошо ещё, что дед Володя – плотник и работает до сих пор. Вот и тянут бабка с дедом дочку, зятя и двух внуков. Что ж, это в России в порядке вещей.

Но что бы ни было там, впереди, я желаю тебе, баба Таня, чтобы всё было хорошо. Я пишу эти строки, а на бумагу капают слезы...

Накопитель добра

Всегда, как только заканчивается репетиция нашего хора, Марию Романовну ждёт Александр Петрович. Нашли они друг друга, когда уже давно переженили своих родных детей, у которых уж выросли их внуки, а так как жизнь, слава Богу, продолжается, то внуки одарили по Божией воле их, сердешных, правнуками. Марья Романовна похоронила мужа, Александр Петрович – жену. И хоть дети у обоих были, слава Богу, хорошие, но ведь у всех своя жизнь, потому-то и давило их одиночество.

Страшное это слово – одиночество. И даже когда у тебя всё хорошо: есть семья, дети, всё одно неумолимо горестно видеть одиноких людей... Кто-то идёт, сгорбившись от старости, каждый день в магазин за хлебом и молоком, а кто уж не может идти и просит либо детей, либо друзей, знакомых, чтобы сходили за продуктами. Тут главное – какой дух в человеке: если скорбный – то это самое худое, а ежели трепыхаешься, несмотря ни на что, то вот и гоже, вот и слава Богу.

Как-то Великий русский писатель Виктор Петрович Астафьев спросил у старухи, идущей по деревне: «Ну, как жизнь?» Бабушка ответила: «Дак что ж, родимец, лишь бы хлебушко в магазине был». Вот каков наш сердобольный народ, переживший самую страшную Великую Отечественную войну, и сохранивший такую нравственную глубину, что когда думаешь об этом то просто очень, очень, очень любишь свой сердобольный народ…

Познакомившись с ними в далеко не молодые годы, я с удовольствием наблюдал, как Александр Петрович, едва завидев Марью Романовну, тут же с улыбкой подбегал к ней и спрашивал: «Ну что, закончилась репетиция?», и они, взявшись под ручки, шли к автобусной остановке. Когда же ездили на концерты, то место для Александра Петровича всегда находилось, ибо послевоенное поколение, как никто другой, знает

цену словам: « В тесноте да не в обиде».

Садились они всегда рядышком и, не замечая лет, не могли надышаться друг на друга. В одной из таких поездок Александр Петрович рассказывал мне: «Вот, Толик, тятя у меня был шибко строгий. После войны время голодное, а отец табак выращивал да продавал. Ну я, малец совсем, возьми и стащи у него, покурить стало быть, взрослым себя почувствовать захотел. Папа, помню, выпорол меня крепко, карманы мои матери велел зашить. Назвал меня вором, говорил, что, мол, в какую годину живём: картошка в редкую радость, а ты воруешь…

Мама карманы мне и вправду зашила. Ох, и стыд меня тогда взял, прямо возненавидел я себя, с тех пор не курю. Тятя то, когда я с армии пришёл, предлагал покурить. Я ему говорю: нет тять, мол, в детстве накурился… Улыбался отец тогда».

Я уже чуял нутром, что надо бы наведаться к этим людям, да всё суета жизненная одолевала. А тут у Коли Полехина мама померла, хоронить не на что… Бедно они жили в однокомнатной квартире. Я стал ходить по домам, собирать деньги на похороны, и вот тогда и забрёл к моим добрым знакомым. Марья Романовна, как узнала о смерти Колиной мамы, сразу вытащила тысячу и отдала мне: «Толик, я ведь всех троих детей её знаю, я ж врач, вот и лечила их».

Не успел я опомниться, а они уж меня за стол усадили, накормили. Так уж устроена моя жизнь, что довелось мне на моём веку действительно много общаться и дружить со стариками, а это такой душевный накопитель добра, что покуда жить буду, не забыть мне той изящной простоты послевоенного поколения… Для меня они попросту святые.

Взяв диктофон, сажусь с Александром Петровичем Соболевым на стулья и слушаю его рассказ: «Родился он в 1940 году в Забайкалье, Кыринский район, Читинская область. Маму звали Анной Степановной (девичья фамилия – Никитина), родом она с Украины, а отец – с Воронежа. Тогда же

ездили везде, вот и повстречались. Детство прошло в посёлке Хапчеранга. Затем переехали в деревню Михаил – Павловск. Были там два брата-богача – Михаил и Павел. Дед мне рассказывал, что когда к власти пришли коммунисты, братья эти жили рядышком друг с другом, у каждого в дому было по своему колодцу, всё было загорожено частоколом, аккуратно. Монголия была совсем рядышком, и братья эти ездили туда, покупали шелка.

Дед Филимон рассказывал, что никого эти братья не обижали, наоборот – для своих деревенских всю дорогу подарки из Монголии да Китая возили, там и тунгусы жили. Вот сколько у каждого деревенского детей в семье есть, именно для каждого и подарок привезут. Были они добрыми православными купцами и, видно по всему, в благодарность им и названа была деревня их именами.

Была и церковь на деревне, но после всё было разрушено новыми властями, всё пошло в нищету. Отца звали Соболев Пётр Иванович, был он середняк, мама же была богатою и говорила тяте, что если бы не болезнь – куриная слепота, то за него замуж бы не вышла... Я, когда подрос, помню, говорил в таких случаях маме: «Ну, зачем ты так отцу выговариваешь?»

Так вот, время на Украине было неспокойное, и отец в 1931 году перевозит семью в Читинскую область. Восемь братьев народили мои родители на Божий свет: Юру, Ивана, Николая, Виктора, Александра, Валентина, Пётра, Владимира. После войны отец долго лежал в госпитале, и когда в вагонах-телятниках возвращался домой, то бойцы, узнав, что у него пятеро сыновей, надавали ему мешки разной одёжи, а ещё троих братьев тятя уж после войны заделал. Пока отец воевал, мама всё, что было ценного в доме, продала… Так выживали многие, а у кого нечего было продать, тогда совсем беда: умирали с голода. Отец вернулся в звании старшины, медалями мы его всё игрались.

После папа пять домов сыновьям на деревне построил, люди это место звали – улица Соболевых. Брёвна на строи-

тельство домов возили на колхозных быках, брёвна эти помню – здоровенные, кондовые, то бишь, старинные, крепость была в них великая. Мой тятя, Пётр Иванович прожил восемьдесят шесть лет, мама – девяносто один…

Шло время, я вырос, и мне предложили выучиться на ветврача, благо курсы были организованы прямо в деревне. Учился полтора года, знали мы уже пятисложные таблеточки, умели жгуты налаживать, действовал тогда пенициллин, он почти от всего был. Надо было и в ушко научиться ставить укол, в обчем, спасали от смерти скотину. Сычёв Павел Иванович был фронтовиком, слыл человеком очень доброжелательным, вот он нас и обучал.

Смешно сейчас вспоминать, но приходилось делать кастрацию свиньям, ведь без этого в скотном деле никуда. Здесь стоит ещё сказать об одной моей неудобной особенности: был я левшой, родился таким. А учитель Илья Тимофеевич, как увидит, что я пишу левой рукой, так и хлестнёт меня указкой, штук пять об меня поломал он их. Прошли годы, и я как-то спросил у учителя: «Илья Тимофеевич, почему же вы мне руку левую привязывали, не давали ей писать?» Ответил так: «Саша, мил добрый человек, ты думаешь, мне не жалко тебя было? Ещё как жаль, но был такой приказ - писать только правой рукой».

Моя вот внучка Алеся тоже левша, но её, слава Богу, уж никто не гонял за это, институт уж закончила. Председателем колхоза был тогда Михаил Андреевич Тыртышный, вызвал он меня к себе и говорит: «Раз выучили тебя, иди спасай на телятник коров и телят, большой у нас падёж скота». Прихожу, вижу – там в углу корова сдыхает, а ей сено зелёное положили. Подозвал девчонок, говорю: «Вы зачем ей сено положили, видите же – она сдыхает, её просто надо добить и мясо на склады сдать…»

Председатель рядом стоял, помню, похвалил меня, хозяйственником назвал. Когда из армии пришёл, меня снова рекомендовали на ферму. Служил в Борзе десантником, вернулся,

а мне тут же предложили возглавить ферму в сто восемьдесят голов. Ферма моя называлась «Застава», ведь стояла она на границе, я и в отчётах так писал. Построили мне летний сарай, кругом сквозняки, а коров аж сто семьдесят голов, вижу – тесно им, бедненьким.

Пошёл к председателю говорю: «Если хотите хороший надой, то надо строить тёплый сарай, а ныне получаем всего флягу молока, они ж простуженные все. Получается – каждая корова меньше литра молока даёт».

Приехали плотники, построили тёплый сарай, а я попросил сделать ещё такой загончик, чтобы корова не по улице шла на дойку, а была в тепле. Дело было при Хрущёве, пошли у нас высокие надои, а я – бригадир. Дали мне премию в виде мотоцикла ИЖ – 56. Хороший мотоцикл, я даже копны сена на нём возил.

Возили нас в Шилку, помнишь песню-то: «Шилка и Нерчинск не страшны теперь, горная стража меня не поймала». Для обмена опытом нас привезли, глянул – у них быки племенные, вымени у коров огромные, а, стало быть, и надои. Поменяли мы своё монгольское стадо, стали выращивать уже новый купленный молодняк. За пять лет мы вытянули всё хозяйство, были закуплены племенные быки, коровы. Понял я просто, что с монгольской породы толку не будет, ну и давил на председателя. Сейчас как-то не ловко вспоминать, но был я и осименатором, а как дело было: брали у племенного быка семя, замораживали его, потом отогревали, и с помощью шприца, стало быть, осеменяли коров. Другого выхода не было, надо было наращивать стадо.

Было и такое: ставили прививки от ящура, а у одного быка уж и пена со рта пошла... Ну, я перепугался конечно, а оказалось – он костью подавился. Я ему, помню, сказал: «Ну и гад же ты паршивый, перепугал до смерти»… Животные ведь тоже шибко сильно болеют. Вот у нас, к примеру, нормальная температура – тридцать шесть и шесть, а у животных – тридцать девять. И главное дело, это не то, что человеку под

мышки надо градусники ставить, корове-то надо в задницу вставить и держать на вязочке, чтобы, если взбрыкнёт, то не разбился бы. Уколы же в шерсть колоть ни в коем случае нельзя, (можно занести инфекцию), а только аккуратно в ушко, и чтобы не завоздушенный был шприц.

И стали у меня коровушки мои здоровёхонькими. На ферму идёшь и радуешься: по целой бортовой машине молока возили за раз. На выставки ездили, ибо передовиками стали, до самой Первопрестольной возили нас, даже на самолётах. Дояркам медали давали. Только наша ферма, считай, три раза ездила в Москву. На ту пору в Читинской области было наимощнейшее сельское хозяйство. Помню, один пастух пас тысячу овец, и ведь это было повсеместно. Помню, комбайны все выкрашенные стоят, аккуратненькие. Когда я в Братск приехал на жительство, мне всегда деревня снилась, много раз порывался вернуться. Дом у меня в деревне остался, кур велел раздать людям. Я каждый год в деревню ездил, и в семьдесят шестом году, когда я гостил у братьев, загорелась ферма, я к ней подбегаю, к бывшей родной ферме, а телята закрытые стоят. Доярки растерялись, стоят, охают… Открыл я телятник, стал выгонять телят, и вот - надо же такому случиться: когда последнего телёночка выгнал, крыша тут же и рухнула! Меня доярки принялись водой из вёдер отливать, после уж и коров так же спасали. Сейчас там всё развалено, очень жаль, что до этого дошло, мы действительно умели работать».

Александр Петрович замолчал, в его взгляде явно читалось недоумение, почему всё так случилось… Мои же мысли были теперь только об Александре Петровиче: сколько по нашей Родине было таких вот Александров, воистину кормящих свою страну, не надеявшихся на Запад, а только на свои силы. Боль Александра Петровича ясна и понятна, и помоги Господи осмыслить эту трагедию нынешнему поколению, и возродить сельское хозяйство нашей Отчизны.

Да, может я, несколько пафосно пишу, но ведь если так случится, то будут рады все наши старики, и с этим не по-

споришь… И хоть мой замечательный собеседник уже хотел закончить разговор, мне слава Богу, удалось его продолжить. Александр Петрович, вздохнув, начал потихоньку разговариваться:

«Ну, что ж, Толян, слушай… Женился я ещё до армии, звали её Валентиной, жили, как говорится, рука об руку, троих ребятишек народили на Божий свет. В сорок один год жена померла, вот я и ростил детей своих один. Вообще в Братск я приехал, когда было мне двадцать семь лет, брат Петя переманил. Понимаешь, какое дело: скучно ему без меня было. Галя, Таня и Лена зовут моих дочерей, они все в деревне родились, на молочке, как говорится, росли. Нынче от Татьяны трое внуков и внучек, у Гали одна, у Лены двое. Помню, когда в Братск приехал в 1974 году, жили по первости в бараках в Осиновке, работал на лесовозе. Да поначалу прописки не было, я было собрался обратно в деревню ехать, расстроился конечно, а дядя Ваня Романенко говорит: «Что ты семью туда-сюда теребишь, так всё размотаешь», и помог мне устроиться на работу.

Помню, жила с нами в бараках тётя Мотя, так она, зная, что у меня трое детей, перед нашим приездом в барак даже комнату нам побелила! Вот какие люди были, аж оторопь берёт. Устроился я в Киевский леспромхоз, директором которого был Бортников, его там в шутку звали Борманом почему-то. А у меня и водительские права были, и на трактор выучился, так что взяли меня с руками, ногами, прописка же была в Кобляково. И на будке рабочих возил.

Помню, часов в пять утра натопишь буржуйку, а уж потом за работягами едешь, чтоб, стало быть, тепло им, сердешным, было. На пару с Васей Тирских и работали. Потом с Киева пришло два автобуса, и дали мне новенький автобус. Жена Валя работала на Осиновском ДОКе, но в 1982 году умирает моя Валечка. Она в котельную перешла работать, а там температуры высокие, вот это и повлияло: утром заболела, вечером померла.

Мужики обычно запивают при таком вот случае, и меня напрямую спрашивали, как, мол, ты один это всё терпишь, дочки-то мои все школьницы… А я возьму с собой младшенькую Леночку, постелю ей матрасик, и она со мною весь день на автобусе. Она по сей день вспоминает: «Как это, папка, ты с нами справлялся?» А куда денешься, говорю, мне ж никто ниоткуда рубль не даст. Дочку Таню, помню, на самолёт в Иркутск провожал, училась она там, а гроза разразилась страшная, ну, я молиться стал, я ведь православной веры. Позвонила дочка, сообщила, что долетела нормально, но вот экзамены не сдала. А я не поверил, они ж у меня все на пять с плюсом учились.

Посылаю дочку Галю туда, и говорю, всё, мол, выясни. Старшая дочь приехала, дошла до директора, говорит ему: «Папка нас троих один ростил, не верит он, что его дочь не сдала экзамен». Оказалось, набрала она девять баллов, «на отлично». Просто хотели там какую-то «свою» пристроить. Вот так и выучилась моя дочка на бухгалтера.

Потом устроился я в «Электросетьстрой», начальником там был А. А. Карчебный, хороший был человек, храм наш Правобережный помогал строить.

Пошёл я бригадиром слесарей, а возле плотины то, помнишь – бараки стояли, там заключенные жили, в простонародье – «химики», вольнопоселенцы под надзором милиции. Вот таких ухарей привозили мне двадцать человек в дневную смену. Когда Валя моя померла, они ей крест узорчатый сковали, я не просил, они это по своей инициативе сделали...

Прошло некоторое время с похорон, я сам не свой живу… Однажды один «химик» у меня отпросился на час, оказалось – он женщину убил, вот какой грех на мне. Поймали его, конечно, но от этого не стало легче. Никто не знал, что может случиться, вроде мужики как мужики казались… Трудно говорить об этом».

Александр Петрович замолчал, было видно, как нелегко даётся ему это воспоминание… Кто он? Деревенский мужик,

с людьми хорошими по жизни везло, а тут на его голову преступников свалили. Так что не торопись осуждать, дорогой читатель, не торопись… Помню, работал я после армии на заводе отопительного оборудования сварщиком, и меня на Комбинат железобетонных изделий на два месяца в командировку послали. В сущности, работа знакомая: прихватывай арматуру – и вся недолга. Работал я в вагончике с двумя такими вот «химиками». Они чифир пили, а после, подзарядившись, так работали, что я за ними не поспевал. Говорят – чифирни и ты. Выпил я этого горького настоя, думал – и сердце то не выдержит, а они улыбаются. Так вот один такой, пока сидел на поселении, женился, и ребёнок у него был. Ему деньги для ребёнка понадобились, уж не помню точно для чего. Говорит, займи мне денег, я и занял четыреста рублей, без всякой расписки. Что такое четыреста рублей в Советское время – это огромная сумма.

Я, наивный, обо всём матери сказал, а она тоже на Комбинате работала, знала эту публику… Ох, и ругала меня моя маманя! Но через месяц деньги мне, он со своей дочкой привёз прямо домой, «спасибо» сказал. Сначала я и вправду с опаской с ними работал, но был молод, открыт нараспашку. Они же – народ, битый жизнью, но ко мне относились хорошо. Другой работавший со мной «химик» купил старые «жигули», как он это смог сделать – мне неведомо. Похвастал отцу своему, живущему в Братске. Тот говорит: «Дай, сын, прокатиться», – да и перевернул машину. Машину эту мигом починил. Он мастеровой был мужик. Сам мускулистый, гири подымал, а астмой страдал. Всё, помню, переживал за друга, которого убили. Так вот, в этом вагончике эти два химика баню соорудили и парились. Думая обо всём этом, понимаю, что народ наш русский всякого хлебнул, но осуждать кого-то – Боже упаси…

Меж тем, попили мы с Александром Петровичем чайку, и разговор о жизни продолжился: «Уж позже была у меня на пятом микрорайоне дача, собачка Альфа. Подходим мы, зна-

чит, к даче, а она вдруг накинулась на небольшого воронёнка и вырвала у него из хвоста перо. Говорю ей, что на первый раз я тебя прощаю, но чтобы этого больше не повторялось. И ведь прикормил я его, этого воронёнка. У меня лиственница на огороде была, так он, бывало, прилетит на неё, каркает, я ему и говорю: « Ну что, Гошенька, прилетел?». А он нисколько меня не боялся, прям с рук ел, так вот и вырос он, а потом гляжу – вдвоём с вороной прилетел… Ну, говорю ему, что, мол, Гошенька – женился?

Собака моя Альфа, после того, как я ей замечание сделал, больше его не трогала. Так вот, когда Гоша с женою прилетел, это уж он со мной прощался… Долго кружил над моей дачей и больше не вернулся. Вот сейчас мы с Марией Романовной сошлись, живём в пятиэтажном доме, как-то гляжу – на столбу воронёнок сидит, ну, думаю, это Гоши моего ребёночек, нарезал колбаски и вынес ему, и тоже Гошенькой назвал, а он с руки у меня ел. Он ни кошек ни собак не боится. Я вижу, когда он прилетает, открываю балкон, и говорю ему: «Ну что, Гошенька, прилетел мой ты хороший? Вот и Маша не даст соврать. А соседи то тоже ведь на балконы выходят, и по первости недоумевали: кого, мол, это он зовёт, ведь никого же нету… Гоша сидит на столбе и уж знает, что я колбаски ему нарезаю.

Однажды вот какой случай вышел. Пригласил меня мой знакомый съездить на Шаманку по грибы. Пошли мы в магазин, купили колбасы в дорогу, идём к подъезду моему, гляжу – Гошенька мой на меня летит и «кыр – кыр – кыр» кричит. Столб-то, где я его кормил, с другой стороны дома находился. Откуда же он подъезд мой узнал, думаю. А ворон меня в подъезд не пускает, кидается, на меня, крыльями машет. Я ему говорю: «Гошенька, что с тобой?!» Прям на улице отрезаю ему этой колбасы, даю, а он не ест. И ведь я этой колбасой после сильно отравился, несколько дней болел, думал – помру… А Марья моя Романовна, полстакана водки мне налила и чайную ложку соли туда размешала. Выпил я это дело, и

всё как-то сразу прошло. Умнее нас птицы эти, вот какая штука понимаешь. Не догадался я, что Гоша меня предупреждал. Года три я его уже кормлю, это дело голуби прознали, теперь и их, стало быть, кормлю.

Не выдержала такого разговора до этого молчавшая Мария Романовна Ермакова (девичья фамилия Седых): «Я, Толик, таким рецептом многих спасала. Поехала я к сыну в армию, в дороге одна женщина в ресторане отравилась, я ей водки с солью, а она ни в какую, непьющая была совсем, а я ж врач, вижу – очень ей худо. Так я силком зажала ей нос, чтоб запаха не чуяла, и залила в рот. К вечеру одыбала эта женщина, прям даже забегала. Папа мой на фронте погиб.

Я в 1963 году в Братск приехала, а родилась в 1942 году в Кемеровской области в городе Тайга. Работала портнихой, зав. клубом художественной самодеятельности. Тётка сказала – приезжайте, вот и приехали. Мой муж Илюша плотником работал, рамщиком на ДОКе, дочку и сына мы с ним на Божий свет народили. Я пошла вагоны грузить на ДОК, но всю жизнь мечтала быть медиком. Меня ещё бабушка учила народными средствами людей лечить, я ещё молодой девчушкой банки на живот ставила, от надсады так деревенских спасала, даже болезнь «рожа» лечила. А тут на медкомиссии гляжу – девочки бегают, спрашиваю, вы чего, мол, суетитесь так, а они говорят: на фельдшеров комиссию проходим… Я с ними прошла эту комиссию и выучилась на фельдшера. Приходит главный врач Сергей Иннокентиевич и спрашивает: «Кто пойдет в хирургию работать?» Мы с девчатами кричим что, мол, боимся. А я старостой была, шустрая, он мне: «Ты пойдешь, только ты не побоишься! Завтра в четыре ко мне, а в пять на работу»… Я ахнула от неожиданности, и в нашу четырёхэтажную больницу пошла работать. Там показали мне, как в вену уколы ставить. А я ж молодая, говорю старшим: «Вы мне приводите мужиков, у которых вена с оглоблю, тогда я не промахнусь». Тогда ж вертолётом к нам со всех деревень больных привозили, так я глюкозы наберу – и на муже

тренируюсь, уколы ставлю. Да, это может быть смешно, но больных тяжёлых привозили, и тут уж не до смеха, надо было учиться спасать людей.

Потом меня пригласили работать в Осиновскую больницу и старшой медсестрой поставили. Вспоминаю Котлярову Лидию Ивановну, Донару Николаевну Иванову, Бичирбека Харитоновича, он осетин был, главным врачом работал. Так они меня три раза на ковёр вызывали, уговаривали стать старшей, хорошие они были врачи, ей Богу хорошие.

Когда бабушка моя умирала, говорила: «Ты теперь, моя внученька, как врач, и лечи людей, как я тебя учила, только деньги с людей не бери». Во время гриппа только в одной Осиновке бывало по шестьдесят, восемьдесят вызовов за день, и ведь всё пешком и это только детские вызовы. Ребятишки, бывало, говорили: «Только тёте Маше дадим укол ставить…»

Много людей мы, Толик, от смерти спасли, сотни и сотни. Однажды молодая медсестра по неопытности зажгла ватку со спиртом, и кабинет загорелся. А кругом ведь кислородные баллоны стоят, хорошо – я вовремя зашла, схватила подушку, и давай ей тушить. А так бы рвануло, будь здоров».

Когда Осиновскую больницу закрыли, горевали мы. До сих пор вспоминаю врачей, медсестёр, и обижаюсь на наши безнравственные власти. Марья Романовна вдруг о чём-то задумалась, а Александр Петрович, посмотрев на неё влюблёнными глазами, сказал: «Расскажи, Маша, как мы с тобой познакомились».

Марья Романовна, улыбнувшись, продолжала: «Илюша мой умер, я думала – с ума сойду, даже в психдиспансере лежала, как тяжело было… А тут знакомые, ведь столько лет врачом здесь работала, все ж знают, говорят: «Марья Романовна, у тебя ж дачи нет, приезжай к нам, мы тебе картошки, да и всего дачного дадим.» А на улице дождь идёт, сижу я на автобусной остановке, вся укрылась плащом. Подходит Александр Петрович и говорит: это, мол, наш детский доктор сидит, детей моих лечила. Я ему отвечаю: не доктор, а его заме-

ститель. А он вдруг мне и говорит: «Я знаю, кто здесь сидит, это моя суженая сидит». Я отвечаю, что может – я замужняя, а он: если, говорит, замужняя, я отобью»...

Вдруг встрепенулся и Александр Петрович: «Понимаешь, Толян, любит меня Господь, испытания посылает, я на тот момент Машу свою от страшной тоски ведь спас, а сейчас пять лет уж душа в душу живём, это Боженька меня к ней привёл». Я знал, что Марья Романовна любит стихи и сама пишет, прочитала она мне своё стихотворение. Наверняка с профессиональной точки зрения оно никуда не годится, но я его выпишу полностью, ибо его написал человек, который всю свою жизнь спасал людей. Марья Романовна назвала его «Вдова».

«Не говорите женщине плохого,
Когда она, живя без мужика,
В постельном ложе отказала многим,
Не встретив подходящего пока.
И как теперь проводит свои ночи,
Известно только Богу одному.
Она свои заплаканные очи.
Вовеки не покажет никому.
Так будьте же мужчины справедливы,
И не трепитесь языком подчас.
Ей будет слышать это очень больно.
Такой поклёп, хоть тяжело, простит.
Она вас выше, чище и достойней.
Её ведь нужно лишь по – настоящему любить».

Марья Романовна прочитала мне и стихотворение про маму, сказав, что оно не её, но ей очень захотелось его прочитать, и я тоже записываю его:

По ночам звучит надрывный кашель,
Старенькая женщина слегла.
Много лет она в квартире нашей
Одиноко в комнате жила.
Письма были, только очень редко.
И тогда, не замечая нас,

Всё ходила и твердила:
«Детки, вам ко мне собраться хоть бы раз.
Ваша мать согнулась, поседела,
Что ж поделать - старость подошла.
Как бы хорошо мы посидели
Рядышком у нашего стола.
Вы под этот стол пешком ходили,
В праздник пели песни до зари,
А теперь разъехались, уплыли.
Вот поди же, всех вас собери.
Заболела мать, и той же ночью
Телеграф не уставал кричать:
«Дети, срочно! Дети, очень срочно!
Приезжайте, заболела мать!»
Из Одессы, Таллина, Игарки,
Отложив до времени дела,
Дети собрались, да только жалко
– У постели, а не у стола.
Гладили морщинистые руки,
Мягкую серебряную прядь...
Так зачем же дали вы разлуке
Так надолго между вами встать?
Мать ждала вас в дождь и в снегопады,
В тягостной бессоннице ночей.
Неужели горя дожидаться надо,
Чтоб приехать к матери своей?
Неужели только телеграммы
Привели вас к скорым поездам?
Слушайте! Пока у вас есть мама,
Приезжайте к ней без телеграмм!

Аалы Токомбаева (1904-1988),
известный киргизский автор

После прочтения Марьей Романовной этого стихотворения, на наших выступлениях народного хора «Русское поле»

плачут многие. Мне не удалось выяснить автора, но это действительно потрясающее и сотрясающее душу великое стихотворение...

Вот и поговорил я с очередными, моими дорогими стариками. Собираюсь уходить, ведь надо ещё разыскать Колю, чтобы передать ему деньги на похороны мамы. А Александр Петрович уж бежит к холодильнику и вытаскивает из морозилки целлофановый мешок замороженных на долгую нашу сибирскую зиму подберёзовиков да подосиновиков: «На, Толян! Поджарите дома или суп сварите. Вкусное, понимаешь, это дело». А я тут-же рассказываю им историю о путешествии по нашим деревням с батюшкой Андреем Огородниковым и поэтом Юрием Розовским. О том, как батюшка Андрей попросил водителя Сергея остановить машину, срезал большой белый гриб и, угостив меня, сказал: «Вот, Анатолий, отдашь жене, сварите суп, может, за поездки наши не будет ругать». Жена не только не ругала, а была очень даже рада, ведь батюшка дал мне и щуку, подаренную ему замечательными, добрыми, прихожанами.

Ну вот, и ещё об одних замечательных людях нашего Правобережья сподобил Господь написать. Вот и слава Богу. В квартире Марьи Романовны и Александра Петровича я увидел много икон и иконочек, а это всегда радует душу верующего человека. Послевоенное поколение – это накопитель добра: это наши замечательные дедушки с бабушками – это продолжение жизни внуков и правнуков – это наша сердобольная, согбенная, кондовая, многострадальная Великая Матушка-Русь…

День родного языка

Позвонил поэт Юра Розовский и сказал, что за рассказ «Евдокеюшка» в рамках Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое Перо Руси» меня наградили Серебряной грамотой. По спине побежали мурашки, говорю об этом Юре, а он, как всегда, весело: «Поздравляю, Толик, а насчёт мурашек, так я такой – умею до них доводить».

Открываю интернет и узнаю, что грамота мне дана в номинации «Духовность», и вручать её будет профессор богословия А. Н. Осипов. Далее сообщалось, что учредителем конкурса является А. Н. Бухаров, а генеральным куратором проекта — писатель С. В. Савицкая. Знакомые для меня имена. Передачи с участием профессора А. Н. Осипова, к примеру, слушал я на православных телеканалах на протяжении нескольких лет, и моё многогрешное нутро принимало их с радостным трепетом. Читаю о конкурсе и думаю: вот если бы я поехал в Москву, то вручал бы мне грамоту этот замечательный человек…

Чудеса, ей Богу чудеса. Почему же это произошло со мною? Почему? В глазах встал образ православного телеведущего телеканала «Радость моя», человека, написавшего пять книг, посвящённых русскому языку, Василия Давидовича Ирзабекова. Именно он размещал мои рассказы на своём сайте «Живое слово». Этим и спасал мою грешную душу. Спасал её и главный редактор журнала «Истоки» Сергей Тимофеевич Прохоров, поверивший в меня, и на протяжении многих лет печатавший мою публицистику, рассказы, сказки. А потом в моей жизни появился журналист газеты «Сибирский характер» Сергей Максимович Маслаков. На протяжении нескольких лет мы писали с ним о людях города Братска.

Эта газета уникальна тем, что публикует материалы о простых людях, и в ней нет рекламы. По одной только этой газе-

те можно проследить много прошлое и настоящее из жизни нашего легендарного города. Жизненная газета. Её тираж 45 тысяч, но мне доподлинно известно, что её разбирают всю, читают от первого до последнего слова, хорошо отзываются и с нетерпением ждут очередного номера…

Так и бурлили мысли в голове до утра, а одна вообще не давала покоя: в Москву мне, человеку довольно скромного достатка, ни за что не попасть. Но вот чудо: рано утром позвонила редактор газеты «Сибирский характер» Ирина Лагунова и сказала, что депутат Законодательного собрания Иркутской области Андрей Владимирович Чернышёв купил мне билеты на самолёт в оба конца и «зафрахтовал» номер в гостинице «Измайловская». Этот замечательный человек на протяжении многих лет покупал для деревень своего округа уазики, машины для доставки воды, сам лично привозил в деревни для школ современную электронную технику, всячески помогал великому русскому писателю Валентину Григорьевичу Распутину, и вот теперь вспомнил и обо мне. Радоваться надо, а я растерялся. Говорю Ирине: как же я поеду, ведь заблужусь в первопрестольной, потеряюсь. Но на следующее утро позвонил Сергей Маслаков и успокоил меня, сказав, что в Москве, в Домодедово, встретит меня человек по фамилии «Хороший». Потом усмехнулся и добавил: Михаил Соломонович Гут…

И случилось еще одно чудо. Можно, конечно, назвать это совпадением, но так думают не вооцерквлённые люди. А случилось вот что! Утром я собирался лететь в Москву, а накануне вечером встречал на вокзале свою маму Казакову Анастасию Андреевну с сестрой Марией Андреевной. Они ездили на Нижегородчину, в родную деревню Леметь, помочь своей сестре Евдокии Андреевне Кувановой – Евдокеюшке, за рассказ о которой я и получил Серебряную грамоту. Ну, не чудо ли?

Ездили сестры, чтобы помочь Евдокеюшке дом подготовить к зиме. Дуня, пока ждала сестёр, купила утеплитель и с работой управились быстро. Гуляли потом по покинутой

людьми деревне, дивились, что вся она яблоками завалена. Евдокеюшка и говорит: «Яблони плодоносят, им невдомёк, что собирать урожай некому». Но сама поступила примерно так же, как яблони: на зиму Дуня спустила в подпол десять корзин яблок, которые, конечно же, испортятся, не съесть их старому больному человеку, но привычка крестьянская осталась.

Поезд пришёл вовремя. Обнимаюсь с родными людьми. Едем к тёте Маше и тут же звоним тёте Дуне. Говорю ей: «Тётя моя, дорогая Евдокеюшка, меня за рассказ о тебе грамотой в Москве наградили». В ответ – молчание, потом вдруг: «Да полно тебе. В такую дальню дорогу собрался. Денег-то, Толька, у тебя ведь нету, – и уже шёпотом: – вот горемыцный-то наш». Говорю, что билеты мне купил депутат Законодательного собрания Андрей Владимирович Чернышёв. В ответ: «Да ну, тогда ещё ницего… Тогда валяй с Богом. Счастья этому человеку»…

И вот я уже поднимаюсь в «Боинг», прохожу по салону самолета. Мой пуховик не помещается на вещевой полке, и соседка, видя мою неловкость, моментально сворачивает куртку и, улыбаясь, поясняет: вырастила, мол, двоих сыновей. Так я и познакомился со своей попутчицей Анной Евдокимовной. (Опять Евдоким! Совпадение?). Поведал ей о «Евдокеюшке», помянул, конечно, Шукшина с Евдокимовым, на родину которых этим летом я ездил вместе с Сергеем. Оказалось, что и она родом с Алтая (совпадение?) и очень любит этих воистину народных самородков. Рассказала о своей жизни. Был у неё прадед Андриян, держал пасеку. Когда хлеб начинали сеять, люди к нему шли, говорили, ежели, Андриян начнёт первым, то и хлебушек уродится. А когда помер Андриян, понесли его на погост, и всё время за гробом летели пчёлы. Когда же поднесли его к самой могиле, на крышку гроба села матка. Оробевшие земляки не могли её согнать, и лишь один деревенский веником потихоньку, что–то нашёптывая, смёл её.

А на следующий день рано утром вся деревня увидела, как пчёлы покидали пасеку Андрияна. По словам Анны, они очень любили запах дедушки. Вспомнила Анна и своего отца, Евдокима, приходившего, бывало, с тяжёлой шахтёрской работы и, не раздевшись, прижимавшегося к горячей стенке русской печи. С одёжи стекала грязная жижа, а отец говорил, что сильно озяб на шахте. «Так здоровье своё папа мой и потерял… Переехали в деревню. Отец работал кузнецом, сильно не выпивал, но за печкой всегда стояло множество полных бутылок самогона. По праздникам любили мужики меряться силой, и мой тятя всех забарывал».

Затем Анна рассказала, что давно уже живёт на Правом, и мы с удовольствием вспомнили наш такой памятный павильон «Берёзка». Летела она в Москву к сыну в гости, а куда я летел – самому не верилось…

Вот и первопрестольная, и встречает меня человек по фамилии Хороший (Гут). Весёлый, немного толстый, но действительно хороший мужик. Окунувшись с головой в московскую суету, мы бегом перемещаемся в метро из поезда в поезд. Видя, что я весь в мыле, Миша улыбается и говорит, что в Москве жизнь такая, мыльная. Но мне она кажется другой: тысячи людей – и ни у одного из них не увидел я на лице улыбки. Странно, но мне захотелось вдруг в мой родной Гидрик.

Приехали в ЦДЛ (Центральный дом литераторов). Говорю Мише, что как-нибудь разберусь здесь, а за мной пусть приезжает часов в пять. Захожу, снимаю верхнюю одежду, кругом люди, и я никого не знаю. Что делать? Но сознание того, что со мною этого может больше никогда не произойти, даёт силы подойти и познакомиться с писателем Стародымовым Николаем Александровичем и поэтом Алексеем Иноземцевым. Дарю им свою новую книгу «Аналой» и рассказываю о братской богомолице Анне Ивановне Чусовой. Писатели были чем-то горды и невозмутимы, но слушали меня, слушали и вдруг заплакали: вот, мол, она – исконная-то Русь…

Началась пресс-конференция. Представляли много известных людей, я стоял в конце зала и думал, что из-за плохого зрения ничего не увижу. Вдруг в середине малого зала встаёт седой человек и машет мне. Иду и вижу Перная Николая Васильевича. Он, оказывается, давно занял для меня место и недоумённо говорит: «Ну, сколько можно тебя ждать?». Отвечаю, что самолёт задержался, а в душе радость, ведь рядом дорогой братчанин, который был удостоен диплома в номинации «Проза» за книгу «Вернись в дом свой».

Назову выступавших, имена которых запомнились мне: Юрий Машков – корреспондент ИТАР ТАСС, Игорь Сухарев – главный редактор газеты «Земское обозрение». Пела для нас заслуженная артистка России Жемчужная. Пела вживую, без фонограммы. В номинации «Духовность» победил болгарский певец Бисер Киров. Он тоже пел, и все, кто находился в малом зале, ему подпевали. Запомнилось выступление С. В. Савицкой:

– Год культуры у нас начался с олимпиады, потом продолжился войной. Война эта идёт до сих пор. Когда мы сюда ехали, то увидели лесополосу, за ней было поле, за полем лес, за лесом холм, за холмом солнце, за солнцем – правда. Мы все с вами находимся в некоем вакууме, мы зачастую одиноки. Мужчину не понимает жена, которой нужны только деньги, женщину не понимает муж. Мы сегодня собрались с вами, потому что мы очень одиноки, и нам некому помочь. Мы были несколько дней назад у нашего очень известного профессора -богослова Осипова, он нам сказал: «Наши заповеди говорят нам не только то, как надо относиться к людям, чтоб они к тебе так же относились. Главное, надо уяснить, что заповеди, прежде всего, охраняют тебя».

Что такое культура? Это поклонение свету Бога… Мы были приглашены на канал «Культура», и господин Швыдкой сказал, что у нас сейчас нет поэтов, нет писателей. Господи, как обидно было слушать это (в зале кто-то сказал, что для «этих», действительно, нет писателей и поэтов). Сегодня ко-

личество книг, хороших, именно нравственных книг, меньше, чем было в царской России (в день сейчас закрывается десять киосков прессы), но они есть…

Впечатлило выступление и артиста поэта Михаила Ивановича Ножкина:

– …Слово «товарищ» – оно бесклассовое. Господин подразумевает разделение, ибо господ без слуг не бывает. Вспомните из истории, как наш князь Олег шёл на стругах – на каждом струге по пятьдесят человек, и говорилось, что шёл он с «сотоварищами» (слово то какое!). И прибивал щит к вратам Цареграда (906 год), говоря этим, что теперь мы будем охранять Византию. Ведь это очень важно понимать.

Один мой товарищ, выступая на разных собраниях, обратил внимание на то, что его называют господином, а ему меж тем уже за восемьдесят, и большую часть жизни он как раз боролся с «господами». Так он говорит мне: «Господа, Господин… У меня такое впечатление, Миша, что я не доделал свою работу». (В зале смех). Мне часто говорят, что чиновники вас не понимают, и в этом нет ничего удивительного. Им, на мой взгляд, нужен диктант на уровне четвёртого класса (в зале раздается «не потянут!» – Михаил Иванович соглашается). Результат их работы по ЕГЭ в этом году – 80 процентов написали на двойку. Поэтому каждому чиновнику – по букварю.

Каждый день должен быть днём культуры. Культура – основа безопасности человечества. Человек культурный – он не наркоман, он любит свою Родину, заботится о детях, не путает полов – женского с мужским (в зале смех). Деревенский человек зачастую намного культурнее любого профессора. Человек во многом сейчас безумен.

Человек безумный… Трагедия мира в том, что цивилизация развивается семимильными шагами, а культура отстала. Главное наше богатство – язык. Это наша суть… На моей памяти такой случай: спрашивают нашего мальчика, обучающегося в Лондоне, как у тебя по английскому? Отвечает – хорошо. А

как по русскому? Плохо. Вот вам и результат. Готовят жульё поганое (аплодисменты)… Глобальная проблема человечества заключается в том, что люди путают националиста с нацистом. То, что происходит на Украине, это попытка стравить наш народ между собой….

Ножкин не пел своих вполне ожидаемых и знаменитых песен *(«А я в Россию домой хочу,*

Я так давно не видел маму»,

«И я по шпалам, опять по шпалам

Иду домой по привычке»,

«Я в весеннем лесу пил березовый сок,

С ненаглядной певуньей в стогу ночевал»,

«Я люблю тебя, Россия,

Дорогая наша Русь») – пел свои новые песни и говорил, говорил о сбережении русского языка, ибо это «наш вечный оберег от ворога».

После награждения мне каким-то чудом удалось встретиться с Михаилом Ивановичем и подарить ему свою книгу «Аналой», которая была отпечатана в братской типографии «Полиграф» за несколько дней до моего путешествия в Москву. Михаил Иванович принял подарок, улыбнулся и сказал: «А мне нечего тебе подарить – всё раздал».

Церемонию награждения помню плохо – всё как в тумане. Первым на сцену вызвали Бисера Кирова (Болгария), вторым Михаила Ножкина (Москва), а потом вдруг слышу свое имя: Анатолий Казаков – Братск. Принимаю грамоту, а язык словно онемел... Хотел спеть – да где там. Положил на стол свою книгу в подарок – и бегом со сцены…

И вот я уже сижу в фойе, ожидая Мишу. Разговорился с охранником Сашей, работает он по двое суток кряду, а последующие четыре дня отдыха – ещё где-то трудится. Говорит, что в Москве все так живут. Сам он из Владимира, помогает дочери, которой требуются деньги на учёбу. Спросил его: «Когда же вы кушать успеваете?» Он загрустил: «Только вечером…».

На следующее утро вместе с Мишей Гут едем в храм Хри-

ста Спасителя. Убранство главного храма нашей Родины, конечно же, восхищает. Но православный никогда не растеряется здесь, ибо внутри у любого храма всё расположено совершенно одинаково. Бухнулся я на колени, помолился, а потом подошёл к бабушке, которая следит за зажжёнными свечами, вспомнив нашу Лидию Дмитриевну Каськову, занимающуюся в нашем Правобережном храме той же работой. Рассказал ей о нашей, ныне покойной богомолице Анне, подарил книгу «Аналой» и свою детскую книжку «Сказка о маленьком мальчике». Всё это было принято с радостью, а когда я поклонился бабушке, та сказала, что за меня теперь многие на небесах молятся.

Вот и снова Домодедово, прощаюсь со своим гидом Михаилом Соломоновичем Гутом, обнимаю его и говорю: «Хороший ты мужик, Гут, зэр гут». Сижу в зале ожидания и думаю: вот, побывал в Первопрестольной, а в сумке ещё две книги осталось. Жалею, что не нашел, кому подарить. Вдруг рядом подсаживается женщина, разговорились, назвалась она Любовью. Ездила она на похороны мамы, и пока мы сидели в накопителе, сестра её слала ей эсэмэски, повествуя в них о своём одиночестве после ухода из жизни самого близкого человека. Я сказал этой доброй женщине, что мама их теперь молится за них на небесах. Живёт Любовь в Красноярске, очень любит свою маленькую внучку (после смерти мужа ей было очень туго, и внучка спасла её от черной тоски). И вдруг рассказывает мне Люба, что у них в храме служит священником Виктор Теплицкий, и многих людей он спас от беды. Вот и не осталось в моей сумке книг: подарил Любе и её священнику…

Я снова в навеки любимом Братске. Спасибо Андрею Владимировичу Чернышёву за заботу обо мне, многогрешном. Земной Вам поклон. Спасибо всем, кто меня любит и ненавидит. Ибо слово «спасибо» означает «спаси Бог».

Посёлок Мама

– А как у тебя собака Рада появилась? – спрашивал я у Володи Алпатова.

– Да понимаешь, Толик, её мой сын ко мне привёл, увидел, говорит, что бичи на привязи породистую собаку ведут, спросил – куда, мол, ведёте.

Ответили прямо, что сейчас убьют и съедят. А он – сын мой – отобрал у них её, ну, спас, стало быть. Я поначалу оторопел: здоровенная собака сука породы ротвейлер, и так спокойно доверяя человеку, вела себя на заклание. Так и стала жить у меня, дачу охраняла, полюбил я её – страх, а она и подавно шагу без меня ступить не могла. Так веришь, Толик, жена стала ревновать, ну, в шутку, конечно, а бывало, что и зло выругивалась.

Вскоре и в моей семье появился щенок по кличке Веста, и тоже породы ротвейлер. Стали они с Радой дружить, а стало быть, и хозяевам собак дружбы было не избежать. С Володей мы работали на заводе отопительного оборудования, но там тысячи работали, виделись, здоровались, но вот собаки наши подружили нас накрепко. С нами гулял ещё один большой самец по кличке Рэй и тоже той же породы. Собака была с виду здоровая, а по словам хозяина, внутри вся гнилая. Но это и не диво вовсе с нашей-то экологией. Самый мощный в стране алюминиевый завод в нашем городе работает, да лесопромышленный комплекс по производству целлюлозы, и тоже один из самых крупных в мире. О чистом сибирском воздухе остались только мои детские воспоминания, ибо наш город Братск уже давно в списке самых вредных для здоровья человека городов. Так что дивится тут нечего, что собаки - и те болеют. Рэйка вскоре помер, прошло ещё несколько лет - пришла пора и Рады. Лечил, лечил Володя её, самые дорогие лекарства покупал. А когда сам похоронил любимую собаку, плакал как о человеке, и сказал, что больше никогда собак держать не станет. Наша Веста, как только приходит пора гу-

лять, всё к строящемуся храму Преображения Господня нас тянет, да так прёт, что едва удержу хватает в руке. Там поле большое, гуляли они там с Радкой и Рэем, их уж в живых нет, а Веста всё тянет туда, а когда придём, долго вглядывается в даль, откуда, бывало, появлялись её друзья. В такие моменты моя собака время от времени бросает взгляды на меня: где, мол, мои друзья. Грустно от этого становится на душе, но стены строящегося храма успокаивают, напоминая о бренности человеческого бытия…

Володя, хоть и его собаки уже давно нет в живых, постоянно заезжает на своей машине к нам в гости. Не хватило картошки до нового урожая, Володя тут же везёт мешок крупной картошки, капусты, моркови. Надо нам урожай вывозить с дачи – Володя тут как тут. В такие моменты Володя говорит мне:

– Жалко, Толик, выкидывать остатки прошлогодние, у тебя дети ещё с тобой живут, съедите. Мои-то уже давно отделились. Нас много у мамы братишек да сестёр было, продукты берегли, не могу я выбросить на помойку, как другие делают. Время голода, слава Богу, прошло, а память-то с башки не выбросишь, сидит она в тебе. Люди сейчас многие зажрались, а вспомянешь ту голодную жизнь, и всерьёз кажется, что люди раньше лучше, добрее, что ли, были. Справедливости ради скажу, что и ныне людей добрых много, нельзя видно России без этого, из века в век сердобольная она, Родина наша. Собираюсь я нынче осенью в посёлок Маму съездить, я ведь вырос там, могилку матери своей навестить, годы есть годы. Тут ничего не попишешь, решил и поеду.

– А знаешь, Володя, область-то наша Иркутская, поди, самая большая в России. С севера на юг – почти 1400 километров, с запада на восток – 1200 километров. Между двумя городами Иркутской области – Иркутском и Братском - легко могла бы расположиться такая европейская страна, как Германия. Ещё Антон Павлович Чехов писал примерно следующее: «Только птицы знают, где заканчивается Сибирь». Это я

к тому тебе толкую, что в детстве, когда по проводному радио передавали температуру, то если у нас в Братске было, скажем, минус тридцать, то в это же время в твоём родном посёлке Мама - минус пятьдесят, и так до шестидесяти и больше, вот ведь какая огромная разница, а в Иркутске в это же самое время могло быть минус пятнадцать…

Осенью, как только убрали дачный урожай, Володя уехал на Маму, прошёл, может быть, месяц с той поры. И вот сидим с ним у меня, Володя почёсывает за ушами Весту, та поскуливает от радости, выпиваем домашнее рябиновое вино, и я слушаю рассказ съездившего к себе на Родину человека, заранее чуя нутром, что повествование это будет вряд ли радостным:

– Районный посёлок Мама, добывалась там слюда, самая дорогая слюда в мире была, из-за рубежа её покупали, возили баржами по реке, затем грузили на поезда. Слюда - ведь это кристалл, использовалась во всём мире в радиотехнике как изолятор. Бывало, от посёлка Мускавит простирается большая гора этой самой слюды, иссверлена во многих местах. Жизнь на ту пору в посёлках была замечательной, зарплаты у рабочих хорошие. Ныне глянул - полное запустение, говорят, до 2020 года весь посёлок Мама выселят, говорят, не из-за чего жить, былое производство подчистую загублено. Бодайбо всего сто километров, там жизнь ещё будет, золото добывают. А наши посёлки все выселяют, всё саранками заросло, страшно, глядя на развалины да руины. Дороги нет, одно направление. Проехали семьдесят восемь километров на братовом уазике – все окрестные посёлки заброшены. Людям дают на одного человека семьсот тысяч. Если семья живёт, то ещё можно под Иркутском что-то купить, а если один человек живёт, то и не купишь ничего. Сейчас в Хомутово, что под Иркутском, многие едут, на деньги, выданные на переселение, покупают какое-никакое жильё, куда деваться. Сейчас всё искусственное делают, а раньше глянешь на кристалл – он же натуральный, несказанно красивый, слюды там этой на века, а сейчас всё в Китае покупают, дураки. Люди по чёрному пьют,

страшно глядеть, а ведь не было этого, все работали, за домами ухаживали. Мальчишками, помню, бегали за идущими тракторами, радовались вообще всему на свете: новогодней ёлке, слепленным снеговикам, накатавшись с высоких гор на салазках да нацепляв синяков, всё одно – радовались. Да и солнце вроде бы как-то по другому светило для нас. По всему так считать надо, детство это было. А первая любовь - это ж такое землетрясение души, что и дыху не хватит об этом поведать. Двухэтажных домов две улицы стояло, сейчас ничего нет…

Вдруг Володя улыбнулся:

– Отчима отец, помню, был у нас, кулака такого здоровенного я в жизни ни у кого не видел, бывало, выпьет горькую да в сторону китайской границы грозит: ух, говорит, подавил я вас. Мне невольно вспомнилось про книгу «Даурия», где наши забайкальские казаки тоже шалили на границе с Китаем, но и китайцы, знамо дело, наглели, без этого не бывало. Пришла с работы жена Ирина, к тому времени спроворив супишко, разливаем горячее хлёбово по тарелкам, толкуем о жизни.

Пригубив ещё вина, Володя продолжал:

– Слава Богу, навестил мамину могилку, сродников повидал. Раз жизнь в посёлках прекращается, так и погосты будут деревьями и травой зарастать. Об этом ли мечтали те, кто там лежит?..

Невольно подумалось о всей России: сколько такого похожего ныне на родимой сторонушке – едва ли сосчитаешь. За каждой брошенной деревней, селом, посёлком – целая история страны. За каждой человеческой памятью, жившей там, теплятся воспоминания детства, говорят, они самые яркие, и это, безусловно, так…

Прошло несколько дней с того момента, как пишу эту историю, и в руки попалась газета «Сибирский характер». Выписываю из газеты слова генерального директора предприятия «Востокслюда» Геннадия Рубцова:

– Раньше мы добывали 10 тысяч тонн сырья в год. В нашем районе проживали более 30 тысяч человек, большая часть которых трудилась у нас на предприятии. Мы обеспечивали мусковитом 90% потребностей всего Советского Союза. В настоящее время его добыча в нашей стране вообще не ведётся. А основные поставки сырья на российскую оборонку направляют из Индии…

Раньше Киренск, Ербогачен, Бодайбо, Мама, и многие другие посёлки Иркутской области надёжно связывала малая авиация, ныне узнаю из газеты, что рейсы самолётов нередко бывают отменены. Руководство Иркутской области объясняет, что, мол, нет средств, не рентабельно. Аэропорты на севере Иркутской области не могут быть рентабельны и существовать без государственной поддержки, ибо проживающие на севере люди не могут платить полную стоимость авиабилета. Вопрос сейчас стоит очень остро, но ведь если рейсы отменят окончательно, то люди, живущие на севере Иркутской области, останутся брошенными.

В этот раз Володя Алпатов ещё успел слетать на родину самолётом…

Звонок народного артиста

Много лет моя мама, Анастасия Андреевна, говорила мне: «Ну что ты, Толик, позоришься, книги за свои крохи печатаешь. Не смеши людей». Но когда вышла книга «Аналой», моя мамочка больше не ругала меня, сказало только: «Доводишь людей до слёз». Для меня эта оценка была важна: «до слёз», значит не стыдно и подарить…

Объявление о том, что 19 ноября в Братск приезжают народные артисты Александр Михайлов и Елена Проклова, взбудоражило мою душу накрепко. Но именно в этот день было моё дежурство на работе, а у нас шибко-то не подменишься. Иду в дом культуры «Транспортный Строитель» и говорю директору Светлане Ивановне Новиковой, что может быть как–то можно передать мою книгу «Аналой» любимому артисту Александру Яковлевичу Михайлову. Книгу я подписал так: «Вечная память великим русским людям: Василию Ивановичу Белову, Василию Макаровичу Шукшину, Виктору Петровичу Астафьеву, Валентину Григорьевичу Распутину, Михаилу Сергеевичу Евдокимову, Николаю Рубцову…»

Далее привёл своё стихотворение: «Распутин, Астафьев, Белов – Деревни славянская лира, Прозрение русских умов, Словестность кондового мира. С поклоном, Анатолий».

А вечером 19 ноября раздался звонок по сотовому телефону. Гляжу, номер мне не известен. В трубке слышу: «Анатолий! Это тебе Александр Яковлевич Михайлов звонит». Глубоко вздохнув, говорю: «Господи»! В трубке слышу смех, и до боли знакомый голос: «Спасибо тебе Анатолий, я уже

пролистал твою книгу, ты написал о моих друзьях. Но почему на спектакль не приехал»? С сильным биением сердца отвечаю: «У нас на работе, шибко–то не подменишься, мужики сменщики матерятся, людей не хватает. Зарплата моя десять тысяч, на другую работу переходить уже здоровье не то, да и положение с работой в городе совсем никудышное».

Слышу снова голос любимого артиста: «Рассказ твой «Совесть» прочитал, понравился, и о Распутине хорошо. Расскажи мне о рассказе «Защитник земли русской». Пересказал коротко рассказ, а концовку – знаю её наизусть – прочёл. Рассказал Александру Яковлевичу о своих взглядах: «Все произведения наших писателей-деревенщиков обращены, по сути, к нашим бабушкам и женщинам». Говорил, а попутно в голове прокручивалось, как бабушка Виктора Петровича Астафьева в то время пока её внук был на войне, ходила пешком через пол-России, чтобы помолиться в храме о любимом внуке. Вспомнил и о Василии Ивановиче Белове, который по рассказам своей матери, написал не одну воистину кондовую книгу. Абрамов «Братья и сёстры», Солоухин «Время собирать камни», Можаев «Мужики и бабы»… Господи! Да разве возможно в эти драгоценные для меня минуточки было охватить хоть малую толику того, о чём всегда думаю… И вдруг почувствовав, что говорить нужно самое важное, спрашиваю, есть ли у меня в запасе ещё хоть несколько минуточек. В ответ слышу уверенный голос: «Говори, Толя» И вдруг вопрос: «А сколько тебе лет»? Оторопев, отвечаю: «Пятьдесят» - «Мальчишка ещё совсем. Ну, давай, читай стихи»…

Незатейливо, скромно и с болью в груди
Я люблю тебя, милая Родина.
За колосья ржаные, проливные дожди,
Оттого, что во мне непогодина.
За минуты такие и пасмурь в душе
Благодарен безмерно Создателю,
Потому как грустить, но любить на земле
Божьей волей дано обывателю.

Слышу в трубке: «Слушай, Толя, давай я передам той женщине, что давала мне твою книгу, десять тысяч рублей, хоть немного помочь тебе, жаль всё-таки, что ты не приехал, но теперь у меня есть твой телефон. А есть ли у тебя ещё книги? Книга «Аналой», большая, где же ты деньги взял на издание?» «Пятьдесят лет было, вот и надумал издать рассказы, написанные в течении многих лет. Копил помаленьку».

Перечислив названия книг, забываю сказать, что издано ещё три книги для детей. Говорю Александру Яковлевичу: «Чую, скоро спектакль у вас… Можно ещё одно стихотворение прочту?». И снова дорогой для моего сердца человек, говорит: «Читай».

Если на земле добро и зло,
Если на земле любовь и смерть,
Если на земле тебе не повезло,
Если на земле дано терпеть,
То возьми тепло, идущее с икон,
То возьми преданья деревенских слов,
То возьми земной родителям поклон,
То возьми молитвы вечный зов.
В этой жизни сложности кругом,
В этой жизни гнёт нас суета,
В этой жизни успокоит дом,
В этой жизни есть и красота.
Нам бы только верить во Христа,
Нам бы только праведно идти,
Нам бы только истину в уста,
Нам бы только отчее нести.

Проговорили мы с любимым артистом более двадцати минут, и вот разговор окончен. В центральном Братске начинался спектакль, а я в родном посёлке Гидростроитель с неуспокоившимся сердцем ходил и думал: вот же человек, нашёл время позвонить.

Всплыл ещё один момент разговора: «Я ж с Читинской области родом, из старообрядцев». Я, конечно, читал биогра-

фию Александра Яковлевича: детство пришлось на послевоенное голодное время. Когда сгорел дом, семья Михайловых ютилась в сырой землянке. Мама Степанида Михайловна работала посудомойкой, прачкой, санитаркой, таскала кирпичи и шпалы. Именно мама приобщила сына к прекрасному - пела ему народные песни и частушки, аккомпанируя сама на балалайке. Вспомнились и слова Александра Яковлевича: «Я выступаю, где людям не очень хорошо. Ездил в тюрьмы, детские дома, бывал с концертами в Чечне...»

При этих словах трепыхнулись и в моей памяти воспоминания: как мы с настоятелем храма Всех Святых в Земле Российской просиявших о.Андреем Огородниковым и поэтом Юрой Розовски ездили по тюрьмам и деревням. Александр Яковлевич вдруг говорит: «Я на горе Пикет каждый год бываю, хорошо там, душа отдыхает» «А я, Александр Яковлевич, для двух пожилых, бывших колхозниц Алтая, и друга Сергея Маслакова на горе Пикет песню вашу любимую «На горе, на горушке» пел. Очень полюбились мне песни вашего друга Михаила Сергеевича Евдокимова, нет-нет да пою их, душа велит». Успел поведать я и о бабы Анином аналое. Как та, сердешная, прожила всю жизнь в старенькой времяночке, отказавшись от трёх квартир в пользу молодых медсестёр. Говорю Александру Яковлевичу: «Я теперь всю ночь не усну, думать буду» «Ну, что ты, Толя, зачем, спи спокойно и береги себя, с Богом…»

Спустя два дня написал письмо вдове Василия Ивановича Белова, Ольге Сергеевне, и, конечно же, упомянул о звонке Александра Яковлевича Михайлова… А спустя неделю работники культуры нашего города передали мне десять тысяч рублей и диск песен Александра Яковлевича Михайлова.

Горит лес Иркутской области

Сколько помню себя, везут с родной моей Иркутской области лес вагонами и машинами – кто во что горазд… До строительства Братска здесь, в буквальном смысле, на многие тысячи километров стоял многовековой, реликтовый, а стало быть, и кондовый красавец-лес. Деревни рубили леса мало, ибо были невелики, брали только столько, сколько необходимо. Здесь и рыбы, ягоды, грибов, кедровых орехов, зверя тоже было великое множество, но деревенский мужик лишнего не брал.

Без всякого образования понимал, что раз Создателем это ему дадено, то надобно беречь. Глядя на величавую кормилицу Ангару, много раз осенял себя летучим крестом сибирский мужик, творил молитвы ко Господу за ниспослание такого изобилия природного. Дети по Матушке-Сибири рождались крепкие, на радость родителям. Тут ведь невольно вспомнишь про Сибирские полки, прогнавшие супостатов-фашистов из-под самой Первопрестольной. Ведь кого из Сибиряков на войну призвали? И кто они? А они – охотники, добытчики, промысловики… Такого не надо учить, как стрелять, он и так белке в глаз попадает. Это фашист сразу почуял нутром на себе, и побёг…

Про строительство Братской ГЭС написано-переписано огромное множество материалов. Среди всего этого достаточно прочесть труды великого русского писателя Валентина Григорьевича Распутина, и тогда всё станет ясно…

Я живу в родном городе Братске и вижу, как повально уез-

жает из родных мест молодёжь по причине известной: попросту нет работы, нет развития города. Один из бывших мэров нашего, в прошлом овеянного славой, города сказал: «Я знаю, что из десяти молодых людей, закончивших школу, в Братске остаётся лишь один». Это горькая правда… С детства, глядя на множество лесовозов, поездов с лесом, мне казалось, что мы весь мир снабжаем этим всегда востребованным сырьём. Лес нещадно рубили, но его было настолько много, что казалось - он никогда не закончится. Зимой было морозно и тихо, ветра почти не было. Лето было, как в сказке: и дожди вовремя, и никакой засухи не наблюдалось даже близко. И это всё он, вековой лес, оберегал.

Но шестьдесят лет страшной вырубки привели к тому, что у нас в Сибири и засуха перестала быть редкостью. Люди на дачах всё время поливают картошку, ведь другого выхода нет: надо спасать урожай… Но разве можно сравнить такую поливку с дождём? Нет, нет и нет! «После дождя в огороде всё как на дрожжах растёт», – говорят в народе, и это истинная правда.

В нынешнем 2016 году страшно горит тайга, она теперь каждый год у нас горит. Говорят даже, что «чёрные лесорубы» специально её поджигают низовым способом, чтобы потом деляну «за так» забрать. А местные организации «Воруй лес» (слово, которое опять же пошло от народа) жгут отходы в виде опилок и горбыля прямо вблизи и даже в черте города. Об этом у нас ведомо всем, но до гражданского общества нам ещё очень далеко.

Чиновникам вообще очень повезло, что они так бездарно руководят, и им ничего за это не бывает. Но повезло им именно тем, что наш сердобольный народ трёхжилен и из века в век вынослив и терпелив…

Вспоминаю, как раньше на рынках полным-полно продавалось черники, голубики, брусники, клюквы... А сейчас нередки стали года, что и грибов на рынке не сыщешь, не то что ягоды. Те ягодники, где мы раньше собирали чернику,

повыгорели. Иркутская область у нас огромная (возьмите карту, поглядите), и леса в ней по-прежнему много. Вот как щедро одарена земля сибирская, сторона байкальская. Поэтому люди садятся в автомобили, едут по нашей необъятной родной области и всё же отыскивают этих самых грибочков и ягодок. Местами всё повыгорело, а местами кое-что осталось: дождичек спас. Вот и едут сибиряки наипользительную пищу для нутра приобресть. И мы вот уж который год с сыном едем в дали дальние за грибом, да даже и там не всякий раз найдёшь гриба-то, вот какая оказия…

В это лето в Качукском районе разбился самолёт ИЛ 76. Страшная трагедия, экипаж опытный, но тайга горит так, что на сотни километров ничего не видать. Когда пропал самолёт, тушивший тайгу, многие предположили, что, скорее всего, борт врезался в сопку, и это предположение вскоре подтвердилось. Губернатором Иркутской области Сергеем Левченко 4 июля был объявлен днём траура.

Из-за пожаров уж который год мечутся по тайге медведи и лоси, перебегая трассы прямо средь бела дня. Гибнут тут мелкие зверушки, а о муравейниках и говорить нечего. Невольно вспомнишь фильм «Не стреляйте в белых лебедей». Там по сценарию сволочи сожгли один муравейник, и то какая жизненная трагедия разыгралась. А тут гибнут, думаю, уже миллионы муравейников, ягодных, грибных первозданно красивейших мест…

Раньше повсюду в городах сажали тополя да берёзы, и далеко не везде были посажены акации. Вот эти самые тополя каждый год подкидывают нам пух. А уже давно подмечено, что, видя эти невесомые летающие субстанции, у многих детей и даже взрослых чешутся руки непременно их поджечь. В нынешнюю засуху и страшенные пожары, всё же была надежда, что не станут люди поджигать окутавший весь город, тополиный пух. Нет, нет и нет. Хоть весь город был окутан дымом, пух поджигали, и бедные экипажи пожарной помощи носились по всему городу и тушили загоревшийся пух.

У меня возле дома тоже его подожгли, загорелся забор, была реальная угроза дому, да и сгорело из-за поджога этого легко воспламеняющегося вещества домов, думаю, немало, а ведь это страшное горе – остаться без жилья.

Можно проводить в школах мероприятия по предосторожности обращения с огнём, но этого ничтожно мало, нужно, как встарь, встать всем миром против бедствия.

Я шёл по своему родному посёлку Гидростроитель и видел сожжённую тополиным пухом землю. До этого там росла радующая глаз зелёненькая травушка-муравушка. Нынче же эта трава где повыгорела, а где и стала жёлтой. Вчера мама принесла мне на работу горячего супа и сказала, что молится Богу, чтобы послал нам, грешным, дождика, молились об этом и многие жители нашей Иркутской области. И сегодня дождик пошёл! Авиационной техники для тушения пожаров ещё, видимо, долго не будет хватать, а потому нас, как и встарь, спасает от засухи дождичек.

Помню, тётя Дуня рассказывала: «Ране, коды на деревне засуха, старухи берут младое племя внуков, да к церкви идут, становятся на колени с детьми и молятся Богу. И вот, веришь Толик, посылал Господь дожжик-то».

Глядя на сегодняшний долгожданный, прямо святой дождичек, думалось о многом. Весь июнь поливавши картошку и видя, как медленно она всходит, на душе было неспокойно. Зарплата моя сторожевая – восемь тысяч, потому-то надёжа большущая на картошку. Почему не иду на более оплачиваемую работу? Да потому, что уже за пятьдесят, плохое здоровье и зрение. Вредный стаж сварщика выработать не успел по причине развала завода, потому пенсию не заработал. Ну, да я не жалуюсь, многие и того хуже живут…

Но контраст резкий – это точно, и его ощущаешь сразу, как только выйдешь на улицу: по дороге едут множество иностранных дорогущих авто, много в городе и шикарных частных домов. Страна контрастов, но да и это ещё не беда… Читаю сейчас Бориса Можаева, известного в своё время со-

ветского писателя. И есть там такой интересный сюжет: идёт колхозное собрание, старик пенсию колхозную требует, а ему, сердешному, уж девяносто… И ведь не дали. Сказали, что, мол, ты был кулаком, хорошо жил, мы тебя раскулачили и в тюрьму, значит, определили. А в тюрьме-то тебя ещё и кормили тем, чего мы, работая в колхозе не видали, – хлеба, стало быть…

Ну, да ладно, лично мне грех жаловаться, многие люди живут гораздо хуже моего, только невольно вспоминается молодой Братск, когда, несмотря на трудности, жили весело и счастливо. Ведь воспоминания даны нам свыше, что-де человек, помни, что смертен ты, и что оставишь после ухода своим внукам. Выгоревшую тайгу или сказочный добрый лес. Банально, конечно, скажут многие… Ну, и пусть говорят…

Егоркина радость

За месяц до великого праздника Рождества Христова дед Ермолай надумал, что именно к празднику, чтобы порадовать своих домочадцев, заколет овцу. За жизненными хлопотами месяц, как водится, пролетел быстро. С раннего утра дедушка наточил большой нож, и очень удивился, что внук Егорка не спал в столь ранний час.

Мальчик стоял в исподней рубахе и пристально глядел на деда. Бабка Дарья, удивлённо глядя на внука, всплеснув руками, спросила:

– Эт ты чего, внучок, в такую рань поднялся?

Затем, накинув на голову старенький цветастый платок, вдруг улыбнулась и снова сказала:

– Спал бы ещё, сердешный, ведь петух на насесте ишо толком не проснулся.

Егорка, о чём-то размышляя про себя и на что-то решившись, обратился к деду:

– Знаю дедушка, что овцу ты хочешь к празднику зарезать. Я прошу, не делай этого. Подивился дед Ермолай на внука, заговорил:

– Да как же это, внучок, не заколоть овцу-то? Мы её на то и растили, чтобы к великому празднику мяса отведать.

Не мигая, глядя на деда, Егорка не унимался:

– Эх, дед, ведь нынче Рождество Христово будет. Пресвятая Богородица, сына Божьего в пещере родила, а рядом овечки были. Вот я и думаю, что в такой день нельзя овечек обижать.

Дед Ермолай, удивлённо покряхтев, поднялся с лавки и по-

шёл во двор глянуть на овечек. А те сердешные, словно чуя беду, жалобно глядели ему прямо в глаза. О чём-то подумав и ухмыльнувшись про себя, хозяин возвратился в избу. К его немалому удивлению, внук стоял на том же месте. Глядя на его босые ножонки, которым явно было зябко в утрешнем ненатопленном дому, и видя, что его любимый внучок вот-вот разрыдается, вдохнув всей грудью воздух и улыбнувшись, дед многозначительно произнёс:

– Не буду я, Егорка, колоть овцу, расхотелось мне отчего-то.

И, обращаясь к своей любезной супруге, добавил:

– А чего, в самом деле, Дарьюшка, ты у меня мастерица на разные кушанья знатная, спроворишь еду-то.

В этот ранний час в избу постучали, вошёл батюшка Евлампий и, увидев, что внук деда Ермолая так рано уже на ногах, произнёс: - Да дедушка, внук-то твой, стало быть, не из ленивцев будет, раз в такую рань поднялся.

Дед с бабкой, перебивая друг дружку, пересказали всю утрешнюю историю. Подивился священник, да вдруг и говорит:

– Я ведь к тебе Ермолай с просьбой. У тебя овечки беленькие, очень радующие глаз людской, имеются. Дай мне их на время. Мы с прихожанами пещерку снежную сделали и под овечек загон устроили, сена положили. Придут на великий праздник прихожане в храм, зайдут в пещерку, а там овечки, да иконка Младенца Иисуса с Матерью и свечечки затепленные. Думаю, радостно им будет на душе.

Дед Ермолай с радостью отдал батюшке своих белых овечек. Ну, а Егоркиной радости вообще предела не было. В селе их сибирском уж много лет историю эту пересказывают, и всегда дивятся люди услышанному.

Сенная труха

Иногда всё же Господь даёт передых нутру. В один из таких дней подруга моей жены Ирины, Татьяна Кулькова, пригласила нас в баню. Дача у них находится на крутой возвышенности, внизу теперь повсюду песок и сильно разрослась облепиха, которой раньше не росло у нас в Сибири.

До строительства Братской ГЭС здесь было старое русло реки Ангары. Определить это несложно, ибо скала из диабаза ровно простирается на многие километры. Именно в этот твёрдый камень и врезано сердце плотины.

Ныне, в заливе неподалёку, мужики и мальчишки ловят на удочку карасей, которых развелось действительно много. Уже давненько утянул и меня мой сынишка Витя на такую рыбалку. Весь берег усыпан рыбаками, кругом острова и у каждого клюёт: лови, сколько душе на потребу. В детстве я тоже здесь рыбачил, но тогда водились хариусы, ельцы, лещи, налимы, пелядь, окуни, сороги, щуки, ерши...

Таймень и стерлядь исчезли сразу после строительства ГЭС, как рассказывали мне деревенские жители, живущие вдоль реки. Весь берег был усыпан этой благородной мёртвой рыбой. Но это было давно, теперь в заливе главенствует карась. А о мешках с выловленными ельцами, большущими щуками остались, к великому сожалению, одни воспоминания. Ловят, конечно, и сейчас, но только раньше всё было близко, а нынче, чтобы поймать большую щуку, надобно сжечь не один бак бензина.

С дружной семьёй Кульковых мы познакомились, когда переехали из времянки в двухподъездный двухэтажный деревянный дом. Таких брусовых домов настроили в своё время много. Говорят, что при строительстве Братской ГЭС начальник Братскгэсстроя Иван Иванович Наймушин, чтобы быстрее решить проблему с жильём, разрешил валить лес и тут же строить дома. Вроде бы простое решение, но в кратчайшие сроки строители уже жили в комфортных на ту пору услови-

ях. Об этом очень трогательно писал наш известный Братский писатель – фронтовик Иннокентий Захарович Черемных. Домам этим по шестьдесят лет, но мы с женой Ириной радовались тогда, почти уж семнадцать лет назад, что перебрались в двухкомнатную квартиру; дети были ещё маленькие.

Живя во времянке, чтобы постираться, приходилось везти на санках за километр по четыре фляги воды. А тут ванна, туалет. Знакомые, живя в панельных домах, говорили: чему, мол, вы радуетесь, дом-то старый… Но сытый голодного никогда не поймёт, потому ни на кого не обижаюсь.

Сергей Кульков работал в литейном цехе мастером, я - в радиаторном сварщиком, но друг друга не знали, да и немудрено это, ведь на заводе отопительного оборудования работало больше восьми тысяч человек. И когда мы переехали, то наши жёны тут же и сдружились: оказалось, что их отцы проходили срочную службу вместе в молодом тогда Братске.

Воспитывали Сергей с Татьяной двух сыновей – Пашу и Сашу. Паша вскоре стал инвалидом: проколол себе спицей глаз и это повлияло на умственное развитие, а уж после у них народились на Божий свет Миша и Маша, но младшая девочка пожила совсем недолго. Было очень нелепо и горько смотреть на маленький гробик и думать о том, о чём думали до тебя миллиарды людей, а именно: почему так устроен мир?..

Но думы думами, а жить надо, и вскоре у Кульковых родилась Даша. Бывая каждое лето на даче у Кульковых, видел, как все заняты делом и помогают матери во всём. Старший Павел, например, всегда моет посуду, и Татьяна с грустью в голосе говорила не раз: «Паша наш нас кормит». Это она имела в виду пенсию на ребёнка по инвалидности. Мужу Сергею часто задерживали его небольшую, по сибирским меркам, зарплату. Теперь, слава Богу, он получает пенсию по «вредному» стажу, но продолжает работать в литейке.

Когда начинается окучка картошки, глазу приятно видеть, как трудится в огороде большая семья. Отец же для каждого своего дитя устроил отдельную комнату. Ему сильно помог

в этом отец Татьяны. Помню, однажды понадобилась кровь для нашего заболевшего заводчанина, и мы с отцом Татьяны её сдавали. Его спрашивают: «Как твоя фамилия? Отвечает: « Жёлтышев, но вы на фамилию не глядите, кровь-то у меня хорошая, всю дорогу сдаю». Тогда это всех сильно рассмешило.

У Сергея, едва он окончил школу, почти враз умерли отец, мама и брат. Пережив страшное горе, он закончит институт, встретит свою суженую Татьяну. Часто с огромной благодарностью вспоминает помощь отца жены по строительству дачи. Дом и вправду получился хорош, жаль только, что и папы Татьяны уж тоже нет в живых. Таковы наши родители, всех себя отдающие нам, детям, вовсе не заботясь о своём здоровье. А теперь и мы такие же…

Так вот и растили мы своих детей, Даша уже закончила второй класс. Саша скоро закончит школу, а Михаил у них - вот уж умница: кажется, что он умеет делать всё. Всегда зовёт меня поиграть в шахматы, а я так и не научился. Только и делаю, что когда выходит очередная моя детская книга, с радостью им дарю.

Мой сын Виктор работает инженером, строит дороги, младший Сергей учится в педагогическом училище на компьютерщика. Кажется, совсем недавно были все маленькие, я заливал им горку в зимнюю стужу, а ныне уж и повыросли. Глядя на свою седую голову, чему ж я удивляюсь?.. А удивляюсь вот чему. Развалился наш завод, зарплату совсем не платили. Мы сажали на трёх огородах картошку, капусту; ловили рыбу, собирали грибы, калымили на разных подработках, словом, выживали самыми разными способами. Но дети наши были одеты, обуты, сыты, но, к великому сожалению, не благодаря государству, а нашему трёхжильному хребту. Теперь, глубоко вздохнув и осмыслив всё это, твержу: «Слава тебе, Господи! Не дал сгинуть мне, когда сильно болел. Если б помер, Ирине моей совсем бы туго пришлось, Спаси нас, Господи, и помилуй». И это не слабость какая-то, как может подумать неверующий человек, это - жизнь…

По дороге на дачу Кульковых спускаемся в низину, переходим ручей. В детские годы мы добывали в этом ручье ручейников, окуни на них клевали всех лучше. Теперь же возле ручья, который простирается на многие километры нашей Сибири, разрослось много кустарника, и воздух в этом месте прохладен и упоительно чист. Поднимаемся в гору, видим вдалеке Братскую ГЭС, красавицу-реку Ангару с её многочисленными заливами. А вот уж и показалась дача Кульковых.

В такие вот летние дни, которых у нас в Сибири не так много, ценишь каждый Богом данный денёчек. Я люблю разговаривать с тётей Таней, жившей с большой семьёй Кульковых. Стала она немощной, одинокою, вот и приехала к племяннице из деревни. Татьяна Кулькова с радостью её приняла, ведь всё своё босоногое детство к тёте ездила… Нынче же деревня совсем загибла, стали тётю Таню обворовывать опустившиеся до крайности деревенские мужики. Вот и покинула она отчий дом. Но держалась всё же до последнего: давала им в долг, хотя знала, что не отдадут, но всегда давала: жалела, считала всех своими… Но вот враз ослабла и приехала жить к племяннице. Не раз от тоски по отчему дому порывалась вернуться в деревню, но силы почти совсем оставили её, а Татьяне, которая хорошо понимала тётину тягу к деревне, приходилось терпеливо уговаривать родного человека. В такие дни она говорила ей: «Татьяна! Ну, как ты поедешь, у тебя ведь главного - силы в организме - нету. А в деревне, там ведь кругом именно она и нужна. Живи здесь в тёплой квартире, да и мне спокойней за тебя будет». Бабушка Таня отвечала при мне не раз: «Да, ты права, куда мне без силы».

Но проходило время, и она снова порывалась уехать. Ухаживала за ней племянница, дай Бог каждому в старости так, но тяга к деревне, - это ведь так глубоко в нас сидит, что тут даже не трепыхайся…

В этот раз, сидя за большим столом и наслаждаясь чаем из смородины, растущей под окном, тётя Таня рассказывала: «Был царь. У него ратники обучались воинскому делу. Вдруг

подходят к нему два воина и говорят: «Мы христианской православной веры, а ныне пост. Разреши, Царь–батюшка, нам только хлеб с водицею вкушать. А мясо с молоком не вкушать». Подивился Царь, да и разрешил.

Приехал к нему в гости другой Царь. Вывели ратников на смотр. Приезжий Царь и говорит: «Что это у тебя за два молодца таких? Крепче и красивше других они выглядят». «Это, - отвечает Царь, - христиане православные, они на воде и хлебе в пост живут. Так по их вере положено».

Замолчала тётя Таня, от старости головушкой своей покачивает. А племянница ей и говорит: «Расскажи, как у тебя в детстве ноги отказали совсем». И бабушка, тут же отогнав думы, напевным голосом бает: «Время было военное, голодное. Ноженьки мои ни в какую идти не хотели. Врачи отказались лечить, сказали - так и буду мучиться. У моих родителей нас одиннадцать детей было. Все в поле работают, а я лёжкой лежу, страдаю. Но вот пост соблюдали всегда, молились. А тут кто-то подсказал: напарьте, мол, трухи от сена. Сена в доме полные сушила, напарили сенной трухи полный таз, да и опустили мои ноженьки туда. Так несколько раз сделали и пошла я. Навроде и вовсе никогда мои ноги не болели. Молитвы материны, да сенная труха мне помогли. Материны молитвы они ж самые что ни наесть сильные…»

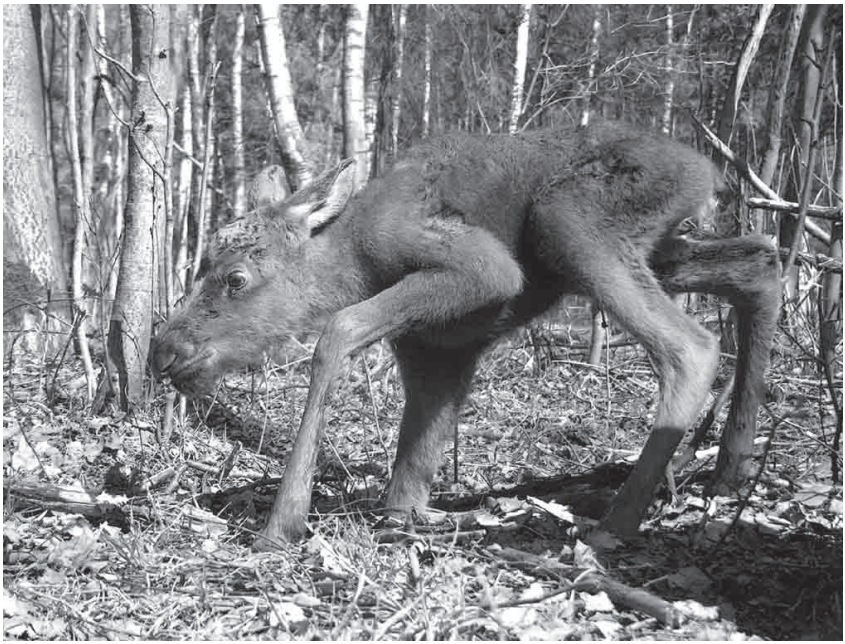
Вскоре приехали в гости два брата Татьяны - Иван и Алёша, они на несколько лет помладше сестры. Иван воспитывает уже троих своих детей, у Алексея - тоже семья и дети. Сестра, едва угостив братьев горячими оладьями, с улыбкой наблюдала соревнование, которое проходило всегда, когда они приезжали, а именно: кто больше подтянется на турнике. Побеждал же всех сын Татьяны - Саша, тот сто раз подтягивался и говорил, что ещё может.

…Нахлеставшись досыта духмяным берёзовым веничком, отведав первых домашних огурчиков и домашнего вина (кстати сказать, и бабушка Таня с нами хлебок вина употребила, по её словам - для здоровья), идём от дорогих Кульковых домой.

Говорю жене: «Помнишь, в прошлом году пальцы на ноге стали у меня опухать? Ну, мне Светлана Кобец и подсказала об этой сенной трухе. У неё тоже ноги не ходили, и ей помогло. Нашёл дом, где коров держали, попросил с килограмм трухи этой самой. И вот, слава Богу, хожу...»

Подумать только - вроде сенная труха и, как водится, бывает и с мышиным помётом, а вот ведь чего делает! Лишь после я узнал, что это старинный способ лечения ног, а сколько таких незнаек по белу свету мается ногами… Потому-то и пишу этот рассказ, дай Бог всем здоровья.

Лосёнок по имени Пересвет



Нынче в современном мире еды много, но человек уничтожает природу, данную нам, грешным, Создателем. Сибирский красавец-лес каждое лето именно по вине человека выгорает сотнями тысяч гектаров. Оттого и бежит зверь лесной с любимых мест куда глаза глядят.

А вот муравьям, да букашкам разным не убежать, не улететь, вот и гибнут они, ох, как много их гибнет. Взять, к примеру, птицу любую: вывелись птенцы, а тут пожар… Ёжики - самохожики, бурундучки – сибирячки, зайчата – грызунята, многие и многие зверята неисчислимо гибнут…

Бежала и лосиха от такого вот пожара. Да что она - бежали рядом и медведи, не обращая на неё никакого внимания: всем хотелось спастись…

Спасительным для всех обитателей многовековой тайги,

жившей по своим законам, явился затяжной, Богом посланный дождичек, шедший всю неделю кряду… Выйдя к небольшой речке, усталая лосиха наконец-то утолила жажду. Испив водицы, бедная лосиха ещё сильнее почувствовала свою усталость. Избитые долгим переходом её ножонки подкашивались, и она быстро заснула.

В том месте, где она жила раньше, ей была знакома каждая кочка. Знала она, где обитают волки, медведи, а тут, в новой местности, всё было неведомо. И от страшной тоски, выпавшей на её долю, она, казалось, говорила: «Ну вот, как же здесь выживать? Почему человек лес сжигает? Отчего он такой коварный? Да он хуже волков и медведей: разве б те стали поджигать тайгу, они ж сами в ней живут. Ведь человек из леса ягод, грибов берёт, а нас, зверей, убивает. Мало ему этого, так он лес поджигает и сам же после задыхается».

Жизнь есть жизнь, привыкла потихоньку и лосиха к новому месту жительства. Выследили её охотники, обложили, побежала она к речке, уже не надеясь выжить. С ружей же палили с разных сторон. Спасали от пуль друзья - деревья. Гнали её к обрыву у речки: там было открытое место и можно было легко подстрелить бедного зверя. Расчёт охотников был на то, что над обрывом она остановится и станет для них лёгкой добычей. Но отважная лосиха сиганула с высокого обрыва в речку, и зверя стало относить вниз по течению; из-под воды виднелась только одна её голова.

Не на шутку разозлившиеся охотники глядя, как их добыча уплывает, стали палить со всех ружей вослед колыхающейся на воде бедной головушке. А когда поняли, что зверь ушёл, сильно переругались между собою…

Выбралась из речки лосиха ни жива ни мертва. Больше двух недель ушло на восстановление сил. Слава Богу, у матери-природы корма для своих детей завсегда с избытком, и исстрадавшийся зверь глядел теперь на мир немного веселее.

Однажды, подойдя к речке, чтобы напиться, лосиха увидела огромного красавца – лося. Как это и бывает в жизни, слу-

чилась у них любовь, а от любви их появился на Божий свет маленький лосёнок. Едва только научившись стоять на своих высоких стройных ножках, он с улыбкой глядел на своих красивых родителей, и не мог досыта насмотреться на них. Полюбилось ему ходить с родителями к речке пить наичистейшую, такую вкусную - превкусную воду, и он, благодаря отцу и матери, постигал лесную жизнь…

Злые охотники не успокоились и снова выследили, где обитает мирное лосиное семейство. На этот раз обложили их крепко, спастись не было никакой возможности, и красавца лося с лосихой убили. Заслышав выстрелы, находившийся на территории, за которую он отвечает, лесник Никодим Иванович завёл свой уазик и поехал к месту, где услышал стрельбу. Завидев машину лесника, охотники, уже погрузившие туши убитых зверей себе в машины, достали свои ружья, стали палить по автомобилю Никодима Ивановича и пробили ему колесо. Увидев это, браконьеры быстро завели свои машины и уехали.

Пока лесник менял колесо, к нему и вышел маленький лосёнок. Подивился Никодим Иванович тому, как же удалось спастись лосёнку, и сказал: «Ну, брат, тебя сам Христос спас. Да вот, понимаешь, и по мне стреляли, стало быть - и меня спас Бог. В общем, такая картина получается, что братья мы теперь с тобой».

В лесничем дому, кроме лесника, жила его внучка Маша, которая в летние каникулы приезжала к деду погостить. Очень любила она дедову похлёбку из белых грибов, чаи на травах, молочко с ягодками. Когда дед привёз лосёнка, Маша тут же полюбила этого несмышлёныша и стала поить его из бутылочки парным молочком, потому как Никодим Иванович держал корову по кличке Красотка…

Шло время, лосёнок подрастал и стал, как это и бывает в жизни, совсем большим. Как только Никодим Иванович выходил на крыльцо, молодой лось тут же тыкался своей красивой мордой в душегрейку лесника, а страж лесных угодий

обычно говаривал ему: «Ну что, брат, поесть захотел? Оно и понятно – кажинная Божия тварь есть хочет. Но ведь это и гоже: еда-то, слава Богу, есть».

На новогодние каникулы приехала внучка Маша, дед запряг лося, получившего имя Пересвет, и они по красивой зимней дороге, в окружении окутанных снегом огромных сосен, поехали оглядывать владения. Но прежде для этого Никодим Иванович целых три месяца изготовлял сани. А почему так долго? Да потому, что не знал он, как их делать, промысел этот по нынешним временам оказался утерянным. Но в одной деревне всё таки отыскался дед, подсказал. И вот теперь они на Пересвете и зимних санях мчались по накатанной дороге.

Маша, глядя на это, вдруг сказала: «Дед, мы с тобой, как Дед Мороз со Снегурочкой». Улыбался на эти слова Никодим Иванович и отвечал: «А мы, дорогая моя внучка, и есть – Дед Мороз со Снегурочкой. Я вот лес стерегу, а ты по хозяйству мне помогаешь».

Вдруг на пути у них вырос человек, оказалось, зовут его Василием Ивановичем, с ним шёл, примерно Машиного возраста мальчик. Оказалось, дед с внуком поехали на «Ниве» на рыбалку, да машина по дороге сломалась. Так что выходили они на центральную трассу, уже сильно замёрзнув. В этот вечер в дому лесника ночевало четыре человека. Мальчика звали Геной и они с Машей вместе покормили корову Красотку.

На следующий день Никодим Иванович съездил с дедом Василием в город и купили там запчасть для сломавшегося автомобиля. Когда они вернулись и зашли в натопленный берёзовыми поленьями уютный дом лесника, то запах свежесваренной ухи тут же напомнил двум дедам, что они голодны. И Никодим Иванович, снимая шубу, спросил у внучки: «А где ж вы окуньков-то добыли? Неужто рыбачить ходили на залив?»

Оставшись вдвоём, Маша с Геной, чтобы порадовать дедов, взявши зимние удочки пошли к заливу, Пересвет же от них не отставал и как преданная собачонка, всегда был рядом. Гена пробурил две лунки, и они с Машей поймали двадцать

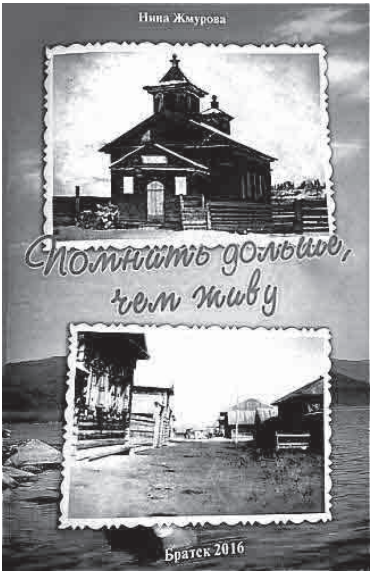
пять окуней. Как весело было глядеть им, как возле их лунок прыгают выловленные, с чёрными полосами, окуни! И теперь, разливая по тарелкам духмяную уху, Маша сожалела лишь о том, что лоси уху не едят, а так бы она своего Пересветушку не забыла побаловать вкуснятинкой. Словно почуяв Машины мысли, Пересвет красивой своей мордой тыкался в заиндевелое окно дедовой избушки. И Маша разлив по тарелкам уху, отрезав горбушку хлеба и посолив её солью, выбежала угостить своего Пересветушку. Дед улыбаясь только и успел крикнуть ей вдогонку: «Машенька, пальтишко-то накинь на себя, простынешь, что потом я буду с тобой делать? Накормив лося, внучка отвечала деду: «Травами и вылечишь, они лучше чем таблетки».

На следующий день починили машину, и дед Василий, поблагодарив Никодима Ивановича за помощь, уехал с внуком Геной в город. С тех пор они крепко сдружились: ловили вместе рыбу, собирали грибы с ягодами. Зимой катались на санях и, ставши большущим лосём, Пересвет носился по накатанной дороге так, что дух захватывало.

Когда Маша с Геной выросли, справили на радость дедам свадьбу. Геннадий заменил постаревшего Никодима Ивановича и стал лесником, и старый лесник обучал молодого разным премудростям.

Говорят, до самой старости жил у них Пересвет и служил людям, ибо в жизни и радости, и горя – всего поровну. Только всё же надобно бы её замечать – радость-то…

Село Московское, печаль кондовая, неизбывная…



«Немногому могут научить народ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, – напротив: сами они ещё должны у него поучиться», – писал великий русский писатель Фёдор Михайлович Достоевский. Другой великий русский писатель Василий Иванович Белов писал: «Стихия народной жизни необъятна и ни с чем несоизмерима. Постичь её до конца никому не удавалось и, будем надеяться, никогда не удастся».

Вспомнить моих любимых писателей мне довелось, прочитав книгу Нины Фёдоровны Жмуровой «Помнить дольше, чем живу», ибо каждая деревенька, ушедшая или не ушедшая под воду – это наша непроходящая рана, а покуда мы живы, надобно писать об этом. Может, кто-то произнесёт очень нелюбимое мной слово – «банально», но когда я издал книгу «Аналой» – это опять же книга о деревне, то видел, что и молодёжь её читает. Да и кто, если не мы, расскажет своим детям и внукам о её величестве, Святодавнишней русской деревне. Знаю, конечно, что это капля в море, да и написано о деревне, Слава Богу, много и без нас, но прекратить писать о деревушечках сердешных мы не можем, ибо очень дорого эта самая капля достаётся. Да и нутро не позволит поступить иначе, ибо неизбывная печаль посещает каждого из нас, кто хоть на малую частицу души причастен к деревне.

У нас на правом берегу есть храм «Преображение Господне», ходят туда три землячки, а село их родное за пять тысяч

километров от сюда. Так ежели когда они заговорят о деревне, обязательно вспомянут, что к ним в село приходил Светильник земли русской Серафим Саровский. Все три уже сильно постарели, а дух, главное дело, в них всё ещё жив. Слава Богу – живуч этот самый кондовый дух…

Замечательная братская писательница Нина Фёдоровна Жмурова, встречаясь с жителями села Московское, которое было затоплено Усть-Илимским водохранилищем, собрала данные не только у непосредственно бывших жителей села, но и очень ответственно поработала с архивом. Пригласила и меня Нина Фёдоровна на презентацию своей книги, а я уж и еду, ибо там о деревне баять будут…

Устраивает такие встречи в библиотеке имени Ивана Ивановича Наймушина замечательная, воистину солнечная женщина, библиотекарь Москвина Екатерина Васильевна. Сама она с Илима, с деревеньки Зятья, тоже ушедшей под воду. Всегда удивляюсь её организаторским способностям, ибо во многом именно благодаря её стараниям и проходят такие уникальные встречи. На презентации книги моим соседом оказался Иван Михайлович Московских (Сизаров).

Время до начала мероприятия ещё было, но поразило сразу то, что посреди лета, когда, казалось бы, у людей больше забот, в библиотеку имени Ивана Ивановича Наймушина пришло более сорока человек. Все они, конечно же, имели непосредственное отношение к родному селу, но удивило, как всё же дружны деревенские жители, городским до них явно не дотянуть. К Ивану Михайловичу подходили все, пришедшие на встречу, дружески обнимали, целовали. Я до этого с ним был уже немного знаком, о нём в газете «Сибирский характер» писал мой друг, журналист Сергей Максимович Маслаков. Разговор завязался сразу, и мой боевой диктофон снова трудился, а Иван Михайлович с немалым волнением говорил: «Один миллион семьсот тысяч тонн давала Иркутская область хлеба стране, мы же постоянно площади под пашню увеличивали, техника в две смены работала». Вдруг кто-то из

зала заспорил, как звали кого-то из деревенских, Иван Михайлович прервался: «Что вы спорите, дед Ион был!» — и моментально спор был исчерпан. Лишь после я узнаю, что Иван Михайлович вёл летопись своего родного села.

И вот уже автор книги, Нина Фёдоровна Жмурова, рассказывает нам о своей (в этом убедились все, кто пришёл на встречу) уникальной и воистину духовно-нравственной книге: «Прочитав мою книгу «Когда цвела черёмуха», Мария Ивановна Чупина загорелась идеей написать книгу о селе Московское, но прежде всего убедил её в этом Иван Михайлович Московских, хранитель и старожил села. У этого замечательного человека хранились его записи о всех без исключения жителях села: кто когда родился, кто умер, кто где работал, и он не раз говорил — вот бы книгу издать… И ведь буквально за три месяца эти два человека собрали всё, что смогли, и обратились ко мне с просьбой написать книгу. Когда книга готовилась, стали поступать фотографии односельчан, и эти исторические фото, конечно же, были размещены в книге.

Я зачитаю начало книги: «Небольшой катер остановился посредине воды. Смолкли голоса людей, собравшихся на палубе. Не слышно пения птиц, шума ветра, воды, звуков пролетающих самолётов. Синее, безоблачное небо, солнечные блики на воде, тишина… Только слышно, как громко стучит сердце: здесь дом, здесь дом, здесь дом! Там, на глубине, под толщей воды Усть-Илимского моря, было когда-то их село Московское – малая родина. У людей на глазах заблестели слёзы. Вспомнился беспрекословный, уверенный лозунг: «Здесь будет ГЭС!».

Вроде нужное для страны дело, но как изменились судьбы людей, живущих простой, крестьянской жизнью. Было всё: любовь, счастье, работа, природа, быт, рождение детей. Всё, чем жили, дышали, радовались, всё, что они не по своей вине не сберегли. Всё было самым дорогим, целебным. Самым целебным для них в данное время, оставалось – молча постоять на палубе, слушая удары сердца, вспомнить всё, что память

трепетно хранит. Что каждый из них ощущал, вспоминал, о чём думал? Грусть, тревога, обида, или радость, что хотя бы мысленно побывал в родных краях, уловил запах родной земли, хлеба. Коснулся детства рукой, прошёл своей улицей, открыл калитку дома, обнял отца и мать. Всё смешалось, отозвалось биением сердца: помним, любим, не забудем! И казалось, что сейчас вместе с ними грустит молчаливая Русь».

Нина Фёдоровна читала текст с явно выраженным волнением, на её глаза навернулись слёзы, но, как истинно русская женщина, она справилась с нахлынувшей тоской и закончила свою речь четверостишием:

Московское – моё село
Осталось в памяти навечно.
На дно морское ты ушло,
Загублено бесчеловечно.

Я невольно глянул в зал и увидел ожидаемые слёзы на лицах деревенских жителей, по указу давно ставшими городскими. Боже! Сколько их уже поумирало! Сколько ещё теплится на Божием свете! Почему же они, эти самые слёзы, ожидаемы, думаю, и объяснять не надо, ибо сколько бы я ни бывал на таких похожих встречах, видел, что люди всегда плачут. От этого, наверное, мысли и вернули меня к моему стихотворению:

Деревенский погост, городской ли
– Там в родительский день суета,
Здесь кресты покаянью учили,
Для чего эта жизнь прожита.
Плачь родных за железной оградой,
Где берёзы хранят тишину.
Над табличкой со скорбною датой
Я, конечно, сквозь слёзы моргну.
В синеве облаков мирозданье…
За усопших согбенно молюсь.
Видел ветер моё состраданье,
Вновь с Россией в тревоге сольюсь.

А ведь этим сердешным людям ни поплакать, ни постоять у могил своих праотцов, ибо затоплены их погосты, опять же по указу свыше, по чиновничьему беспределу. Видел я и то, что тоска эта неохватная передалась и их детям и внукам, и они вправе задать вопрос, почему так всё случилось…

Нина Фёдоровна посмотрела в зал и, отыскав Ивана Михайловича, тихо сказала: «Вот, дорогой Иван Михайлович, и осуществилась ваша мечта: книга о вашем селе Московское вышла», — и тут же пригласила его сказать слово.

Читая Василия Ивановича Белова, Василия Макаровича Шукшина, Валентина Григорьевича Распутина, Виктора Петровича Астафьева, Фёдора Александровича Абрамова, Бориса Андреевича Можаева, видишь, как издевательски относились наши власти к крестьянству, напрочь уничтожив хозяина земли – хлебороба. Страшным горем прошла коллективизация по всей стране, об этом написано действительно много. Мне же вспомнилась одна бабушка, которая рассказывала: «Пришли к нам «отбиратели», а у нас сердешных на одиннадцать детей всего одна коза осталась, коров и лошадей уже отобрали. Так и последнюю козу забрали. Как выживали страшно».

Вспомнился мне ещё рассказ другой бабушки: «Умерли родители рано от непосильной работы, а мы ж, дети-то деревенские. Огород посадили, и выросла у нас огромной величины капуста. Мы радуемся, в баню её убрали на ночь, а её всю украли. Ох и плакали мы, ох и плакали, голодали… Но вот как-то выжили, конечно – из-за картохи. Я потом, когда выросла, все пять лет воевала с фашистом».

Глядя на ту согбенную фронтовичку и её многочисленные награды, мне хотелось тогда плакать. Велик наш народ, ведь пройдя многолетние поборы со стороны власти, он продолжал трудиться уже в колхозах. Но чтобы осмыслить это молодым, надобно всё же почитать перечисленных выше, наших великих писателей – деревенщиков, ибо только в России есть такое понятие, как деревенская проза…

Иван Михайлович, выйдя на середину зала, с явно выраженным волнением рассказывал: «О селе Московское говорить можно много, только не перебивайте, иначе мысль потеряю. Шестьдесят два колхоза было в Братском районе. Наше село по сдаче продукции всегда было третьим. Из шестидесяти двух колхозов быть третьими – это не так просто. У нас двадцать пять заимок было, самая близкая в десяти километрах, самая дальняя в восемнадцати километрах. Мы ж на островах были расположены. А острова эти теперь, там, где мы сейчас живём, есть шиш нынче, а не сено. С Петрова дня начинали косить, а после, как всё откосили на окунёвской заимке, на престольный праздник весело отмечали это дело после трудов праведных.

Народ у нас какой был? Война началась, у нас сорок восемь дворов было, шестьдесят шесть мужиков взяли, из некоторых домов по четыре человека ушли, двадцать три из них не вернулось, каждый третий был убит, а у них остались и по трое, и по пятеро детей. И вся эта тысяча пахотной земли и четыреста гектар сенокоса легла на оставшихся жителей, на всех поголовно. Разве только кто в зыбке лежал, не работал. На-те мякиш хлебный в твой беззубый рот, и жди-пожди родных своих людей, сродников стало быть, работающих до ломоты в костях в поле. Ближние острова женщины да старики обрабатывали, а дальние мы, молодёжь. Тридцать три девчонки и двадцать шесть парней возделывали землю – двадцать седьмого, двадцать девятого, тридцатого и тридцать первого года рождения. Я был тридцать первого года рождения, последний, кого крестили в нашей церкви.

Когда велели церкву закрыть, наш народ не разрешил, чтобы кресты с храма снимали. Так до затопления Усть-Илимским искусственным водохранилищем и стоял наш храм со крестами. Я отвлекаюсь, но простите да внемлите…

Вот посчитайте сколько нам лет было, когда война началась, а мы всю мужицкую работу делали. Московское чем спаслось? Урожаи были хорошие. В тридцать седьмом году,

когда Василий Алексеевич был председателем, сумели купить локомобиль. На лошадях с Тулуна притащили локомобиль за триста километров, под гору и в гору. А дороги-то какие были? Подумайте и представьте: не дороги, а одно направление. Мой отец тогда за старшего был. А раз техника есть — всё вспахано, хлебец родится. Два государственных плана мы всегда сдавали. А ведь мы тогда, в сущности, ещё дети были: по двенадцать лет всего от роду, а мешки с зерном по семьдесят килограмм волокали…

Бывало, мы вдвоём накатываем мешок по доскам наверх, другие там нас ждут. Пришли женщины, хлеб намолотили, ушли, еле живые от усталости, а нам эти мешки надо на телегу, с телеги в карбас (карбас – большая лодка вместимостью двести тонн), потом карбас затянуть, потом надо переплыть реку. Затем на телегу выкатить, с телеги на весы, потом погрузить для сдачи государству, и всё это на мальчишечьих руках. Вот почему наше поколение серьёзно к делу относилось.

Я сейчас смотрю на погоду и удивляюсь: раньше уж пятнадцатого, двадцатого сентября снег вываливал, надо было успевать урожай собирать. Ох и работали мы до ломоты страшенной в костях, индо продыху не хватало, но всё успевали и радовались этому несказанно. А сейчас бывает — весь октябрь тёплый стоит, а бывает, что и ноябрь, изменилась погода крепко. До пятьдесят третьего года конями мы пахали, сейчас вся земля брошена. Как, думаете, старому крестьянину смотреть на это, а? Мне сейчас восемьдесят седьмой год пошёл. Иркутская область на два миллиона населения выращивала один миллион семьсот тысяч тонн хлеба. Сейчас — четыреста тысяч тонн на то же население. Не едут нынче в Сибирь люди жить, бегут…

Началась стройка Братской плотины. Я участвовал лично в обеспечении продовольственного пояса. Это что значило? Надо было кормить строителей, рядом все посеянные поля, в Ангаре таймень, осётр, стерлядь, сиг – всё в Братскгэсстрой сдавали, они принимать не успевали. Они построили пионер-

лагерь «Ангара» на том месте, где наши коров доили. Мы туда детям и молоко парное возили, и мясо наше сельское, наисвежайшее – обычно бычков забивали на это дело, много у нас их было. Одна у нас женщина была, возьмёт две фляги молока в обе руки, а фляги-то, по тридцать восемь литров каждая, и несёт в катер. Вот где силища-то, вот где настоящая русская порода жила! Для ребятишек, стало быть, молочка парного отведать.

Где теперь этот лагерь? Нет его! Кто сейчас так о детях заботится? Литр молока стоил двадцать четыре копейки, колхоз наш был миллионером. Помножьте эти копейки и представьте, сколько надо было сдать продукции государству, чтобы быть колхозом-миллионером. Где сейчас этот колхоз? Нету, и страны то нету. Восемьдесят четыре процента государственной собственности приватизировано. У нас остались не приватизированными железная дорога и Роснефть, да надолго ли? Семьдесят процентов из этого принадлежит иностранцам. Мне страшно от этого. Раньше каждый год мы отвоёвывали у тайги мотыгами да топорами четыре, пять гектар под пашню, потому что на новой земле хлебец хороший рос. Сейчас всё брошено. Сколько молоковозов шло на завод, а завод не успевал перерабатывать это молоко, и сливали его на землю… Я ещё ругался: отдайте, мол, хоть поросятам. А сейчас что? Столько своей продукции создавали, а сейчас нам говорят: мы едим чужое. Ну вот как крестьянину глядеть на эдакое? Сейчас кричат – демократия! А на приём ни к кому не попадёшь. А если и попадёшь — не помогут. Раньше любой начальник был обязан тебя принять. Вот это я понимаю – демократия! В страшном 1947 году неурожай был, колосья пустые, мороз ударил сильный очень рано, да так, что даже картошка на корню замёрзла. Мужики ещё возвращались с войны: отпускали-то всех не сразу, а нам их и покормить нечем, но спасала в любые времена рыба… Пришли все израненные, избитые, но вы бы видели, как они работали! Они настолько стосковались по работе, им надоело убивать друг друга, во-

евать… Все на нас лезут, мы же никогда не хотели войны».

В этом месте Иван Михайлович заплакал навзрыд, но быстро справился и дрогнувшим голосом продолжил: «Они, отцы наши, выжившие в самую страшенную войну за всю историю человечества, так работали, что казалось, что они не спят совсем, но по сути – так оно и было. Из тех тридцати трёх девчонок, что во время войны хлеб для страны растили, в живых осталось три, а из парней один я остался».

Старожил села Московское вдруг умолк, оглядев старческим взглядом пришедших на встречу, и, чуя нутром тишину, подумал наверное в эту минуту, сколько той жизни осталось, и снова затвердил: «Летом на лодках-долблёнках, карбасах до Падунского порога ходили, а это двадцать семь километров, затем на лошадях или пешком до Братска тридцать три километра. Зимой, когда Ангара замерзала, прорубали в торосах ледовую дорогу. Дорогу прорубали от Дубынино до Антоново – дубынинские, антоновские – до Московского, а московские, матерские, бурнинские, тэнговские жители расчищали дорогу в ледяных торосах от Бурнино до Падунских порогов. Когда торосы были большими, по высоте двухэтажных домов, дорогу чистили по шесть, семь дней.

Всяко жили, но труднее было нашим дедам. От непосильных налогов они, сердешные, старились безвременно. Ох и сильные люди были, всё ж вручную делали… По праздникам пили только стаканами, домашнюю опять же выпивку-то, но удивительно: ни одного пьяницы не было. Похмелья не знали, утром все сызнова впрягались в тяжеленную работу. Замёрзнет бывало Ангара, и по расчищенной дороге повезут в Братск зерно на золотых наших трудягах – лошадёнках. До 1941 года возили в Тулун за 285 километров, как тут лошадей наших дорогих не вспомянешь…

Сейчас вот думаю: мы ж всё сами производили — и одёжу изготовляли с самого что ни на есть начала, сами и мешки шили. Мясо коров, свиней, овец, птицы, яйца, но, кроме этого, шерсть, табак, картофель – всё сдавали государству нашему.

Вот, говорят, зерно, а это ведь зерновые – что это такое? А это пшеница, рожь ячмень, овёс, горох, гречиха, просо… А рыбы сколь сдавали, да вдобавок, по госповинности лес заготовляли. Многие тогда говорили, что крестьянин, дескать, только соль и спички покупает в магазине. Но только это слова, на самом же деле – надсада, и ещё раз повторю это слово – «надсада». Только после, того как он рассчитался с государством, и выдавали крестьянину заработанное на трудодни. Повторю: сильные были люди необыкновенно, потому-то и выживали. В селе до войны было двести лошадей вместе с молодняком. Одно это уже о многом говорит. Но главное, не поверите наверное, но никто не жаловался, как сейчас например: «друг на дружку, третий на верхушку». Наши сельчане были незлопамятные, добропорядочные, ласковые и совсем бесхитростные. А главнее всего – души были чистые, как вода на ту пору в реке Ангаре.

Многие из современных злословов, может, ухмыльнуться и скажут: наврал, мол, дед. Но так было, и врать мне совсем ни к чему, ибо люди трудились от зари до темна, тем самым соблюдая Божию заповедь о труде, стало быть»…

Иван Михайлович замолчал… Встревоженные праведной речью земляка, все стали просить рассказать его ещё что-нибудь, но он ответил, что надо другим слово дать, и сел рядом со мной. Видно было, что рассказ этот дался ему действительно сложно. Я не выдержал и сам, не на шутку встревожившись, стал гладить его по голове, потому как поступить по другому не мог…

Есть уникальный, классический, воистину великий труд учёного Шерстобоева Вадима Николаевича под названием «Илимская пашня». Там описана жизнь крестьян именно этого района с 1725 по 1800 годы. Из книги узнаю о том, как всё-таки умно подходили крестьяне-хлебопашцы к делу: ведь они делали запас хлеба вперёд на год, тем самым перестраховываясь на случай неурожая. Знаменитый краевед делал вывод, что многие ангарские деревни возникли гораздо раньше,

чем принято считать официально. Приведу и цитату из этой уникальной книги: «Основу экономического развития Сибири того времени составляет сельскохозяйственное освоение её пространств. Не поиски пушнины, не разведки серебряных жил и золотых россыпей, не промысловая, торговая или промышленная колонизация Сибири, а сельскохозяйственное освоение её является стержнем экономического развития Сибири. Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне».

Первоначально в книге было 1790 листов текста, но издатели сильно сократили труд Вадима Николаевича. И, как знать, может на основе этой книги снимут художественный фильм. Повторю: материалов в фундаментальном труде учёного предостаточно, одно упоминание о Витусе Беринге чего стоит…

Далее было предоставлено слово нашему депутату Сергею Григорьевичу Московских, который финансово помог выходу книги (в основном тираж был оплачен Братской администрацией). К нам вышел одетый по-простому мужик и заговорил: «Очень рад видеть вас, дорогие земляки. Надо по крупицам собирать всё это. Я совсем мальцом был, но помню, как ездили мы с дядей Ромой, картошку возили, он меня подсаживал на коня… Помню, с дедом Иваном возили воду в бочке на телеге по деревне, конечно, с впряжённой под узцы лошадью. Я очень сейчас жалею, что ушли наши старики, а мы с ними не поговорили» — Сергей Григорьевич тяжело вздохнул. — «Мы раньше всё приезжали к Ивану Михайловичу, показывал он нам свою тетрадку с записями о родном селе, да ведь так зачастую в жизни бывает, что одолевает жизненная суета всех нас… Огромное спасибо Нине Фёдоровне за то, что она собрала все записи и издала книгу о нашем селе. Впоследствии, благодаря этому делу, набралось уже много фотографий, а сейчас техника такая, что можно издать и фотоальбом о нашей деревне. Давайте выпустим книгу — «Наша деревня в лицах».

Запомнилось мне и выступление одной женщины: «Мы

однажды при внуках стали по своему сибирскому говорку разговаривать, так внуки прямо нам сказали: « Вы на каком иностранном языке разговариваете?» При этих словах встрепенулся и Иван Михайлович: «Да у нас, бывало, деревня за шесть километров другая, дак и там уже по-другому говорят»…

От потери родного говора ох как саднило души наших крестьян, всех писателей-деревенщиков, потому-то не удержусь и приведу некоторые, размещённые в этой удивительно насыщенной книге Нины Фёдоровны слова местного диалекта, собранного Людмилой Московских (Митрофановой): «Удрала, так удрала – сделала что-то не так»; «кружай, да не совсем – не говори лишнего, не путай факты»; «утропкалась – улеглась»; «лени смертные напложены были – очень ленивые рождены»; «скалывашься – измучиваешь себя»; «валявка – швабра»; «чеппук – утёнок»; «ткни и не канет – сильно расстроен человек»; «подай евон оттуда, евон там лежит – место, где что-то лежит»; «ты пашто не такой-то – почему»; «Христовы ребятишки – обращение, и ещё так говорят о послушных детях»; «про нас-то уж ни одна птичка не споёт – никто плохо не скажет»; «ронниньки ты мой – ласковое обращение»; «вон помират лежит – болеет»; «заузизы – живучие, сильные люди»; «в коли, в мяли, в осиновы дрова – хорошую одёжу не бережёшь»; «поторчина – полено»; «ляристиння – неаккуратная»; «пимка – булавка»; «оттрепался – отмучился»; «сонготка задавлят – желание спать»; «изурёнок – щурёнок»; «фирёк намырский – плохо одетый человек»; «сёгуды – сегодня, в этом году»; «обнарошно – неправда»; «поперечным ты был напложен – вредным»; «постягонки – крепкие нитки, которыми зашивали обувь»…

В этой уносящей нас в далёкую святую старину книге таких слов много, и ведь диво-дивное — в каждой волости на Руси свой говорок был. Такие слова как: нынче, давеча, баять, ушкуйник, тать, вёдро, баско… Многие, милые нашему нутру, другие диалектные слова, но, что характерно: в раз-

ных местах России менялись у них лишь некоторые буквы в произношении, употреблялись же они по всей нашей милой сердцу Отчизне, в едином смысле, что несомненно говорит о кондовой мудрости нашего народа. Да и слова-то какие: они, словно оберегающие народ наш от беды…

Мне же вспомнилось выступление народного артиста России Михаила Ивановича Ножкина в Первопрестольной перед нами. Он, сильно волнуясь, говорил: «Берегите русский язык – это наш оберег». На слова Михаила Ивановича были написаны великие песни, «Я люблю тебя, Россия», «Последний бой» и многие, многие другие песни, давно полюбившиеся нашим народом. Когда мне становится больно на душе, всегда пою: «Ещё немного, ещё чуть-чуть. Последний бой, он трудный самый, А я в Россию, домой хочу, Я так давно не видел маму»… Или «Много раз тебя пытали, Быть Россией иль не быть, Много раз в тебе пытались Душу русскую убить»…

Так вот сам себя и поддерживаешь, трепыхаешься на Божием свете, а, стало быть, и живёшь. Ныне же, глядя на то, как испоганен нашими врагами наш Великий и Могучий русский язык, что даже наши внуки, слушая своих бабушек, думают, что те говорят на иностранном языке, становится очень и очень больно на душе. Что ж вы, родненькие, сердешные внуки да правнуки, язык свой забыли? Вернитесь, опомнитесь! Он ведь для ваших сердец шибко как надобен, не предавайте старину-то…

Нынче часто слышу, что если бы старики из гробов поднялись, поглядели бы, что творится на белом свете, то обратно бы на тот свет убежали. Трудно не согласиться с такими вескими доводами: ведь по сути подорваны, а где и совсем уничтожены многовековые традиции и уклад жизни нашего православного народа. Только, как православный человек, верю, что как раз именно ушедшие от нас наши дорогие сердцу старики, там, на небесах, молятся денно и нощно о детях и внуках своих. Надобно помнить и о том, что Россия находится под покровом Божией Матери. Что же касаемо испытаний,

выпавших на долю нашей Отчизны, да когда их не было, этих самых испытаний?! Именно по этой причине и верю в нашу молодёжь, она ж поросль-то от наших стариков и пошла. Потому и жива надёжа, ибо семя-то нашенское…

Невозможно не отвлечься, когда пишешь о деревне, я ведь сам много лет видел и жил деревенскою жизнью. Не забыть вовек, как бабушка моя, Татьяна Ивановна Куванова, разливала по глиняным горшкам парное молоко, и в горшках этих молоко не кисло по неделе и больше. Деревня — это великий труд, это святыня нашего многострадального народа…

Словом, разговорились на этой встрече жители села Московское, затопленного Усть-Илимским водохранилищем, вспомнили и о плывущих гробах при затоплении. Тема затопленных погостов деревень и сёл Братского, Усть-Илимского, а сейчас и Богучанского районов — страшная тема (почитайте статью Сергея Маслакова «Экспедиция на пугающий остров» на сайте «Имена Братска»), и похожих историй, поверьте, вы найдёте немало. Как тут не болеть сердцам и душам…

Вспомнили и о восстании стрельцов в Москве в 1701 году, оттуда шла, якобы, ниточка к названию села. И тут снова не выдержал Михаил Иванович: «Когда стали фамилии писать у крепостных? После отмены крепостного права. Вот и к нам приехал писарь и записал всех под фамилию «Московских». Имена и прозвища, знамо дело, у всех были, так вот на прозвищах и жили. В архивах многое можно узнать, но и наши воспоминания чего-то стоят. Сенокосы у нас в Сибири не были частными, они были общинными, половина антоновских, московские, в деревне Сохорово московские наши жили. Во многих деревнях Братского района с нашего села люди расселились, женились, да замуж выходили, а теперь уж во многих уголках России, что тут толковать. Ещё поляков к нам в кандалах гнали, царь приказал. Они ж католики, а жениться же охота — становились православными, они ж неглупые люди… Вот и приумножалась так культура России».

Прозвучало на встрече и стихотворение усть-илимского

поэта, прозаика и художника Георгия Иннокентьевича Замаратского из книги Нины Фёдоровны, которое привожу:

Глаза закрою, вижу Родину,
Которая на дне морском.
А за деревнею – поскотину
И отмель с розовым песком.

Глаза закрою, вижу избы я
На берегу реки моей.
Амбары вижу, стены рыжие
С инициалами парней.

Глаза закрою, вижу поле я.
Вот здесь пшеница, там ячмень.
Как хорошо в полях! Тем более
В погожий августовский день.

Глаза открою – вижу «море» я,
И по нему – «девятый вал»,
А родина – уже история…
Зачем глаза я открывал?

Хочется плакать, но Господь останавливает слёзы, и память возвращает меня к одному случаю: «На протяжении нескольких лет, так как знаю многих людей нашего города, я помогал своему другу, журналисту от Бога, Сергею Максимовичу Маслакову в подготовке материалов для газеты «Сибирский характер», да и сам писал для неё статьи. Так вот, однажды встретил я у магазина знакомого мужика, разговорились, оказалось, что он родом из деревни Матера, я не поверил, а он тут же мне паспорт показал. Позвонил Сергею, и мы вскоре навестили его родителей. Далее статья о затопленной деревне Матера была напечатана в газете тиражом в сорок пять тысяч экземпляров. Нина Фёдоровна Жмурова разместила две статьи моего друга в своей книге, за что я ей очень признателен. И к этому времени, когда пишу об этом, уже передал её книгу

Сергею, уехавшему на Алтай. Приведу выдержки из Серёжиной статьи:

«Родом я из деревни Матера, – рассказывал Григорий Степанович. – Не Матёра, как у Распутина, а Матера, с ударением на «а», но почему-то все считают, что именно с нашей деревни писалась вся эта история. Не знаю, не читал, некогда было, а сейчас глаза не позволяют. Хотел Григорий Степанович фильм посмотреть, но как только увидел киношную деревню, телевизор выключил: «Не наше это. Не знаю, где снимали фильм, но только в нашей Матере таких домов не было. Да и природа другая: места в Матере красивые, но неприятные тем, что горы большие. Лошадей во время войны не было. Женщины с заимки до дома восемь километров шли пешком, снимут чирки и домой, их так и звали «домашнии». Два часа дома побудут и обратно, мозоли на ногах, а тут ещё горы». Матера, в отличие от литературной деревни находилась на материке, от этого и название. Появилась она, скорее всего, позднее близлежащих островных деревень – Антоновой, Бурниной, Московской. Основали её, судя по всему, жители последней деревни: часть их полей находилась «на материке», и однажды кто-то не захотел кататься взад-вперёд, и осел на новом месте».

Слушая рассказы старожилов сибирских деревень, читая архивы, краеведческие труды, я конечно знал, что казаки да арестанты в кандалах заселяли Матушку — Сибирь. Но ведь и арестант, оставшись после срока заточения на жительство в Сибири, становился другим человеком. И он, казалось бы ушкуйник, тать, видя сибирскую богатейшую природу, обрабатывал землю, добывал зверя, рыбу. Знамо дело — дети рождались, множились деревни. Но поражала всё же хватка нашего сибирского мужика, и я снова привожу выдержку из Серёжиной статьи про деревню Матера:

«Мельница, благодаря которой «черпали» рыбу, стояла первой в ряду других мельниц на Шаманке – Московской, Антоновской, Бурнинской. Запас воды создавался при помо-

щи плотины, которую по весне, чтобы избежать потопа, «срубали». В июле снова ставили «речник» – перекрытие. Матерская мельница, в отличие от соседских, благодаря близости тёплых ключей, работала до поздней зимы. Мельница была своего рода местом, где опробовались передовые идеи. С помощью мельницы, по подсказке деда Наума с деревни Московской, приспособились молотить зерно, до этого обмолот шёл конной тягой: коней гоняли кругом. Матерской мельник Семён Николаевич говорил: «Дайте мне динамо, и я электричество дам».

Такова уж книга Нины Фёдоровны, что нестерпимо хочется выписывать из неё тексты, и это, разумеется, нарушение литературных правил. Так что критики пусть критикуют, а я снова о Матере: «Возле Шаманки, где она в Ангару впадала, был склад всегда забит рыбой. Рыбу ловили перемётами, казалось, много не поймаешь, но результаты были удивительны. Дед Иван Павлович, к примеру, в один год добыл перемётом сорок пять центнеров ельца и пятнадцать – тайменя. Столяр Семён Николаевич только успевал бочки делать, в которые солили ельца, а куда отправляли – неведомо».

Примечательным и до слёз трогательным в этой статье про Матеру явилось то, что Григорий Степанович всю свою жизнь тосковал о родном доме, который ещё в Матере приспособили под магазин, и он всю жизнь думал, что его сожгли перед затоплением. На старости лет Григорий Степанович попал в больницу и рассказал эту историю соседу по палате. Далее выписываю снова текст: « Магазин, говоришь? – сосед, словно взвешивал что-то в уме. – Твой дом не сгорел, хороший дом. Перед самым затоплением магазин из Матеры вывезли в Осиновку, поставили неподалёку от геологоразведки и разделили на несколько семей – в одной из квартир я жил какое-то время…

Григорий Степанович ушам не верил. Дом, который он давно похоронил, оказывается, цел и служит людям. Дом, половицы которого до сих пор помнят его ступни… Хотелось

побыстрее выздороветь, пойти в Осиновку, найти дом и сесть на порог, как это было когда-то в детстве. Не может быть, чтобы всё было понарошку, хоть что-то из прошлого, но вернулось…»

Два дня перебирал бережно мною хранимые газеты «Сибирский характер». В статье «Потомки Дубыни» (повествование о старом Дубынино) Сергей пишет: Какой же крепости, физической и нравственной, были эти люди, если, пройдя все круги ада, не сломались, не ожесточились, не потеряли веры и сердечности… Мама часто вспоминала: « Какой раньше народ красивый и живой был. У нас на Устье Федосья Ивана Егорова была – уже трое детей, а век бы на неё смотрел. Что лицом, что фигурой удалась… Бывало, выйдет в поле жать, сама красивая, нарукавники белые, запоёт – в бору отдаётся, мужики работу бросали и слушали. Или возьмём Михаила нашего, он на спор по первопутку (первому снегу) на гору на цыпочках взлетал, не оставляя следов. Не зря его «Коробков» прозвали».

А про себя мама говорила: «Могу похвастать — никого ни с кем за всю жизнь не поссорила, никому на худо не посоветовала».

Замечательным журналистом Сергеем Максимовичем Маслаковым за последние эти годы было написано очень много статей о деревнях и сёлах Братского и Усть-Илимского районов. Это «Короткий век острова Московский», «Родословная повстанца Константина Серышева», « Потомки Дубыни», «Деревня Матера и её жители», «Большеокинские хроники», «Жизнь Тихона Серышева», «Земляки повстанца Серышева», «Хранитель деревни Анчериково» и многие, многие другие. Найти их можно на сайте «Имена Братска» и на сайте газеты «Сибирский характер». К тому же мне известно, что благодаря широкому распространению газеты, многие деревенские эти газеты бережно хранят, как драгоценную память об отчем Братском и Усть-Илимском крае. Думаю также, что и братским краеведам эти, воистину праведные труды Сергея Мак-

симовича, будут интересны.

Тираж у книги Нины Фёдоровы Жмуровой «Помнить дольше, чем живу» всего пятьсот экземпляров. Это, конечно же, очень мало, именно потому я и пытаюсь поподробнее написать об этой замечательной книге. Ниной Фёдоровной уникально представлено, как именно разговаривали жители наших Ангарских деревень, и вот попробуй, удержись, чтобы не привести эту кондовую, воистину прекрасную речь. Здесь к тому же приведены выдержки из словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири (автор Г.В. Афанасьева-Медведева). С немалым волнением выписываю: «Сейчас бы стары люди поднялись с кладбища, посмотрели и со страха снова померли. Все деревни ангарские, весь народ в разбросах, все разъехались. Вот эти ГЭСы понастроили, всё затопили, весь народ выкоренили отцель». «А какой хлеб рождался, ой-е-ей! А стряпоться-то, счас бы эту крупчатку. Там же Христова земля! У нас золотые острова! Всё утопили, всё жалко». «Ангара-то раньше чистой была. Вода, как хрусталь! Пьёшь её, не напьёшься. А сейчас до чего дожили, угробили всё кругом, заразится скоро всё кругом, всё и всех угробят». «Раньше знали, когда рыбу ловить, когда утку добывать, когда ягоду собирать, сейчас одни браконьеры». «Раньше хоть бедно жили, даже трудно бывало, но честно, открыто и дружно, помогали друг дружке, чем могли». «Острова же были, туда на лодках плавали. Сено косили, гребли, копнили, зароды ставили. Управишься с сеном, обратно едешь, песни поёшь». «Ангара-то, знашь, кака певу-у-уча-то! На жнитво идёшь – поёшь, с бичевой идёшь – поёшь, илимку тянешь – поёшь. А пели-то! У нас тятя запоёт – аж тайга колется! Или у кого соберёмся да как зинем-зинем! Аж вдыха не хватат! Старики говорят: «Эх, голоса, как зинут – лампа гаснет! Матеря, отцы поют и дети за имя». «Ой, как гуляли-то, мы? Ой, как гуляли! На лодках на Матеру уезжали, а там, на берегу старушки с ребятишками ждут. Только лодки подъезжают, уже все знают, чья лодка. Настолько были все дружественный народ. Счас-то

ничего этого нету, пьют безбожно, да дерутся». «Раньше-то к друг дружке собирались, вяжут, шьют, прядут ли, кого ещё делают, не пьянствовали, делом занимались». «Раньше-то народ и жил влюбовинку, и работал влюбовинку, а не как сейчас»…

Интересными в книге мне показались выдержки по Сибири П.Н. Буцинского и без волнения в душе тут не обойдёшься, потому снова выписываю: «Русский человек легко ориентируется в каждой новой местности, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться со всякой народностью. Благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, он быстро превращал в свою плоть и кровь всяких сибирских инородцев, хотя, конечно, и сам не вполне оставался тем, кем и чем был до переселения в Сибирь. Разное происхождение, разная вера, разный язык, иные нравы и обычаи не препятствуют ему даже входить в семью инородца, вместе пить и есть, но славить Бога по-своему, по-христиански».

После я долго размышлял, ведь действительно, русский человек, осваивая Сибирь, жил вместе с тунгусами, бурятами, тувинцами, и разделял с ними хлеб и соль. Но раньше я думал, что в особенности в шестнадцатых, семнадцатых, восемнадцатых веках на западе нашей страны православие было развито сильнее. Углубляясь в этот вопрос, обнаружил, что действительно – на западе храмы строились большими и благолепными. Теперь понимаю, ведь крестили меня в Горьковской области, а там и в Советское время было достаточно много действующих храмов. Помню, как везли меня, маленького на телеге в Саканы. И до сих пор явственно встаёт перед глазами купель и расписные стены храма. Как батюшка бережно берёт меня и опускает в купель. Именно купель вспомнил в своей замечательной книге «Время собирать камни» Великий русский писатель Владимир Солоухин, утверждая, что она нас всех объединяла. У нас, в молодом Братске вполне понятно – храма тогда не было. Позднее я узнаю, что в Братском и Усть-Илимских районах когда-то было множество деревянных храмов. Признаюсь честно, что это меня сильно

порадовало и огорчило одновременно, и, надо признать, такое состояние привычно для нашего нутра.

Глядя на то, как развивается современный мир, невольно думаешь, что цивилизация эта современная очень во многом безнравственна, хоть и мнит себя образованной. Я вспоминаю своих деревенских ровесниц, которые доили коров, мыли в избе полы простой тряпкой, от чего дома, дух стоял свежий, избяной. Уж они, сердешные, умели делать любую деревенскую работу, а она, как известно, надсада. Но, тем не менее, не устаёшь дивиться работоспособности и мудрости деревенских жителей, а нынче чего… Именно потому, глядя на современную молодёжь становится очень грустно, а ведь они, наши мальчишки и девчонки, совсем не виноваты в этом. Засухи на таланты в России ни когда не было, а случилось так, что взрослые дяди и тёти, добравшись до чиновничьих кресел, доумничались до того, что погубили деревни и сёла, всегда и во все времена духовно-нравственную силу России. Сказано уже об этом, пересказано, но Боже, как же надеялись жители села Московское, что их село-миллионер будет жить, и надежда эта была обоснованной, ибо ложе искусственного Братского водохранилища уже было затоплено, слегка подтопив угодья села, кормившего гидростроителей своей наивысочайшего качества продукцией. Но последующая, Усть-Илимская ГЭС, убила у них последние надежды. Вот и не стало колхоза-миллионера. Поплыли по затопленным чернозёмным землям, дававшим стране каждый год два государственных плана по сдаче зерновых, всплывшие дома, гробы с их предками, чирки из свиной шкуры и многая деревенская утварь, ибо всё с собою сроду не увезёшь. Погибли ценные породы рыбы. Но тетрадка Ивана Михайловича, в которой он записал все фамилии и прозвища своих земляков поимённо и пофамильно – осталась. В ней можно прочесть, кто когда родился, кто когда умер, кто воевал, а кто погиб в Великую Отечественную. Но и этим не ограничился этот удивительный человек: он переписал всех пожилых мужиков, женщин, под-

ростков, заменивших своих отцов. Вот как обозначены у него заголовки: «Девушки, девочки во время войны, работающие на трудовом фронте», «Трудовой фронт подростков, заменивших взрослых, ушедших на войну», «Женщины, работающие в отрыве от дома (без пощады) во время войны», «Многодетные женщины на трудовом фронте во время войны», «Пожилые женщины на трудовом фронте во время войны», «Подростки, окончившие 4 класса, пошли работать в колхоз…»

Снова и снова привожу выдержки из книги Нины Фёдоровны, основанные на воспоминаниях Ивана Михайловича Московских: «Водяная мельница была на реке Шаманке в трёх километрах от села Московского, производительность – 40 кулей муки в сутки (куль — семьдесят килограмм)». «Наше государство – это не только наше правительство, это ещё и народ, народ большой России. Но просьбы, доводы наших колхозников, нашего народа – главной ценности нашего государства – никто не услышал. С мнением людей районное руководство не посчиталось, сломали нас через колено. В августе 1961 года нас насильно затащили в Кобляковский совхоз вместе со всей сельскохозяйственной техникой, (автомобилями, тракторами, катерами). А так же скот (коровы, кони, свиньи, птица), плюс урожай зерновых – всё бесплатно оприходовали в совхоз. Колхозникам оплатили трудодни деньгами, которые оставались на текущем счету колхоза Московский. Одним словом, ограбили народ, выселив его с обжитых, веками облагораживаемых земель, до боли родных мест».

Душевная окалина Ивана Михайловича очень даже объяснима: ведь их кровью и потом заплатившее село Московское было миллионером. Не хотели они расселяться не пойми куда, а предлагали построить новый посёлок. Уже и место подобрали, что явилось бы продолжением села Московское, деньги на счету были немалые. Но руководство решило по-своему и не стало колхоза миллионера, кормившего первостроителей. Крестьян до мозга костей жизнь разбросала кого куда.

Сидя рядом со мной, Иван Михайлович говорил: «Скажи,

зачем уничтожили крестьянина? Сейчас люди потерялись. В деревне всё было дружно и слаженно. Если бы можно было прожить ещё раз, то я бы свою жизнь выбрал. Мы людей кормили и этим были счастливы. Это знаешь, какая радость?! Всё нутро твоё поёт, когда вовремя зерно с полей убрано. Понимаешь, стало быть, что голодным ты не будешь.

А продукты-то какие были? От подсолнечного масла дух такой стоял – это ж сказка чудесная! Ныне мясо варишь, а оно мясом и не пахнет. Ну, кого они хотят обмануть? Молодёжь пиво вместо воды пьёт, ну, да их вина какая?» Вдруг улыбнувшись, Иван Михайлович говорит: «У меня две теплицы, огурцов, помидор много, везу их на рынок, а меня постоянные торгаши тут же ругают: опять, мол, цены на свою продукцию сбросишь… Невдомёк им, что мне долго стоять неохота, восемьдесят седьмой год все жё живу, но главное — не пропадать же добру, куда мне столько, привык я с малолетства людей кормить»…

После чаепития и долгих, таких нужных для наших душ разговоров, сфотографировавшись на память, стали все потихоньку расходиться. Иван Михайлович был нарасхват, ибо сразу несколько земляков предложили довезти его до дома. И это всё выглядело, как дань уважения человеку, без которого книга о селе Московское вряд ли бы и состоялась. Во всяком случае, не была бы так полно выражена.

В заключительной статье «Родине не сбросить тяжесть вод», Нина Фёдоровна приводит слова Л.В. Андреевой (братский историк-краевед Андреева Лилия Викторовна.- Прим. ред.): «В каком воспалённом мозгу возникла эта мысль о перекрытии Ангары плотинами и, тем самым, об её уничтожении? В этой идее явно не хватало любви к земле и к людям, здесь издавна укоренившимся. Когда технари-академики предлагали стереть с лица земли уникальные поселения русских пашенных крестьян с их укладом, обычаями, своей территорией, то ведали ли они, что тем самым подорвут мощь народа, от родной земли-кормилицы идущую? Какую дерзость надо иметь,

чтобы покушаться, угробить красоту, созданную Богом».

Заканчивает Нина Фёдоровна Жмурова свою книгу призывом к потомкам, чтобы помнили о деревне, чтобы душевно не окаменели. И как мудрый врачеватель, напоминает читателям: «Потомки, помните! Беспамятство — это тяжкий грех». Сейчас введена в эксплуатацию Богучанская ГЭС, целенаправленно сквозь годы продолжается уничтожение плодородных земель, сёл, деревень с погостами и церквями. По сути, уже давно идёт уничтожение не только языка, но и всего уклада жизни русского народа. Страшно от того, что это давно никого не удивляет. Вновь и вновь продолжается прощание с Матёрой.

И просто по-человечески не возможно не упомянуть о великой работе, документальном фильме «Река жизни» московского режиссёра Сергея Мирошниченко, где перед затоплением на Богучанской земле великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин, критик Валентин Курбатов, издатель Геннадий Сапронов разговаривали с деревенскими жителями. Но лучше всех слов расскажет обо всём этот праведный фильм. На коленях молю: посмотрите его, пожалуйста, люди! Для этого нужно набрать в интернете такие слова: «Фильм Сергея Мирошниченко «Река Жизни»…

Вернувшись домой, потихоньку пишу эту статью. Конечно, шибко волнуюсь, поэтому прошу прощения за какие-то, может быть, неровности в тексте. От волнения этого написалось одно неумелое стихотворение:

Горсть земли я возьму и заплачу,
Вспомню тех, с кем когда – то я был.
Я из памяти их не утрачу,
От того и бываю уныл.
Горсть земли я возьму и заплачу,
Вся деревня встаёт наяву,
Эти слёзы совсем я не прячу!
Русь святую согбенно зову.
Горсть земли я возьму и заплачу,

Ведь деревня моя под водой.
Отправляюсь я нынче на дачу.
С неохватной, промозглой тоской.
Горсть земли я возьму и заплачу,
О погостах, домах — их уж нет…
Не решить эту злую задачу.
Не окончен, неслышен ответ.
Горсть земли я возьму и заплачу,
Вдруг приснилась деревня моя.
Синеокою сказкой впридачу.
Вспоминается наша скамья.
Горсть земли я возьму, и заплачу,
Потому как земле не чужой,
А расстройство души – на раздачу.
По деревне, до боли родной.

Захожу в интернет, набираю «Братский район, село Московское» и вижу, что кто-то выложил многочисленные фотографии жителей этого села-труженика. Там же и записи, фамилии, взятые, видимо из ставшей уже легендарной тетради Ивана Михайловича Московских. Что ж, это радует, что люди помнят, а стало быть, живут.

Сердобольная ты наша родная Русь, через века пронося-щая с честью и совестью эту самую сердобольность… О, Господи! Слово-то какое – Сердобольная…

Содержание

Об авторе 3
Размышления по поводу точки зрения автора 4
Светлой памяти Валентина Распутина 8
В Вологде открылся музей Василия Ивановича Белова 18
Детскому писателю Михасенко - 80 20

Андрей ВАСИЛЬЕВ (г. Братск)
Эффект бабушки 26

Сергей МАСЛАКОВ
Писатели в СИЗО 30

По деревням с батюшкой Андреем Огородниковым
и поэтом Юрием Розовским 32
На молитвенную память о Егоровне 40
Сказочный остров Варгалик 48
Библиотекарь 48
Папа 49
Шукшин 51
Посёлок-призрак 52
Сохорово Клавдии Огородниковой 54
Будешь Фёдором 65
Троица в Дубынино 73
Кто мне Родину вернёт 80
Берёзкины слёзы 91
Ольга Афанасьевна 94
Ещё не так давно... 98
Женщины русского поля 100
Клавдия Петрова 100
Защитник земли русской 109
Друг резкий 122
Русские причуды 133
С курткой в руках 138
История бетонной цветочницы 142
Мальчик в монашеском одеянии 147
Данилино семя 150
Одинокая лампада деревни 171
Одинокая лампада деревни. Часть вторая 209
Русским духом обручена 223
Знамение 224
В любую стужу... 231
Весёлый был человек 234
Простил 238
Глупая злость 244
Счётчик 248
Втемяшится 252

Евсей и сибиряки 255
Встреча с Львом Дуровым и Борисом Щербаковым 262
Родом из детства..... 268
Истоки творчества Елены Фабричниковой 268
Не понравилась интернетовская лягушка..... 271
Нутро..... 273
Проводное радио..... 274
Спасительный путь к истокам… 275
Воробьишка Эдика..... 277
Собака Веста, кот Пахомыч, черепаха и рыбки 279
Неугомонный Валерка..... 281
Свет Месяц в салазках..... 283
Надутик..... 284
Трепыхашка 286
Братчаночка 291
Деревня Утка 297
Наши памятные песни 299
Бабушка Таня..... 301
Накопитель добра..... 304
День родного языка..... 319
Посёлок Мама 327
Звонок народного артиста 332
Горит лес Иркутской области 336
Егоркина радость 341
Сенная труха..... 343
Лосёнок по имени Пересвет..... 349
Село Московское, печаль кондовая, неизбывная… 354

Анатолий Владимирович Казаков

Одинокая лампада деревни

Дизайн обложки Алексей Хомченко
Технический редактор Марина Хомченко
Корректоры Эмма Зачиняева, Светлана Рудых

Подписано в печать 14.02.2017 г. Формат 62x94 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Тираж 60 экз.
Отпечатано: Типография ООО «Полиграф».
г. Братск, ул. Южная, 8, стр.3.
Тел.: 8 (395 3) 41-00-04. E-mail: ps@bratsk.ru